



## Annotation

Джозеф О'Лафлин – преуспевающий психиатр, лучший специалист по опасным фобиям. Он не может отказать, когда мрачный инспектор Руиз просит его осмотреть только что найденный полицией труп девушки. Основная версия – нападение маньяка, на теле жертвы обнаружено более двадцати ножевых ранений, но О'Лафлин понимает, что большую часть ран, включая смертельную, девушка нанесла себе сама. Он узнает в жертве свою бывшую пациентку и... становится главным подозреваемым по делу об убийстве – кто-то подбрасывает полиции улики, свидетельствующие о его виновности.

Действие разворачивается на улицах величественного Лондона и пасмурного Ливерпуля, где каждый мелькнувший в тумане незнакомец может оказаться убийцей или следующей жертвой. Инспектор полиции, коллега на работе, обаятельный пациент – под какой маской скрывается враг? Кто он – маньяк-безумец или хладнокровный преступник, манипулирующий сознанием своих жертв и заставляющий их совершать мучительные самоубийства?

Психиатр начинает смертельно опасное расследование.

Умный, изобретательный и по-настоящему страшный роман, не уступающий таким бестселлерам, как «Я убиваю» Джорджио Фалетти и «Психиатр» Майкла Фишера.

Книга уже переведена на 15 языков, компания BBC готовит экранизацию.

- 
- [Майкл Роботэм](#)
    - 
    - [Благодарности](#)
    - [Книга первая](#)
      - [1](#)
      - [2](#)
      - [3](#)
      - [4](#)
      - [5](#)
      - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)

○ [Книга вторая](#)

- 
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

○ [Книга третья](#)

- 
- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)

- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)

- [Эпилог](#)

- [notes](#)

- [1](#)
  - [2](#)
  - [3](#)
  - [4](#)
  - [5](#)
  - [6](#)
  - [7](#)
-

# **Майкл Роботэм**

## **Подозреваемый**

*Четырем женщинам в моей жизни Бивизн,  
Александре, Шарлотте, Изабелле посвящается*

## **Благодарности**

Я признателен Марку Лукасу и всем сотрудникам агентства «LAW» за советы, мудрость и здравомыслие. Я благодарен Урсуле Маккензи и тем, кто принял вместе с ней участие в этой аванюре, прежде всего за их веру.

Я хочу сказать отдельное спасибо за гостеприимство и дружбу Элспету Ризу, Джонатану Марголису и Мартину Форрестеру – троим из множества друзей и знакомых, которые отвечали на мои вопросы, внимали моим рассказам и путешествовали вместе со мной.

Наконец, я благодарю за любовь и поддержку Вивизэн, которая, как и я, проводила бессонные ночи с моими персонажами. Менее преданная женщина на ее месте уходила бы спать в комнату для гостей.

## Книга первая

*«Я это сделал», – говорит моя память. «Я не мог этого сделать», – говорит моя гордость и остается непреклонной. В конце концов память уступает.*

*Фридрих Ницше. По ту сторону добра и зла<sup>[1]</sup>.*

Если стоять на высокой, крытой шифером крыше больницы Ройал-Марсден и смотреть сквозь ряды труб и телевизионных антенн, то видишь только другие трубы и телевизионные антенны. Это напоминает сцену из «Мери Поппинс», в которой все трубочисты пускаются в пляс на коньках крыш, размахивая своими щетками.

Отсюда я вижу купол Ройал-Альберт-холла. В ясную погоду я смог бы, наверное, разглядеть Хэмпстед-Хит, хотя сомневаюсь, что в Лондоне бывает такая ясная погода.

– Неплохой вид, – говорю я, переводя глаза вправо – на подростка, съездившегося на расстоянии примерно десяти футов. Его зовут Малкольм, и сегодня ему исполняется семнадцать. Он высокий и худой, с темными, нервно мигающими глазами, и его кожа бела глянцево-белозной бумаги. На нем пижама и шерстяная шапка, прикрывающая лысину. Химиотерапия – жестокий парикмахер.

На улице плюс три, но из-за холодного ветра кажется, что морозит. Мои пальцы уже ооченели, и даже в носках и ботинках я едва чувствую пальцы ног. Малкольм же стоит босиком.

Я не смогу поймать его, если он прыгнет или упадет. До него останется еще шесть футов, даже если я вытянусь вдоль желоба. Он это понимает. Он учел угол наклона. По словам онколога, у Малкольма исключительно высокий коэффициент интеллекта. Он играет на скрипке и знает пять языков, ни на одном из которых не станет со мной разговаривать.

Весь этот час я задаю ему вопросы и рассказываю истории. Я знаю, что он слышит меня, но мой голос для него – всего лишь неопределенный внешний шум. Он сосредоточился на собственном внутреннем диалоге, решая, следует ли ему жить или умереть. Я хочу присоединиться к этой дискуссии, но для этого мне необходимо приглашение.

Национальная служба здравоохранения выпустила целую груду руководств по поведению при захвате заложников или попытке самоубийства. Созвана бригада экстренной помощи, состоящая из старших медиков, полицейских и психолога – меня. Первостепенная

задача – узнать о Малкольме как можно больше и постараться выяснить, почему он решился на этот поступок. Сейчас опрашивают врачей, медсестер, пациентов, а также его друзей и родственников.

Человек, ведущий переговоры, – главный в команде. Все данные стекаются к нему. Вот почему я стою и мерзну здесь, пока все остальные пьют кофе в тепле, беседуют с сотрудниками и изучают папки с документами.

Что я знаю о Малкольме? В правой задней части височного отдела мозга у него опухоль, находящаяся в опасной близости от ствола. Из-за этой опухоли левая сторона тела почти парализована и он оглох на одно ухо. Идет вторая неделя его повторного курса химиотерапии.

Сегодня утром его навестили родители. Онколог сообщил хорошие новости. Кажется, опухоль Малкольма уменьшилась. Через два часа Малкольм написал на листке бумаги два слова: «Простите меня». Он выбрался из комнаты и выполз на крышу через окно мансарды на пятом этаже. Должно быть, кто-то оставил окно незапертым или же он умудрился его открыть.

Вот и все – все мои знания о подростке, который может рассказать больше, чем любой из его сверстников. Я не знаю, есть ли у него девушка, или любимая футбольная команда, или киногерой. Я больше знаю о его болезни, чем о нем. Вот почему я стараюсь изо всех сил.

Меня стесняет пояс безопасности под свитером. Он напоминает хитрое приспособление, которое родители надевают на детей, только начинающих ходить, чтобы они не убежали. В моем же случае предполагается, что пояс спасет меня при падении, если, конечно, там, внутри, не забыли закрепить другой конец. Звучит смешно, но именно такие мелочи обычно забываются в кризисных ситуациях. Может, стоит вернуться к окну и попросить проверить. Это будет непрофессионально? Да. Разумно? Опять-таки.

Крыша покрыта голубиным пометом, а ее скаты заросли мхом и лишайником. Очертания наростов напоминают окаменевшие растения, но на самом деле они скользкие и опасные.

– Возможно, это не важно, Малкольм, но, мне кажется, я немного понимаю, что ты чувствуешь, – говорю я, снова пытаюсь достучаться до него. – Я тоже болен. Я не говорю, что у меня рак. Нет. И

сравнивать наши болезни – все равно что сравнивать яблоки с апельсинами, но ведь мы все же говорим о фруктах, так?

Наушник в моем правом ухе начинает трещать. «Бога ради, что ты делаешь? – доносится до меня. – Перестань говорить о фруктовом салате и затащи его внутрь!»

Я вытаскиваю наушник. Теперь он висит у меня на плече.

– Ты ведь знаешь, люди всегда говорят: «Все будет хорошо. Все обойдется». Они говорят так, потому что больше ничего не могут придумать. Я тоже не знаю, что сказать, Малкольм. Я даже не знаю, что спросить. Люди в большинстве своем не представляют, как перенести чужую болезнь. К сожалению, еще не создали правил хорошего тона или списка рекомендаций и запретов. Вот тебя и встречают либо глазами, полными слез, словно говорящими: «Я не могу этого перенести и поэтому сейчас расплачусь», либо натянутыми шутками и притворно оживленными беседами. В иных случаях тебя полностью игнорируют.

Малкольм не отвечает. Он смотрит на крыши так, словно выглядывает из маленького окошечка башни, поднявшейся высоко в сером небе. Его пижама сшита из тонкого белого материала, простроченного синими нитками на манжетах и воротнике.

Глядя вниз между колен, я вижу три пожарные машины, две кареты «скорой помощи» и полдюжины полицейских. На крыше одной из пожарных машин лестница. Я ее раньше не замечал, но теперь наблюдаю, как она медленно разворачивается и начинает скользить вверх. Зачем они это делают? В это время Малкольм отталкивается спиной от ската крыши и приподнимается. Он сидит на корточках на самом краю, зацепившись пальцами ног за водосточный желоб, как птица на ветке.

Я слышу чей-то крик и не сразу понимаю, что это кричу я. Я ору изо всех сил. Я дико размахиваю руками, чтобы они убрали лестницу. Это я похож на самоубийцу, а Малкольм абсолютно спокоен.

Я нащупываю наушник и слышу, какой ад творится внутри. Бригада экстренной помощи вопит на начальника пожарных, который вопит на своего заместителя, который вопит еще на кого-то.

– Не делай этого, Малкольм! Подожди! – В моем голосе сквозит отчаяние. – Смотри на лестницу. Ее убирают! Видишь? Ее убирают.

Кровь стучит у меня в висках. Он все еще сидит на краю, сжимая и разжимая пальцы. Сбоку я вижу, как медленно поднимаются и опускаются его темные длинные ресницы. Сердце бьется, как у птички, в узкой груди.

– Видишь внизу того пожарного в красном шлеме? – говорю я, пытаюсь проникнуть в его мысли. – Того с медными пуговицами на плечах? Как ты думаешь, каковы мои шансы доплюнуть отсюда до его шлема?

Мгновение Малкольм смотрит вниз. В первый раз он отреагировал на мои слова. Дверь слегка приоткрылась.

– Некоторые любят плевать арбузными семечками или косточками от вишен. В Африке плюются навозом – ужасно противно. Я где-то читал, что мировой рекорд по плевкам навозом куду – около тридцати футов. Думаю, что куду – это что-то вроде антилопы, но не ручаюсь. Я предпочитаю старую добрую слюну, и дело тут не в дальности, а в точности.

Теперь он смотрит на меня. Качнув головой, я посылаю белый пенящийся шарик вниз. Ветер подхватывает его и относит вправо, разбивая о лобовое стекло полицейской машины. В молчании я оцениваю плевков, пытаюсь понять, почему промахнулся.

– Вы не учли ветер, – говорит Малкольм.

Я глубокомысленно киваю, словно не слыша его, но внутри у меня, там, где еще не все замерзло, разливается теплый свет.

– Ты прав. Эти здания образуют что-то вроде туннеля для ветра.

– Не ищите оправданий.

– А ты даже не пытался.

Парень смотрит вниз, обдумывая положение. Он обхватил свои колени, словно пытаюсь согреться. Это хороший знак.

Через секунду плевков вылетает из его рта и падает вниз. Вместе мы наблюдаем за его полетом, почти желая, чтобы он не отклонялся. Он попадает прямо между глаз телерепортера, и мы с Малкольмом в едином порыве стонем от радости.

Следующий мой плевков безобидно приземляется на ступеньку. Малкольм спрашивает, можно ли сменить цель. Он снова хочет попасть в телевизионщика.

– Жаль, что у нас нет водяных бомб, – говорит он, упираясь подбородком в колено.

– Если бы ты мог облить водой любого человека в мире, кого бы ты выбрал?

– Родителей.

– Почему?

– Я больше не хочу химии. С меня довольно. – Он не вдаётся в подробности. Это и ни к чему. Не много существует процедур с худшими побочными эффектами, чем химиотерапия. Тошнота, рвота, запоры, анемия и упадок сил доведут кого угодно.

– А что говорит онколог?

– Говорит, что опухоль уменьшается.

– Это хорошо.

Он сухо смеется:

– Они говорили это и в прошлый раз. А на самом деле они просто гоняются за раком по всему моему телу. Он не уходит. Всегда находит, где спрятаться. Никто никогда не говорит о выздоровлении, только о ремиссии. Иногда со мной вообще не говорят. Шепчутся с родителями. – Он прикусывает нижнюю губу, и на ней появляется красная отметина – кровь приливает к месту укуса. – Папа и мама думают, что я боюсь смерти, но я не боюсь. Посмотрели бы они на некоторых здешних ребяташек. Я-то хоть немного пожил. Конечно, неплохо бы получить еще пятьдесят лет, но, говорю вам, я не боюсь.

– Сколько еще осталось сеансов?

– Шесть. Потом надо будет подождать и посмотреть. Мне не жаль волос. Многие футболисты бреются наголо. Поглядите на Дэвида Бэкхема, он чумовой игрок. Если у тебя нет бровей, в этом что-то есть.

– Я слышал, что Бэкхему их выщипывают.

– Кто, Пош?

– Ну да.

Это почти вызывает улыбку. В наступившей тишине я слышу, как стучат зубы Малкольма.

– Если химия не сработает, родители хотят попросить врачей назначить новый курс. Они не оставят меня в покое.

– Ты уже достаточно взрослый, чтобы решать самому.

– Скажите это им.

– Скажу, если хочешь.

Он качает головой, и я вижу, как на его глаза наворачиваются слезы. Он пытается сдержать их, но они просачиваются сквозь густые

длинные ресницы, и он вытирает их рукой.

– У тебя есть с кем поговорить?

– Мне нравится одна медсестра. Она хорошо ко мне относится.

– Она твоя подруга?

Он краснеет. Из-за бледности кажется, что лицо его наливается кровью.

– Почему бы тебе не войти – мы бы еще поговорили? Если я не попою чего-нибудь, я больше не смогу плюнуть.

Он не отвечает, и я вижу, как опускаются его плечи. Он снова прислушивается к своему внутреннему диалогу.

– У меня есть дочь, ее зовут Чарли, ей восемь лет, – говорю я, пытаюсь его удержать. – Помню, когда ей было четыре, мы гуляли в парке и я катал ее на качелях. Тогда она мне сказала: «Папа, знаешь, если закрыть глаза крепко-крепко, так что появятся белые звездочки, то, когда откроешь их, увидишь совсем новый мир». Хорошая мысль, а?

– Но это неправда.

– Почему нет?

– Только если притворишься.

– А почему бы не притвориться? Что тебе мешает? Люди думают, что легко быть циничным пессимистом, но это ужасно тяжелый труд. Надеяться гораздо легче.

– У меня неоперабельная опухоль в мозгу, – говорит он с недоверием.

– Да, я знаю.

Интересно, кажутся ли Малкольму мои слова такими же пустыми, как мне. Когда-то я во все это верил. Много может измениться за десять дней.

Малкольм прерывает мои мысли:

– Вы врач?

– Психолог.

– Тогда скажите, почему я должен уйти отсюда?

– Потому что здесь холодно и опасно и я видел, на что похожи люди, упавшие с крыши. Пойдем внутрь. Давай согреемся.

Он смотрит вниз, на процессию машин «скорой помощи», пожарных, полицейских и телевизионных автобусов.

– Я выиграл соревнование по плевкам.

- Да, выиграл.
- Вы поговорите с мамой и папой?
- Конечно.

Он пытается встать, но его ноги замерзли и затекли. Из-за паралича левая рука почти бессильна. Чтобы подняться, ему нужны две руки.

– Оставайся там. Я попрошу, чтобы они подняли лестницу.

– Нет! – резко говорит мальчик. Я вижу выражение его лица. Он не хочет спускаться вниз – к свету телепроекторов и вопросам репортеров.

– Хорошо. Я подойду к тебе. – Я удивлен тому, как храбро это звучит. Начинаю скользить вниз на зад, потому что боюсь встать. Я не забыл о ремне безопасности, просто уверен, что никто не озаботился тем, чтобы его закрепить.

Пока я продвигаюсь вдоль желоба, голова моя наполняется картинками того, что может произойти. Если бы это был голливудский фильм, Малкольм соскользнул бы в последний момент, а я прыгнул бы и поймал его в воздухе. Или я упал бы, а он бы меня спас.

С другой стороны, поскольку это реальная жизнь – мы можем оба погибнуть или же Малкольм останется жив, а я окажусь бравым спасателем, нырнувшим навстречу своей смерти.

Хотя Малкольм не двигается, я вижу новое выражение в его глазах. Несколько минут назад он был готов шагнуть с крыши без малейшего колебания. Теперь он хочет жить, и пространство под его ногами превратилось в бездну.

Американский философ Уильям Джеймс (страдавший клаустрофобией) в 1884 году опубликовал статью, посвященную природе страха, где, в частности, задавался вопросом: человек, неожиданно столкнувшийся с медведем, пустится наутек, потому что испугается, или же почувствует страх уже после того, как побежит? Другими словами, есть ли у человека время понять, что его что-то пугает, или реакция предшествует мысли?

С того времени ученые и психологи имеют дело с проблемой курицы и яйца. Что наступает раньше: осознание опасности или учащенное сердцебиение и выброс адреналина, которые побуждают нас сражаться или спасаться бегством?

Теперь я знаю ответ, но так напуган, что забыл вопрос.

Всего несколько футов отделяют меня от Малкольма. Его щеки посинели, и он даже перестал дрожать. Прижавшись спиной к стене, я выставляю вперед ногу и с трудом поднимаюсь.

Мгновение Малкольм смотрит на мою протянутую руку, а затем медленно подается ко мне. Я ловлю его запястье и тяну кверху, пока не обхватываю тонкую талию. Его кожа холодна, как лед.

Расстегнув переднюю часть пояса безопасности, я удлиняю постромки, обматываю их вокруг живота Малкольма, продеваю обратно в пряжку, и вот мы связаны вместе. Его шерстяная шапочка трется о мою щеку.

– Что мне теперь делать? – спрашивает он треснувшим голосом.

– Можешь помолиться, чтобы другой конец оказался к чему-нибудь примотан.

Возможно, я подвергался меньшей опасности на крыше с Малкольмом, чем дома с Джулианой. Я не запомнил точно, как именно она меня назвала, но, кажется, припоминаю, что были произнесены такие слова, как «безответственный», «неосмотрительный», «безрассудный», «незрелый» и «негодный отец». Это уже после того, как она ударила меня номером «Мери Клер» и потребовала обещания никогда больше не делать подобных глупостей.

Чарли в свою очередь не оставляет меня в покое. Она все прыгает на постели в своей пижаме, засыпая меня вопросами о том, на какой высоте все происходило, боялся ли я и была ли у пожарных большая сеть, чтобы меня поймать.

– По крайней мере, будет что порассказать, – говорит она, ущипнув меня за руку. Я рад, что Джулиана ее не слышит.

Каждое утро, выбравшись из постели, я выполняю небольшой ритуал. Просто нагнувшись зашнуровать ботинки, я отлично понимаю, какой день меня ожидает. Если это начало недели и я отдохнул, мне потребуются небольшие усилия, чтобы призвать к сотрудничеству пальцы левой руки. Пуговицы влезут в петли, ремень – в пряжку, и я даже смогу завязать галстук. Но в неудачные дни, такие как сегодня, совсем другая история. Человеку, которого я вижу в зеркале, понадобятся обе руки, чтобы побриться, и он спустится к завтраку с кусочками туалетной бумаги, приклеенными к щекам и подбородку. В такие дни Джулиана говорит мне:

- У тебя же в ванной лежит новехонькая электробритва.
- Я не люблю электробритвы.
- Почему?
- Потому что люблю пену.
- И что же может так нравиться в пене?
- Это слово чудесно звучит, ты не находишь? Очень сексуально – *пена*. Очень декадентски.

Она уже хихикает, но пытается сохранить недовольный вид.

– Люди покрывают свои тела пеной, используя мыло и гели для душа. Я думаю, следовало бы мазать наши тосты пеной из джема и

сливок. И, словно пену, мы наносим на себя лосьон для загара летом... если оно наступает.

– Ты сумасшедший, папочка, – говорит Чарли, отрывая взгляд от своих хлопьев.

– Спасибо, голубка.

– Гениальный комик, – говорит Джулиана, отклеивая бумагу от моего лица.

Садясь за стол, я кладу ложку сахара в кофе и начинаю его размешивать. Джулиана наблюдает за мной. Ложка застревает у меня в чашке. Я сосредоточиваюсь и приказываю левой руке шевелиться, но никакой силы воли недостаточно, чтобы сдвинуть ее с места. Я плавно перекидываю ложку в правую руку.

– Когда ты встречаешься с Джоком? – спрашивает она.

– В пятницу.

*Пожалуйста, не спрашивай больше ни о чем!*

– Он уже получит результаты анализов?

– Он скажет мне то, что мы уже знаем.

– Но я думала...

– Он не сказал! – Мне неприятна резкость моего голоса.

Джулиана даже не моргнула глазом:

– Ну вот, теперь ты злишься из-за меня. Лучше бы оставался сумасшедшим.

– Я и есть сумасшедший. Все это знают.

Я вижу ее насквозь. Она думает, что я изображаю из себя мачо, пытаюсь скрыть свои чувства или напустить на себя оптимистический вид, хотя на самом деле разваливаюсь на части. Моя мама точно такая же – настоящий психолог-самоучка. Почему они не предоставят право ошибаться профессионалам?

Джулиана повернулась спиной. Она крошит зачерствевший хлеб, чтобы высыпать его за окно птицам. Сострадание – ее хобби.

В своем сером спортивном костюме, кроссовках и бейсболке на стриженных темных волосах, она выглядит на двадцать семь, а не на тридцать семь. Вместо того, чтобы почтенно стареть вместе со мной, она открыла секрет вечной юности, в то время как я уже встаю с дивана со второй попытки. Йога по понедельникам, по вторникам – пилатес, по четвергам и субботам пробежки. В перерывах она ведет хозяйство, воспитывает ребенка, дает уроки испанского и все еще

находит время на попытки спасти мир. Ей даже роды дались легко, хотя я, конечно, ей об этом не скажу, если только не решу погибнуть.

Мы женаты шестнадцать лет, и, когда люди спрашивают меня, почему я стал психологом, я говорю: «Из-за Джулианы. Я хотел узнать, о чем она думает на самом деле».

Не сработало. Я до сих пор понятия об этом не имею.

Субботнее утро. Это время обычно принадлежит мне. Я зарываюсь в четыре газеты и пью кофе, пока на языке не появляется налет. После того, что случилось вчера, я стараюсь не обращать внимания на заголовки, хотя Чарли настаивает на том, чтобы мы вырезали их и наклеили в альбом. Все-таки круто разок побыть крутым. До вчерашнего дня она считала, что моя работа скучнее крикета.

Чарли облачилась в теплое белье, джинсы и лыжную куртку, потому что я пообещал сегодня взять ее с собой. В один присест проглотив завтрак, она с нетерпением смотрит на меня, полагая, что я пью кофе слишком медленно.

Когда наступает время собираться, мы выносим картонные коробки из сарая в сад и ставим их рядом с моим старым «метро». Джулиана сидит на крыльце с чашкой кофе на коленях.

– Вы оба сумасшедшие, вы это знаете?

– Возможно.

– Вас арестуют.

– И ты будешь виновата.

– Почему я?

– Потому что не едешь с нами. Нам нужен водитель, чтобы скрыться.

В разговор вступает Чарли:

– Поехали, мам. Папа сказал, что раньше ты ездила.

– Тогда я была молодой, глупой и не входила еще в родительский комитет твоей школы.

– Можешь вообразить, Чарли, что на моем втором свидании с твоей мамой ее арестовали за то, что она взобралась на флагшток и сорвала флаг Южной Африки?

Джулиана хмурится:

– Не говори ей этого.

- Тебя правда арестовали?
- Меня задержали. Это совсем другое.

Четыре коробки стоят на крыше машины, две в багажнике и две на заднем сиденье. Мелкие капельки пота, словно бисер, украшают верхнюю губу Чарли. Она стягивает лыжную куртку и засовывает ее между сиденьями.

Я снова поворачиваюсь к Джулиане:

- Ты точно не поедешь? Я знаю, тебе хочется.
- А кто внесет за нас залог?
- Твоя мама.

Ее глаза сужаются, но она ставит чашку за порог.

- Я делаю это по принуждению.
- Ваше заявление будет учтено.

Она протягивает руку за ключами от машины:

- И я поведу сама.

Джулиана хватает куртку с вешалки в прихожей и захлопывает дверь. Чарли втискивается на заднее сиденье рядом с коробками и в возбуждении подается вперед.

– Расскажи мне еще раз, – просит она, когда мы выезжаем на не очень оживленную Принс-Альберт-роуд, идущую вдоль Риджентс-парка. – И ничего не пропускай, хоть здесь и мама.

Я не могу рассказать ей всю историю. Я и сам не уверен в деталях. В центре ее моя двоюродная бабушка Грейси – истинная причина, по которой я стал психологом. Она была младшей сестрой моей бабушки со стороны матери и умерла в возрасте восьмидесяти лет, из которых последние шестьдесят не выходила за порог своего дома.

Она жила примерно в миле от того места, где я рос, в Западном Лондоне, в огромном викторианском особняке с башенками на крыше, металлическими балконами и угольным подвалом. Во входной двери были проделаны два прямоугольных окошечка. Прижимаясь носом к зеркальному стеклу, я видел с десятков дробящихся образов тети Грейси, спешившей по холлу на мой стук. Она приоткрывала дверь ровно настолько, чтобы я мог в нее протиснуться, и затем быстро захлопывала.

Высокая и худая как скелет, с ясными голубыми глазами и светлыми волосами, в которых виднелись седые прядки, она всегда была в длинном платье из черного бархата и с ниткой жемчуга, который, казалось, светился на фоне черной ткани.

– Финнеган, иди сюда. Сюда! Пришел Джозеф!

Финнеган был терьером и был нем. Он повредил голосовые связки в схватке с соседской восточноевропейской овчаркой. Вместо лая он надувался и пыхтел, как будто хотел получить роль серого волка в пантомиме.

Грейси разговаривала с Финнеганом, словно тот был человеком. Она читала ему статьи из местной газеты или спрашивала его мнение о соседских делах. Кивала в знак согласия, когда он откликался пыхтением, сопением или пуканьем. У Финнегана даже было свое место за столом, и Грейси протягивала ему кусочки пирога, одновременно выговаривая себе за то, что «кормит животное с рук».

Когда Грейси разливала чай, мой она наполовину разводила молоком, потому что я был слишком мал, чтобы пить крепкий. Сидя за обеденным столом, я с трудом доставал ногами до пола. Если я отодвигался, мои ноги торчали из-под белой кружевной скатерти.

Годы спустя, когда я уже доставал ногами до пола и наклонялся, чтобы поцеловать Грейси в щеку, она продолжала наполовину разбавлять молоком мой чай. Может быть, она не хотела, чтобы я вырастал.

Если я приходил к ней прямо из школы, она усаживала меня рядом с собой на шезлонг, сжимая мою руку. Она хотела знать все о том, как прошел день. Что я выучил на уроках. В какие игры играл. С чем ел бутерброды. Она впитывала все детали, словно воображая каждый мой шаг.

У Грейси был классический случай агорафобии – боязни открытого пространства. Однажды она попыталась объяснить мне это, устав от моих расспросов.

– Ты боялся темноты? – спросила она.

– Да.

– Что, ты думал, произойдет, если выключить свет?

– На меня нападет чудовище.

– Ты когда-нибудь видел это чудовище?

– Нет. Мама говорит, что чудовищ не бывает.

– Она права. Не бывает. Так откуда же ему взяться?

– Отсюда. – Я похлопал себя по лбу.

– Точно. И у меня есть чудовище. Я знаю, что его не существует, но оно не уходит.

– Как оно выглядит?

– Десять футов ростом, вооружено мечом. Если я выйду из дома, оно отрубит мне голову.

– Ты это придумала?

Она засмеялась и хотела меня пощекотать, но я оттолкнул ее руку. Я ждал честного ответа.

Устав от этого разговора, она прикрыла глаза и поправила несколько прядок, выбившихся из аккуратного пучка на ее голове.

– Ты когда-нибудь смотрел фильмы ужасов, в которых герой пытается убежать, а машина никак не заводится? Он все поворачивает ключ и нажимает на педаль, но мотор кашляет и глохнет. А злодей уже приближается. У него нож или пистолет. И ты повторяешь про себя: «Быстрее уходи отсюда! Уходи! Он приближается!»

Я кивнул, глядя на нее во все глаза.

– Так вот, представь себе этот страх, – сказала она, – умножь его на сто, и ты поймешь, что я чувствую, когда думаю о том, чтобы выйти на улицу.

Она встала и вышла из комнаты. Беседа закончилась. Больше я не поднимал эту тему. Не хотел ее огорчать.

Я не знаю, как она жила. Время от времени юридическая фирма присылала ей чеки, но она складывала их на камин и смотрела на них каждый день, пока не истекал их срок. Полагаю, это была часть ее наследства, но она не хотела иметь дела с деньгами семьи. Тогда я еще не знал причины этого.

Она работала портнихой – шила свадебные платья и одежду для подружек невест. Я часто заставлял гостиную увешанной шелком и органзой, будущая невеста стояла на табуретке, а Грейси – рядом, с полным ртом булавок. Тогда комната была неподходящим местом для мальчика – если только он не собирался предложить свой фасон платья.

В комнатах наверху хранились, по выражению Грейси, ее «экспонаты». Под этим она подразумевала книги, журналы мод, рулоны ткани, мотки хлопка, шляпные коробки, тюки шерсти, альбомы

с фотографиями, мягкие игрушки и настоящий клад неисследованных коробок и сундуков.

Большинство этих «экспонатов» доставлялось по почте. На кофейном столике всегда лежали открытые каталоги, и каждый день почтальон приносил что-то новое.

Неудивительно, что представление о мире у Грейси было довольно ограниченным. Телевизионные новости и аналитические передачи преувеличивали враждебность и боль, царившие в нем. Она видела, как сражаются люди, как уничтожается природа, падают бомбы и голодают страны. Все это не было причиной бегства Грейси от мира, но и не побуждало ее возвращаться.

– Мне страшно, когда я вижу, какой ты маленький, – говорила она мне. – Сейчас неподходящее время быть ребенком. – Она выглядывала из окна в нише и вздрагивала, словно видела, какая страшная участь меня ожидает. А я видел только разросшийся неухоженный сад и белых бабочек, порхавших среди гнилых ветвей яблонь.

– Разве тебе никогда не хочется выйти? – спрашивал я ее. – Не хочется посмотреть на звезды или погулять по берегу реки и полюбоваться садом?

– Я давно перестала об этом думать.

– А о чем ты больше всего скучаешь?

– Ни о чем.

– Но что-то ведь должно быть.

Она на мгновение задумалась.

– Раньше я любила осень, когда листья начинают опадать. Мы ездили в Кью-гарденз, и я бегала по аллеям, подбрасывая и ловя листья. Свернутые листья скользили из стороны в сторону, словно миниатюрные лодочки, пока не опускались мне на ладони.

– Я мог бы завязать тебе глаза, – предложил я.

– Нет.

– А что если ты наденешь на голову коробку? Ты сможешь притвориться, что ты в доме.

– Не думаю.

– Может, мне дождаться, пока ты уснешь, и вытащить из дома твою кровать?

– Вниз по лестнице?

– М-да. Рискованно.

Она обняла меня за плечи:

– Не волнуйся за меня. Я вполне счастлива здесь.

С тех пор у нас появилось постоянное развлечение. Я предлагал все новые и новые способы вывести ее из дома с помощью различных приспособлений, вроде того чтобы приделать ей крылья или спустить по канату. Грейси слушала с притворным ужасом и говорила, что я и есть настоящий сумасшедший.

– И что же ее день рождения? – нетерпеливо спрашивает Чарли. Мы как раз пересекаем Сент-Джон-вуд, только что миновав поле для крикета. Огни проезжающих машин ярко вспыхивают на фоне бесцветных стен домов.

– Я думал, ты хотела услышать всю историю.

– Да, но ведь так можно и состариться.

Джулиана начинает хихикать:

– Этот сарказм у нее от тебя, ты знаешь?

– Хорошо, – вздыхаю я. – Расскажу тебе о дне рождения Грейси. Она всегда скрывала свой возраст, но я знал, что в тот год ей исполняется семьдесят пять, потому что обнаружил кое-какие даты, просматривая ее семейный альбом.

– Ты говорил, она была красавицей, – замечает Чарли.

– Да. Это нелегко понять, глядя на старые фотографии, потому что на них никто не улыбается, а женщины выглядят просто испуганными. Но Грейси была другой. Ее глаза блестели и смотрели так, словно она вот-вот рассмеется. И еще она всегда затягивала пояс потуже и вставала, чтобы солнце просвечивало сквозь ее юбку.

– Она была кокеткой, – говорит Джулиана.

– Что значит «кокетка»? – спрашивает Чарли.

– Не важно.

Чарли хмурится и обхватывает колени, пристраивая на них голову.

– Очень трудно было подготовить сюрприз для Грейси, ведь она никогда не уходила из дома, – объясняю я. – Мне приходилось делать все, пока она спала...

– Сколько тебе было?

– Шестнадцать. Я еще учился в Чартерхаусе.

Чарли кивает и принимается закалывать волосы высоко на макушке. Она выглядит точь-в-точь как Джулиана.

– Грейси не пользовалась гаражом. Машина была ей не нужна. В гараже были большие деревянные двери, открывавшиеся наружу, а внутренние двери вели в прачечную. Первым делом я там прибрался, вытащил мусор и помыл стены.

– Тебе нельзя было шуметь.

– Точно.

– И ты развесил китайские фонарики?

– Несколько сотен. Они мерцали, как звезды.

– А затем ты раздобыл большой мешок.

– Да-да. Мне понадобилось четыре дня. Я ездил на велосипеде с большим мешком за плечами. Люди, наверное, думали, что я уборщик или смотритель парка.

– Может, они думали, что ты сумасшедший.

– Вероятно.

– Такой же сумасшедший, как и мы?

– Ага. – Я украдкой бросаю взгляд на Джулиану, но она воздерживается от колкостей.

– А что было дальше? – спрашивает Чарли.

– Ну, утром в свой день рождения Грейси спустилась вниз, и я попросил ее закрыть глаза. Она взяла меня за руку, и я повел ее через кухню в прачечную, а потом в гараж. Когда она открыла дверь, целая лавина листьев взметнулась в воздух и закружилась вокруг нее. Я сказал: «С днем рождения!» Надо было видеть ее лицо. Она посмотрела на листья, потом на меня. На мгновение я подумал, что она рассердилась, но она улыбнулась мне такой чудесной улыбкой!

– А я знаю, что произошло потом, – говорит Чарли.

– Да. Я тебе уже рассказывал.

– Она бросилась в листья.

– Ага. Мы оба. Мы подбрасывали их в воздух коленками. Мы кидались листьями друг в друга и сгребали их в горы. В конце концов мы так выбились из сил, что рухнули на кипу листьев и лежали рядом, глядя на звезды.

– Но ведь это были не настоящие звезды?

– Да, но мы притворились.

Вход на кладбище Кенсал-грин находится на улице Харроу-роуд, и его легко не заметить. Джулиана ведет машину по узкому проезду и паркует машину среди деревьев, как можно дальше от дома сторожа.

Глядя сквозь лобовое стекло, я вижу аккуратные ряды могил, дорожки и клумбы.

– Это противозаконно? – шепотом спрашивает Чарли.

– Да, – отвечает Джулиана.

– Не совсем, – поправляю я, принимаясь вытаскивать коробки и передавать их Чарли.

– Я могу понести две, – объявляет она.

– Хорошо, я возьму три, а потом вернемся за остальными. Если, конечно, мама не хочет...

– Мне и здесь хорошо. – Джулиана даже не двинулась со своего водительского кресла.

Мы пускаемся в путь, поначалу держась близ деревьев. Длинные пальцы лужаек вытянулись между могил. Я шагаю осторожно, боясь наступить на цветы или споткнуться о могильную плиту. Звуки с Харроу-роуд постепенно затихают и сменяются пением птиц и гулом периодически проходящих мимо поездов городской железной дороги.

– Ты знаешь, куда идти? – слышится сзади голос Чарли, которая слегка запыхалась.

– Туда, к каналу. Хочешь отдохнуть?

– Все в порядке. – В ее голосе появляется нотка сомнения. – Папа?

– Что?

– Помнишь, ты рассказывал, как Грейси любила подкидывать ногами листья?

– Да.

– Раз она умерла, она ведь не сможет подкинуть эти, правда?

– Правда.

– Я хочу сказать, она ведь не может снова ожить. Мертвые не оживают, ведь так? Потому что я смотрела страшные мультики о зомби и мумиях, которые оживали, но ведь взаправду такого не бывает?

– Не бывает.

– А Грейси сейчас на небесах? Она ушла туда, да?

– Да.

– Так зачем же нам эти листья?

В таких случаях я обычно отправляю Чарли к Джулиане. А она посылает ее ко мне со словами: «Твой отец психолог. Он лучше знает такие вещи».

Чарли ждет ответа.

– То, что мы делаем, символично, – говорю я.

– Что это значит?

– Ты слышала, как люди говорят: «Дорого внимание»?

– Ты всегда говоришь мне это, когда я получаю в подарок то, что мне не нравится. Ты говоришь, что я должна быть благодарна, даже если подарок – дрянь.

– Я не совсем это имею в виду. – Я пытаюсь зайти с другой стороны. – Тетя Грейси не сможет по-настоящему подбросить вверх эти листья. Но где бы она ни была, если она смотрит на нас, я уверен, она рассмеется. И она оценит то, что мы для нее делаем. Вот что дорого.

– Она будет подбрасывать листья на небесах? – добавляет Чарли.

– Совершенно верно.

– Как ты думаешь, ей придется выходить из рая или листья принесут прямо туда?

– Не знаю.

Я ставлю свою ношу на землю и забираю коробки у Чарли. На могиле Грейси – простой гранитный квадрат. Поверх медной таблички лежит забытая кем-то грязная лопата. Я тотчас представляю себе гробокопателей, прервавшихся на чай, да вот только теперь у них в ходу машины, а не ручной труд. Я отодвигаю лопату, а Чарли натирает надпись рукавом своей лыжной куртки. Я подкрадываюсь к ней и опрокидываю ей на голову полную коробку листьев.

– Эй! Это нечестно! – Чарли хватается пригоршню листьев и заталкивает их мне за шиворот. Вскоре листья кружатся вокруг могилы. Плита Грейси полностью исчезает под нашим осенним приношением.

За моей спиной кто-то громко откашливается, и я слышу, как Чарли вскрикивает от неожиданности.

Сторож, подбоченясь, стоит на фоне бледного неба. На нем зеленая куртка и пара замызганных резиновых сапог, которые, кажется, ему велики.

– Не объясните ли, чем вы занимаетесь? – спрашивает он ровным голосом. Подходит поближе. У него плоское круглое лицо с широким лбом, лысина. Мне он напоминает паровозика Томаса из мультфильмов.

– Это долгая история, – говорю я слабым голосом.

– Вы оскверняете могилу.

Я фыркаю от этой смехотворной мысли:

– Я так не думаю.

– Вы полагаете, это смешно? Это акт вандализма. Это преступление. Это захламление...

– Опавшие листья не являются мусором с технической точки зрения.

– Не шутите со мной, – бормочет он.

Чарли решает вмешаться. На одном дыхании она выпаливает:

– Сегодня день рождения Грейси, но мы не можем устроить для нее праздник, потому что она умерла. Она не любит выходить из дома. Мы принесли ей листьев. Она любит подбрасывать их ногами. Не волнуйтесь: она не зомби и не мумия. Она не оживет. Она на небесах. Как вы думаете, на небесах есть деревья?

Сторож смотрит на нее в полном смятении и только через несколько мгновений понимает, что ее последний вопрос обращен к нему. Почти потеряв дар речи, он делает несколько неудачных попыток заговорить, но голос оставляет его. Полностью обезоруженный, он опускается на корточки, чтобы быть на одном уровне с ней.

– Как вас зовут, маленькая мисс?

– Чарли Луиза О'Лафлин. А вас?

– Мистер Грейвзэнд.<sup>[2]</sup>

– Ужасно забавно.

– Думаю, да. – Он улыбается.

Затем смотрит на меня вовсе не таким теплым взглядом.

– Вы знаете, сколько лет я пытаюсь поймать мерзавца, который засыпает эту могилу листьями?

– Около пятнадцати? – предполагаю я.

– Я хотел сказать «тринадцать», но поверю вам на слово. Видите ли, я подсчитал, когда вы приезжаете. Я отмечал даты. Я почти поймал вас два года назад, но вы, видимо, приехали на другой машине.

– Моей жены.

– А в прошлом году (это было в субботу – мой выходной) я велел молодому Уайти выследить вас, но он думает, что у меня навязчивая идея. Говорит, что мне не стоит так заводить себя из-за охапки листьев. – Сторож ковыряет носком сапога многострадальную могилу. – Но я серьезно отношусь к своим обязанностям. Сюда постоянно приходят

люди и чего только не делают. Сажают дубы на могилах, оставляют детские игрушки. Если мы позволим такое творить, чем все это кончится?

– Должно быть, это тяжелая работа, – говорю я.

– Вы правы, черт побери. – Он бросает взгляд на Чарли. – Простите меня за сквернословие, маленькая мисс.

Она хихикает.

Взглянув через правое плечо сторожа, я замечаю на противоположном берегу канала голубые полицейские мигалки: две машины подъезжают к третьей, уже припаркованной на набережной. Их огни отражаются в темной воде и освещают стволы зимних деревьев, стоящих над могилами, словно часовые.

Несколько полицейских вглядываются в яму возле канала. Кажется, что они примерзли к земле, но вот один из них начинает огораживать участок, обматывая бело-голубую полицейскую ленту вокруг деревьев и столбов ограды.

Мистер Грейвзэнд молчит, не зная, что предпринять теперь. В его планы входило поймать меня, но дальше они не простирались. Более того, он не ожидал обнаружить здесь Чарли.

Я вытягиваю термос из кармана куртки. В другом кармане у меня припасены металлические кружки.

– Мы как раз собирались выпить горячего шоколада. Присоединитесь?

– Можете взять мою чашку, – говорит Чарли. – Мы с папой будем пить из одной.

Он обдумывает предложение, прикидывая, можно ли расценить его как взятку.

– Итак, у меня два пути, – произносит он ясным, мягким голосом, – либо я арестовываю вас, либо пью ваш шоколад.

– Мама предупреждала, что нас арестуют, – пищит Чарли. – Она говорила, что мы сумасшедшие.

– Напрасно вы не послушались свою маму.

Я протягиваю сторожу кружку, другую отдаю Чарли.

– С днем рождения, тетя Грейси, – говорит она.

Мистер Грейвзэнд бормочет что-то подходящее к случаю, все еще ошеломленный скоростью своей капитуляции.

В этот момент я замечаю две приближающиеся коробки, а под ними – черные леггинсы и сникерсы.

– Это мама. Она стояла на стреме, – комментирует Чарли.

– Она явно не сильна в этом деле, – отвечает мистер Грейвзэнд.

Джулиана бросает коробки на землю и издает изумленный писк – совсем как Чарли.

– Не волнуйся, мама, на этот раз тебя не арестуют.

Сторож поднимает брови, а Джулиана беспомощно улыбается. Мы пускаем горячий шоколад по кругу и заводим светскую беседу. Мистер Грейвзэнд сообщает нам о писателях, художниках и коммерсантах, похороненных на кладбище. В его устах они кажутся старыми добрыми друзьями, хотя большинство из них умерли лет сто назад.

Чарли подбрасывает ногами листья, но вдруг замирает. Она смотрит вниз, на канал. Зажгли прожекторы, а на берегу раскинули белую палатку. Время от времени видны вспышки фотоаппаратов.

– Что происходит? – спрашивает Чарли, желая спуститься поближе и посмотреть.

Джулиана подходит к ней и нежно обнимает, кладя руки дочери себе на плечи.

Чарли смотрит на меня, а затем на сторожа.

– Что они делают?

Никто ей не отвечает. Вместо этого мы молча смотрим на канал, подавленные неприятным предчувствием. В воздухе стало холоднее. Пахнет сыростью и распадом. Противный металлический скрежет в далеком порту кажется криком боли.

По каналу плывет лодка. Люди в желтых флюоресцирующих жилетах наклоняются за борт, просвечивая воду фонариками. Другие цепью медленно идут по берегу, опустив головы, осматривая дюйм за дюймом. То и дело кто-нибудь останавливается и нагибается. Другие ждут, чтобы не разрывать цепь.

– Они что-то потеряли? – спрашивает Чарли.

– Тшш, – шепчу я.

Лицо Джулианы осунулось и побледнело. Она смотрит на меня. Пора домой.

В этот момент к палатке подъезжает машина коронера. Задние дверцы распахиваются, и двое мужчин в спецовках вытаскивают

складные носилки.

За моим правым плечом полицейская машина въезжает через ворота на кладбище с включенной мигалкой, но без sireны. За ней следует вторая.

Мистер Грейвзэнд уже шагает к парковке и дому сторожа.

– Пойдемте, нам пора, – говорю я, выплескивая остатки холодного шоколада.

Чарли все еще ничего не понимает, но догадывается, что надо вести себя тихо.

Я открываю дверцу машины, и дочь проскальзывает внутрь, спасаясь от холода. Поверх крыши я вижу, как в восьмидесяти ярдах от нас сторож разговаривает с полицейскими. Руки указывают на канал. Появляются блокноты. Фиксируются детали.

Джулиана садится на место пассажира. Она хочет, чтобы вел я. Моя левая рука дрожит. Чтобы унять эту дрожь, я покрепче хватаюсь за рычаг передач. Когда мы проезжаем мимо полицейских машин, один из детективов поднимает взгляд. Это человек средних лет, с рябыми щеками и сломанным носом. На нем мятое серое пальто, а на лице его – циничное выражение, словно он делает все это в тысячный раз, а легче не становится.

Наши взгляды встречаются, и он смотрит прямо сквозь меня. В его глазах не видно ни света, ни улыбки, ни эмоций. Он выгибает бровь и склоняет голову набок. Но я уже проезжаю мимо, все еще сжимая рычаг в попытке найти вторую передачу.

Когда мы подъезжаем к выходу, Чарли выглядывает в заднее окно и спрашивает, приедем ли мы на следующий год.

По утрам я хожу на работу пешком через Риджентс-парк. В это время года, когда температура падает, я натягиваю на себя ботинки с нескользящей подошвой, шерстяной шарф и хмурое выражение лица. Забудьте о глобальном потеплении. По мере того как я старею, мир становится холоднее. Это факт.

Солнце, как бледно-желтый шар, плывет в сером небе, любители утренней пробежки минуют меня, наклонив головы, их кроссовки оставляют мокрые следы на асфальте. Предполагается, что садовники должны высаживать луковицы на зиму, но в их пустые тележки набирается вода. Я вижу, как сами они курят и играют в карты в своих служебных сарайчиках.

Проходя по мосту Примроуз-хилл, я смотрю на канал. Одинокая лодка пришвартована у набережной, туман клубится над рекой, как дым.

Что искали полицейские? Кого они нашли?

Вчера вечером я смотрел новости по телевизору, а сегодня утром слушал радио. Ничего. Я знаю, это всего лишь нездоровое любопытство, но какая-то часть меня чувствует, что я был свидетелем если не самого преступления, то хотя бы его последствий. Это похоже на криминальную хронику, когда полиция просит откликнуться всех, знающих хоть что-нибудь о каком-то человеке. Этим человеком всегда оказывается посторонний, а не те, кого мы знаем.

Начинает капать мелкий дождь, влага пропитывает мою куртку, и я продолжаю путь. Башня Почтамта словно выгравирована на фоне темного неба. Это один из ориентиров, помогающих людям передвигаться по городу. Улицы заканчиваются тупиками, сворачивают и изгибаются безо всякой логики, но башня возвышается над прихотями городской застройки.

Мне нравится вид Лондона в этом ракурсе. Так город все еще выглядит вполне величественным. Только подойдя поближе, видишь распад. Но, держу пари, то же самое можно сказать обо мне.

Мой кабинет находится в пирамиде из белых блоков на Грей-Портленд-стрит, спроектированной архитектором, который черпал

вдохновение в своем детстве. Снизу здание выглядит незавершенным, и мне все время кажется, что вот-вот появится подъемный кран и вставит на место несколько недостающих блоков.

Подходя к крыльцу, я слышу автомобильный клаксон и оборачиваюсь. К тротуару подъезжает ярко-красная «феррари». Водитель, доктор Фенвик Спиндлер, поднимает руку в перчатке и машет мне. Фенвик похож на юриста, но на самом деле управляет отделением психофармакологии в больнице Лондонского университета. Он также имеет частную практику и дает консультации в соседнем с моим кабинете.

– Доброе утро, старик! – кричит он, оставляя машину посреди тротуара, так что людям придется выходить на дорогу, чтобы обогнуть ее.

– Ты не боишься штрафа за парковку?

– У меня есть одна штука, – говорит он, указывая на врачебное удостоверение на лобовом стекле. – Незаменима в экстренных ситуациях.

Обгоняя меня на ступеньках, он открывает входную дверь.

– На днях видел тебя по телевизору. Веселенькое шоу. Меня бы туда и калачом не заманили.

– Я уверен, что ты бы...

– Должен рассказать тебе о выходных. Ездил на охоту в Шотландию. Завалил оленя.

– Ты валишь оленей?

– Не важно, – отмахивается он от меня, – Попал мерзавцу прямо в левый глаз.

Консьерж тянет за рычаг, открывая укрепленную дверь, и мы забираемся в лифт. Фенвик изучает себя в зеркале, стряхивая перхоть со сморщенного плеча своего дорогого костюма. Все-таки с его фигурой что-то не так, раз даже костюм, сшитый у портного, сидит на нем плохо.

– Ты еще водишься с проститутками? – спрашивает он.

– Я провожу беседы.

– Ах, вот как они это теперь называют! – Он гогочет и хлопает по карманам брюк. – Как тебе платят?

Он не поверит, если я скажу, что делаю это бесплатно.

– Они дают мне ваучеры. Я могу получить по ним минет в любое время. У меня их полный ящик.

Он осекается и краснеет. Мне приходится сдерживать смех.

Фенвик, несмотря на свой безусловный врачебный успех, принадлежит к тому типу людей, которые всегда отчаянно пытаются быть кем-то другим. Вот почему он выглядит таким смехотворным за рулем спортивной машины. Все равно что Билл Гейтс в шортах или Джордж Буш-младший в Белом доме. Совершенно неуместно.

– Как обстоят дела сам-знаешь-с-чем?

– Прекрасно.

– Старик, я совсем ничего не замечаю. Кстати сказать, «Пфицер» предлагает новое лекарство. Загляни ко мне, я дам тебе кое-что почитать...

Связи Фенвика с фармацевтическими компаниями широко известны. Его кабинет ломится от продуктов компаний «Пфицер», «Новатис» и «Хоффман-Ла Рош» и их подарков: от ручек до кофеварки. Так же бесплатно он развлекается – ходит под парусом в Каусе, рыбачит в Шотландии, охотится на куропаток в Нортумберленде.

Мы поворачиваем за угол, и Фенвик бросает взгляд в мою приемную. Там уже ждет женщина средних лет, сжимая надувную оранжевую торпеду.

– Не представляю, как ты можешь этим заниматься, – бормочет Фенвик.

– Чем заниматься?

– Слушать их.

– Так я определяю, какая у них проблема.

– К чему эти сложности? Выпиши ей какие-нибудь антидепрессанты и отошли домой.

Фенвик не верит тому, что в душевных болезнях есть психологический или общественный аспект. Он утверждает, что их природа полностью физиологична и, следовательно, они по определению излечимы с помощью лекарств. Проблема лишь в том, чтобы найти правильную комбинацию.

Каждое утро (после полудня он не принимает) пациенты по одному маршируют в его офис, отвечают на несколько поверхностных вопросов, а затем Фенвик протягивает им рецепт и счет на сто сорок

фунтов. Если они говорят о симптомах, он говорит о лекарствах. Если они жалуются на побочные эффекты, он изменяет дозировку.

Странно, но пациенты любят его. Они приходят с желанием получить лекарства, и их не заботит, какие именно. Чем больше пилюль, тем лучше. Может, они считают, что не зря тратят свои деньги.

Слушать людей теперь считается старомодным. Пациенты ждут, что я выпишу им волшебные таблетки, которые излечивают все. Когда я говорю им, что просто хочу побеседовать, они выглядят разочарованными.

– Доброе утро, Маргарет. Рад видеть, что вы это сделали.

Она показывает мне спасательный круг.

– Какой дорогой вы пришли?

– Через Патни-бридж.

– Это очень хороший, прочный мост. Стоит уже много лет.

Она страдает гефирофобией – страхом перед мостами. Еще больше осложняет дело то обстоятельство, что она живет на южном берегу и каждый день должна провожать детей в школу через Темзу. Она носит с собой спасательный круг на случай, если мост упадет или его смоеет волной. Я понимаю, что в этом нет ничего рационального, но именно таковы фобии.

– Надо было уехать жить в Сахару, – иронизирует она.

Я говорю ей, что существует эремикофобия, страх перед песком и пустыней. Она считает, что это придумано для ее утешения.

Три месяца назад Маргарет охватила паника на середине моста, когда она вела детей в школу. Только через час окружающие поняли, что что-то не так. Дети плакали и сжимали ее руки. Она похолодела от страха и не могла ни заговорить, ни кивнуть. Прохожие думали, что она собирается прыгнуть с моста. На самом же деле Маргарет удерживала мост одной своей силой воли.

С тех пор мы проделали большую работу, пытаюсь разрушить порочный круг размышлений, сопровождающий ее иррациональный страх.

– Как вы думаете, что может случиться, когда вы переходите мост?

– Он упадет.

– Почему он упадет?

- Не знаю.
- Из чего сделан мост?
- Из стали, металлических креплений и бетона.
- Сколько он там стоит?
- Долгие годы.
- Он когда-нибудь падал?
- Нет.

Каждый сеанс длится пятьдесят минут, а потом у меня остается десять минут, чтобы внести записи в карту до прихода следующего пациента. Мина, моя секретарша, точна до последней секунды, как атомные часы.

– Потерянную минуту никогда не вернуть, – говорит она, похлопывая по часам, висящим у нее на груди.

Она наполовину индианка, но выглядит более английской, чем клубника со сливками. Она носит юбки до колен, благоразумные туфли и кардиганы. Мина напоминает мне девушек из моей школы, которые были помешаны на Джейн Остен и постоянно мечтали о встрече с мистером Дарси.

Как грустно, что скоро я ее лишусь. Она со своими кошками собирается открыть гостиницу в Бате. Могу себе представить это место: кружевные салфеточки под каждой вазой, статуэтки, аккуратные шеренги тостов и яйца, сваренные ровно за три минуты, на подставках.

Мина проводит собеседования с претендентками на ее должность. Она сократила список всего до нескольких кандидатур, но я знаю, что мне будет трудно выбрать. Я все еще надеюсь, что она передумает. Если бы только я мог мурлыкать!

В середине дня выглядываю в приемную:

- Где Бобби?
- Он не пришел.
- Он звонил?
- Нет. – Она старательно отводит взгляд.
- Не можете ли поискать его? Прошло уже две недели.

Я знаю, она не хочет никуда звонить. Бобби ей не нравится. Сначала я думал, это потому, что он не приходит в назначенное время, но потом понял, что истинная причина в чем-то другом. Он ее нервирует. Может быть, это из-за его роста, может, из-за неопрятной

стрижки или изъяна плеча. На самом деле она не знает его. Хотя кто вообще его знает?

Словно подслушав, он появляется в дверях, как обычно шаркая ногами, с озабоченным выражением лица. Он высокий и полный, со светло-каштановыми волосами, на носу очки в металлической оправе. Его туловище, похожее на пудинг, словно пытается вылиться из длинного пальто, обезображенного оттопыренными карманами.

– Извините за опоздание. Кое-что случилось. – Он озирается, все еще не уверенный, стоит ли заходить.

– Кое-что случилось две недели?

Он смотрит мне в глаза, а затем отворачивается.

Я привык к тому, что Бобби замкнут и всегда готов к обороне, но на этот раз что-то изменилось. Он не умалчивает, а врет. Это все равно что захлопнуть ставни у кого-то перед носом, а затем утверждать, что их вообще не существует.

Я быстро оглядываю его: ботинки начищены и волосы причесаны. Сегодня утром он брился, но на подбородке уже проступила темная щетина. Щеки покраснелись от мороза, и в то же время он вспотел. Интересно, как долго он простоял снаружи, набираясь храбрости, чтобы зайти.

– Где вы были, Бобби?

– Я испугался.

– Почему?

Он пожимает плечами:

– Мне надо было уехать.

– Куда вы ездили?

– Никуда.

Я не утруждаю себя указанием на это противоречие. В нем их полно. Его беспокойные руки хотят скрыться и находят убежище в карманах.

– Не желаете ли снять пальто?

– Нет, все нормально.

– Что ж, по крайней мере, присядьте. – Я киваю в сторону кабинета.

Он проходит в дверь и останавливается перед моим стеллажом с книгами, внимательно изучая корешки. Большинство книг посвящены вопросам психологии и поведения животных. В конце концов он

останавливается и похлопывает по «Толкованию сновидений» Зигмунда Фрейда.

– Я думал, что взгляды Фрейда оказались в последнее время сильно дискредитированы, – говорит он с легким северным акцентом. – Он не мог отличить эпилепсию от истерии.

– Это был не лучший случай в его практике.

Я указываю на кресло, и Бобби складывается, опустившись в него, сдвинув колени набок в направлении двери.

Помимо моих заметок, в его карте мало других бумаг. У меня хранится его направление, результаты сканирования мозга и письмо от врача из северной части Лондона. В них упоминаются «тревожащие ночные кошмары» и чувство «неспособности себя контролировать».

Бобби двадцать два года, в его семье не было психических заболеваний, и он не употреблял наркотики. Его интеллект выше среднего, он находится в хорошей физической форме и уже давно живет со своей невестой Арки.

Я знаю основные факты его биографии: родился в Лондоне, получил среднее образование в государственной школе, окончил вечерние курсы, периодически подрабатывал водителем в доставке и кладовщиком. Они с Арки живут в многоквартирном доме в Хэрни. Она воспитывает маленького сына и работает в кондитерской ближайшего кинотеатра. Видимо, именно Арки уговорила его обратиться за помощью. Кошмары Бобби становились все тяжелее. По ночам он просыпался с криком, выскакивал из постели и натыкался на стены, пытаясь вырваться из своих снов.

В начале лета казалось, что мы делаем успехи. Затем Бобби исчез на три месяца, и я думал, что он пропал навсегда. Он объявился пять недель назад без предварительной записи и объяснений. Он казался счастливее. Сон улучшился. Кошмары стали менее мучительны.

Теперь же что-то стряслось. Он сидит неподвижно, но его бегающий взгляд подмечает все.

– Что случилось?

– Ничего.

– Проблемы дома?

Он мигает:

– Нет.

– Тогда в чем дело?

Я позволяю молчанию работать в мою пользу. Бобби ерзает в кресле, почесывая ладони, как будто у него на коже раздражение. Минуты бегут, и его смятение возрастает.

Я задаю ему прямой вопрос, чтобы начать разговор:

– Как поживает Арки?

– Она читает слишком много журналов.

– Почему вы так говорите?

– Она мечтает о современной сказке. Знаете всю эту муру, которую пишут в женских журналах, рассказывают, как получать множественный оргазм, управлять своей карьерой и быть прекрасной матерью. Это все глупости. Реальные женщины не похожи на моделей. Реальных мужчин нельзя вырезать из журнала. Я не знаю, кем я должен стать: мужчиной нового образца или старого. Скажите мне! Я должен напиваться с парнями или плакать над печальными фильмами? Говорить о спортивных машинах или о модных цветах этого сезона? Женщины думают, что им нужен мужчина, а на самом деле им нужно собственное отражение.

– Что вы чувствуете?

– Расстройство.

– Из-за кого?

– Выберите сами.

Он горбится, и воротник упирается в уши. Руки теперь лежат на коленях, складывая и разворачивая листок бумаги, уже потрепанный в местах сгибов.

– Что вы написали?

– Цифру.

– Какую цифру?

– Двадцать один.

– Можно взглянуть?

Он быстро моргает и медленно разворачивает листик, разглаживая его на ноге и проводя пальцами по поверхности. На нем сотни раз написана цифра «21» маленькими квадратными значками, расходящимися по кругу от центра, словно крылья мельницы.

– Вы знаете, что сухой квадратный лист бумаги нельзя сложить пополам больше семи раз? – спрашивает Бобби, желая переменить тему.

– Нет.

– Это так.

– Что у вас еще в карманах?

– Мои списки.

– Что за списки?

– Что надо сделать. Что хотелось бы изменить. Людей, которые мне нравятся.

– А как насчет тех, которые вам не нравятся?

– Их тоже.

Голос некоторых людей не соответствует их внешности, и Бобби один из таких. Он крупный, но кажется меньше из-за высокого голоса и сутулых плеч.

– Бобби, у вас какие-то неприятности?

Он вздрагивает так сильно, что пара ножек кресла отрывается от пола. Его голова качается взад-вперед.

– Вы на кого-нибудь рассердились?

С безнадежно-печальным видом он сжимает кулаки.

– Что вас рассердило?

Что-то шепча, он качает головой.

– Извините, я не расслышал.

Он опять что-то бормочет.

– Вам придется говорить погромче.

Без малейшего предупреждения он взрывается:

– Прекратите копать у меня в мозгах!

Шум отдается эхом в замкнутом пространстве. В коридоре слышен звук распахивающихся дверей, на моем телефоне мигает лампочка внутренней связи.

– Все в порядке, Мина. Все хорошо.

Тоненькая вена дрожит на виске Бобби, как раз над правым глазом. Он шепчет тоном маленького мальчика:

– Я должен был наказать ее.

– Кого вы должны были наказать?

Он поворачивает кольцо на указательном пальце правой руки, а затем возвращает его на место, словно настраивает приемник, отыскивая нужную частоту.

– Мы все связаны, разделены только в шестой степени, может, меньше. Когда что-то происходит в Ливерпуле, или в Лондоне, или в Австралии, все связано...

Я не позволю ему сменить тему.

– Если вы попали в беду, Бобби, я могу вам помочь. Но вы должны сказать мне, что случилось.

– В чьей постели она сейчас? – шепчет он.

– Прошу прощения?

– Только в могиле она будет спать одна.

– Вы наказали Арки?

Уже яснее осознавая мое присутствие, он смеется надо мной:

– Вы видели «Шоу Трумана»?

– Да.

– Иногда я думаю, что я Труман. Я думаю, что весь мир смотрит на меня. Мою жизнь создали в соответствии с чужими ожиданиями. Все – только фасад. Стены из фанеры, а мебель из папье-маше. И иногда я думаю, что если бы смог побежать достаточно быстро, то добрался бы до ближайшего угла и увидел бы изнанку декорации. Но я не могу бежать так быстро. К тому времени, как я добегаю, они успевают построить новую улицу... и еще одну.

Если говорить о рынке жилья, то мы живем в чистилище. Я говорю так, потому что мы еще не вполне достигли озелененной нирваны Примроуз-хилл, но все же выбрались из расписанной граффити, захламленной металлом дыры, коей является южный конец Кэмден-тауна.

Плата высока, а водопроводная система запущена, но Джулиана влюбилась в это место. Должен признать, что я тоже. Летом, если ветер дует в нужном направлении и окна открыты, мы слышим рычание львов и гиен в Лондонском зоопарке. Это похоже на сафари, только без микроавтобусов.

По вечерам в среду Джулиана преподает взрослым испанский. Чарли ночует дома у лучшей подруги. Весь дом в моем распоряжении, что обычно меня устраивает. Я разогреваю суп в микроволновке и отламываю себе половину французского батона. Чарли написала стихотворение на белой доске рядом с рецептом бананового хлеба. Я чувствую легкий приступ одиночества. Я хочу, чтобы они обе были здесь. Мне не хватает шума и дружеских подколов.

Бродя по второму этажу, я перехожу из комнаты в комнату, проверяя «ведущиеся работы». На подоконнике выстроились в линию банки с краской, а пол закрыт старыми тряпками, похожими на полотна Джексона Поллока. Одна из спален превратилась в склад коробок, ковров и слегка поцарапанной кошками мебели. В углу, ожидая своей участи, стоят старая коляска Чарли и ее высокий стульчик. А ее детская одежда упакована в пластиковые контейнеры с аккуратными надписями.

Шесть лет мы пытаемся родить второго ребенка. Пока на нашем счету два выкидыша и неисчислимы слезы. Я не хочу продолжать – особенно сейчас, – но Джулиана до сих пор глотает витамины, сдает анализы мочи и измеряет температуру. Когда мы занимаемся любовью, это напоминает научный эксперимент, в котором все нацелено на оптимальный период овуляции.

Когда я говорю об этом Джулиане, она обещает регулярно набрасываться на меня, как только родится второй малыш.

- Ты не пожалеешь, когда это случится.
- Я знаю.
- Мы должны сделать это ради Чарли.
- Да.

Я хочу привести ей все свои возражения, но не могу заставить себя сделать это. Что если болезнь прогрессирует? Что если я не смогу держать на руках собственного ребенка? Я вовсе не сентиментален и не эгоистичен. Я практичен. Чашка чаю и пара слабительных таблеток не решат проблему. Мой недуг напоминает поезд, мчащийся на нас в темноте. Он может казаться очень далеким, но он приближается.

В половине седьмого приезжает кеб, и мы вносим свою лепту в пробки на дороге. Юстон-роуд забита до Бейкер-стрит, и не имеет смысла пытаться найти другой путь среди препятствий вроде тумб, ограничителей скорости и знаков одностороннего движения.

Водитель жалуется на нелегальных эмигрантов, которые пробираются через Туннель и осложняют транспортную проблему. Поскольку ни у кого из них нет машин, я не понимаю логики его рассуждений, но слишком угнетен, чтобы спорить.

В начале восьмого он высаживает меня в Лэнгтон-холл у Клеркенуэлла – приземистого здания из красного кирпича, с белыми оконными рамами и черными водосточными трубами. Если не считать света над крыльцом, дом выглядит заброшенным. Распахнув двойные двери, я минуя фойе и вхожу в главный зал. Пластиковые стулья стоят неровными рядами. На столике сбоку разместились емкость с горячей водой и шеренги чашек и блюдец.

Собралось около сорока женщин. Возраст – от подросткового до вполне зрелого. Почти все сидят в пальто, под которыми виднеется рабочая одежда: высокие каблуки, короткие юбки или шорты, чулки. В нос бьет густой запах табачного дыма, смешанного с ароматом духов.

На сцене уже выступает Элиза Веласко. Тоненькая, зеленоглазая и светловолосая, она говорит с тем акцентом, который придает речи женщин с севера оттенок напористости и разумности. Одетая в прямую юбку до колен и облегающий кашемировый свитер, она выглядит как модель времен Второй мировой.

За ее спиной на белый экран спроецировано изображение Марии Магдалины, созданное итальянской художницей Артемизией

Джентилески. В верхнем углу стоит аббревиатура ПТЛ, и ниже маленькими буквами расшифровка: «Проститутки Тоже Люди».

Элиза замечает меня, и на ее лице читается облегчение. Я пытаюсь пройти по боковому проходу, не прерывая ее, но она постукивает по микрофону, и собравшиеся поворачиваются ко мне.

– А теперь позвольте представить вам человека, которого вы действительно пришли послушать. Прошу приветствовать героя газетных передовиц профессора Джозефа О'Лафлина.

Раздается несколько саркастических хлопков. С этой публикой нелегко. Суп булькает в моем желудке, пока я взбираюсь на сцену и выхожу в освещенный круг. Левая рука дрожит, и я сжимаю спинку стула, чтобы найти опору. Прокашливаюсь и перевожу взгляд на точку над головами слушательниц:

– Убийства проституток составляют самую большую долю нераскрытых преступлений в нашей стране. За последние семь лет было убито сорок семь женщин. Каждый день в Лондоне подвергаются насилию пять проституток.

Еще десять подвергаются побоям, ограблениям и похищениям. На них нападают не потому, что они привлекательны или сами напрашиваются, а потому, что они уязвимы и доступны. Легче остаться безнаказанным, напав на проститутку, чем на любого другого гражданина.

Теперь я перевожу взгляд на лица слушательниц, удовлетворенный тем, что завоевал их внимание. На женщине в первом ряду надеты пальто с сиреневым атласным воротником и лимонного цвета перчатки. Полы пальто соскользнули со скрещенных ног и открывают кремовое бедро. Вокруг щиколоток обмотаны черные ленты туфель.

– К сожалению, вы не всегда можете сами выбирать себе клиентов. К вам приходят разные: иногда пьяные, иногда озлобленные...

– Иногда жирные, – выкрикивает крашенная блондинка.

– И вонючие, – откликается девушка-подросток в темных очках.

Я жду, когда прекратится смех. Большинство этих женщин не доверяют мне. Я их не виню. Для них любые отношения таят в себе риск, будь то сутенер, клиент или психолог. Они научились не доверять мужчинам.

Хотелось бы мне, чтобы они более ясно осознавали угрозу. Может, стоило принести фотографии. Недавно одну из них нашли убитой, а ее matka лежала рядом на постели. С другой стороны, эти женщины не нуждаются в запугивании. Они сталкиваются с опасностью каждый день.

– Я пришел сюда не для того, чтобы читать вам лекцию. Я надеюсь помочь вам немного обезопасить себя. Когда вы работаете на улице, сколько друзей или родственников знают, где вы? В случае вашего исчезновения сколько времени пройдет, прежде чем об этом заявят?

Я жду, а вопрос мой висит в воздухе, как паутина, слетевшая со стропил. Мой голос охрип и звучит слишком грубо. Я отпускаю стул и начинаю прохаживаться по сцене. Левая нога отказывается сгибаться, и я едва не спотыкаюсь, но все же удерживаю равновесие. Они смотрят друг на друга, решая, какое мнение обо мне составить.

– Держитесь подальше от улицы, а если не можете, тогда принимайте меры предосторожности. Наладьте систему взаимопомощи. Позаботьтесь о том, чтобы кто-нибудь записывал номера машин, в которые вы садитесь. Работайте только в освещенных районах и организуйте дома, где можете принимать клиентов, вместо того чтобы обслуживать их в машинах...

Четверо вошли в зал и встали у двери. Сразу видно, что они полицейские в штатском. По мере того, как женщины понимают это, я слышу ропот недоверия и протеста. Некоторые со злостью смотрят на меня, как будто это моих рук дело.

– Сохраняйте спокойствие. Я все улажу. – Я осторожно спускаюсь со сцены. Я хочу перехватить Элизу прежде, чем она до них доберется.

Главного легко узнать. Это тот самый следователь с усталым лицом и кривыми зубами, которого я видел на кладбище Кенсал-грин. На нем все то же помятое пальто, из-за пятен напоминающее кулинарную карту дорог. На галстук – посеребренная булавка в виде Пизанской башни.

Мне он нравится. Он не придает значения одежде. Мужчины, обращающие слишком много внимания на свой внешний вид, кажутся мне амбициозными, но пустыми. Когда он говорит, то смотрит усталым, скучающим взглядом, словно дистанцируясь от настоящего. Я замечал такой же взгляд у фермеров, которые всегда словно не в

своей тарелке, если им приходится смотреть на что-то вблизи, особенно на лица. Он примирительно улыбается.

– Сожалею, что пришли без приглашения на ваше собрание, – говорит он сухо, обращаясь к Элизе.

– Что ж, тогда проваливайте, – сладко поет она, ядовито улыбаясь.

– Как же приятно с вами познакомиться, мисс, или мне называть вас «мадам»?

Я встаю между ними:

– Чем мы можем вам помочь?

– Кто вы такой? – Он оглядывает меня с ног до головы.

– Профессор Джозеф О'Лафлин.

– Вот черт! Ребята, это же тот человек с крыши, который разговаривал с пацаном, – грубо грохочет его голос. – Никогда раньше не видел, чтобы человек так трусил. – Он смеется, и кажется, что мраморные шарики сыплются на пол. Его посещает новая мысль. – Вы же эксперт по проституткам, не так ли? Написали что-то вроде книги.

– Статью.

Он пожимает плечами и делает знак своим людям, которые разделяются и идут между рядами стульев. Откашлявшись, он обращается к собравшимся:

– Я инспектор Винсент Руиз из муниципальной полиции. Три дня назад в Кенсал-грин, Западный Лондон, было обнаружено тело молодой женщины. Она погибла десятью днями раньше. Пока нам не удалось установить ее личность, но есть основания полагать, что она была проституткой. Вам сейчас покажут ее портрет, нарисованный художником. Если кто-нибудь из вас узнает ее, я буду благодарен за информацию. Нас интересует все: имя, адрес, компаньоны, друзья, все, кто мог ее знать.

Быстро моргая, я слышу свой вопрос:

– Где ее нашли?

– Была закопана в неглубокой яме рядом с Гранд-Юнион-каналом.

В памяти всплывают отдельные кадры. Я вижу белую палатку и прожекторы, полицейскую ленту и вспышки фотоаппаратов. Тело женщины только что извлекли из ямы. Я был там. Я видел, как ее откапывали.

По залу, словно по пещере, эхом разносятся голоса. Рисунки передают из рук в руки. Шум нарастает. Чья-то рука вяло протягивает

мне копию. На черно-белом рисунке, напоминающем те, для которых позируют туристы в Ковент-Гарден, изображена женщина. Она молода, у нее короткие волосы и большие глаза. Только в этом зале десяток женщин похожи на нее.

Через пять минут полицейские возвращаются, качая головами. Инспектор Руиз недовольно ворчит и вытирает платком свой изуродованный нос.

– Вы знаете, что ваше собрание незаконно, – говорит он, косясь на столик с чаем. – Это нарушение приличий – собирать проституток и угощать их напитками.

– Чай для меня, – говорю я.

Руиз недоверчиво смеется:

– Вы пьете чертовски много чая. Или же держите меня за идиота. – Он уже открыто бросает мне вызов.

– Я знаю, за кого вас держать, – сержусь я.

– И за кого же? Я теряюсь в догадках.

– Вы деревенский парнишка, оказавшийся в большом городе. Вы выросли на ферме, где доили коров и собирали яйца. Играли в регби до тех пор, пока травма не положила конец вашей карьере, но до сих пор размышляете, как далеко могли бы пойти. С тех самых пор вы постоянно боретесь с лишним весом. Вы либо разведены, либо овдовели, что объясняет потребность вашей рубашки в уютке, а костюма – в химчистке. После работы вы любите выпить пива и съесть карри. Вы пытаетесь бросить курить, поэтому постоянно шарите по карманам в поисках жевательной резинки. Вы считаете, что в спортивные залы ходят только голубые, если, конечно, речь не идет о боксерских грушах. И в свой последний отпуск вы ездили в Италию, потому что кто-то сказал вам, что там красиво, но под конец возненавидели местную кухню, жителей и вино.

Я удивлен холодности и отстраненности собственного голоса. Может, я заразился предрассудками, витающими в воздухе?

– Впечатляет. Вы проделываете этот трюк на вечеринках?

– Нет, – бормочу я, внезапно смущаясь. Я хочу извиниться, но не знаю, как начать.

Руиз роется в кармане, затем спохватывается:

– Скажите мне одну вещь, профессор. Если вы можете понять все это, просто глядя на меня, то сколько вам может рассказать мертвое

тело?

– Что вы имеете в виду?

– Мою убитую. Что вы могли бы мне сказать, если бы я показал вам труп?

Я не уверен в том, что он говорит серьезно. Теоретически такое предприятие возможно, но обычно я имею дело с проявлениями сознания людей: рассматриваю их манеру двигаться, жесты и позы, изучаю одежду, которую они носят, разговор, который они ведут, я вслушиваюсь в изменения их голоса и наблюдаю за их взглядами. Мертвое тело не может предоставить мне ничего подобного. От мысли о трупе у меня сводит желудок.

– Не беспокойтесь, она вас не укусит. Встретимся в морге Вестминстера завтра в девять утра. – Инспектор грубо запикивает карточку с адресом во внутренний карман моей куртки. – Потом сможем позавтракать. – Он подавляет смешок.

Не дав мне времени ответить, он поворачивается и удаляется, сопровождаемый своими детективами. Но в последний момент, уже у самой двери, он вновь оборачивается ко мне:

– Вы ошиблись только в одном.

– В чем?

– Насчет Италии. Я полюбил ее.

На улице Элиза целует меня в щеку:

– Мне жаль, что так получилось.

Последние полицейские машины скрываются вдали вместе с моими слушательницами.

– Ты не виновата.

– Знаю. Мне просто нравится целовать тебя. – Она взъерошивает мне волосы, а затем суетливо вытаскивает расческу из сумки и снова приводит их в порядок. Она стоит прямо передо мной и, расчесывая, слегка наклоняет мою голову. Я вижу в вырезе свитера бугорки груди под кружевным бюстгалтером и темную ложбинку между ними.

– Что скажут люди? – шутливо спрашивает она.

– Здесь не о чем говорить. – Это утверждение звучит слишком категорично. Она поднимает брови, словно не расслышав.

Элиза прикуривает и прихлопывает пламя крышкой зажигалки. На краткий миг я вижу, как свет золотыми бликами отражается в ее зеленых глазах. Как бы она ни причесывалась, ее волосы всегда выглядят растрепанными, словно после сна. Она склоняет голову набок и внимательно смотрит на меня.

– Я видела тебя в новостях. Ты выглядел очень смелым.

– Я был страшно напуган.

– С ним все будет в порядке, с тем мальчиком с крыши?

– Да.

– А с тобой?

Этот вопрос удивляет меня, я даже не знаю, что ответить. Иду за ней обратно в зал и помогаю составить стулья. Элиза выключает проектор и передает мне коробку с брошюрами. На обложке отпечатан все тот же образ Марии Магдалины.

Элиза кладет подбородок мне на плечо.

– Мария Магдалина – святая покровительница проституток.

– Я думал, что она раскаявшаяся грешница.

Она с досадой поправляет меня:

– Гностические тексты изображают ее провидицей. Ее также называли Апостолом Апостолов, потому что именно она принесла

ученикам весть о Воскресении.

– Ты в это веришь?

– Иисус исчезает на три дня, и первым человеком, который видит Его живым, оказывается проститутка. По-моему, весьма показательно. – Элиза не смеется. Это не шутка.

Я выхожу вслед за ней на крыльцо, она поворачивается и запирает дверь.

– Я на машине. Могу подбросить тебя до дома, – говорит она, нащупывая ключи. Мы огибаем угол, и я вижу на парковке «фольксваген»-«жучок». – Есть еще одна причина, почему я выбрала эту картину, – объясняет она.

– Потому что ее нарисовала женщина.

– Да, но это еще не все. Настоящая причина – в судьбе художницы. Когда Артемизии Джентилески было девятнадцать, ее изнасиловал наставник, Тасси, но потом заявил, что не прикасался к ней. Во время процесса он сказал, что Артемизия – плохая художница и придумала историю с изнасилованием из ревности. Он назвал ее «ненасытной шлюхой» и попросил всех своих друзей свидетельствовать против нее. Ее даже обследовали повитухи, чтобы установить, давно ли она лишилась девственности. – Элиза горестно вздыхает. – За прошедшие четыре века не так уж много изменилось. Единственная разница в том, что теперь жертв изнасилования не пытаются, чтобы установить, правду ли они говорят.

Она включает радио, давая мне понять, что не хочет разговаривать. Я откидываюсь на спинку кресла и слушаю Фила Коллинза, исполняющего «Еще один день в раю».

Я впервые увидел Элизу в середине восьмидесятых в отвратительной комнате для встреч детского дома в Brentford. Меня тогда только что приняли на должность начинающего клинического психолога в департамент здравоохранения Западного Лондона.

Она вошла, села и закурила сигарету, не обращая внимания на мое присутствие. Ей было только пятнадцать, но в ее движениях уже читались текучая грация и уверенность, от которых я не мог отвести взгляд.

Облокотившись о стол и держа сигарету в нескольких дюймах от рта, она смотрела мимо меня в окно. Дым вился кольцами под ее

непослушной челкой. Нос был сломан в нескольких местах, передний зуб раскрошился. Она периодически проводила языком по его неровной поверхности.

Элизу спасли из временного борделя, который находился в подвале заброшенного дома. Дверь была устроена так, что не открывалась изнутри. Ее и другую несовершеннолетнюю проститутку держали там три дня, в течение которых их насиловали десятки мужчин, искавших секса с малолетними. Судья поместил ее под опеку, но большую часть времени Элиза проводила в попытках сбежать из детского дома. Она была слишком взрослой, чтобы подыскивать ей приемную семью, и слишком молодой, чтобы жить самостоятельно.

В ту первую встречу она смотрела на меня со смесью любопытства и презрения. Она привыкла иметь дело с мужчинами. Мужчи́нами можно управлять.

– Сколько тебе сейчас лет, Элиза?

– Вы и сами знаете, – ответила она, указывая на папку в моих руках. – Если хотите, я подожду, пока вы прочтете. – Она издевалась надо мной.

– Где твои родители?

– Надеюсь, что умерли.

Согласно материалам дела, Элиза жила с матерью и отчимом в Лидсе, откуда и убежала сразу после четырнадцатого дня рождения.

Большинство ее ответов были краткими: зачем произносить два слова, если можно обойтись одним? Она притворялась самоуверенной и безразличной, но я знал, что ей больно. Через какое-то время мне удалось задеть ее за живое.

– Как, черт возьми, вы можете так мало знать? – завопила она, сверкая глазами от возмущения.

Настало время рискнуть.

– Ты думаешь, что ты женщина, да? Думаешь, что можешь манипулировать мужчинами вроде меня? Что ж, ты ошибаешься. Я не ходячая пятифунтовая банкнота с желанием быстро перепихнуться на заднем дворе. Не отнимай у меня времени. У меня есть дела поважнее.

В глазах девушки вспыхнул гнев, но тут же они затуманились. Она расплакалась. Впервые она вела себя соответственно своему возрасту. Полился рассказ, прерываемый всхлипами.

Ее отчим, удачливый бизнесмен в Лидсе, сколотил солидное состояние, покупая и перепродавая квартиры. Он был настоящей находкой для матери-одиночки, какой была мама Элизы. Они смогли перебраться из муниципальной квартирки в приличный дом с садом. У Элизы была отдельная комната. Она ходила в школу.

Ей было двенадцать, когда однажды ночью отчим зашел в ее комнату. «Этим занимаются взрослые», – сказал он, закидывая ее ноги себе на плечи и зажимая ей рот рукой.

– После этого он хорошо со мной обращался, – рассказывала она. – Покупал мне одежду и косметику.

Это продолжалось два года, пока Элиза не забеременела. Мать обозвала ее потаскухой и потребовала назвать имя отца ребенка. Она возвышалась над ней, ожидая ответа, а Элиза смотрела на отчима, стоявшего на пороге. Он провел рукой по горлу.

Она сбежала. В кармане школьного жакета у нее был листок с названием клиники аборт в Южном Лондоне. В больнице она познакомилась с медсестрой лет сорока. Ее звали Ширли, у нее было доброе лицо, и Элиза согласилась, когда та предложила пожить у нее в период восстановления.

– Продолжай носить школьную форму.

– Почему?

– Это может пригодиться.

Ширли заменяла мать полудюжине девочек-подростков, и все они любили ее. С ней они чувствовали себя в безопасности.

– Ее сын был настоящий придурок, – говорила Элиза. – Он спал с ружьем под кроватью и думал, что может переспать с любой из нас. Болван! Когда Ширли впервые повела меня на работу, она говорила: «Вперед, ты можешь это сделать». Я стояла на Бейсуотер-роуд в школьной форме. «Не волнуйся, просто спроси у них, не нужна ли им девочка», – сказала она. Я не хотела разочаровывать Ширли. Я знала, что она рассердится.

В следующий раз, когда она вывела меня, я кое-что сделала руками, но не смогла заняться сексом. Не знаю почему. Привыкала три месяца. Я выросла из формы, но Ширли сказала, что мои ножки в ней хорошо смотрятся. Я была ее «золотым горшком».

Элиза не называла клиентами мужчин, с которыми спала. Ей было противно предполагать, что они незаконно тратят деньги. Она была

честной. И не относилась к ним с презрением, хотя многие из них изменяли женам, невестам и подругам. Это был просто бизнес, нехитрая коммерческая операция: ей было что продать, а они хотели купить.

Проходили месяцы, и Элиза стала менее чувствительной. Теперь у нее была новая семья. Но однажды сутенер-конкурент забрал ее с улицы. Он сказал, что она нужна ему для одноразовой работы, а потом запер ее в подвале дома, а сам стоял в дверях и собирал деньги с очереди желающих. Поток мужчин с разным цветом кожи тек по ее телу и проникал внутрь.

– Они называли меня «маленькой секс-игрушкой», – сказала она, загасив очередную сигарету.

– И вот ты здесь.

– И никто не знает, что со мной делать.

– А что ты хочешь делать?

– Хочу, чтобы меня оставили в покое.

Главный закон Национальной службы здравоохранения гласит, что сухое дерево не тонет. Это часть нашей культуры. Если кто-то некомпетентен или труден в общении, его скорее продвинут по службе, нежели уволят.

Дежурный надзиратель в морге Вестминстера – лысый толстячок с отвисшей челюстью. Он мгновенно проникается ко мне неприязнью.

– Кто велел вам сюда прийти?

– Я должен встретиться с инспектором Руизом.

– Меня не предупреждали. Никто не назначал никаких встреч.

– Я могу его здесь подождать?

– Нет. Только родственникам покойного разрешается находиться в комнате ожидания.

– А где можно подождать?

– На улице.

Я чувствую кисловатый запах, исходящий от него, и замечаю пятна у него под мышками. Возможно, он проработал всю ночь и теперь остался свехурочно. Он устал и раздражен. Обычно я испытываю в отношении работающих посменно такое же чувство, как к одиноким людям и толстым девочкам, которых никогда не приглашают танцевать. Паршивая это, должно быть, работа – надзирать за мертвецами.

Я хочу продолжить разговор с дежурным, когда приезжает Руиз. Надзиратель опять заводит свою волынку. Руиз наклоняется через стол и берет телефонную трубку:

– Слушай ты, недоносок! Снаружи стоят с десятков машин с истекшим сроком парковки. Твои коллеги будут тебе чрезвычайно признательны, если их сцапают.

Спустя несколько минут я иду за Руизом по крашеному цементному полу узкого коридора с голыми лампочками на потолке. Мы то и дело минуем двери с заиндевевшими стеклами. Одна из них открыта. Я заглядываю внутрь и вижу стол из нержавеющей стали с канавкой посредине и сливом. С потолка свисают галогенные лампы и входы микрофонов.

Далее по коридору мы натываемся на трех лаборантов в зеленой медицинской форме, стоящих около кофейного аппарата. Ни один из них даже не поднимает на нас глаз.

Руиз идет быстро и говорит медленно:

– Тело было обнаружено в одиннадцать ноль-ноль в воскресенье утром, закопанное в неглубокую яму. За пятнадцать минут до этого поступил анонимный звонок с телефонного автомата в четверти мили отсюда. Звонивший утверждал, что его собака вырыла из земли кисть человеческой руки.

Мы проходим сквозь двойные двери из оргстекла и уворачиваемся от тележки, которую катит служащий. Белая клеенка накрывает то, что, как я понимаю, является трупом. Там, где должна быть грудь, качается ящик с пробирками, заполненными кровью и мочой.

Мы подходим к приемной с большой стеклянной дверью. Руиз стучит по стеклу, и сидящая за столом оператор открывает автоматический замок. У нее выветленные волосы, отросшие у корней, и брови, выщипанные до толщины зубной нити. Вдоль стен стоят каталоги и висят белые доски. На противоположной стороне – большая дверь из нержавеющей стали с надписью «Служебное помещение».

Внезапно в голове моей всплывает воспоминание времен практики, когда я упал в обморок на нашем первом занятии в морге. Когда я очнулся, кто-то держал у меня под носом нашатырь. Тогда преподаватель выбрал меня, чтобы продемонстрировать классу, как ввести 150-миллиметровую иглу в печень и взять анализ на биопсию. Впоследствии он поздравил меня с тем, что я побил рекорд колледжа по количеству органов, проткнутых одной иглой.

Руиз протягивает оператору письмо.

– Вы хотите, чтобы я организовала полный осмотр?

– Нет, достаточно холодильника, – отвечает он. – Но мне понадобится санитарный пакет.

Она протягивает ему большой коричневый бумажный пакет.

Замок на тяжелой двери открывается со свистом, как вакуумная упаковка, и Руиз отступает, пропуская меня вперед. Я готовлюсь к запаху формальдегида – запаху, с которым у меня после обучения в медицинской школе ассоциируются трупы. Вместо этого я чувствую легкий запах антисептика и хозяйственного мыла.

Аккуратный ряд тележек. Стены из блестящей стали. Три из них занимают металлические стеллажи с ячейками, напоминающие огромные каталоги, с большими квадратными ручками.

Я осознаю, что Руиз все еще говорит:

– Согласно заключению патологоанатома, она пролежала в земле девять-десять дней. Полностью обнажена, на ней были только туфли и медальон с изображением святого Христофора на золотой цепочке. Мы не нашли остальную одежду. Никаких признаков сексуального насилия... – Он сверяется с табличкой на ячейке и берется за ручку. – Я думаю, вы поймете, почему мы не сомневаемся в причине смерти.

Выдвижной ящик плавно скользит на шарнирах. Я отшатываюсь, складываюсь пополам и содрогаюсь, а Руиз протягивает мне бумажный пакет. Очень трудно вздохнуть, когда тебя тошнит.

Руиз невозмутим.

– Как видите, левая сторона лица покрыта синяками и глаз заплыл. Кто-то хорошо над ней поработал. Вот почему мы показывали рисунок, а не фотографию. На теле более двадцати ножевых ранений, каждое из которых глубиной всего дюйм. Но вот в чем загвоздка: все до одного были нанесены ею самостоятельно. Она заметно колебалась. Ей приходилось собираться с духом, чтобы всадить лезвие в кожу.

Поднимая голову, я вижу отражение лица Руиза в блестящей стали. Только сейчас замечаю его страх. Должно быть, инспектор расследовал десятки преступлений, но на этот раз все по-другому, потому что он не понимает.

Мой желудок пуст. Покрытый холодным потом, я выпрямляюсь и смотрю на тело. Никто не позаботился о женском достоинстве бедняжки. Она обнажена, руки вытянуты вдоль тела, ноги сложены вместе. Тусклая бледность кожи делает ее похожей на мраморную статую, только над этой статуей надругались. Грудь, руки и бедра покрыты алыми и розовыми штрихами. Там, где кожа натянута, раны зияют, как пустые глазницы. В других местах они естественным образом закрылись и словно плачут. Я видел вскрытие в медицинской школе.

Я знаю процедуру. Ее сфотографировали, отскребли и отмыли, а затем разрезали от горла до промежности. Взвесили органы и проанализировали содержимое желудка. Пробы жидкостей, частицы кожи и грязи из-под ногтей запечатали в пластик или стекло. Некогда

яркое, энергичное, трепещущее человеческое существо стало экспонатом А.

– Сколько ей было лет?

– От двадцати пяти до тридцати пяти.

– Почему вы думаете, что она была проституткой?

– Уже прошло почти две недели, а никто не сообщил об ее исчезновении. Вы лучше меня знаете, как живут проститутки. Они исчезают на несколько дней и даже недель, а потом появляются в совершенно других районах красных фонарей. Некоторые ездят к клиентам, некоторые работают на стоянках грузовиков. Если бы у этой девушки была тесная связь с семьей или друзьями, кто-нибудь уже заявил бы о том, что она исчезла. Конечно, может оказаться, что она иностранка, но мы ничего не получали от Интерпола.

– Не понимаю, чем я-то могу помочь?

– Что *вы* можете о ней сказать?

Хотя жутко смотреть на ее изуродованное лицо, я уже вглядываюсь в детали. У нее светлые волосы, стрижка короткая и практичная: за такой легко ухаживать. Уши не проколоты. Ногти подстрижены и ухожены. На пальцах нет ни колец, ни признаков, что она их носила. Она стройна, кожа бледная, бедра шире груди. Брови аккуратно выщипаны, в области бикини – четкий треугольник после недавней восковой эпиляции.

– Она была покрашена?

– Неяркая помада, глаза подведены.

– Мне нужно присесть и почитать отчет о вскрытии.

– Я найду нам пустой кабинет.

Десять минут спустя я сижу один за столом и смотрю на груды альбомов с фотографиями и папок с документами. В этой куче лежат отчет о вскрытии и результаты анализов крови. Я смотрю на заключение.

## **Коронер Вестминстера D**

### **Отчет о вскрытии.**

ИМЯ не установлено.

№ ВСКРЫТИЯ DX-34468.

ДАТА РОЖДЕНИЯ не установлено.

ДАТА И ВРЕМЯ СМЕРТИ не установлено.

ВОЗРАСТ не установлено.

ДАТА И ВРЕМЯ ВСКРЫТИЯ 10.12.2000 09.15.

ПОЛ женский.

Заключение патологоанатома:

1. Четырнадцать резаных и рваных ран на груди, животе и бедрах глубиной 1,2 дюйма и шириной от трех до половины дюйма.

2. Четыре рваные раны на левом предплечье.

3. Три рваные раны на левой стороне шеи и плече.

4. Ранения нанесены сверху вниз и представляют собой комбинацию колюще-режущих движений.

5. Характер наиболее глубоких ранений выдает нерешительность в действиях наносившего их.

6. Кровоизлияния и опухоль на левой скуле и в области левого глаза.

7. Небольшие отеки на правом предплечье и ссадины на берцовой кости и пятке правой ноги.

8. Ротовое, вагинальное и ректальное отверстия чисты.

Предварительное токсикологическое исследование:

СОДЕРЖАНИЕ ЭТАНОЛА В КРОВИ не выявлено.

СОДЕРЖАНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ ВЕЩЕСТВ В КРОВИ не выявлено.

Причина смерти:

Рентгеновский снимок зафиксировал наличие воздуха в правом желудочке сердца, указывающее на обширное попадание воздуха в сосуды, вызвавшее смерть.

Я быстро пробегаю глазами отчет в поисках деталей. Меня не интересуют подробности ее смерти. Я ищу указания на то, как она жила. У нее были рубцы на коже? Обнаружены ли следы наркотической зависимости или венерических заболеваний? Что она в последний раз ела? Как давно она ела?

Руиз входит без стука.

– Я решил, что вам с молоком и без сахара. – Он ставит пластиковый стакан на стол, а затем похлопывает себя по карманам в поисках сигарет, существующих только в его воображении. Сжимает зубы. – Итак, что вы можете мне сказать?

– Она не была проституткой.

– Почему?

– Средний возраст девушек, когда они выходят на панель, всего лишь шестнадцать. Этой женщине лет двадцать пять – тридцать. Нет следов длительной сексуальной активности или болезней, передающихся половым путем. Среди проституток часты аборт, поскольку их вынуждают не предохраняться, но эта женщина никогда не была беременна.

Руиз трижды стучит по столу, словно ставя многоточие. Он хочет, чтобы я продолжал.

– Проститутки высшего пошиба торгуют фантазиями. Они заботятся о своей внешности и впечатлении, которое производят. У этой женщины коротко подстриженные ногти, мальчишеская стрижка и минимальный макияж. На ней были удобные туфли и мало украшений. Она не пользовалась дорогой косметикой и не красила ногти. Область бикини скромно выбрита...

Руиз снова ходит по комнате, приоткрыв рот и изогнув брови.

– ...Она следила за собой. Регулярно занималась спортом и ела здоровую пищу. Возможно, боялась располнеть. Я бы сказал, что уровень ее интеллектуального развития был средним или слегка выше среднего. Ее семья скорее всего принадлежала к среднему классу, и она училась в соответствующей школе. Не думаю, что она жила в Лондоне. Иначе кто-нибудь уже заявил бы о ее пропаже. Женщины такого рода не пропадают. У нее есть семья и друзья. Но если она приехала в Лондон устраиваться на работу или в отпуск, они, видимо, не ждали от нее скорых вестей. Но через некоторое время они начнут волноваться.

Слегка отодвигаю стул, но не решаюсь встать. Что еще я могу сказать?

– На ее медальоне изображен не святой Христофор. Я думаю, что это святой Камилл. Если присмотреться, видно, что он держит кувшин и полотенце.

– А кто он такой?

– Святой-покровитель медсестер.

Мое утверждение привлекает внимание инспектора. Он склоняет голову набок, и я почти ясно вижу, как он фильтрует информацию.

Правой рукой он открывает спичечный коробок и снова закрывает его. Открывает и закрывает.

Я перебираю бумаги и бросаю взгляд на полный отчет о вскрытии. Один абзац привлекает мое внимание.

Обнаружены признаки старых ранений вдоль правого и левого предплечий и на внутренней стороне бедер. Степень зарубцованности указывает на попытки самостоятельного наложения швов. Эти раны вероятнее всего были нанесены собственноручно и свидетельствуют о прошлых попытках членовредительства.

– Мне надо посмотреть фотографии.

Руиз подталкивает ко мне альбомы и одновременно объявляет:

– Я пойду позвоню. Возможно, у нас есть заявление о пропавшей женщине. Рентгенолог из Ливерпуля две недели не получала известий о своей соседке по квартире. Пропавшая по возрасту, росту и цвету волос подходит под описание нашей Джейн Доу. И – как вам такое совпадение, Шерлок? – она была медсестрой.

После его ухода я открываю первый альбом и быстро переворачиваю страницы. Когда я осматривал тело, руки были прижаты к бокам. Я не видел запястья и внутреннюю сторону бедер. Членовредительница с множественными ножевыми ранами, все нанесены самостоятельно... Конечно, это всего лишь совпадение.

На первых фотографиях запечатлена панорама разрытой земли, усеянной ржавяющими сорокачетырехгалонными цилиндрами, мотками проволоки и обломками лесов. Гранд-Юнион-канал образует непосредственный фон, но на заднем плане я вижу несколько аккуратно подстриженных деревьев и надгробные камни между ними.

Фотографии начинают фокусироваться на берегах канала. Белосиняя полицейская лента натянута среди металлических столбиков, чтобы оградить место обнаружения тела.

Второй набор фотографий изображает яму и белый блик, похожий на пустую пачку из-под молока. На крупных планах становится видно, что это кисть руки с растопыренными пальцами, высывающаяся из-под земли. Почву аккуратно разгребают, просеивают и упаковывают. Наконец обнажается труп, одна нога неестественно вывернута, левая рука лежит на лице, словно прикрывая глаза от света прожекторов.

Я быстро перелистываю страницы, пока не дохожу до фотографий вскрытия. Камера фиксирует каждое пятнышко, царапину и синяк. Я

смотрю на один из снимков.

Вот оно. Ее руки на тусклом серебре стола лежат так, что видна их внутренняя сторона. Я неловко поднимаюсь и снова иду по коридору. Левая нога отказывается, и мне приходится переносить ее вперед по дуге.

Оператор впускает меня в хранилище, и несколько секунд я снова смотрю на те же металлические ячейки. Четыре вправо, три вниз. Я сверяюсь с табличкой, берусь за ручку и открываю дверцу. На этот раз я принуждаю себя посмотреть на ее отекавшее лицо. Узнавание подобно маленькой искорке, от которой заводятся огромные машины. Воспоминания гудят в голове. Ее волосы теперь короче. Она поправилась, но не сильно.

Взяв ее правую руку, я выворачиваю ее и провожу кончиками пальцев по молочно-белым шрамам. На бледной коже они кажутся складками, которые сливаются, пересекаются и исчезают. Она многократно вскрывала эти раны, распарывая швы или заново разрезая кожу. Никому не полагалось знать об этом, но однажды я был посвящен в ее тайну.

– Решили взглянуть еще раз? – Руиз стоит в дверях.

– Да. – Я не могу скрыть дрожь в голосе.

Руиз встает передо мной и закрывает ячейку.

– Вам нельзя находиться здесь одному. Надо было подождать меня, – говорит он с нажимом.

Я бормочу извинения и мою руки в раковине, чувствуя на себе его взгляд. Я должен что-то сказать.

– Как насчет Ливерпуля? Вы выяснили, кто...

– Соседку по квартире доставят в Лондон сотрудники местного уголовного розыска. Уже днем мы сможем установить личность.

– Значит, вы знаете имя?

Он не отвечает. Вместо этого меня провожают по коридору и заставляют подождать, пока он соберет фотографии и отчеты о вскрытии. Затем я иду за ним по подземному лабиринту и выхожу через двойные двери в гараж.

Все это время меня не покидает мысль, что я должен что-то сказать. Я должен ему признаться. И в то же время какая-то извилина в моем мозгу настаивает: «Это уже не важно». Он и так знает ее имя. Что прошло, то прошло. Это старая история.

- Я обещал вам завтрак.
- Я не голоден.
- А я голоден.

Мы проходим под потемневшим железнодорожным мостом и идем по узкой улочке. Кажется, Руиз знает все тупики и закоулки. Для своей комплекции он шагает удивительно легко, огибая лужи и собачье дерьмо.

Большая витрина кафе запотела, а может, покрыта пленкой или жиром от фритюрницы. Колокольчик тренькает над нашими головами, когда мы входим. Нас окутывает спертый воздух, пропитанный сигаретным дымом.

В кафе почти пусто, если не считать двух тощих старичков в кофтах, которые играют в шахматы в углу, и повара-индийца в переднике, заляпанном желтком. Уже близится полдень, но в кафе подают завтрак весь день. Бобы, жареная картошка, яйца, бекон, грибы – в любых сочетаниях. Руиз занимает столик у окна.

- Что будете?
- Кофе.
- Местный кофе дрянь.
- Тогда чай.

Он заказывает английский завтрак и дополнительно тосты и два чайника с чаем. Потом роется в карманах в поисках сигарет, спохватывается и бормочет, что забыл телефон.

– Я не получил никакого удовольствия, втянув вас во все это, – говорит он.

- А по-моему, получили.
- Ну, может, чуть-чуть. – В его глазах мелькает улыбка, но не торжество.

Нетерпение, которое я заметил в нем прошлой ночью, исчезло. Он более расслаблен и философичен.

- Вы знаете, как становятся следователями, профессор О'Лафлин?
- Нет.

– Раньше это зависело от того, сколько преступлений ты раскрыл и скольких людей избил. Теперь важно, чтобы на тебя поступило как можно меньше жалоб и чтобы ты укладывался в бюджет. Нынешним людям я кажусь динозавром. С тех пор как вышел Указ о полицейских и криминальных расследованиях, сотрудники вроде меня просто

доживают свой срок. Теперь говорят об актуальной полиции. Знаете, что это значит? Это значит, что количество следователей, которых они посылают на дело, зависит от того, насколько велики заголовки в газетах. Теперь не полиция, а средства массовой информации управляют следствием.

– Я ничего не читал об этом деле, – говорю я.

– Это потому, что все думают, что жертва была проституткой. Если окажется, что она чертова Флоренс Найтингейл или герцогская дочка, то я получу в свое распоряжение сорок детективов вместо нынешних двенадцати. Помощник главного констебля возьмет дело под личный контроль из-за его «запутанной природы». Каждое донесение будут проверять в его канцелярии, станут визировать каждую строчку протокола.

– Почему они поручили это дело вам?

– Потому что, как я сказал, они думали, что имеют дело с мертвой проституткой. «Передайте Руизу, – сказали они. – Он настучит всем по головам и нагонит страх Божий на сутенеров». Ну и что, что те будут возражать? В моем личном деле столько жалоб, что внутренний отдел отвел для него отдельный ящик!

Горстка японских туристов проходит мимо окна и останавливается. Они разглядывают меню на черной доске, затем Руиза и решают продолжить путь. Нам приносят завтрак и вилку с ножом, завернутые в бумажную салфетку. Руиз поливает яйца коричневым соусом и принимается резать их. Я стараюсь не смотреть, как он ест.

– Похоже, вы хотите о чем-то спросить, – говорит он между двумя глотками.

– Как ее имя?

– Вы знаете правила. Я не должен разглашать детали до тех пор, пока мы не установим личность и не сообщим ближайшим родственникам.

– Я просто подумал... – Я не заканчиваю фразы.

Руиз отхлебывает чай и намазывает маслом свой тост.

– Кэтрин Мери Макбрайд. В прошлом месяце ей исполнилось двадцать семь. Медсестра, но это вы уже знаете. По словам соседки, приезжала в Лондон устраиваться на работу.

Хотя я и знал ответ, сказанное потрясает меня. Бедная Кэтрин. Сейчас и нужно сказать ему. Вообще-то я должен был бы сказать ему сразу. Почему я пытаюсь всему найти объяснение? Почему просто не говорю то, что приходит в голову?

– Почему вы сказали «бедная Кэтрин»?

Должно быть, я размышлял вслух. Глаза выдают меня. Руиз со стуком кладет вилку на тарелку. В нем вспыхивают гнев и подозрения.

– Вы ее знали.

Это звучит как обвинение, а не утверждение. Он зол.

– Сначала я не узнал ее. На рисунке, который вы показывали вчера вечером, мог быть изображен кто угодно. Я думал, вы ищете проститутку.

– А сегодня?

– Ее лицо так распухло. Она была такой... такой изуродованной. Я не догадался, пока не увидел шрамы. Она была моей пациенткой.

Он не удовлетворен.

– Соврите мне еще раз, профессор, и я вставлю свой ботинок так глубоко вам в задницу, что у вас изо рта будет пахнуть гуталином.

– Я не врал вам. Я просто хотел убедиться.

Он смотрит мне прямо в глаза.

– И когда вы собирались мне признаться?

– Я бы сказал вам.

– Да уж, конечно! – Он отталкивает тарелку в центр стола. – Ну, давайте, рассказывайте: почему Кэтрин лечилась у вас?

– Эти шрамы на запястьях и бедрах – она причиняла себе страдания.

– Пыталась покончить с собой?

– Нет.

Я вижу, как Руиз пытается переварить информацию. Наклоняясь вперед, я пытаюсь объяснить ему, как ведут себя люди, когда очень смущены или переполнены негативными эмоциями. Некоторые пьют. Другие переедают, бьют жен или пинают кошек. И на удивление многие держат руку на раскаленной поверхности или режут кожу бритвой. Это механизм борьбы с эмоциональными перегрузками. Они говорят, что таким образом превращают внутреннюю боль во внешнюю. Придавая ей физическое воплощение, они легче справляются с нею.

– И с чем Кэтрин пыталась справиться?

– В основном с низкой самооценкой.

– Где вы с ней познакомились?

– Она была медсестрой в больнице Ройал-Марсден. Я работал там консультантом.

Руиз помешивает чай в чашке, вглядываясь в него так, словно ждет ответа. Внезапно он отодвигает стул, подтягивает брюки и встает.

– Вы любопытный мерзавец, знаете ли. – Пятифунтовая купюра ложится на стол, и я выхожу вслед за ним на улицу. Пройдя шагов десять по тротуару, он останавливается и поворачивается ко мне. – Прекрасно, скажите мне одну вещь. Я расследую убийство или девушка покончила с собой?

– Ее убили.

– То есть ее заставляли это делать – наносить себе все эти порезы? Если забыть об изуродованном лице, нет никаких признаков того, что ее связывали, затыкали рот, запирали или принуждали ранить себя. Вы можете это объяснить?

Я отрицательно качаю головой.

– Но ведь это *вы* психолог! *Вам* положено понимать мир, в котором мы живем. Я всего лишь детектив, и такие вещи не входят в мои проклятые обязанности.

Насколько я помню, я не напивался с самого рождения Чарли, когда Джок взял на себя обязанность накачать меня до бесчувствия, потому что именно так поступают интеллигентные, благоразумные и сознательные отцы, когда небо благословляет их ребенком.

Купив новую машину, перестаешь пить, приобретаешь новый дом, не можешь себе этого позволить, но, получив нового ребенка, необходимо «обмыть младенца» или, как в моем случае, проблеваться в кебе, едущем по Марбл-Арч.

Я не напился даже тогда, когда Джок сказал мне о болезни Паркинсона. Вместо этого я пошел и переспал с женщиной, которая не была моей женой. И никакого похмелья. Однако чувство вины не проходит до сих пор.

Сегодня за ланчем я выпил две двойные водки – в первый раз. Я хотел напиться, потому что не могу выкинуть образ Кэтрин Макбрайд из головы. Я вижу не лицо, а ее бесстыдно обнаженное, ничем не прикрытое тело. Я хочу защитить ее. Я хочу укрыть ее от циничных взглядов.

Теперь я понимаю Руиза – не его слова, а выражение его лица. Это дело не стало страшным итогом диких страстей. Не было оно и повседневным кухонным убийством, вызванным жадностью или ревностью. Кэтрин Макбрайд страдала ужасно. Каждый порез отнимал у нее силы, как копые бандерильеро, вонзаемое в шею быку.

Американский психолог по имени Дэниел Вегнер в 1987 году провел знаменитый эксперимент по подавлению мыслей. В тесте, который мог бы придумать Достоевский, он попросил группу людей не думать о белом медведе. Всякий раз, когда белый медведь возникал в их мыслях, они должны были нажимать на звонок. Как испытуемые ни старались, ни один из них не смог избежать запретной мысли дольше нескольких минут.

Вегнер сделал вывод о двух мыслительных процессах, противоположных друг другу. Один состоит в попытке думать о чем угодно, только не о белом медведе, а другой исподволь выводит на первый план ту самую вещь, которую мы пытаемся забыть.

Кэтрин Макбрайд – это мой белый медведь. Я не могу выкинуть ее из головы.

Надо было пойти во время ланча домой и отменить вечерние приемы. Вместо этого я ждал Бобби Морана, который опять опаздывал. Мина встречает его очень холодно. В шесть она хочет уйти домой.

– Не хотел бы я быть женат на вашей секретарше, – говорит Бобби и сразу же спохватывается: – Она ведь не ваша жена?

– Нет.

Я указываю ему на стул. Его ягодички заполняют все сиденье. Он дергает себя за рукава пальто и выглядит рассеянным и обеспокоенным.

– Как поживаете?

– Нет, спасибо, я только что выпил.

Я молчу, проверяя, поймет ли он, что ответил невпопад. Он не реагирует.

– Вы знаете, о чем я вас сейчас спросил, Бобби?

– Хочу ли я чаю или кофе.

– Нет.

На миг его лицо омрачается сомнением.

– Но потом вы собирались предложить мне чаю или кофе.

– Значит, вы читаете мои мысли?

Он нервно улыбается и качает головой.

– Вы верите в Бога? – спрашивает он.

– А вы?

– Раньше верил.

– А что случилось потом?

– Я не смог Его найти. А ведь считается, что Он повсюду. То есть я хочу сказать, не может же Он играть в прятки. – Он бросает взгляд на свое отражение в темном стекле.

– А какой бы Бог вам понравился, Бобби: карающий или милосердный?

– Карающий.

– Почему?

– Люди должны платить за свои грехи. Не следует прощать их только потому, что они сожалеют или раскаиваются на смертном одре. Когда мы поступаем плохо, нас надо наказывать.

Последняя фраза звенит в воздухе, как медная монетка, брошенная на стол.

– О чем вы сожалеете, Бобби?

– Ни о чем.

Он отвечает слишком быстро. Все в его поведении красноречиво свидетельствует об обратном.

– Что вы чувствуете, когда выходите из себя?

– Как будто мой мозг кипит.

– Когда вы чувствовали это в последний раз?

– Несколько недель назад.

– Что случилось?

– Ничего.

– Кто вас рассердил?

– Никто.

Бесполезно задавать ему прямые вопросы, потому что он просто игнорирует их. Вместо этого я возвращаю его ко времени события, чтобы столкнуть с мертвой точки, как сталкивают валун вниз с холма. Я знаю дату – 11 ноября: именно в тот день он не пришел на прием. Я спрашиваю его, во сколько он проснулся. Что ел на завтрак. Когда вышел из дома. Медленно я подвожу его к моменту, когда он потерял контроль над собой. Он поехал на метро в Вест-Энд и зашел в ювелирный магазин в Хэттон-гарден. Весной они с Арки собираются пожениться. Бобби договорился забрать обручальные кольца. Он поссорился с ювелиром и вышел из магазина в ярости. Шел дождь. Он опаздывал. Он стоял на Холборн-серкус, пытаясь поймать кеб.

Дойдя до этого момента, Бобби снова отступает и меняет тему.

– Как вы думаете, кто победит в схватке между тигром и львом? – спрашивает он ни с того ни с сего.

– Зачем вам это?

– Я хочу знать ваше мнение.

– Тигры и львы не дерутся друг с другом. Они живут в разных частях света.

– Да, но если бы они подрались, кто победил бы?

– Это праздный вопрос. Бессмысленный.

– А разве не этим занимаются психологи: задают бессмысленные вопросы? – Всего за миг его поведение полностью изменилось. Внезапно став самоуверенным и агрессивным, он тычет в меня

пальцем. – Вы спрашиваете людей, что бы они сделали в гипотетических ситуациях. Почему бы вам не проделать это со мной? Вперед! «Что бы я сделал, если бы первым обнаружил пожар в кинотеатре?» Разве не такие вопросы вы задаете? потушил бы я огонь? Или пошел бы к менеджеру? Или эвакуировал бы всех из здания? Я знаю, что делают такие, как вы. Вы берете безобидный ответ и пытаетесь выставить разумного человека ненормальным.

– Вы так думаете?

– Я это знаю.

Он говорит об оценке умственного развития. Очевидно, Бобби раньше уже обследовали, но в его истории болезни об этом не упоминается. Каждый раз, когда я пытаюсь надавить на него, он отвечает мне враждебностью. Настало время это изменить.

– Позвольте мне сказать то, что я знаю, Бобби. В тот день что-то случилось. Вы были на взводе. У вас был тяжелый день. Проблема в ювелире? Что он сделал?

Мой голос резок и беспощаден. Бобби вздрагивает и раздувается от ярости.

– Он лживый негодяй! Он неправильно выгравировал надпись на кольцах. Он неправильно написал имя Арки, а мне сказал, что это я ошибся. Заявил, что я дал ему неверный образец. Мерзавец хотел взять с меня дополнительную плату.

– Что вы сделали?

– Разбил его стеклянный прилавок.

– Как?

– Кулаком.

Он поднимает руку и демонстрирует мне желтые и сиреневые синяки на тыльной стороне ладони.

– А что случилось потом?

Он пожимает плечами и мотает головой. Не может быть, чтобы на этом все закончилось. Должно быть что-то еще. Во время последнего сеанса он говорил, что должен был наказать «ее» – женщину. Видимо, это случилось после того, как он вышел из магазина. Он стоял на улице, разъяренный, его мозг кипел.

– Где вы впервые ее заметили?

Он быстро моргает.

– Она выходила из музыкального магазина.

- А вы что делали?
- Ждал такси. Шел дождь. Она заняла мой кеб.
- Как она выглядела?
- Я не помню.
- Вы говорите, что она заняла ваш кеб. Вы ей что-нибудь сказали?
- Не думаю.
- А что вы сделали?

Он вздрагивает.

- С ней кто-нибудь был?

Он смотрит на меня в замешательстве:

- Что вы имеете в виду?
- С кем она была?
- С мальчиком.
- Какого возраста?
- Может, пяти или шести лет.
- Где был мальчик?

– Она тащила его за руку. Он кричал. Правда, по-настоящему кричал. Она пыталась не обращать на него внимания. Он как мертвый повис у нее на руке, и ей приходилось тащить его. А ребенок все кричал и кричал. И я задумался, почему она не говорит с ним. Как она может позволять ему кричать? Ему больно и страшно. Ни один человек вокруг ничего не делал. Меня это разозлило. Как они могли просто стоять и смотреть?

- На кого вы разозлились?

– На всех них. Меня разозлило их безразличие. Меня разозлила безответственность этой женщины. Я злился на себя, из-за того что ненавидел этого мальчика. Я хотел, чтобы он замолчал...

- И что же вы сделали?

Его голос понижается до шепота:

– Я хотел, чтобы она заставила его замолчать. Я хотел, чтобы она его выслушала. – Он резко обрывает фразу.

- Вы сказали ей что-нибудь?

– Нет.

- Тогда что?

– Дверь кеба была открыта. Женщина затолкнула ребенка внутрь. Тот отбивался ногами. Она влезла за ним и повернулась, чтобы закрыть дверь. Ее лицо как маска... пустое, понимаете? Она

размахивается и – бац! – бьет его локтем прямо по лицу. Он отлетает назад...

Бобби переводит дыхание и вроде бы собирается продолжать, но останавливается. Повисает тишина. Я позволяю ей заполнить его сознание – до самых уголков.

– Я вытащил ее из кеба за волосы. Я ударил ее лицом о боковое стекло. Она упала и хотела откатиться, но я стал пинать ее.

– Вы думали, что наказываете ее?

– Да.

– Она этого заслуживала?

– Да!

Он смотрит прямо на меня, его лицо бледно как мел. В этот момент я представляю себе ребенка в одиноком уголке игровой площадки, полного, высокого, неуклюжего, носящего прозвища вроде Жирдяй или Мешок с Салом; ребенка, для которого мир представляется огромным пустым пространством. Ребенка, который мечтает стать невидимкой, но обречен выделяться из толпы сверстников.

– Сегодня я нашел мертвую птицу, – рассеянно произносит Бобби. – У нее была сломана шея. Может, она налетела на машину.

– Возможно.

– Я убрал ее с дороги. Тельце было еще теплым. Вы когда-нибудь думаете о смерти?

– Я считаю, что все о ней иногда задумываются.

– Некоторые люди заслуживают смерти.

– И кому это решать?

Он горько смеется:

– Уж точно не таким, как вы.

Сеанс затянулся, но Мина все равно уже ушла домой к своим кошкам. Большинство соседних кабинетов закрыты и погружены во тьму. По коридорам ходят уборщицы, опустошая мусорные корзины и сдирая своими тележками краску с бордюров.

Бобби ушел. Но даже сейчас, взглядываясь в потемневший квадрат окна, я легко представляю его потное лицо, забрызганное кровью той несчастной женщины.

Я должен был это предвидеть. Он мой пациент, я несу за него ответственность. Я знаю, что не могу водить его за руку или заставлять приходить на прием, но это не приносит облегчения. Бобби почти плакал, описывая, как его задержали, но сочувствовал он себе, а не женщине, на которую напал.

Мне трудно сочувствовать некоторым пациентам. Они платят девяносто фунтов и за это смотрят в пол или жалуются на то, что, по-хорошему, должны обсуждать со своими близкими, а не со мной. Бобби не похож на них. Не знаю почему. Иногда он кажется мне совсем жалким в своей неуклюжести и все же временами поражает меня своей уверенностью и умом. Он смеется не там, где надо, неожиданно взрывается, а его глаза бледны и холодны, как бутылочное стекло.

Иногда я думаю, что он чего-то ждет, словно горы вот-вот сдвинутся или произойдет парад планет. И как только все встанет на свои места, он объяснит мне, что же происходит на самом деле.

Я не могу этого ждать. Я должен понять его сейчас.

Мохаммеду Али много за что надо ответить. Когда он зажигал олимпийский огонь в Атланте, на всей планете не было ни одной пары сухих глаз.

Почему мы плакали? Потому что великий спортсмен опустился до этого – трясущегося, бормочущего, дергающегося калеки. Человек, когда-то танцевавший как бабочка, теперь дрожал, как желе.

Мы особенно остро переживаем за спортсменов. Когда тело отказывает ученому вроде Стивена Хоукинса, мы воображаем, что он продолжит жить своим умом, но атлет-калека – все равно что птица со сломанным крылом. Когда возносишься на самую вершину, трудно зато приземляться.

Сегодня пятница, и я сижу в приемной Джока. Я привык к этому прозвищу, хотя на самом деле его зовут доктор Эмлин Роберт Оуэнс; он шотландец с уэльским именем.

Коренастый, почти квадратный мужчина с могучими плечами и бычьей шеей, он больше похож на бывшего боксера, чем на нейрохирурга. На стенах его приемной висят репродукции Сальвадора Дали и фотография Джона Макинроя с кубком Уимблдона. Макинрой написал на ней: «Не может быть!»

Джок велит мне сесть на смотровой стол, затем закатывает рукава. У него толстые смуглые руки. Вот почему мяч с его подачи летит со скоростью реактивного снаряда. Игра в теннис с Джоком на восемьдесят процентов состоит из боли. Каждый удар отбивается изо всех сил и нацеливается прямо в твое тело. Даже на абсолютно пустом корте он пытается всадить мяч в меня.

Мои регулярные пятничные теннисные поединки с Джоком объясняются отнюдь не любовью к теннису. Они – дань прошлому. Они посвящены высокой, стройной студентке, которая предпочла меня ему. Это было почти двадцать лет назад, и теперь она моя жена. Это до сих пор выводит его из себя.

– Как Джулиана? – спрашивает он, светя мне в глаза тонким фонариком.

– Хорошо.

– Что она думает о деле на краю крыши?  
– Она до сих пор пилит меня.  
– Ты сказал кому-нибудь о своем состоянии?  
– Нет, ты говорил, что я могу вести себя нормально.  
– Вот именно, *нормально*. – Он открывает папку и что-то строчит. – Есть дрожь?

– В общем-то, нет. Иногда, когда я пытаюсь встать с кровати или со стула, мой рассудок говорит: «Вставай!», но больше ничего не происходит.

Он делает еще одну заметку.

– Типичное явление! У меня такое случается постоянно, особенно когда по телику идет регби.

Он принимается ходить из стороны в сторону и смотрит, как мои глаза следят за его движениями.

– Как ты спишь?

– Не очень.

– Ты должен купить аудиозапись для релаксации. Знаешь, о чем я? Какой-нибудь парень говорит ужасно нудным голосом и вгоняет тебя в сон.

– Для этого я прихожу сюда.

Джок особенно усердно ударяет меня по коленке резиновым молоточком, заставляя вздрогнуть.

– Должно быть, задел смешливую кость, – говорит он саркастически. Отступает назад. – Отлично, процедуру ты знаешь.

Я закрываю глаза и соединяю руки – указательный палец к указательному, средний к среднему и так далее. Мне это почти удается, но безымянные пальцы соскальзывают друг с друга. Я пытаюсь заново, и на сей раз средние пальцы не встречаются там, где им положено.

Джок ставит локоть на стол и приглашает меня к состязанию в армрестлинг.

– Я потрясен, какие у вас тут, ребята, высокие технологии, – говорю я, готовясь к бою. Его рука стискивает мои пальцы. – Я уверен, что ты делаешь это ради собственного удовольствия. Возможно, это не имеет никакого отношения к процедуре осмотра.

– Как ты догадался? – говорит Джок, пока я давлю на его руку. Я чувствую, как кровь приливает к моему лицу. Он играет со мной. Хоть

бы раз одолеть мерзавца!

Признавая поражение, я откидываюсь назад и разминаю пальцы. На лице Джокса нет признаков торжества. Не дожидаясь указаний, я встаю и принимаюсь ходить по комнате, пытаюсь размахивать руками, как в марше. Левая рука, кажется, висит неподвижно.

Джок снимает целлофановую оболочку с пачки сигар и отрезает кончик одной. Он обводит его языком и облизывает губы, прежде чем прикурить. Затем закрывает глаза и улыбается сквозь дым.

– О боже, как же я всегда жду первой! – говорит он. Он смотрит, как дым поднимается к потолку, позволяя ему заполнить тишину так же, как он заполняет пространство.

– Итак, каков вывод? – спрашиваю я в волнении.

– У тебя болезнь Паркинсона.

– Я это уже знаю.

– Что еще ты хочешь услышать?

– Что-нибудь, чего я не знаю.

Он покусывает сигару.

– Ты же изучал литературу. Держу пари, ты можешь рассказать мне все об этой болезни – каждую теорию, исследовательскую программу, истории знаменитых больных. Ну же, скажи мне. Какие лекарства я должен выписать? Какую диету?

Для меня непереносим тот факт, что он прав. Я могу рассказать ему в стихах и в прозе. Весь этот месяц я часами шарил в Интернете и читал медицинские журналы. Я знаю все о докторе Джеймсе Паркинсоне, английском враче, описавшем в 1817 году заболевание, которое он назвал «дрожательный паралич». Известно, что в Великобритании этой болезнью поражены сто двадцать тысяч человек. Большинство из них – люди старше шестидесяти, но каждый седьмой заболевший моложе сорока. Примерно у трех четвертей заболевших с самого начала проявляется дрожь, у других же она может не развиваться никогда.

Конечно, я искал ответы. А он чего ожидал? Правда, ответов найти нельзя. Все эксперты утверждают одно и то же: болезнь Паркинсона – одно из самых загадочных и сложных заболеваний.

– А что тесты, которые ты провел?

– Результаты еще не пришли. Я получу их на следующей неделе. Тогда и обсудим курс медикаментов.

– Каких медикаментов?

– Коктейль.

Он говорит, как Фенвик.

Джок стряхивает пепел со своей сигары и подается вперед. С каждой нашей встречей он все больше и больше похож на стареющего политика. Скоро начнет носить цветные подтяжки и гольфы.

– Как поживает Бобби Моран?

– Не очень.

– Что случилось?

– Он избил женщину, которая невольно увела его кеб.

Джок забывается и, вдохнув дым, начинает неистово кашлять.

– Очаровательно! Еще один удачный исход!

Именно Джок послал Бобби ко мне. Местный врач прислал его на неврологические тесты, но Джок не нашел никаких физических отклонений, поэтому передал его дальше. Вот его точные слова: «Не волнуйся, он застрахован. Тебе могут на самом деле заплатить».

Джок думает, что я должен был остаться верным «настоящей медицине», когда у меня имелась такая возможность, вместо того чтобы позволять своей общественной сознательности обходиться мне дороже дома. По иронии судьбы в университете он был такой же, как я. Когда я напоминаю ему об этом, он возражает, что просто в те дни все самые симпатичные девушки придерживались левых взглядов. Он был социалистом «лета любви»: готов на все, лишь бы с кем-нибудь переспать.

Никто не умирает от болезни Паркинсона. Умирают с ней. Это одна из избитых острот Джока. Я буквально представляю ее на автомобильной наклейке, потому что она почти так же смешна, как «Оружие не убивает людей, это делают люди».

Мою реакцию на болезнь можно было озаглавить: «Почему я?», но после встречи с Малкольмом на крыше Марседна я приструнил себя. Его болезнь тяжелее моей. Он выиграл.

Я начал понимать, что что-то не так, год и три месяца назад. Сначала появилась усталость. Иногда я словно шел по грязи. Я по-прежнему играл в теннис дважды в неделю и тренировал футбольную команду Чарли. Во время наших тренировочных матчей я справлялся с десятком восьмилеток и воображал себя Зинетдином Зиданом,

плеймейкером, отдающим точные пасы и совершающим эффектные двухходовки.

Но потом я стал замечать, что мяч летит не туда, куда я его посылал, и, совершив резкий рывок, я запутывался в собственных ногах. Чарли думала, что я дурачусь. Джулиана думала, что я ленюсь. Я винил во всем свои сорок два года.

Теперь, оглядываясь назад, я понимаю, что все признаки были налицо. Мой почерк стал еще неразборчивее, а петли и пуговицы превратились в постоянную помеху. Иногда мне было трудно встать со стула, а спускаясь по лестнице, я держался за перила.

Затем настал черед нашего ежегодного паломничества в Уэльс на семидесятилетие моего отца. Я взял Чарли на прогулку по Грейт-Ормсхед, выходящую к заливу Пенрин. Сначала мы видели остров Паффин в отдалении, пока не налетел атлантический шторм, поглотивший его, словно гигантский белый кит. Согнувшись под порывами ветра, мы смотрели, как волны разбиваются о скалы, и чувствовали уколы водяной пыли. И вдруг Чарли спросила меня:

– Папочка, почему ты не двигаешь левой рукой?

– Что ты хочешь сказать?

– Твоя рука. Она просто висит.

И точно, она беспомощно болталась у меня сбоку.

На следующее утро рука, казалось, была в порядке. Я ничего не сказал Джулиане и, уж тем более, родителям. Мой отец – человек, ожидавший назначения на пост личного врача Господа Бога, – обвинил бы меня в ипохондрии и высмеял в присутствии Чарли. Он так и не простил мне, что я оставил медицину и занялся бихевиоризмом и психологией.

Предоставленное самому себе, мое воображение разыгралось не на шутку. Мне мерещились опухоли мозга и тромбы в сосудах. Что если меня хватит удар? Что если за ним последует второй? Я почти убедил себя, что чувствую боль в груди.

Прошел год, прежде чем я отправился к Джоку. К тому времени он сам кое-что заметил. Мы входили в раздевалку на корте, и вдруг меня начало заносить вправо, так что я преградил ему путь. Он также заметил, что моя левая рука безвольно свисает. Джок пошутил на этот счет, но я чувствовал, что он наблюдает за мной.

Не существует анализов, позволяющих выявить болезнь Паркинсона. Опытный невролог вроде Джока полагается на наблюдения. Существует четыре первичных симптома: дрожание рук, ног, челюсти; ригидность (негибкость) конечностей и туловища; замедленность движений и нарушение равновесия и координации.

Болезнь хроническая и прогрессирует. Она не заразна и не передается по наследству. Относительно ее возникновения существует множество теорий. Некоторые ученые винят свободные радикалы, которые вступают в реакцию с соседними молекулами и вызывают повреждение тканей. Некоторые возлагают ответственность на пестициды или другие отравляющие вещества в пищевой цепи. Генетический фактор тоже не исключен полностью, потому что в семьях, кажется, существует определенная предрасположенность к заболеванию, и, возможно, она связана с возрастом. Правда состоит в том, что причина болезни может корениться в комбинации всех этих факторов, а может заключаться в чем-то совершенно ином.

Возможно, мне стоит быть благодарным. Из моего опыта общения с врачами (а с одним из них я вырос) следует, что они могут дать ясный диагноз без всяких оговорок только в том случае, если стоишь в кабинете, скажем, с пистолетом в руке, приставленным к собственному виску.

В половине пятого я на улице, проталкиваюсь сквозь поток людей, спешащих к станциям метро и автобусным остановкам. Я направляюсь к Кавендиш-сквер и останавливаю такси. В это время снова начинается дождь.

Дежурный сержант в полицейском участке Холборна розоволиц и чисто выбрит, волосы прикрывают лысину на макушке. Перегибаясь через стойку, он макает печенье в кружку с чаем, засыпая крошками грудь девушки на третьей странице. Когда я открываю стеклянную дверь, он облизывает пальцы, вытирает их о рубашку и засовывает газету под стойку. Он улыбается, и его щеки трясутся.

Я показываю ему визитную карточку и спрашиваю, нельзя ли мне увидеть протокол задержания Бобби Морана. Его доброе расположение исчезает.

– Мы сейчас очень заняты, вам придется подождать.

Я оглядываюсь через плечо. Камера задержанных практически пуста. Только подросток в рваных джинсах, кроссовках и футболке с изображением «AC/DC» спит на деревянной скамейке. На полу валяются окурки, пластиковые стаканы совокупаются у металлической корзины.

С нарочитой медлительностью сержант подходит к каталогу с файлами у задней стены. Печенье прилипло сзади к его штанам, розовая крошка тает на крестце. Я позволяю себе улыбнуться.

Согласно протоколу задержания, Бобби арестовали в центре Лондона восемнадцать дней назад. Он признал себя виновным на слушании в суде магистрата Боу-стрит, и ему было назначено явиться 24 декабря в Олд-Бейли. Его преступление подпадает под пункт 20-й – нападение с нанесением тяжких телесных повреждений. Максимальное наказание – пять лет тюремного заключения.

Показания Бобби напечатаны на трех страницах через двойной интервал, на полях указаны исправления. Он не упоминает о маленьком мальчике или ссоре с ювелиром. Женщина нарушила очередь. К сожалению, теперь у нее раздроблена скула, сломаны челюсть, нос и три пальца.

– Где я могу найти информацию о залоге?

Сержант перелистывает документы и ведет пальцем по тексту о решении суда.

– Эдди Баррет взял это дело, – ворчит он с отвращением. – Он свернет его быстрее, чем сосчитаешь до двух.

Как Бобби заполучил такого адвоката, как Эдди Баррет? Он самый известный защитник в стране, прославившийся своим хвастовством и луженой глоткой.

– Каков был залог?

– Пять кусков.

Принимая во внимание обстоятельства Бобби, это кажется непомерной суммой.

Я смотрю на часы. Еще только половина шестого. Секретарша Эдди берет трубку, а я слышу, как он что-то кричит на заднем плане. Она извиняется и просит подождать. Теперь они кричат друг на друга. Это похоже на представление Панча и Джуди. Наконец она возвращается. Эдди может уделить мне двадцать минут.

До Чансери-лейн быстрее дойти, чем ехать на такси. Войдя в главную дверь, я взбираюсь по узкой лестнице на четвертый этаж, огибая коробки с судебными документами и делами, которые воткнуты в каждый свободный кусочек пространства.

Эдди, разговаривая по телефону, вводит меня в кабинет и указывает на стул. Чтобы сесть, мне приходится сдвинуть две папки. По виду Эдди за пятьдесят, хотя на самом деле он десятью годами моложе. Когда я смотрю интервью с ним по телевизору, он то и дело напоминает мне бульдога. У него та же чванливая походка: плечи почти не двигаются, а зад виляет из стороны в сторону. У него даже такие же большие резцы, которыми, должно быть, очень удобно трепать людей.

Когда я упоминаю имя Бобби, Эдди кажется разочарованным. Я думаю, он надеялся на дело о медицинских злоупотреблениях. Он разворачивается на стуле и принимается искать дело в ящике стеллажа.

– Что сказал вам Бобби о нападении?

– Вы видели показания.

– Он упомянул маленького мальчика?

– Нет, – устало прерывает меня Эдди. – Слушайте, я не хочу начинать не с той ноги, Розанна, но объясните мне, какого черта я с вами разговариваю? Без обид.

– Без обид. – Вблизи он еще менее приятен. Я пытаюсь зайти с другого конца: – Бобби упомянул, что посещает психолога?

Настроение Эдди улучшается.

– Нет, черт возьми! Расскажите-ка мне.

– Я консультирую его уже почти шесть месяцев. Я также полагаю, что его уже обследовали раньше, но у меня нет записей.

– История душевной болезни – все лучше и лучше. – Он берет трубку зазвонившего телефона и делает мне знак, чтобы я продолжал. Он пытается вести два разговора одновременно.

– Бобби сказал, почему вышел из себя?

– Она села в его кеб.

– Вряд ли это можно считать уважительной причиной.

– Вы когда-нибудь пытались поймать такси в Холборне дождливым утром в пятницу? – хмыкает он.

– Я думаю, там есть что-то еще.

Эдди вздыхает:

– Послушайте, Поллианна,<sup>[3]</sup> я не прошу клиентов говорить правду. Я просто вытаскиваю их из тюрьмы, чтобы они могли снова совершать те же ошибки.

– Эта женщина – как она выглядела?

– На фотографиях – настоящее месиво.

– Возраст?

– За сорок. Темноволосая.

– Что на ней было надето?

– Секундочку. – Он вешает трубку и орет своей секретарше, чтобы та принесла дело Бобби. А потом перебирает страницы, бормоча себе под нос: – Юбка выше колена, высокие каблуки, короткая куртка... Овца, нарядившаяся ягненком, я бы сказал. А зачем вам?

Я не могу сказать ему. Это только смутная догадка.

– Что грозит Бобби?

– В настоящее время ему светит тюремное заключение. Управление не соглашается на более мягкую статью.

– Тюрьма ему не поможет. Я мог бы составить для вас психологическое заключение. Вдруг удастся поместить его в группу терапии.

– Что требуется от меня?

– Письменный запрос.

Ручка Эдди уже скользит по бумаге. Не могу вспомнить, когда я в последний раз писал так быстро. Он подталкивает листок ко мне.

– Спасибо.

Он ворчит:

– Это всего лишь запрос, а не почка.

Какая самоуверенность! Может, у него комплекс Наполеона или же он пытается компенсировать свою уродливую внешность. Теперь я ему наскучил. Эта тема его не интересует. Оставшиеся вопросы я задаю быстро:

– Кто внес залог?

– Понятия не имею.

– А кто вам позвонил?

– Он сам.

Прежде чем я успеваю что-то сказать, он перебивает меня:

– Слушайте, Опра,<sup>[4]</sup> я должен быть в суде, а мне еще надо в туалет. Этот парень – ваш псих, я просто защищаю его. Почему бы вам

не заглянуть в его башку и просто посмотреть, гремят ли там винтики,  
а потом прийти ко мне? Удачного дня!

Джулиана и Чарли смотрят телевизор на первом этаже. Я сижу на полу чердака, перебирая коробки со старыми медицинскими картами в поисках записей о Кэтрин Макбрайд. Сам не знаю, зачем мне это. Возможно, я надеюсь оживить ее в своей памяти, чтобы задать ей вопросы.

Руиз не доверяет мне. Он думает, я пытаюсь что-то скрыть. Надо было сказать ему раньше, и сказать все. Это ни на что не повлияло бы. Кэтрин не вернешь.

На всех блокнотах наклеены даты и годы, поэтому найти нужные легко. Меня интересуют два: в темно-зеленых обложках, с пестрыми корешками.

В кабинете я зажигаю свет и начинаю читать свои заметки. Страницы формата А4 аккуратно разлинованы, на широких полях проставлены дата и время каждого сеанса. Подробности оплаты, медицинские замечания и наблюдения – все здесь.

Какой мне запомнилась Кэтрин? Я вижу, как она идет по коридору в Марсдене, одетая в голубую форму с темно-синей окантовкой на рукавах и воротнике. Она машет мне рукой и улыбается. На поясе висят ключи. У большинства медсестер рубашки с короткими рукавами, но Кэтрин носит длинные.

Сначала она была просто девушкой, которую я встречал в коридорах или кафетерии, симпатичной, хотя и недостаточно женственной: мальчишеская стрижка, высокий лоб, полные губы. Она нервно поворачивала голову то в одну, то в другую сторону, никогда не глядя мне прямо в глаза. Кажется, я часто натыкался на нее, особенно когда уходил из больницы. Только потом я заподозрил, что она это подстраивала.

В конце концов она спросила, нельзя ли со мной поговорить. Только через несколько минут я понял, что она имеет в виду врачебный сеанс. Я назначил ей время, и она пришла на следующий день.

С того дня она приходила ко мне раз в неделю. Она приносила с собой плитку шоколада и, положив на мой стол, разламывала ее на

серебряной фольге точь-в-точь как ребенок, который делит сладости. В промежутках между ментоловыми сигаретами она растапливала кусочки шоколада под языком.

– Вы знаете, что это единственный кабинет во всей больнице, где разрешается курить? – сказала она мне.

– Так вот почему у меня так много посетителей.

Ей было двадцать, она была прагматична, разумна и встречалась с кем-то из сотрудников. Не знаю, кто это был, но подозреваю, что он был женат. Порой она случайно говорила «мы» и тут же поправлялась, возвращаясь к единственному числу.

Улыбалась она чрезвычайно редко. Склоняла голову набок и смотрела на меня то одним глазом, то другим.

Я подозревал, что Кэтрин раньше посещала кого-то вроде меня. Ее вопросы были такими точными. Она знала о том, как пишется история болезни, и о когнитивной терапии. Она была слишком молодой, чтобы изучить психологию, значит, она прежде была пациенткой.

Она говорила, что чувствует себя недостойной и незначительной. Отделившись от семьи, она пыталась сломать барьер, но боялась «отравить их безупречную жизнь».

Когда она говорила и сосала кусочки шоколада, то иногда почесывала предплечья под застегнутыми рукавами. Я понимал, что она что-то скрывает, но ждал, когда она доверится мне настолько, чтобы сказать.

На четвертом сеансе она медленно закатала рукава. В ней боролись стыд и дерзость. Она хотела поразить меня жестокостью своих ран. Они были словно линии жизни, которые я мог прочесть.

Кэтрин впервые порезала себя в двенадцать лет. Ее родители были в центре бурного бракоразводного процесса. Она словно попала в капкан между ними, чувствуя себя тряпичной куклой, которую тянут в разные стороны два поссорившихся ребенка.

Она завернула карманное зеркальце в полотенце и разбила его об угол письменного стола. Осколком вскрыла себе запястье. Вид крови принес ей облегчение. Она больше не была беспомощной.

Родители запихнули ее в машину и повезли в больницу. На протяжении всего пути они спорили, кто в этом виноват. Кэтрин чувствовала себя спокойной и умиротворенной. Ее оставили в

больнице на ночь. Рана перестала кровоточить. Она с любовью гладила запястье и целовала порез, желая ему спокойной ночи.

– Тогда я обнаружила то, что могла контролировать, – говорила она мне. – Я могла решать, сколько раз и как глубоко буду резать. Мне нравилась боль. Я жаждала боли. Я ее заслуживала. Знаю, наверное, у меня мазохистские наклонности. Посмотрели бы вы на мужчин, с которыми я связывалась. Послушали бы о некоторых снах...

Она никогда не говорила, что провела какое-то время в психиатрической клинике или на сеансах групповой терапии. Много из своего прошлого она хранила в тайне, особенно то, что касалось ее семьи. Долгое время ей удавалось удерживаться от того, чтобы себя резать. Но за каждый срыв она наказывала себя, нанося все более глубокие порезы. Больше всего доставалось бедрам и рукам, где раны легко могла скрыть одежда.

Она также изучила, какие кремы и повязки уменьшают шрамы.

Когда раны приходилось зашивать, Кэтрин обращалась в травматологические пункты, расположенные далеко от Марседена. Она не могла рисковать работой и в приемном покое называла себя вымышленным именем, а иногда притворялась иностранкой, не знающей английского.

Она знала по опыту, что медсестры и врачи относятся к членовредителям как к людям, которые ищут внимания и отнимают у них время. Иногда их раны зашивают без анестезии. «Нравится боль – вот тебе еще» – таково отношение.

Даже это не изменило поведения Кэтрин. Когда у нее текла кровь, она спасалась от эмоционального оцепенения. В моих блокнотах повторяются ее слова: «Я чувствую, что живу. Я спокойна. Я контролирую ситуацию».

На страницах виднеются темные пятна от шоколада. Она разламывала кусочки и бросала крошки на страницы. Она не любила, когда я писал. Она хотела, чтобы я слушал.

Дабы разомкнуть ее кровавый круг, я предложил ей альтернативную стратегию. Вместо того, чтобы браться за лезвие, я велел ей сжимать в руке кусок льда, кусать перец чили или втирать мазь в половые органы. Эта боль не оставляла шрамов и чувства вины. Если бы мы разрушили порочный ход ее размышлений, можно было

бы найти другой способ справляться с проблемами, не такой физиологический и жестокий.

Спустя несколько дней, 15 июля, Кэтрин разыскала меня в онкологическом отделении. В руках она держала охапку простынь и тревожно озиралась по сторонам. В ее глазах я заметил нечто не поддававшееся определению.

Она знаком попросила меня пойти с ней в комнату и бросила простыни. Рукава ее кофты были набиты бумажными салфетками и полотенцами. Кровь сочилась сквозь слои бумаги и ткани.

– Пожалуйста, не выдавайте меня! – сказала она. – Мне так жаль.

– Вы должны пойти в травму.

– Нет! Пожалуйста, мне нужна работа.

Тысяча голосов у меня в голове говорили мне, что следует сделать. Я не обратил внимания ни на один из них. Я отправил Кэтрин к себе в кабинет, а сам собрал все необходимое для наложения швов: иглы, нити и зажимы, повязки и антисептические средства. За задернутыми занавесками и запертой дверью я зашил ей предплечья.

– У вас хорошо получается, – сказала она.

– Есть практика. – Я обезвредил рану. – Что случилось?

– Я хотела покормить медведей.

Я не улыбнулся. Она осеклась.

– Я кое с кем поссорилась. Не знаю, кого хотела наказать.

– Вашего друга?

Она подавила слезы.

– Чем вы воспользовались?

– Бритвенным лезвием.

– Чистым?

Она покачала головой.

– Прекрасно. Впредь, если будете продолжать, используйте это. –

Я протянул ей упаковку одноразовых скальпелей в стерильном контейнере. Я также дал ей бинты, бактерицидный пластырь и нить.

– Таковы мои правила, – сказал я ей. – Если хотите делать это, вы должны резать только в одном месте – на внутренней стороне бедра.

Она кивнула.

– Я научу вас самостоятельно накладывать швы. Если окажется, что вы не сможете этого сделать, вы поедете в больницу.

Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

– Я не собираюсь отнимать у вас права причинять себе боль, Кэтрин. Я также не намерен сообщать вашему начальству. Но вы должны сделать все, что в ваших силах, чтобы себя контролировать. Я вам доверяю. Вы можете отплатить мне за мое доверие, не рана себя. Когда вы вновь почувствуете такое желание, немедленно позвоните мне. Если вы не сделаете этого и пораните себя, я не стану упрекать вас и думать о вас хуже. Но я и не побегу к вам. Если вы причините себе вред, я не буду встречаться с вами неделю. Это не наказание – это испытание.

Я видел, как напряженно она думает об этих условиях. На лице все еще был написан страх, но вся поза выдавала облегчение.

– Отныне мы устанавливаем пределы вашему саморазрушению и вы несете ответственность за него, – продолжал я. – В то же время мы продолжим поиск новых путей.

Я дал Кэтрин краткий урок шитья, воспользовавшись подушкой. Она пошутила, что из меня выйдет отличная жена. Когда она поднялась, чтобы уйти, то обняла меня:

– Спасибо!

Она прижалась ко мне так крепко, что я почувствовал, как бьется ее сердце.

После того как она ушла, я сидел, уставившись на окровавленные бинты в корзине, и пытался определить, окончательно ли я сошел с ума. Представлял себе коронера, с негодованием спрашивавшего меня, зачем я дал скальпели девушке, которая получала наслаждение, вспарывая себе кожу. Он бы еще спросил меня о том, одобряю ли я вручение спичек поджигателям и героина наркоманам.

Но все же я не видел иного способа помочь Кэтрин. Нетерпимость только укрепила бы ее веру в то, что люди контролируют ее жизнь и все решают за нее, считая, что она никчемна и не заслуживает доверия.

Я дал ей возможность выбора. Будем надеяться, что, прежде чем взяться за лезвие, она тщательно обдумает причины своего поведения и его возможные последствия. А заодно и другие способы, к которым могла бы прибегнуть.

В последующие месяцы Кэтрин сорвалась лишь однажды. Ее руки зажили. Мои швы оказались удивительно аккуратными для человека, давно в этом не практиковавшегося.

Заметки на этом заканчиваются, но история продолжается. Я до сих пор съеживаюсь от стыда, когда вспоминаю подробности, потому что должен был это предвидеть.

Кэтрин стала внимательнее относиться к своей внешности. Она выбирала время для сеансов в конце рабочего дня. Сменив одежду, подновив макияж и распространяя запах духов, она приходила в мой кабинет. Ничего очевидного – все очень тонко. На ее блузке оказывалась расстегнутой лишняя пуговица. Она интересовалась, чем я занимаюсь в свободное время. Друг дал ей два билета в театр. Не хочу ли я пойти с ней?

Есть старый анекдот о том, что психолог – это человек, которому ты платишь деньги, чтобы он задавал тебе вопросы, которые супруга задает бесплатно. Мы слушаем людей, прочитываем подтексты, выстраиваем самооценку и учим любить людей такими, как они есть.

Естественно, Кэтрин влекло к мужчине, который действительно слушает и сочувствует, но такое влечение легко было принять за нечто более интимное.

Ее поцелуй явился полной неожиданностью. Мы были в моем кабинете в Марсдене. Я оттолкнул ее слишком резко. Она отпрянула и, споткнувшись, ударилась о дверь. Она решила, что это игра.

– Можешь ударить меня, если хочешь, – сказала она.

– Я не хочу причинять вам боль.

– Я была очень плохой девочкой.

– Вы не понимаете.

– Понимаю. – Она расстегивала молнию на юбке.

– Кэтрин, вы ошиблись. Вы неправильно истолковали ситуацию.

Мой резкий голос наконец привел ее в себя. Она стояла у моего стола, блузка расстегнута, юбка на лодыжках. Ситуация была неловкой для нас обоих – но для нее особенно. Она выбежала прочь, придерживая юбку на талии, по щекам текла тушь.

Она уволилась и уехала из Марсдена, но воспоминания о том дне преследуют меня до сих пор. Нет ничего страшнее отвергнутой женщины.

Джулиана занимается стретчингом в свободной спальне. Каждое утро она принимает странные позы, напоминающие йогу, названия которых звучат как имена индейских скво: «журчащий ручей» сменяется «бегущей ланью».

Жаворонок со стажем, она готова к бою в 6.30 утра. То ли дело я. Мне всю ночь снились окровавленные, избитые лица.

Джулиана шлепает босыми ногами в спальню, на ней только топ от пижамы. Она наклоняется и целует меня.

– Ты спокойно спал.

Ее голова ложится мне на грудь, пальцы выбивают чечетку вдоль моего позвоночника, и она прислушивается к моему трепету. Так моя жена напоминает мне, что знает каждый квадратный дюйм моего тела.

– Я не рассказала тебе, как хор Чарли пел хоралы.

– Проклятие! Совсем забыл. – Это было утром во вторник на Оксфорд-стрит. – Я был с инспектором.

– Не волнуйся. Она тебя простит. Видимо, юный Райан Фрейзер поцеловал ее в автобусе по дороге домой.

– Дерзок поганец!

– Это было нелегко. Троице ее друзьям пришлось поймать и держать его.

Мы смеемся, и я укладываю ее на себя, позволяя ей почувствовать мое возбуждение.

– Остайся.

Она смеется и ускользает.

– Нет, я занята.

– Ну, давай!

– Время неподходящее. Надо бережнее относиться к твоим парням.

«Мои парни» – это мои сперматозоиды. Она говорит о них, словно о группе десантников.

Джулиана одевается. Белые трусики скользят вверх по ногам и устраиваются на месте. Потом, не снимая полностью блузку, она

просовывает руки в лямки бюстгалтера. Она не рискнет поцеловать меня снова. На этот раз я могу и не отпустить ее.

Джулиана исчезает, я лежу в постели и слушаю, как она ходит по дому, едва касаясь ногами пола. Я слышу, как набирается вода в чайник, как забирают молоко с крыльца. Слышу, как открывают дверцу холодильника и как включают тостер.

С трудом приняв вертикальное положение, я делаю шесть шагов в ванную и открываю кран в душе. Котел в подвале захлебывается, трубы гремят и клокочут. Дрожа, я стою на холодной плитке и жду хоть какого-нибудь признака воды. Душевая насадка трясется. Я готов к тому, что в любой момент кафель вокруг крана начнет обваливаться.

Два раза кашлянув и судорожно сплюнув, душ выдает мутную струйку и иссякает.

– Котел опять сломался! – кричит Джулиана снизу.

Отлично! Великолепно! Где-то надо мной смеется водопроводчик. Он, без сомнения, рассказывает своим товарищам по цеху, как ловко он притворился, что чинит допотопный котел, и взял за это достаточно денег, чтобы провести пару недель во Флориде.

Я бреюсь под холодной водой, взяв чистый станок, и не режусь. Может, это и не большая победа, но она достойна внимания.

Я направляюсь в кухню и смотрю, как Джулиана готовит кофе и намазывает отличным джемом зерновой тост. Я всегда чувствую себя ребенком, когда ем рисовые хлопья.

До сих пор помню, как впервые увидел ее. Она была на первом курсе Лондонского университета, изучала иностранные языки. Я писал диссертацию. Даже собственная мать не назвала бы меня красавцем. У меня были темные вьющиеся волосы, нос в форме груши и кожа, покрывавшаяся веснушками при первых признаках солнца.

Я остался в аспирантуре, намереваясь переспать со всеми перспективными и временно свободными первокурсницами, но, в отличие от других будущих повес, я прилагал для этого слишком много стараний. Мне даже не удавалось быть по-модному неряшливым и бунтарским. Не важно, сколько ночей я проводил на чьем-нибудь полу, используя вместо подушки куртку, – она отказывалась мяться и покрываться пятнами. И вместо того чтобы

выглядеть интеллектуальным и пресыщенным, я сильно смахивал на человека, идущего на первое собеседование с работодателем.

– В тебе была страсть, – сказала она, выслушав мои излияния против ужасов апартеида на митинге на Трафальгар-сквер рядом с посольством ЮАР. Она представилась в пабе и разрешила мне налить ей двойной виски.

Джок был там – и все девушки расписывались на его футболке. Я знал, что он заметит Джулиану. Она была новенькой – и хорошенькой. Он обнял ее за талию и сказал:

– Я мог бы стать лучше, просто находясь рядом с тобой.

Даже не улыбнувшись, она убрала его руку и ответила:

– Жаль, но когда у тебя встает, это вряд ли можно считать личностным ростом.

Все засмеялись, кроме Джокса. А Джулиана села за мой столик, и я смотрел на нее в изумлении. Я раньше не видел, чтобы моего лучшего друга ставили на место так мастерски.

Я попытался не покраснеть, когда она сказала, что во мне была страсть. Она засмеялась. Рядом с нижней губой у нее была родинка. Мне хотелось ее поцеловать.

После пяти двойных она уснула в баре. Я отнес ее в кеб и отвез домой, в свою комнату в Ислингтоне. Она спала на кровати, а я лег на диван. Утром она поцеловала меня и поблагодарила за то, что я был таким джентльменом. Потом она снова поцеловала меня. Я помню выражение ее глаз. В них не было вожделения. Они не говорили: «Давай немного повеселимся, а потом посмотрим, что из этого выйдет». Ее глаза говорили: «Я стану твоей женой и рожу тебе детей».

Мы всегда были странной парой. Я был тихим и практичным, ненавидел шумные вечеринки, сборища в пабах и не ездил на выходные домой. А она была единственным ребенком отца-художника и матери-дизайнера, одевавшихся как дети цветов в шестидесятые и замечавших в людях только хорошее. Джулиана не бывала в гостях – гости сами приходили к ней.

Мы поженились через три года. В то время я уже был приучен к дому: научился складывать грязное белье в корзину, опускать сиденье туалета и не пить слишком много на званых обедах. Джулиана не столько «обивала мои острые углы», сколько лепила меня из глины.

Это было шестнадцать лет назад. Кажется, что это было вчера.

Джулиана подталкивает ко мне газету. Там фотография Кэтрин, заголовок гласит: «Замученная девушка – племянница члена парламента».

...Сэмюел Макбрайд был потрясен жестоким убийством своей двадцатисемилетней племянницы.

Член парламента от лейбористов (округ Брайтон-ле-Сэндс) был явно расстроен вчера, когда спикер палаты от имени собравшихся выразил искреннее соболезнование по поводу его утраты.

Обнаженное тело Кэтрин Макбрайд было обнаружено шесть дней назад на берегу Гранд-Юнион-канала в Кенсал-грин, Западный Лондон. На ее теле обнаружены множественные ножевые ранения.

«В настоящее время мы сосредоточены на установлении последних передвижений Кэтрин и поиске людей, видевших ее накануне ее смерти, – сказал инспектор Винсент Руиз, ведущий расследование. – Мы знаем, что она приехала на поезде из Ливерпуля тринадцатого ноября. Полагаем, она приехала в Лондон устраиваться на работу».

Кэтрин, чьи родители развелись, работала медсестрой в Ливерпуле и в течение многих лет не поддерживала контактов с семьей.

«У нее было трудное детство, и она пошла по неверному пути, – объясняет друг семьи. – Недавно родственниками предпринимались попытки к воссоединению».

Джулиана наливает вторую чашку кофе.

– Странно, правда, что Кэтрин вновь объявилась после всех этих лет?

– Что ты имеешь в виду под «странно»?

– Не знаю. – Она слегка вздрагивает. – Я хочу сказать, она доставила нам много проблем. Ты чуть не потерял работу. Я помню, как ты был зол.

– Она страдала.

– Она была озлоблена.

Она бросает взгляд на фотографию Кэтрин. Снимок сделан в день окончания школы медсестер. Девушка улыбается и сжимает в руке диплом.

– И вот она снова здесь. Мы там были, когда они обнаружили ее. Какова была вероятность этого? А потом полицейские попросили тебя опознать ее...

– Совпадение – это просто пара вещей, происходящих одновременно.

Она закатывает глаза:

– Сказано настоящим психологом.

В виде исключения Бобби приходит вовремя. На нем рабочая одежда – серая рубашка и брюки. На нагрудном кармане вышито слово «Неваспринг». Я снова удивляюсь его высокому росту.

Я заканчиваю последнюю запись, старательно выводя каждую букву, и поднимаю взгляд, проверяя, готов ли он. Именно тогда я понимаю, что он никогда не будет вполне готов. Джок прав – в Бобби есть что-то хрупкое и неустойчивое. Его сознание полно незаконченных мыслей, странных фактов и обрывков разговоров.

Несколько лет назад в Сохо открылось кафе под названием «Чудаки», которое, как планировалось, должно было собирать всех эксцентричных особ, населяющих Вест-Энд: художников с дикими прическами, трансвеститов, панков, хиппи, безумных журналистов и денди. Этого не случилось. Напротив, все столики заведения были заняты пришедшими посмотреть на чудаков обычными офисными работниками, которым в результате приходилось глазеть друг на друга.

Бобби часто говорит, что пишет в свободное время, и в его монологах нередко проскальзывают литературные аллюзии.

– Можно посмотреть что-нибудь из того, что вы написали? – спрашиваю я.

– Вы ведь этого не хотите.

– Нет, хочу.

Он обдумывает предложение:

– Может, принесу что-нибудь в следующий раз.

– Вы всегда хотели стать писателем?

– Да, с тех пор как прочитал «Над пропастью во ржи».

Мое сердце сжимается. Мне представляется еще один стареющий озлобленный подросток, который считал, что Холден Колфилд – это Ницше.

– Вам нравится Холден?

– Нет. Он идиот.

Я чувствую облегчение.

– Почему?

– Он наивен. Он хочет спасти детей от падения с утеса во взрослое состояние, сохранить их невинность. Но не может. Это нереально. В конце концов нас всех портят.

– Как испортили вас?

– Ха!

– Расскажите мне о ваших родителях, Бобби. Когда вы в последний раз видели своего отца?

– Мне было восемь. Он ушел на работу и не вернулся.

– Почему?

Бобби меняет тему:

– Он служил в авиации. Не летчиком. Но именно он позволял им летать. Механик. Во время войны он был слишком молод, но не думаю, что это его огорчило. Он был пацифистом. Когда я рос, он, бывало, цитировал мне Маркса, говорил, что религия – это опиум для народа. А по воскресеньям возил меня на автобусе из Килберна в Гайд-парк, чтобы подразнить светских проповедников за их кафедрами из деревянных ящиков. Один из этих проповедников выглядел, словно капитан Ахав из «Моби Дика»: длинные седые волосы, завязанные в хвост, громкий гулкий голос. «Господь оплатит за грехи наши вечной смертью», – сказал он, глядя прямо на меня. А папа заорал в ответ: «Вы знаете, в чем разница между проповедником и психом?» Помолчал и сам ответил: «В источнике голосов, которые они слышат». Все засмеялись, кроме проповедника, который раздулся, как рыба-собака.

«Правда ли, что вы поощряете все вероисповедания, но особенно приветствуете веру в фунты стерлингов?» – сказал отец. «Вы, сэр, отправитесь в ад!» – заорал проповедник. «А в какую сторону мне идти: прямо или направо?»

Бобби даже имитирует голоса. Осознав это, он смотрит на меня, смущенный тем, что так увлекся.

– Как вы с ним ладили?

– Он был моим отцом.

– Что вы делали вместе?

– Когда я был маленьким, он сажал меня на раму своего велосипеда перед собой. Он быстро крутил педали, а я смеялся. Однажды он повел меня на домашнюю игру «Куинз парк рейнджерз». Я сидел у него на плечах в сине-белом шарфе. После матча возникла

потасовка между фанатами в Шепердс-буш-грин. Конная полиция ехала через толпу, но папа укутал меня в пальто. Я должен был бы испугаться, но я знал, что его ничто не свалит с ног, даже эти лошади.

Он замолкает и скребет ладошку.

Вокруг каждого детства возникает мифология. Мы копируем свои желания и мечты, пока все истории о нем не превращаются в притчи, имеющие скорее символическое, нежели буквальное истолкование.

– Что случилось с вашим отцом?

– Он был не виноват, – произносит Бобби с вызовом.

– Он вас бросил?

Бобби в ярости вскакивает с кресла:

– Вы ничего не знаете о моем отце! – Он стоит на ногах и со свистом втягивает воздух сквозь сжатые зубы. – И никогда не узнаете! Такие, как вы, разрушают жизни. Вы наживаетесь на горе и отчаянии. При малейшей неприятности вы тут как тут, учите людей, что они должны чувствовать. Что должны думать. Вы словно стервятники!

Так же внезапно его гнев проходит. Он вытирает слюну, выступившую в уголках рта, и смотрит на меня виновато. Наполняет стакан водой и со странным спокойствием ждет моего следующего вопроса.

– Расскажите мне о своей матери.

– Она пользуется дешевыми духами и умирает от рака груди.

– Сочувствую. Сколько ей лет?

– Сорок семь. Она не позволяет ампутировать грудь. Всегда ею гордилась.

– Как бы вы описали свои отношения с ней?

– Я узнал о ее болезни от знакомого в Ливерпуле. Она там живет.

– Вы не навещаете ее?

– Ха!

Его лицо невольно кривится, но он сдерживается.

– Позвольте описать вам мою мать. – В его устах это звучит как вызов. – Она была дочь бакалейщика. Не правда ли, в этом есть ирония? Совсем как Маргарет Тэтчер. Она выросла в магазинчике на углу, подгузники ей меняли прямо у кассового аппарата. К четырем годам она могла подсчитать стоимость покупки, взять деньги и дать сдачу. Каждый день, включая воскресенья и национальные праздники, она работала в этом магазине. Она читала журналы за прилавком и

мечтала вырваться к лучшей жизни. Когда появился папа, он был в форме, он представился летчиком. Все девушки на это велись. Быстрый перепах на заднем дворе клуба ВВС в Мархеме, и она забеременела. Вскоре выяснила, что он не летчик. Не думаю, что ее это расстроило, по крайней мере не тогда. Впоследствии это сводило ее с ума. Она говорила, что вышла замуж поневоле.

– Но они жили вместе.

– Да. Папа ушел из авиации и стал работать механиком в Лондонском транспортном комитете, чинил автобусы. Потом стал кондуктором на девяносто шестом маршруте в Пикадилли-серкус. Он говорил, что любит быть среди людей, но я думаю, ему просто нравилось носить форму. Он ездил на велосипеде в депо и обратно.

Бобби замолкает, вновь погружаясь в воспоминания. Я осторожно подталкиваю его, и он говорит, что его отец был изобретателем-любителем, постоянно обдумывавшим проекты новых устройств и приборов.

– Есть люди, которые хотят усовершенствовать мышеловку, так вот, он был одним из них.

– А как к этому относилась ваша мать?

– Она говорила, что он напрасно тратит время и деньги. Она то называла его мечтателем и смеялась над его «глупыми изобретениями», то говорила, что он недостаточно мечтает и что ему не хватает амбициозности.

Быстро моргая, он смотрит на меня своими странными бледными глазами, словно потерял нить рассуждений. Внезапно он вспоминает:

– Это она была мечтательницей, а не папа. Она считала себя свободной натурой среди скучной посредственности. Но как она ни старалась, она не могла жить богемной жизнью в таком месте, как Гендон. Она ненавидела это место – дома с плоскими каменными фасадами, занавески в сеточку, дешевую одежду, кафе с грязной посудой и садовых гномов. Рабочий люд обычно старается наладить свою жизнь любым способом, но она насмеялась над этим. Она замечала только мелочность, ничтожность и уродство.

Он начинает говорить монотонно, словно часто рассказывал эту историю прежде:

– Она обычно наряжалась и уходила каждую ночь. Я сидел на кровати и смотрел, как она одевается. Она примеряла разные костюмы,

демонстрируя их мне. Она разрешала мне застегивать молнию на юбке и разглаживать чулки. Она называла меня своим маленьким мужчиной. Если папа не вел ее никуда, она уходила одна, в паб или клуб. У нее была особенная, порочная манера смеяться, которая оповещала всех о ее присутствии. Мужчины поворачивали головы и смотрели на нее. Они считали ее сексуальной, несмотря на полноту. Во время беременности она набрала несколько фунтов, которые так и не смогла сбросить. Она обвиняла в этом меня. А когда она танцевала или слишком громко смеялась, она иногда мочилась. Это тоже была моя вина.

Последний комментарий произносится со стиснутыми зубами. Он оттягивает пальцами кожу на запястье и выкручивает ее так, словно пытается разорвать. Унизив свое тело, он снова принимается за рассказ:

– Она пила белое вино с газом, потому что оно было похоже на шампанское. И чем больше она пьянела, тем громче становилась. Она начинала говорить по-испански, потому что этот язык звучит сексуально. Вы когда-нибудь слышали, как женщина говорит по-испански?

Я киваю, вспоминая Джулиану.

– Если отец ходил с ней, это вредило ее имиджу. Мужчины не станут флиртовать с женщиной, чей муж стоит за той же стойкой. Если же она была одна, то все они вились вокруг нее, клали руки ей на талию, щипали за задницу. Она не ночевала дома и приходила утром, принося трусики в сумочке, вертя туфли на пальце. Она даже не пыталась изображать супружескую верность. Она не хотела быть идеальной женой. Она хотела быть кем-то другим.

– А что же ваш папа?

Проходит долгая минута, прежде чем он находит нужный ответ.

– Он с каждым днем становился меньше. Понемногу исчезал. Смерть от тысячи ран. Вот как, я надеюсь, она умрет.

Фраза повисает в воздухе, но на этот раз молчание мной не предусмотрено. Кажется, что кто-то дотянулся до часов и остановил пальцем минутную стрелку.

– Почему вы произнесли эту фразу?

– Какую?

– «Смерть от тысячи ран».

Его губы непроизвольно изгибаются в тонкой кривой усмешке.

– Я хочу, чтобы она так умерла. Медленно. В мучениях. От своей собственной руки.

– Вы хотите, чтобы она сама себя убила?

Он не отвечает.

– Вы представляете себе, как она умирает?

– Мне это снится.

– И что же вам снится?

– Что я буду рядом.

Он смотрит на меня, его бледные глаза похожи на бездонные озера.

Смерть от тысячи ран. У древних китайцев было сказано более точно: «Тысяча ножей и десять тысяч кусочков». Женщина, которую Бобби вытащил из кеба, была приблизительно одного возраста с его матерью и носила похожую одежду. Она также продемонстрировала холодность по отношению к сыну. Достаточно ли этого, чтобы объяснить его поступок? Я подбираюсь к истине. В самом желании понять чужую жестокость есть нечто беспощадное. Не думай о белом медведе.

Другой пациент ждет в приемной. Бобби медленно поднимается и поворачивается к двери.

– Встретимся в понедельник, – говорю я, делая ударение на дне недели. Я хочу, чтобы он его запомнил. Я хочу, чтобы он продолжал приходить.

Он кивает и протягивает мне руку:

– Мистер Баррет сказал, вы собираетесь помочь мне.

– Я собираюсь подготовить психологический отчет.

Он снова кивает:

– Я не сумасшедший, вы же знаете.

– Знаю.

Он похлопывает себя по голове:

– Это была всего лишь глупая ошибка.

И вот он ушел. Моя следующая пациентка, миссис Эйлмер, уже усаживается в кресло и сообщает, сколько раз она проверяет перед сном, заперта ли дверь. Я не слушаю. Я стою у окна и смотрю, как Бобби выходит на улицу и идет к станции. Он периодически семенит, чтобы не наступать на трещины в плитах мостовой.

Он останавливается, увидев молодую женщину, идущую навстречу. Когда она проходит, он разворачивается и смотрит ей вслед. Мгновение мне кажется, что он решает, пойти ли за ней. Бобби смотрит в одну сторону, затем в другую, словно попал на перекресток. Но спустя несколько секунд он перепрыгивает через трещину и продолжает путь.

Я снова в кабинете Джока, слушаю, как он бормочет о результатах тестов, в которых я ничего не понимаю. Он хочет, чтобы я как можно скорее начал принимать лекарства.

Не существует теста на выявление болезни Паркинсона. Вместо этого врачи проводят множество игр и упражнений, следя за развитием заболевания. Щелкая секундомером, Джек заставляет меня пройти вдоль линии на полу, повернуться и идти обратно. Затем я должен стоять на одной ноге, закрыв глаза.

Когда он приносит цветные кубики, я испускаю стон. Ставить кубики друг на друга кажется таким ребячеством. Сначала я делаю это правой рукой, затем левой. Левая рука дрожит, но, как только я беру кубик, приходит в норму.

Ставить точки в клеточки труднее. Я целюсь в середину квадрата, но у ручки свое на уме. В общем, это дурацкий тест!

Затем Джек объясняет, что пациенты вроде меня, у которых дрожь возникает в самом начале, имеют значительно лучший прогноз. Появилось много лекарств, помогающих уменьшить проявления болезни.

– Скорее всего ты проживешь полную жизнь, – говорит он, словно заучил текст. Заметив скептическое выражение на моем лице, он пытается уточнить свое утверждение: – Ну, может, потеряешь несколько лет.

Он ничего не говорит о качестве моей жизни.

– Исследования в области стволовых клеток обещают прорыв, – добавляет он срывающимся голосом. – Через пять-десять лет мы получим лекарство.

– А что мне делать до того?

– Принимать таблетки. Заниматься любовью со своей восхитительной женой. Смотреть, как подрастает Чарли.

Он выписывает мне селегилин.

– Когда-нибудь придется принимать левадофу, – объясняет он. – Но, надеюсь, мы сможем повременить с этим год-другой.

– Каковы побочные эффекты?

– Легкая тошнота. Могут возникнуть проблемы со сном.

– Здорово!

– Эти лекарства не тормозят развитие болезни. Они только подавляют симптомы.

– То есть я смогу дольше сохранить ее в тайне.

Он горестно улыбается:

– Рано или поздно тебе предстоит о ней рассказать.

– Если я буду приходить сюда, то, возможно, скорее умру от пассивного курения.

– Хороший конец! – Он зажигает сигару и вытаскивает бутылку виски из нижнего ящика.

– Сейчас только три.

– Я работаю по летнему времени. – Не спрашивая, он просто наливает мне рюмку. – На прошлой неделе ко мне приходила Джулиана.

Я осознаю, что недоуменно моргаю.

– Чего она хотела?

– Она хотела узнать о твоём состоянии. Я не мог сказать ей. Врачебная тайна и все такое. – Помолчав, он добавляет: – Она также спрашивала, не кажется ли мне, что у тебя есть любовница.

– С чего бы ей такое спрашивать?

– Она думает, что ты врешь ей.

Я отхлебываю виски и чувствую, как оно обжигает мне пищевод. Джок смотрит на струйку дыма, ожидая ответа. Вместо злости или раскаяния я чувствую смутное разочарование. Как Джулиана могла задать Джоку такой вопрос? Почему она не спросила об этом у меня?

Джок все еще ждет ответа. Он понимает, что я попал в глупое положение, и начинает смеяться, трясая головой, как мокрый пес.

Я хочу сказать: «Не смотри на меня так: ты дважды развелся и до сих пор бегаешь за женщинами вдвое моложе тебя».

– Конечно, это не мое дело, – говорит он, злорадствуя, – но, если она даст тебе отставку, я буду рад ее утешить.

Он не шутит. Он моментально прибежал бы сопеть вокруг Джулианы.

Я быстро перевожу разговор на другую тему:

– А Бобби Моран – что ты о нем знаешь?

Джок катает в ладонях рюмку.

– Не больше, чем ты.

– В его карте не упоминается о психиатрическом лечении в прошлом.

– А с чего ты взял, что оно было?

– Он процитировал вопрос из теста по оценке умственного развития. Я думаю, он его проходил.

– Ты его об этом спросил?

– Он бы не рассказал.

На лице Джока появляется выражение тихой задумчивости, которое кажется отрепетированным перед зеркалом. Как раз когда я думаю, что он скажет что-то дельное, он пожимает плечами:

– Он странный фрукт, это точно.

– Это мнение профессионала?

Он ворчит:

– Большинство моих пациентов находятся без сознания, когда я рядом с ними. Мне так больше нравится.

У нашего дома припаркован микроавтобус водопроводчика. Дверца открыта, машина заполнена поставленными друг на друга подносами с металлическими и медными заглушками, уголками, разводами и пластиковыми сцеплениями.

Сбоку машины прикреплены магнитные панели с названием фирмы «Ди Джей Морган. Водопроводные и газовые работы». Я застаю хозяина машины на кухне: он пьет чай и пытается разглядеть грудь Джулианы в V-образном вырезе ее топа. Его помощник в саду показывает Чарли разнообразные трюки с мячом.

– Это наш водопроводчик, Ди Джей, – говорит Джулиана.

Медленно поднимаясь, водопроводчик кивает, не вынимая рук из карманов. Ему за тридцать, он подтянутый и загорелый, с темными блестящими волосами, зачесанными назад. Он похож на рабочих, которых показывают в телевизионных шоу о перестройке домов. Я представляю, как он спрашивает себя, что такая женщина, как Джулиана, нашла в таком субъекте, как я.

– Покажите Джо то, что показали мне.

В ответ Ди Джей едва кивает. Я иду за ним в подвал через дверь, запирающуюся на засов. Узкие деревянные ступеньки, цементный пол. Тусклая лампочка висит на стене. Темные подпорки и кирпичи поглощают свет.

Я прожил в доме четыре года, а этот человек уже знает подвал лучше меня. С сердечной откровенностью он указывает на различные трубы над головой, объясняя устройство газо- и водопровода.

Я обдумываю, не задать ли ему вопрос, но по опыту знаю, что лучше не демонстрировать рабочим свое невежество. У меня не золотые руки, меня не интересуют книги серии «Сделай сам», вот почему я до сих пор считаю до двадцати по пальцам.

Ди Джей пинает котел ботинком. Понятно, что он хочет этим сказать. Котел бесполезен, негоден, смехотворен.

– Итак, сколько это будет стоить? – спрашиваю я, заблудившись где-то на середине его рассуждений.

Он глубоко вздыхает и начинает перечислять вещи, которые необходимо заменить.

– А за работу?

– Смотря сколько она займет.

– А сколько она займет?

– Не могу сказать, пока не проверю все радиаторы. – Привычным движением он поднимает мешок с цементом, затвердевшим от сырости, и переворачивает его на другой бок. Чтобы сдвинуть подобную тяжесть, потребовалось бы двое таких, как я. Потом он смотрит на мои ноги. Я стою в луже воды, которая просачивается в швы ботинок.

Бормоча что-то о скидке, я ретируюсь наверх, стараясь не замечать хихиканья за своей спиной. Джулиана протягивает мне чашку едва теплого чая – последнюю из чайника.

– Все в порядке?

– Да. Где ты его раздобыла? – шепчу я.

– Нашла рекламную листовку в почтовом ящике.

– Рекомендации?

Она закатывает глаза:

– Он делал ванную Рейнолдсам в доме семьдесят четыре.

Водопроводчики тащат свои инструменты в машину, а Чарли загоняет мяч в сарай. Ее волосы собраны в хвост, щеки разругались от мороза. Джулиана бранит ее за то, что она запачкала травой школьные чулки.

– Они отстираются, – говорит Чарли.

– Откуда ты знаешь?

– Они всегда отстирываются. – Чарли поворачивается и обнимает меня. – Потрогай мой нос!

– Брррр! Холодный нос – горячее сердце.

– А можно, Сэм сегодня останется у нас?

– Посмотрим. А Сэм – это мальчик или девочка?

– Пааап! – Чарли кривит мордочку.

Джулиана вмешивается:

– Завтра у тебя футбол.

– А как же следующие выходные?

– Приезжают бабушка с дедушкой.

Лицо Чарли расцветает, а мое вытягивается. Я совсем забыл. Потенциальный личный врач Господа Бога делает доклад на международной медицинской конференции. Конечно, его ждет оглушительный успех. Ему предложат всевозможные почетные должности, от которых он учтиво откажется, потому что поездки утомляют его. Я буду терпеть все это, молчать и снова чувствовать себя тринадцатилетним мальчишкой.

У моего отца блестящий медицинский ум. Нет такого современного учебника, где бы не упоминалось его имя. Он написал статьи, которые изменили методы лечения жертв катастроф и реформировали порядок работы военных медиков.

Его отец, мой дедушка, был одним из основателей Главного медицинского совета и дольше всех занимал в нем должность председателя. Он заслужил репутацию скорее своей административной, нежели врачебной деятельностью, но его имя большими буквами вписано в историю медицинской этики.

К такому роду я принадлежу – или не принадлежу. Я явился долгожданным сыном после трех дочерей. Будучи таковым, я должен был продолжить медицинскую династию, но вместо этого разорвал цепь. Выражаясь на современный лад, я самое слабое звено.

Возможно, моему отцу следовало это предвидеть. Его должно было насторожить отсутствие у меня желания и способностей играть в регби. Я могу лишь сказать, что в глазах отца мои недостатки с того времени неуклонно росли, и он начал воспринимать меня как свою личную неудачу.

Он не мог понять моей привязанности к Грейси. Я даже не пытался объяснять. Она была паршивой овцой в истории нашей семьи – точь-в-точь как дядя Роскенд, отказавшийся служить во время войны, или мой двоюродный брат Брайан, которого поймали на краже белья из универмага.

Мои родители никогда не говорили о Грейси. Мне приходилось вытягивать информацию из дядей, кузенов и дальних родственников, каждый из которых хранил свой кусочек мозаики. В конечном счете я собрал достаточно для того, чтобы восстановить общую картину.

Во время Первой мировой Грейси была медсестрой и забеременела от друга детства, который не вернулся из боя. Ей было семнадцать, она была одинокой, незамужней, несчастной.

– Ни один мужчина не захочет жениться на женщине с ребенком, – сказала ей мать, сажая ее на поезд до Лондона.

Грейси видела своего ребенка только несколько секунд. Добрые медсестры в больнице Назарет-хаус в Хаммерсмите держали простыню, чтобы скрыть от нее зрелище родов, но она разорвала ее. Когда она увидела хнычущего младенца, уродливого и прекрасного одновременно, внутри у нее что-то сломалось, и этого не смог исправить ни один врач.

Моя троюродная сестра Анджелина говорит, что есть семейные фотографии, где Грейси снята в психиатрической лечебнице и больнице графства. Все, что я могу с уверенностью заявить: она переехала в дом в Ричмонде в начале двадцатых годов и все еще жила там, когда я поступил в университет.

Мама позвонила мне, чтобы сообщить, что Грейси умерла. Я сдавал экзамены на третьем курсе – экзамены, которые я провалил. Согласно отчету coronera, пламя занялось в кухне и быстро распространилось по первому этажу. Но, даже несмотря на это, Грейси вполне могла выбраться наружу.

Пожарные видели, как она ходила по второму этажу до тех пор, пока пожар не охватил весь дом. Они сказали, что она могла бы вылезти через окно на крышу гаража. Но если так, то почему пожарные не пробрались тем же путем внутрь и не спасли ее?

Все ее книги, журналы, газеты, а также баночки с тканевыми красителями в прачечной только подпитывали пламя. Температура была такой высокой, что ото всей ее комнаты с «экспонатами» осталась горстка белого пепла.

Грейси клялась, что из дома ее вынесут только в сосновом гробу. Но вышло так, что ее можно было смести в мусорный ящик.

К тому времени я уже решил, что не стану врачом. Я просто не знал, что мне выбрать. Вместо ответов у меня были вопросы. Я хотел выяснить, почему Грейси так боялась мира. Однако особенно мне хотелось узнать, мог ли кто-нибудь ей помочь.

За те четыре года, пока я получал степень, мой отец не упустил ни одной возможности назвать меня «мистер психолог» или состричь о кушетке и психологических тестах. А когда мою диссертацию опубликовали в «Британском психологическом журнале», он ничего не сказал ни мне, ни другим членам семьи.

Относительное молчание сопровождало с тех пор каждый этап моей карьеры. Я окончил курсы в Лондоне и стал работать на медицинский департамент Мерсисайда. Мы с Джулианой переехали в Ливерпуль – город курносых паромов, заводских труб, викторианских статуй и опустевших фабрик.

Мы жили в мрачном здании, похожем на строение времен Реформации, с рустованным фасадом и ставнями на окнах. Оно стояло напротив стоянки автобусов Сефтон-парк, и каждое утро нас будили кашель и треск дизельных моторов, похожие на отхаркивание старого курильщика.

Я продержался в Ливерпуле два года и до сих пор считаю его местом, откуда я сбежал: современный чумной город с грустноглазыми детьми, постоянной безработицей и сумасшедшими стариками. Если бы не Джулиана, я бы погряз в их несчастьях.

Вместе с тем я благодарен этому городу, потому что он помог мне понять, где мое место. Впервые тогда Лондон показался родным домом. Я провел четыре года в больнице Вест-Хаммерсмит, а потом перешел в Ройал-Марсден. Когда я сделался старшим консультантом, в фойе Марсдена, напротив главного входа, появилась дубовая табличка с моим именем. По иронии судьбы одновременно имя моего отца сняли с этой доски, поскольку он, по его собственным словам, «сложил с себя полномочия».

Не знаю, связаны ли друг с другом эти события. Мне все равно. Я уже давно спокойно отношусь к его мнениям и поступкам. У меня есть Джулиана и Чарли. Теперь у меня собственная семья. Мнение одного человека не имеет значения – даже если это мнение моего отца.

Субботние утра и мокрые футбольные поля, кажется, неотделимы друг от друга, как крыши и подростковый возраст. Такими я помню зимы своего детства: я стоял по лодыжку в грязи, промерзая до костей, и играл за школьную команду «Секонд XV». Будущий личный врач Господа обладал ревом, перекрывавшим завывание ветра. «Не стой там, как замороженный! – кричал он. – И еще называет себя крайним! Да я видел, как континенты движутся быстрее тебя!»

Слава богу, Чарли девочка. Она выглядит очень мило в своей спортивной форме, в шортах до колен и с гладко убранными волосами. Сам не понимаю, как я сподобился стать тренером. Мое знание игры в кожаный мяч весьма ограничено, может, поэтому «Тигры» пока ни разу не победили в нынешнем сезоне. В этом возрасте не обязательно помнить счет или составлять таблицу чемпионата. Главное – весело проводить время. Но скажите это родителям!

Сегодня мы играем с «Хайгейтскими львами», и после каждого их гола «Тигры» устало тащатся к центру поля, споря, кто будет разыгрывать мяч.

– Это не самая сильная наша сторона, – виновато говорю я тренеру противников. Про себя же я молюсь: «Только один гол, „Тигры“! Забейте хоть раз! И тогда мы покажем им настоящий праздник».

После первого тайма мы проигрываем 4:0. Дети грызут четвертинки апельсинов. Я рассказываю им, как хорошо они играют. «Эта команда непобедима, – вру я сквозь сжатые зубы. – Но вы, ребята, их контролируете».

На второй тайм я отправляю в ворота Дугласа, парня с самой сильной подачей. Эндрю, наш лучший бомбардир, оттягивается в защиту.

– Но я нападающий, – хнычет он.

– Впереди будет играть Доминик.

Все смотрят на Доминика, который только недавно сообразил, в какую сторону бежать. Он хихикает и трет ладошкой низ живота.

– Забудьте о дриблинге, передачах и голах, – говорю я. – Просто бегите вперед и бейте по мячу изо всех сил.

Когда начинается второй тайм, ко мне направляется делегация от родителей с вопросами насчет моих позиционных перестановок. Они думают, что я потерял нить игры. Но в моем безумии есть система. Детский футбол – вопрос момента. Когда мяч направляется вперед, вся игра движется в этом направлении. Вот почему наш самый сильный игрок должен быть позади.

В течение первых пяти минут ничего не меняется. «Тигры» могли бы с таким же успехом гоняться за тенью. Затем мяч попадает к Дугласу, и он посылает его через все поле. Доминик пытается убежать от мяча подальше, падает и увлекает за собой двоих защитников. Мяч свободно катится по полю. Чарли стоит ближе всех к нему. Я бормочу себе под нос: «Только ничего не придумывай. Просто бей».

Можете обвинять меня в фаворитизме. Называйте меня необъективным. Мне все равно. То, что происходит потом, – это самый точный и техничный обводящий удар, который когда-либо наносился по мячу бутсой шестого размера. Радость такова, что любой независимый наблюдатель решил бы, что мы победили.

Ошеломленные нашей новой тактикой, «Львы» рассыпаются. Даже Доминик заталкивает мяч в ворота: тот отскакивает от его затылка и пролетает мимо вратаря. «Тигры» выигрывают у «Львов» 5:4.

Самое горячее одобрение мы получаем от Джулианы, которую нельзя назвать преданной футбольной мамой. Я думаю, она бы предпочла, чтобы Чарли занималась балетом или теннисом. Бесформенная в своем длинном черном пальто с капюшоном и резиновых сапогах, она заявляет, что никогда не видела более увлекательного спортивного состязания. То, что она называет его «спортивным состязанием», выдает, как мало она смотрит футбол.

Родители укутывают детей потеплее и упаковывают в мешки грязные бутсы. На противоположной кромке поля я замечаю одиноко стоящего человека, засунувшего руки в карманы пальто. Я узнаю его.

– Что заставило вас прийти сюда так рано в субботу, инспектор? Не думаю, что любовь к спорту.

Руиз смотрит на беговую дорожку:

– В этом городе и без меня достаточно запыхавшихся людей.

– Как вы узнали, где меня найти?

– От соседей.

Он разворачивает тянучку и засовывает себе в рот, стукнув ею о зубы.

– Чем могу служить?

– Помните, что я сказал вам во время нашего завтрака? Я сказал, что, если жертва окажется дочерью известного человека, у меня будет сорок детективов вместо двенадцати.

– Да.

– А вы знаете, что ваша медсестричка была племянницей члена парламента и внучкой бывшего судьи графства?

– Я читал о ее дяде в газете.

– Теперь возле меня крутятся эти гиены, задают вопросы и суют фотокамеры мне под нос. Это, блин, цирк массовой информации.

Мне нечего ему сказать, я просто смотрю в сторону зоопарка и позволяю Руизу говорить.

– Вы ведь умный парень, верно? Университетское образование, ученая степень, консультации... Я решил, что вы сможете мне помочь. Вы же были знакомы с девушкой? Работали с ней. Поэтому я подумал, что вы сможете предположить со знанием дела, во что она могла вляпаться.

– Я знал ее только как пациентку.

– Но она говорила с вами. Рассказывала о себе. Что вы знаете о ее друзьях и парнях?

– Я думаю, она встречалась с кем-то из больницы. Наверное, он был женат, потому что она о нем не говорила.

– Она упоминала его имя?

– Нет.

– Как вы думаете, она была неразборчива в связях?

– Нет.

– Почему вы так уверены?

– Просто чувствую.

Он поворачивается и кивает Джулиане, которая неожиданно подходит и берет меня под руку. Она надела капюшон и стала похожа на монашку.

– Это инспектор Руиз, полицейский, о котором я тебе рассказывал. Ее лоб пересекает морщина озабоченности.

– Это связано с Кэтрин? – Она откидывает капюшон. Руиз смотрит на нее, как и большинство мужчин. Она не накрашена, не надушена, без украшений, но все равно привлекает взгляды.

– Прошлое интересует вас, миссис О'Лафлин?

Она медлит.

– Смотря какое.

– Вы знали Кэтрин Макбрайд?

– Она принесла нам много горя.

Руиз быстро переводит взгляд на меня, и мое сердце уходит в пятки.

Джулиана смотрит на меня и понимает свою ошибку. Чарли зовет ее. Она смотрит через плечо и поворачивается к Руизу.

– Возможно, мне надо сперва поговорить с вашим мужем, – говорит он медленно. – Я смогу связаться с вами позже.

Джулиана кивает и сжимает мою руку.

– Мы с Чарли пойдем выпьем горячего шоколада.

– Хорошо.

Мы смотрим, как она уходит, аккуратно огибая грязные лужи и кучки торфа. Руиз склоняет голову набок, словно хочет прочесть что-то на лацкане моего пальто.

– Что она имела в виду?

Моя искренность поставлена под большое сомнение. Он мне не поверит.

– Кэтрин сделала заявление, что я домогался ее под гипнозом. Через несколько часов она отозвала иск, но все равно началось расследование. Это было всего лишь недоразумение.

– Как это возможно?

Я рассказываю ему, как Кэтрин приняла мой профессиональный интерес за личный, о ее поцелуе и смущении. О ее злости.

– Вы ее отвергли?

– Да.

– И она подала на вас жалобу.

– Да. Я не знал об этом до тех пор, пока Кэтрин ее не забрала, но дознание все равно надо было провести. Меня временно исключили из штата, пока опрашивали работников и других пациентов.

– Все из-за одного письма?

– Да.

– Вы поговорили с Кэтрин?

– Нет. Она избегала меня. Я видел ее только однажды, перед самым ее уходом из Марседена. Она принесла извинения. У нее был новый парень, и они собирались на север.

– Вы на нее не сердились?

– Я был в ярости. Эта история могла стоить мне карьеры. – Осознав, как резко это звучит, я добавляю: – Она была очень ранима.

Руиз достает блокнот и начинает что-то писать.

– Не придавайте этому такого значения.

– Я ничего этому не придаю, профессор, это просто информация. Мы оба с вами собираем сведения по крупицам до тех пор, пока из них не сложится цельная картина. – Переворачивая страницу блокнота, он нежно улыбается мне. – Удивительно, как много можно теперь узнать о человеке. Женат. Один ребенок. Не исповедует какую-либо веру. Получил образование в Чартерхаусе и Лондонском университете. Бакалаврская и магистерская степени по психологии. В тысяча девятьсот восьмидесятом году привлечен к ответственности за изображение свастики на Доме ЮАР во время демонстрации за освобождение Манделы на Трафальгар-сквер. Дважды задержан за превышение скорости на трассе М-сорок, один штраф за парковку, в тысяча девятьсот восемьдесят седьмом году отказано в получении сирийской визы из-за совершенного ранее визита в Израиль. Отец – известный врач. Три сестры. Одна работает в благотворительной программе помощи беженцам, проводимой ООН. Отец вашей жены покончил с собой в тысяча девятьсот девяносто четвертом году. Ваша тетя погибла при пожаре. У вас частная медицинская страховка, перерасход по счету в десять тысяч фунтов, и в воскресенье вам нужно заплатить налог на машину. – Он смотрит на меня. – Я не занимался вашими налогами, но думаю, что вы перешли к частной практике, потому что ваш домик должен стоять целое состояние.

Он подошел к сути. Весь трюк – это предупреждение. Он показывает, на что способен.

Его голос понижается:

– Если я узнаю, что вы утаили информацию, важную для следствия, я посажу вас в тюрьму. Сможете попрактиковаться, когда окажетесь в одной камере с парнем, которому нечего терять. – Руиз

закрывает блокнот и засовывает его в карман. Дыша на ладони, он добавляет: – Спасибо за внимание, профессор.

Бобби Моран нагоняет меня в фойе. Он выглядит еще более помятым, чем обычно, на его пальто налипла грязь, из карманов торчат бумаги. Интересно, он просто не выспался или предчувствует что-то дурное?

Быстро моргая за стеклами очков, он бормочет извинения:

– Мне надо поговорить.

Я смотрю поверх его головы на настенные часы.

– У меня другой пациент...

– Пожалуйста...

Надо отказать. Нельзя позволять людям приходиться просто так. Мина будет в ярости. Она прекрасно управлялась бы с делами, если бы не пациенты, пропускающие назначенное время и приходящие потом без предупреждения.

– Так каши не сваришь, – говорит она обычно, и я соглашаюсь с ней, даже не совсем понимая, что она имеет в виду.

Наверху я приглашаю Бобби сесть и наспех меняю свое утреннее расписание. Он кажется смущенным из-за всех затруднений, которые вызвал. Сегодня он другой: более приземленный, воспринимающий реальность лучше, чем обычно.

– Вы спрашивали меня, что мне снится. – Он смотрит на пятно под ногами.

– Да.

– Я думаю, со мной что-то не так. Я не могу отбросить эти мысли.

– Какие мысли?

– Во сне я причиняю людям боль.

– Как вы причиняете им боль?

Он жалобно смотрит на меня:

– Я пытаюсь не спать, я не хочу засыпать. Арки велит мне идти в кровать. Она не понимает, почему я смотрю телевизор в четыре утра, завернувшись в одеяло на диване. Это из-за снов.

– А что в них?

– В них случаются плохие вещи – но ведь это не значит, что я плохой человек. – Он ерзает на краешке кресла, его глаза бегают. –

Девушка в красном платье. Она появляется в самые неожиданные моменты.

– В ваших снах?

– Да. Она смотрит на меня – сквозь меня, словно меня нет. Она смеется.

Его глаза, сверкнув, заметно расширяются и тон внезапно меняется. Ерзая в кресле, он поджимает губы и скрещивает ноги. Я слышу резкий женский голос:

– Итак, Бобби, не ври.

– Я не вру.

– Он прикасался к тебе или нет?

– Нет.

– Мистер Эрскин хочет услышать другое.

– Не заставляй меня говорить это.

– Мы не хотим терять время мистера Эрскина. Он проделал весь этот путь...

– Я знаю, зачем он приехал.

– Не говори со мной таким тоном, милый. Это невежливо.

Бобби засовывает свои большие руки в карманы и топает ногой.

Он произносит тихим шепотом, прижав подбородок к груди:

– Не заставляй меня говорить это.

– Просто скажи ему, и мы пойдем обедать.

– Пожалуйста, не заставляй.

Он трясет головой, и все его тело содрогается. Поднимает глаза на меня, и я понимаю, что он вернулся в реальность.

– Вы знаете, что яички голубого кита размером с «фольксваген»-«жучок»?

– Нет, я этого не знал.

– Мне нравятся киты. Их так легко рисовать и вырезать.

– Кто такой мистер Эрскин?

– Я должен его знать?

– Вы упомянули его имя.

Он качает головой и подозрительно смотрит на меня.

– Вы с ним встречались?

– Я родился в одном мире. А теперь по пояс увяз в другом.

– Что это значит?

– Я должен удерживать вещи, я должен их удерживать.

Он меня не слушает. Его мысли движутся так быстро, что не могут сконцентрироваться на одном предмете дольше нескольких секунд.

– Вы рассказывали мне о своих снах. О девушке в красном платье. Кто она такая?

– Просто девушка.

– Вы ее знаете?

– У нее обнаженные руки. Она поднимает их и проводит пальцами по волосам. Я вижу шрамы.

– Как они выглядят?

– Это не важно.

– Важно!

Склонив голову набок, Бобби проводит пальцем по внутренней стороне рукава рубашки от локтя до запястья. Затем снова смотрит на меня. В его глазах ничего не отражается. Он говорит о Кэтрин Макбрайд?

– Откуда у нее эти шрамы?

– Она сама себя порезала.

– Откуда вы это знаете?

– Это знают многие. – Бобби расстегивает манжет рубашки и закатывает левый рукав. Потом протягивает мне руку ладонью вверх. Тонкие белые шрамы еле видны, но легко узнаваемы. – Они словно знак отличия, – шепчет он.

– Бобби, послушайте меня. – Я наклоняюсь вперед. – Что случается с девушкой в ваших снах?

В его глазах отражается паника, подобная растущей лихорадке.

– Я не помню.

– Вы знаете эту девушку?

Он качает головой.

– Какого цвета ее волосы?

– Каштановые.

– А глаза?

Он пожимает плечами.

– Вы сказали, что во сне причиняете людям боль. А этой девушке?

Вопрос слишком прямолинеен. Бобби с подозрением глядит на меня:

– Почему вы на меня так смотрите? Вы записываете разговор на магнитофон? Вы крадете мои слова? – Он озирается по сторонам.

– Нет.

– Тогда почему так смотрите?

И тут я понимаю, что он говорит о «маске Паркинсона». Джок предупредил меня об этом. Мое лицо может становиться полностью неподвижным и непроницаемым, как у статуи с острова Пасхи.

Я отвожу взгляд и пытаюсь начать заново, но мысль Бобби уже пустилась в путь.

– Вы знаете, что год тысяча девятьсот шестьдесят первый можно написать перевернутым, и он будет выглядеть точно так же? – спрашивает он.

– Нет, я не знал.

– Такое снова случится в шесть тысяч девятом году.

– Мне надо узнать о вашем сне, Бобби.

– *No comprenderás todavía lo que comprenderás en el future.*

– Что это значит?

– Это по-испански. Ты пока не понимаешь того, что поймешь в конце. – Внезапно он морщит лоб, словно забыв что-то. Затем это выражение сменяется полным недоумением. Он не просто потерял нить рассуждения, он вообще забыл, зачем сюда пришел. Он смотрит на часы.

– Почему вы здесь, Бобби?

– Я не могу избавиться от этих мыслей.

– Каких мыслей?

– В своих снах я причиняю людям боль. Это не преступление. Это только сон.

Мы уже были здесь полчаса назад. Он забыл все, что случилось за это время.

Существует метод ведения допроса, иногда используемый ЦРУ, который называется «Техника „Алисы в Стране чудес“». Он основывается на полном изменении картины мира и разрушении всего знакомого и логичного. Следователь начинает с вопросов, которые кажутся вполне обычными, но на самом деле лишены всякого смысла. Если подозреваемый пытается, ответить, второй следователь

прерывает его, вставляя не относящиеся к делу и столь же бессмысленные замечания.

Они неожиданно меняют тон и стиль речи посреди предложения. Они сердито отпускают приятные комментарии или ласково угрожают. Они смеются в самый неподходящий момент и говорят загадками.

Если подозреваемый пытается отвечать, его игнорируют, а если отказывается, его поощряют – непонятно за что. В то же время следователи изменяют окружающую обстановку: переводят стрелки часов назад и вперед, включают и выключают свет, подают еду с интервалами то в десять часов, то в десять минут.

Представьте себе, что это продолжается изо дня в день. Отрезанный от мира и привычного окружения, подозреваемый пытается уцепиться мыслью за то, что помнит. Он может отсчитывать время или воспроизводить в памяти лицо или местность. Но все эти ниточки, связывающие его со здравым смыслом, постепенно рвутся, пока он в конце концов не утрачивает всякое чувство реальности.

Разговоры с Бобби напоминают этот метод. Произвольные связи, искаженные рифмовки и странные загадки кажутся мне достаточно разумными. Но в то же время меня все глубже втягивают в головоломку и границы между реальностью и фантазией начинают размываться.

Он больше не говорит о своем сне. Когда я спрашиваю его о девушке в красном платье, он пропускает мой вопрос мимо ушей. Молчание не помогает. Он сосредоточен и непроницаем.

Бобби ускользает от меня. Когда я впервые встретил его, то увидел перед собой умного, четко выражающего свои мысли, чуткого молодого человека, озабоченного жизнью. Теперь я вижу почти шизофреника с дикими снами и, предположительно, с историей душевного заболевания.

Я думал, что контролирую его, но вот он нападает на женщину среди бела дня и признается, что ранит людей в своих снах. А как насчет девушки со шрамами?

Дыши глубже. Анализируй факты. Складывая мозаику, нельзя применять силу. Каждый пятнадцатый на определенном этапе жизни наносит себе ранения: это два ученика в каждом классе, четыре

человека в переполненном автобусе, двадцать в пригородном поезде и две тысячи на домашнем матче «Арсенала».

За шестнадцать лет я, безусловно, научился не верить в заговоры и не слушать голоса, которые слышат мои пациенты. Какой прок от врача, умирающего от болезни?

Школа великолепна: солидное здание в георгианском стиле, увитое глицинией. Дорожка, покрытая гравием, поворачивает перед воротами и ведет к каменному крыльцу. Парковка кажется стоянкой магазина, торгующего «рейнджроверами» и «мерседесами». Я паркую наш «метро» за углом на улице.

Школа Чарли проводит ежегодный благотворительный обед и аукцион. Актальный зал украшен черными и белыми шариками, на кортах установлены палатки.

На приглашениях было написано «стиль одежды свободный», но большинство матерей пришли в вечерних туалетах, потому что им больше некуда их надеть. Они столпились вокруг какой-то незначительной звезды телесериалов, демонстрировавшей загар из солярия и прекрасные зубы. Вот что получаешь, отправляя своего ребенка в дорогую частную школу: возможность общаться с дипломатами, ведущими шоу и наркобаронами.

Это первый вечер за несколько недель, который мы проводим вне дома, но, вместо того чтобы расслабиться, я чувствую себя на взводе. Я все думаю о визите Джулианы к Джоку. Откуда-то она знает, что я ей соврал. Когда она что-нибудь скажет? С того времени, как я узнал диагноз, я поддался мрачному настроению и отдалился от людей. Может, я чувствую себя виноватым?

Нет, скорее всего это раскаяние. Таков мой способ обезопасить окружающих.

Я постепенно теряю свое тело. Одна часть меня думает, что все нормально. У меня все будет в порядке до тех пор, пока я сохраняю рассудок. Но другая часть уже отчаянно жалеет о том, чего я еще не потерял.

Итак, вот где я оказался: не столько на перекрестке, сколько в тупике. У меня есть жена, которой я горжусь, и дочь, которая вызывает у меня слезы умиления. Мне сорок два года, и я только что научился сочетать интуицию со знаниями и должным образом делать свою работу. Впереди лежит половина жизни – лучшая половина. К сожалению, в отличие от ума, который мне послушен, тело не

способно, или скоро станет неспособным, служить мне. Оно понемногу предает меня. Это единственное, в чем я могу быть уверен.

Аукцион слишком затягивается. Так бывает всегда. Ведет церемонию профессиональный аукционист с актерским голосом, перекрывающим шум и болтовню. Каждый класс создал по два произведения, в основном красочные коллажи из индивидуальных работ. Ребята из класса Чарли изобразили цирк и пляж с цветными купальными шапочками, зонтиками и лотками с мороженым.

– Это хорошо смотрелось бы в кухне, – говорит Джулиана, беря меня под руку.

– Сколько будет стоить починка водопровода?

Она пропускает мой вопрос мимо ушей.

– Чарли нарисовала кита.

Приглядевшись, я замечаю серый горб на горизонте. В рисовании она не особенно сильна, но я знаю, что она любит китов.

Аукционы приоткрывают лучшее и худшее в людях. А торговаться с большей страстью, чем родители единственного ребенка, может только ослепленный любовью обеспеченный дедушка.

Я встаю только раз, чтобы предложить 65 фунтов за пляж. Когда под вежливые аплодисменты молоток опускается, цена превышает семьсот. Аукцион выиграла по телефону. Черт возьми, просто Сотбис какой-то!

Мы возвращаемся домой за полночь. Няня забыла включить свет над крыльцом. В темноте я спотыкаюсь о связку медных труб и падаю на ступени, ударяя колено.

– Ди Джей попросил разрешения оставить их здесь, – извиняется Джулиана. – Не волнуйся за штаны. Я их замочу.

– А как насчет моей коленки?

– Думаю, ты будешь жить.

Мы вместе идем проверить, как там Чарли. Мягкие игрушки окружают ее кровать, повернувшись к дверям, словно охрана форта. Она спит на боку, большой палец у губ.

Пока я чищу зубы, Джулиана стоит рядом и, глядя в зеркало, снимает с лица косметику. Она смотрит на мое отражение:

– У тебя есть любовница?

Этот вопрос задан таким повседневным тоном, что застает меня врасплох. Я хочу притвориться, что не расслышал, но уже поздно. Я перестал чистить зубы. Пауза выдает меня.

– С чего ты взяла?

Она стирает тушь с ресниц.

– В последнее время я чувствую, что ты где-то далеко.

– Я переживал.

– Но ведь ты хочешь остаться с нами?

– Конечно хочу.

В зеркале я вижу, что она не сводит с меня глаз. Я отворачиваюсь и споласкиваю зубную щетку.

– Мы больше не разговариваем, – продолжает она после паузы.

Я знаю, что последует дальше. И не хочу двигаться в этом направлении. Вот сейчас она начнет говорить мне, что я не умею общаться. Она думает, что, раз я психолог, я должен уметь высказывать и анализировать свои чувства. Почему? Я целый день сижу в сознании других людей. Когда я прихожу домой, то самое серьезное, о чем мне хочется думать, – это уроки Чарли.

Джулиана другая. Она умеет говорить. Она делится всем и все обсуждает. Не то чтобы я боялся открыть свои чувства. Я боюсь, что если начну, то не смогу остановиться.

Я пытаюсь придать разговору другой оборот.

– Когда люди женаты так долго, как мы с тобой, им не надо много говорить, – робко начинаю я. – Мы можем читать мысли друг друга.

– Правда? И о чем я сейчас думаю?

Я притворяюсь, что не слышу ее:

– Нам легко друг с другом. Это называется привычкой.

– Которая рождает презрение.

– Нет!

Она обнимает меня, проводя руками по груди и обхватывая за талию.

– Какой смысл жить с кем-то, если не можешь поговорить с ним о важных вещах? – Она кладет голову мне на спину. – Это делают супруги. Это нормально. Я знаю, что ты страдаешь. Я знаю, что ты напуган. Я знаю, что ты беспокоишься о том, что случится, если твое состояние ухудшится... о Чарли и обо мне... но ты не можешь стоять

между нами и миром, Джо. Ты не можешь защищать нас от подобных вещей.

Я чувствую сухость во рту, как в начале похмелья. Это не спор, это просто разница в восприятии. Я знаю, что если я не отвечу, то Джулиана заполнит молчание.

– Чего ты так боишься? Ты ведь не умрешь.

– Я знаю.

– Конечно, это несправедливо. Ты этого не заслуживаешь. Но взгляни на то, что ты имеешь: прекрасный дом, карьера, жена, которая любит тебя, и дочь, готовая целовать землю, по которой ты ступаешь. Если все это не может перевесить любую проблему, то у нас что-то не так.

– Я не хочу, чтобы что-то менялось. – Мне противно оттого, как жалко и неубедительно это звучит.

– Ничто и не должно измениться.

– Я вижу, как ты наблюдаешь за мной. Ищешь симптомы. Здесь дрожь, там судорога.

– Тебе больно от этого? – внезапно спрашивает она.

– Нет.

– Я этого не знала. – Она соединяет свою и мою кисть и обвивает вокруг своей ладони мои пальцы. – Это тебя смущает?

– Иногда.

– Тебе нужна специальная диета?

– Нет.

– А упражнения?

– По мнению Джока, они могут помочь, но болезнь они не остановят.

– Я не знала, – шепчет она. – Надо было мне сказать. – Она придвигается еще ближе, прижимаясь губами к моему уху. Капельки воды на ее щеке похожи на слезы. Я глажу ее по голове.

Ее руки скользят по моей груди. Молния расстегнута, ласковое прикосновение ее пальцев, вкус ее языка, ее дыхание у меня в легких...

Потом, когда мы лежим в постели, я смотрю, как в груди у нее бьется сердце. В первый раз за шесть лет мы занимались любовью, не сверившись предварительно с календарем.

Звонит телефон.

– Профессор О'Лафлин?

– Да.

– Это из больницы Черинг-кросс. Извините, что разбудил вас. – У врача молодой голос, в нем слышится усталость. – У вас есть пациент по имени Бобби Моран?

– Да.

– Полиция обнаружила его лежащим на дорожке возле Хаммерсмит-бридж. Он спрашивал вас.

Джулиана переворачивается и укладывается на мою подушку, подтыкая одеяло под себя.

– Что случилось? – сонно спрашивает она.

– Проблема у пациента. – Я натягиваю свитер на футболку и начинаю разыскивать джинсы.

– Ты ведь не собираешься уходить?

– Ненадолго.

В этот ранний час мне требуется всего пятнадцать минут, чтобы добраться до Фулхема. Глядя сквозь двери больницы, я вижу, как негр-уборщик кружит по полу швабру и ведро в странном вальсе. За столом регистратуры сидит охранник. Он указывает мне путь к входу в травматологическое отделение.

За вращающимися дверями в приемной маются уставшие и раздраженные люди. Дежурная сестра занята. В коридоре появляется молодой врач и начинает спорить с бородатым человеком, прижимающим ко лбу окровавленную тряпку и кутающимся в одеяло.

– И прождете всю ночь, если не присядете, – говорит врач, отворачивается и смотрит на меня.

– Я профессор О'Лафлин.

Секунду он размышляет над моим именем. Потом вспоминает, кто я. С правой стороны шеи у него родимое пятно, и поэтому он ходит с поднятым воротником белого халата.

В течение нескольких минут я иду за этим белым халатом по пустому коридору мимо тележек с бельем и прислоненных к стенам носилок.

– С ним все в порядке?

– В основном порезы и синяки. Возможно, он выпал из машины или упал с велосипеда.

– Его оставят на ночь?

– Нет, но он не хочет уходить, не поговорив с вами. Он все говорит о том, что надо смыть кровь с рук. Вот почему я оставил его в смотровой. Не хочу, чтобы он расстраивал других пациентов.

– У него сотрясение?

– Нет. Но он очень взволнован. Полицейские думают, что существует угроза суицида. – Врач оборачивается и смотрит на меня. – А ваш отец хирург?

– На пенсии.

– Я однажды слушал его лекцию. Он производит большое впечатление.

– Да. Как лектор.

В смотровой маленькое окошечко расположено на высоте человеческого роста. Бобби сидит на стуле, вытянув ноги. На нем грязные джинсы, фланелевая рубашка и армейская шинель, рукава которой он теребит, ухватившись за ниточки. Взгляд воспаленных глаз Бобби устремлен на противоположную стену, словно на стену, где разыгрывается некая драма, которую никому другому не дано увидеть. Когда я вхожу, он не оборачивается.

– Бобби, это я, профессор О'Лафлин. Вы знаете, где вы находитесь?

Он кивает.

– Вы можете рассказать мне, что случилось?

– Я не помню.

– Как вы себя чувствуете?

Он пожимает плечами, все еще не глядя на меня. Стена интереснее. Я чувствую исходящий от него запах пота и сырой одежды. Есть и еще один запах – что-то знакомое, чего я никак не могу определить. Что-то медицинское.

– Что вы делали на Хаммерсмит-бридж?

– Не знаю. – Его голос дрожит. – Я упал.

– Что вы помните?

– Пошел спать с Арки, а потом... Иногда мне невыносимо быть одному. У вас бывает такое чувство? У меня постоянно. Я хожу по пятам за Арки. Я хожу за ней, постоянно говоря о себе. Я говорю ей, о чем думаю...

Наконец-то он перевел взгляд на меня. В его глазах страх. Пустота. Я уже видел это выражение. Один из моих пациентов, пожарный, постоянно слышал крики пятилетней девочки, которая погибла в горящей машине. Он спас ее мать и маленького брата, но из-за пламени не смог вернуться за нею самой.

Бобби спрашивает:

- Вы слышите ветряные мельницы?
- А какой звук они производят?
- Шум, похожий на лязг металла, но, когда ветер дует особенно сильно, их крылья дрожат и воздух начинает кричать от боли. – Его передергивает.
- А зачем нужны ветряные мельницы?
- Они все приводят в движение. Если приложите ухо к земле, то услышите их.
- Что значит «все»?
- Электричество, заводы, поезда. Без ветряных мельниц все это останавливается.
- Эти мельницы – Бог?
- Вы ничего не знаете, – говорит он, желая закончить разговор.
- Вы когда-нибудь их видели?
- Нет. Я же сказал, что слышу их.
- А где, по-вашему, они находятся?
- Посреди океанов, на больших платформах, как нефтяные вышки. Они вытягивают энергию из центра земли – из ядра. Мы используем слишком много энергии. Мы тратим ее. Вот почему надо выключать свет и экономить электричество. Или мы нарушим баланс. Если взять слишком много из центра, то там образуется вакуум. Мир взорвется.
- А почему мы забираем так много энергии?
- Выключайте свет слева, справа, слева, справа. Поступайте правильно. – Он отдает честь. – Я был правой, но приучил себя писать левой... Давление растет. Я чувствую его.
- Где?
- Он похлопывает себя по голове:
- Я похлопал себя по сердцевине. Сердцевина яблока. Вы знаете, что атмосфера Земли тонка, как яблочная кожура?
- Он играет словами – характерная примета психического расстройства. Каламбуры и простые созвучия помогают связать разрозненные идеи.
- Иногда мне снится, что меня заперли на ветряной мельнице, – говорит он. – Шестеренки движутся, лезвия сверкают, молотки стучат по наковальням. Такую музыку играют в аду.
- Это один из ваших кошмаров?

Он переходит на заговорщический шепот:

– Некоторые из нас знают, что происходит.

– И что же происходит?

Он откидывается назад, оглядывая меня. Его глаза светятся. Затем странная полуулыбка возникает у него на лице.

– Вы знаете, что космическому кораблю с экипажем понадобилось меньше времени, чтобы долететь до Луны, чем дилижансу, чтобы объехать Англию?

– Нет, я этого не знал.

Он вздыхает с торжеством.

– Что вы делали на мосту?

– Я лежал на земле и слушал мельницы.

– Когда вас привезли в больницу, вы повторяли, что хотите смыть кровь с рук.

Он помнит это, но молчит.

– Как кровь попала на ваши руки?

– Ненавидеть – это нормально. Мы просто об этом не говорим. Совершенно нормально хотеть причинить боль людям, которые причинили боль нам...

Я не вижу в этом смысла:

– А вы причинили кому-то боль?

– Все эти капли ненависти собираются в бутылку. Кап, кап, кап...

Ненависть не испаряется, как другие жидкости. Она похожа на нефть. Потом однажды бутылка наполняется.

– И что тогда происходит?

– Ее надо опустошить.

– Бобби, вы обидели кого-нибудь?

– А как еще можно избавиться от ненависти? – Он снова теревит рукава рубашки, покрытой чем-то темным.

– Это кровь, Бобби?

– Нет, это нефть. Вы что, не слушали меня? Все дело в нефти. – Он встает и делает два шага к двери. – А теперь мне можно пойти домой?

– Я думаю, вам стоит ненадолго остаться здесь, – говорю я, пытаюсь сохранить обыденный тон.

Он подозрительно смотрит на меня:

– Почему?

– Вчера вечером у вас произошел срыв и вы потеряли чувство реальности. Возможно, вы попали в аварию или упали. Я думаю, надо сделать анализы и понаблюдать вас.

– В больнице?

– Да.

– В общем отделении?

– В психиатрическом.

Он не колеблется ни секунды:

– Идите вы к черту! Вы хотите меня запереть!

– Вы останетесь добровольно. Вы сможете уйти, когда захотите.

– Это уловка. Вы думаете, что я сумасшедший! – Он орет на меня.

Он хочет сбежать, но что-то удерживает его здесь. Может быть, он потратил на меня слишком много сил.

По закону я не могу остановить его. Даже имея я доказательства, у меня нет права задержать или запереть Бобби. Такие полномочия есть у психиатров, судебных медиков и врачей, но не у скромного психолога. Бобби свободен.

– Можно прийти к вам на прием? – спрашивает он.

– Да.

Он застегивает шинель и кивает в знак одобрения. Я иду с ним по коридору, и мы садимся в лифт.

– У вас раньше случались такие провалы, как этот? – спрашиваю я.

– Что еще за «провалы»?

– Провалы в памяти, когда время словно исчезает.

– Это было около месяца назад.

– Вы помните, в какой день?

Он кивает:

– Мне надо было избыть ненависть.

Центральный вход больницы открыт. На крыльце Бобби поворачивается и благодарит меня. Я снова чувствую запах. Теперь я понимаю, что это. Хлороформ.

Хлороформ – бесцветная жидкость, плотность которой в два раза выше плотности воды, по запаху напоминающая эфир и с сильным сладким вкусом. Это важное органическое соединение, используемое преимущественно в промышленности.

Шотландский врач сэр Джеймс Симпсон из Эдинбурга впервые применил его в качестве анестетика в 1847 году. Спустя шесть лет английский врач Джон Сноу дал его королеве Виктории во время рождения принца Леопольда, ее восьмого ребенка.

Несколько капель, нанесенных на ткань или маску, обычно достаточно для анестезии на несколько минут. Через 10–15 минут пациент приходит в сознание с чувством головокружения, но почти без тошноты и рвоты. Хлороформ очень опасен и вызывает фатальный паралич сердца приблизительно в одном из 3000 случаев.

Закрыв энциклопедию, я кладу ее на место и пишу для себя заметку. Откуда у Бобби хлороформ на одежде? Как он мог использовать этот промышленный раствор или анестетик? Кажется, я припоминаю, что хлороформ иногда используется в лекарствах от кашля и кремах против раздражений, но не в таких количествах, чтобы оставить столь явный запах.

Бобби говорил, что работает курьером. Возможно, он развозит промышленные жидкости. Я спрошу его в следующий раз, если тогда его еще можно будет контролировать.

Я слышу грохот, доносящийся из подвала. Ди Джей и его помощник все еще возятся с котлом. Очевидно, вся наша водопроводная система была сконструирована маньяком, одержимым страстью изгибать трубы. Изнутри наши стены похожи на современную скульптуру. Один бог знает, во что это нам обойдется.

В кухне, налив кофе, я усаживаюсь за стол рядом с Чарли. Она укладывает библиотечную книгу на коробку сухих завтраков. Моя газета покоится на стакане с апельсиновым соком.

Чарли играет: подражает каждому моему движению. Когда я откусываю тост, она делает то же самое. Когда я отхлебываю кофе, она отхлебывает чай. Она даже склоняет голову подобно мне, когда я пытаюсь разобрать новости на сгибе страницы.

– Тебе хватит мармелада? – спрашивает она, помахивая рукой у меня перед носом.

– Да, извини.

– Ты разговаривал с феями.

– Они передали тебе привет.

Из прачечной появляется Джулиана, отбрасывая прядь волос со лба. Вдали шумит центрифуга. Раньше мы завтракали вместе, пили кофе и передавали друг другу страницы газеты. Теперь она не может так долго сидеть на одном месте.

Она загружает тарелки и чашки в посудомоечную машину и кладет передо мной таблетку.

– Что случилось в больнице?

– Упал один из моих пациентов. С ним все в порядке.

Она хмурится:

– Тебе надо сократить количество экстренных вызовов.

– Я знаю. Это исключительный случай.

Она откусывает кусочек тоста и начинает упаковывать обед для Чарли. Я чувствую запах ее духов и замечаю, что на ней новые джинсы и лучший жакет.

– Куда ты собираешься?

– У меня семинар по исламу. Ты обещал в четыре быть дома и посидеть с Чарли.

– Не могу. У меня прием.

Она недовольна:

– Но кто-то должен быть дома.

– Я могу вернуться к пяти.

– Ладно. Попробую найти кого-нибудь.

Из кабинета звоню Руизу. На заднем плане слышен шум промышленного оборудования и журчание воды. Он у реки.

Представляясь, я слышу электронный щелчок и задумываюсь, записывает ли он наш разговор.

– Я хотел бы задать вам вопрос о Кэтрин Макбрайд.

- Да?
- Сколько у нее было ран?
- Двадцать одна.
- Патологоанатом обнаружил следы хлороформа?
- Вы читали отчет.
- Там об этом не было упомянуто.
- Зачем вам это?
- Может, это и не важно.

Он вздыхает:

– Давайте заключим сделку: вы перестанете звонить мне и спрашивать обо всякой ерунде, а я дам вам отсрочку на оплату штрафа за парковку?

Прежде чем успеваю извиниться за беспокойство, я слышу, как кто-то произносит его имя. Он ворчит что-то типа «не стоит благодарности» и отключается. У этого человека стиль общения гробовщика.

Фенвик ошивается в моей приемной, поглядывая на свой золотой «ролекс». Мы собираемся пообедать в Мейфейр в его любимом ресторане. Это одно из тех мест, о которых пишут в воскресных приложениях, потому что повар темпераментен, привлекателен и встречается с моделью. По словам Фенвика, оно также известно как постоянное место встреч знаменитостей, но мне они почему-то никогда не попадают. Правда, однажды я действительно видел там Питера О'Тула. Фенвик запросто называл его Питером и был сама общительность.

Сегодня Фенвик особенно тщательно демонстрирует дружелюбие. По пути к ресторану он спрашивает о Джулиане и Чарли. Затем громко читает все меню и комментирует каждое блюдо, как будто я неграмотен. Когда вместо вина я заказываю минеральную воду, он выглядит разочарованным.

- Я дал зарок не пить за обедом.
- Очень неудобно для общества.
- Некоторым приходится работать во второй половине дня.

Подходит официант, и Фенвик дает ему подробные инструкции, как приготовить блюда, вплоть до температуры духовки и количества ударов молотком по куску мяса. Если у официанта есть хоть капля

здорового смысла, он позаботится о том, чтобы эти инструкции никогда не дошли до кухни.

– Разве тебе никогда не говорили, что нельзя расстраивать того, кто готовит тебе еду? – спрашиваю я.

Фенвик смотрит на меня озадаченно.

– Забудь, – говорю я. – Тебя ничему не научили в университете.

– Старик, у меня был полный пансион!

Как это похоже на него!

Фенвик смотрит по сторонам, выискивая знакомые лица. Я так и не смог понять, для чего ему нужны эти обеды. Обычно он уговаривает меня вложиться в сделку с недвижимостью или организовать компанию биотехнологий. Он не имеет никакого представления о реальных деньгах и, что еще хуже, о том, как мало их у людей и сколько приходится платить по ипотеке.

Мне бы никогда не пришло в голову обратиться за советом к Фенвику, но он сидит рядом, и в разговоре возникла пауза.

– Хочу задать тебе гипотетический вопрос, – говорю я, сворачивая и разворачивая салфетку. – Если бы у тебя был пациент, которого ты подозревал бы в серьезном преступлении, что бы ты сделал?

На лице Фенвика появляется тревога. Он смотрит через плечо, словно боится, как бы нас кто-нибудь не подслушал.

– У тебя есть доказательства? – шепчет он.

– В общем, нет... Скорее интуиция.

– Насколько серьезное преступление?

– Не знаю. Возможно, серьезнейшее.

Фенвик подается вперед, прикрыв ладонью рот. Он выглядит самым подозрительным образом.

– Старик, надо сказать полиции.

– А как же врачебная тайна? На ней основывается вся моя деятельность. Если пациенты мне не доверяют, я не могу им помочь.

– Это не в счет. Вспомни дело Тарасова.

Тарасов, студент из Калифорнии, убил свою бывшую подружку в конце шестидесятых. Во время сеансов психотерапии он говорил врачу, что собирается ее убить. Родители жертвы подали на врача в суд за укрывательство и выиграли процесс.

Когда Фенвик говорит, его нос как-то нервно двигается.

– Ты обязан разгласить конфиденциальную информацию, если клиент выражает бесспорное намерение нанести серьезный вред третьей стороне.

– Точно, но если он не угрожал конкретному лицу?

– Не думаю, что это меняет дело.

– Меняет. Мы обязаны защищать потенциальных жертв от опасности, но только если пациент угрожал физической расправой определенному человеку.

– Это детали.

– Нет.

– Итак, мы позволяем убийце разгуливать по улицам?

– Я не уверен, что он убийца.

– Может, это должна решать полиция?

Возможно, Фенвик прав, но что если я пришел к неверным выводам? Доверие – основа клинической психологии. Если я сообщу подробности своих бесед с Бобби без его согласия, я нарушу с десяток правил. В конце концов, меня могут привлечь к ответственности коллеги.

Насколько я уверен в том, что Бобби опасен? Он напал на женщину в кебе. Помимо этого у меня есть только его болтовня о ветряных мельницах и снах с девушкой. Фенвик допивает вино и заказывает еще бокал. Ему нравится эта драма плаща и шпаги. У меня такое впечатление, что люди редко обращаются к нему за советом.

Нам приносят еду, и разговор возвращается в прежнее русло. Фенвик рассказывает мне о своих недавних инвестициях и планах на отпуск. Я чувствую, что он к чему-то клонит, но не может умело подвести разговор к теме. Наконец за кофе он решает рискнуть:

– Джо, я хочу тебя кое о чем попросить. Я не из тех парней, которые просят об одолжении, но сегодня придется.

Я непроизвольно начинаю обдумывать, как ему отказать. Я не могу представить ни единой причины, по которой Фенвику может понадобиться моя помощь.

Тяготясь сознанием весомости своей просьбы, он делает несколько попыток начать. В конце концов он объясняет, что они с Джеральдиной, его давней подругой, решили пожениться.

– Замечательно! Поздравляю!

Он поднимает руку и останавливает меня:

– Да, вот... мы женимся в июне в Западном Сассексе. У ее отца там поместье. Я хотел тебя попросить... ну... хочу сказать... то есть... я был бы тебе признателен, если бы ты оказал мне честь и стал моим шафером.

В первый момент я чуть было не рассмеялся. Я едва знаю Фенвика. Мы два года проработали в соседних кабинетах, но, если не считать этих случайных обедов, никогда не общались, не играли ни в гольф, ни в теннис. Я с трудом припоминаю, что встречал Джеральдину на рождественской вечеринке в офисе. До тех пор я подозревал, что Фенвик принадлежит к холостякам-денди старого образца.

– Наверняка есть кто-нибудь...

– Ну да, конечно. Я просто подумал... в общем, я просто подумал... – Фенвик моргает с самым несчастным видом.

И тут до меня доходит. Несмотря на все его рассказы о знаменитостях, общественную жизнь и самонадеянность, у Фенвика нет друзей. Иначе с чего бы ему выбирать меня своим шафером?

– Конечно, – говорю я. – Если хочешь...

Фенвик приходит в такое волнение, что, кажется, вот-вот обнимет меня. Он перегибается через стол, хватая меня за руку и яростно ее трясет. При этом он так жалко улыбается, что мне хочется забрать его домой, как бродячую собаку.

По пути в офис он предлагает всевозможные планы, которые мы сможем вместе осуществить, включая мальчишник.

– Можем воспользоваться ваучерами с твоих лекций, – робко говорит он.

Мне внезапно вспоминается урок, который я усвоил в первый же день в школе в возрасте восьми лет. У ребенка, который представляется первым, будет меньше всего друзей. Фенвик тот самый мальчик.

Элиза открывает дверь в тайском шелковом халате. Свет падает на нее сзади, очерчивая контуры ее тела под материей. Я пытаюсь сосредоточиться на ее лице, но глаза предают меня.

– Почему так поздно? Я давно тебя жду.

– Пробки.

Она окидывает меня взглядом, словно не уверена, впускать ли. Потом поворачивается, и я иду за ней через холл, глядя, как покачиваются ее бедра под халатом.

Элиза живет в здании бывшей типографской фабрики в Ледброк-Гроув, недалеко от Гранд-Юнион-канала. Некрашенные стропила и деревянные балки пересекаются, словно в мини-версии тюдоровского особняка.

Квартира заполнена старыми коврами и антикварной мебелью, которую Элиза перевезла из Йоркшира после смерти матери. Ее особая гордость – елизаветинская кушетка с изящными резными ножками и подлокотниками. На ней смиренно сидят с десяток китайских кукол с нежными крашеными лицами, словно ожидая, когда их попросят станцевать.

Элиза наливает мне выпить и садится на диван, похлопывая по месту рядом с собой. Она замечает мою неуверенность и корчит гримаску:

– Я так и думала, что что-то случилось. Обычно ты целуешь меня в щеку.

– Извини.

Она смеется и кладет ногу на ногу. Я чувствую, как что-то внутри меня обрывается.

– Боже, как же ты напряжен! Тебе нужен массаж.

Она укладывает меня на диван и усаживается сверху, скользя пальцами по напряженным мышцам плеч. Ее ноги вытянуты по обе стороны от меня, и я чувствую, как волосы в ее промежности слегка трутся о мою спину.

– Не надо было мне приходиться.

– Тогда зачем ты пришел?

– Я хотел извиниться. Я совершил ошибку. Сделал то, чего не надо было делать.

– Хорошо.

– Ты не сердишься?

– Ты хороший любовник.

– Я не хочу думать об этом так.

– А что это было, по-твоему?

Я мгновенно обдумываю вопрос:

– У нас была краткая встреча.

Она хохочет:

– Черт, все было совсем не так романтично!

Пальцы у меня на ногах сводит от смущения.

– Так в чем же дело? – спрашивает она.

– Я думаю, это было нечестно по отношению к тебе.

– И к твоей жене?

– Да.

– Ты так и не сказал мне, чем был так расстроен той ночью.

Я пожимаю плечами:

– Я просто думал о жизни и все такое.

– О жизни?

– И о смерти.

– Боже, только не это!

– Что?

– Женатый парень, который дожил до сорока и вдруг задумался, к чему все это. У меня такие бывали постоянно. Болтуны! Надо было брать с них вдвое. Я бы разбогатела.

– Это не то.

– А что же?

– Что если бы я сказал тебе, что неизлечимо болен?

Она перестает массировать мне шею и поворачивает меня лицом к себе.

– Это правда?

Внезапно я передумываю:

– Нет. Я просто валяю дурака.

Теперь она на меня рассердилась. Она думает, что я ею манипулирую.

– Ты знаешь, в чем твоя проблема?

– В чем?

– Всю свою жизнь ты был под защитой. Кто-нибудь всегда за тобой присматривал. Сначала мама, потом школа, потом университет, а потом ты женился.

– И что с того?

– Все было слишком легко. С тобой по-настоящему ничего не случалось. Неприятности случаются с другими, и ты помогаешь этим другим собраться, но твоя жизнь никогда не разваливалась на части. Ты помнишь нашу вторую встречу?

Я киваю.

– А ты помнишь, что сказал мне?

Я задумываюсь. Это было в тюрьме Холлоуэй. Элизу привлекли к ответственности после того, как она ударила ножом двоих подростков. Ей было двадцать три года, и она уже доросла до работы в эскорт-агентстве в Кенсингтоне, объехав всю Европу и Ближний Восток.

Однажды ночью ее вызвали в отель в Найтсбридже к незнакомому клиенту. Едва войдя в номер, она почувствовала: что-то не так. Обычно ее клиенты были среднего возраста. А этот оказался подростком. На столике стоял десяток пустых бутылок из-под пива.

Не успела она сориентироваться, как дверь ванной открылась и оттуда показались шестеро парней. Один из них в тот день отмечал свое восемнадцатилетие.

– Я не собираюсь трахаться со всеми.

Они рассмеялись.

После первого изнасилования она перестала сопротивляться. Умоляя их отпустить ее, она в то же время пыталась как можно незаметнее дотянуться до кармана своего пальто. Парни насильовали ее сразу по двое. Остальные дожидались своей очереди и смотрели матч тура «Манчестер юнайтед» против «Челси».

Элиза с трудом дышала. Из носа текли сопли, смешиваясь со слезами. Она наконец-то дотянулась до пальто, и в кармане ее пальцы обхватили нож.

Райан Гиггс подобрал мяч в центре поля и совершил рывок в сторону... Элизу схватили за голову. Стив Кларк попытался заставить Гиггса изменить траекторию, но тот подался вправо, затем влево... Пряжка врезалась ей в грудь, лоб ударился о живот... Марк Хьюз побежал к ближней штанге, уводя за собой обоих центральных

защитников. Гиггс угодил в крестовину. Кантона ударил с лету. Сетка выпятилась. Щека Элизы тоже.

Отплевываясь, она сказала: «Кончено».

Она всадила нож в ягодицу парня напротив. Его крики заполнили комнату. Затем она перекатилась по кровати и ударила в бедро того, который стоял сзади.

Он отшатнулся, а она соскользнула с кровати, схватила за горлышко пивную бутылку и разбила ее об угол столика. С ножом в одной руке и битой бутылкой в другой она стояла напротив них. Их разделяла только кровать.

Лезвие было всего два дюйма длиной, поэтому раны оказались неглубокими. Элиза позвонила в полицию из холла отеля. Она все обдумала и поняла, что у нее нет другого выхода. Подала заявление и прошла все стадии следствия. Во время допроса каждого из парней сопровождал адвокат. Их показания совпали.

Элизу привлекли к ответственности за нанесение телесных повреждений, а подростки получили строгий выговор от дежурного сержанта. Шестеро молодых людей – с деньгами, привилегиями и хорошими жизненными перспективами – изнасиловали ее совершенно безнаказанно.

Находясь под следствием в тюрьме Холлоуэй, Элиза вызвала меня. Она повзрослела, но казалась все такой же хрупкой. Она сидела на пластиковом стуле, склонив голову набок, волосы закрывали один глаз. Раскрошенный зуб был восстановлен.

– Как вы думаете, то, что происходит с нами, зависит от нас? – спросила она.

– В известной мере.

– И где эта мера?

– Мы осознаем это, когда случается что-то, что невозможно контролировать: пьяный водитель не видит знака остановки, или шары в лотерее выпадают в правильном порядке, или внутри нас начинает делиться злокачественная клетка.

– То есть возможности нашего выбора весьма ограничены?

– В общем, да. Возьмем, к примеру, греческого драматурга Эсхила. Он умер, потому что орел принял его лысину за камень и сбросил на нее черепаху. Не думаю, что Эсхил это предвидел.

Элиза засмеялась. Через месяц она признала себя виновной и получила два года тюрьмы. Она работала в тюремной прачечной. Когда ее охватывала злость или горечь от того, что произошло, она открывала дверцу центрифуги, просовывала туда голову и орала в теплый серебряный барабан, пока ее голова не начинала разламываться от шума.

Так чего же Элиза хочет: чтобы я вспомнил собственную горячую проповедь или чтобы осознал причину катастрофы? Она соскальзывает с дивана и шлепает по комнате в поисках сигарет.

– Итак, ты пришел сообщить мне, что больше не будешь со мной спать?

– Да.

– Ты хотел сказать мне это до постели или после?

– Я не шучу.

– Знаю. Прости.

Сигарета безжизненно повисает, пока Элиза подвязывает халат. На мгновение открывается темный набухший сосок. Не могу сказать, сердита она или разочарованна. Возможно, ей все равно.

– Ты проверишь мои документы на квартиру, когда они будут закончены?

– Конечно.

– А если мне снова надо будет, чтобы ты провел беседу?

– Я приду.

Она целует меня в щеку, и я ухожу. Я не хочу уходить. Мне нравится этот дом с выцветшими коврами, фарфоровыми куклами, маленьким камином и большой кроватью. Но мне кажется, я должен отсюда исчезнуть.

Мой дом погружен во тьму, только сквозь занавешенные окна гостиной на первом этаже пробивается свет. Внутри тепло. В передней только что догорел огонь. Я чувствую запах бездымного угля.

Последние красные угольки тлеют на решетке. Моя левая рука дрожит, когда я протягиваю ее к выключателю. Я вижу очертания человека, сидящего в кресле у окна. Руки опираются на широкие подлокотники. Черные ботинки стоят на блестящем деревянном полу.

– Надо поговорить. – Руиз даже не встает.

– Как вы сюда попали?

– Ваша жена разрешила мне подождать.

– Что я могу для вас сделать?

– Можете перестать выводить меня из себя. – Он наклоняется вперед, к свету. Его лицо посерело, и голос звучит устало. – Я спросил патологоанатома о хлороформе. В первый раз они не посмотрели. Когда у трупа столько ножевых ранений, больше ничего не исследуют. – Он поворачивается и смотрит на камин. – Откуда вы узнали?

– Не могу вам сказать.

– Не этот ответ я хотел бы услышать.

– Это был выстрел наудачу... предположение.

– Предположим, вы расскажете мне правду.

– Не могу.

Вот он и рассердился. С лица исчезло утомление – оно словно вырезано из металла.

– Я старомодный детектив, профессор О'Лафлин. Я ходил в местную школу, а потом сразу поступил на службу. Я не оканчивал университета и мало читаю. Скажем, компьютеры – я ни фиги в них не понимаю, но ценю то, сколь полезны они иногда бывают. То же и с психологами. – Он понижает голос. – Когда я начинаю расследование, мне всегда говорят, чего нельзя делать. Говорят, что мне нельзя тратить слишком много денег, нельзя прослушивать некоторые телефоны и обыскивать некоторые дома. Мне нельзя делать тысячи вещей – и это выводит меня из себя. Я вас уже дважды предупредил. Вы отказываетесь сообщить мне информацию, которая имеет отношение к моему расследованию, и все вот это, – он указывает на мою комнату, мой дом, мою жизнь, – я обрушу вам на голову.

Я не могу придумать никакого сочувственного ответа, чтобы обезоружить его. Что мне ему сказать? У меня есть пациент по имени Бобби Моран, который, возможно, почти шизофреник, а возможно, и нет. Он избил женщину до потери сознания, потому что она была похожа на его мать, о чьей смерти он мечтает. Он составляет списки. Он слушает ветряные мельницы. Его одежда пахнет хлороформом. Он носит с собой кусочек бумаги, на котором сотни раз изображена цифра 21 – количество ножевых ранений, которые Кэтрин Макбрайд нанесла самой себе...

Что если сказать ему все это? Он, возможно, посмеется надо мной. Ничто конкретное не связывает Бобби и Кэтрин, но это я буду ответствен, если десятки детективов начнут ломиться к Бобби в дверь, копаться в его прошлом, наводить страх на его невесту и ее сына. Бобби поймет, что это я послал их. Он больше не будет мне доверять. Он больше не будет доверять ни одному психологу. Его подозрения оправдаются. Он пришел за помощью, а я предал его.

Я знаю, что он опасен. Я знаю, что фантазии уводят его в какое-то страшное место. Но если он не будет ко мне приходить, я, возможно, никогда не смогу остановить его.

Горечь и враждебность висят в воздухе, как запах бездымного угля. Руиз надевает пальто и идет к входной двери. Моя левая рука дрожит. Сейчас или никогда. Решайся.

– Когда вы обыскивали комнату Кэтрин, вы нашли красное платье?

Руиза словно ударили. Он живо оборачивается и делает шаг ко мне.

– Откуда вы это узнали?

– Платье пропало?

– Да.

– Вы думаете, она была в нем, когда исчезла?

– Возможно.

Он стоит в дверном проеме. Его глаза покраснели, взгляд остановился. Кулаки сжимаются и разжимаются. Он хочет меня разорвать.

– Приходите ко мне в кабинет завтра утром. У меня есть папка. Вы не сможете ее забрать. Я даже не знаю, поможет ли она, но я должен ее кому-нибудь показать.

На столе передо мной лежит голубая бумажная папка. Она закрыта при помощи ленточки, обмотанной вокруг плоского колесика. Я снова и снова кручу его.

Мина, входя в офис, нервно бросает взгляд через плечо. Она доходит до самого стола и шепчет мне на ухо:

– В приемной какой-то страшный человек. Он спрашивает вас.

– Все в порядке, Мина. Это детектив.

Ее глаза расширяются от удивления.

– О! Он не сказал. Он просто...

– Рычал?

– Да.

– Можете пригласить его. – Я знаком прошу ее подвинуться поближе. – Через пять минут позвоните мне и напомните, что у меня назначена важная встреча за пределами этого здания.

– Какая встреча?

– Просто важная встреча.

Она нахмуренно кивает.

При взгляде на лицо Руиза возникает мысль о наковальне. Он игнорирует мою протянутую руку, и она нелепо повисает в воздухе, как будто я регулировщик. Он садится и откидывается на спинку кресла, вытягивая ноги, полы его пальто раздвигаются.

– Так вот где вы работаете, профессор? Очень мило. – Он нарочито бегло оглядывает комнату, но я знаю, что он подмечает все детали. – И сколько стоит аренда такого кабинета?

– Не знаю. Я один из партнеров.

Руиз почесывает подбородок и извлекает из кармана пачку жевательной резинки. Медленно разворачивает.

– И что же делает психолог на самом деле?

– Мы помогаем людям, травмированным какими-то событиями. Людям с расстройствами личности, сексуальными проблемами, фобиями.

– Знаете, о чем я думаю? На человека напали, и он лежит на дороге, истекая кровью. Два психолога проходят мимо, и один говорит

другому: «Давай найдем того, кто это сделал: ему нужна помощь».

Его глаза не улыбаются.

– Я чаще помогаю жертвам, чем преступникам.

Руиз пожимает плечами и бросает обертку от жвачки в мусорную корзину.

– Начинайте говорить. Как вы узнали о красном платье?

Я смотрю на папку и развязываю ленточку.

– Через несколько минут раздастся телефонный звонок. Мне придется уйти, но я разрешаю вам остаться. Я думаю, что мое кресло удобнее вашего. – Я открываю папку Бобби. – Если захотите что-то обсудить, когда закончите, я буду в баре через дорогу. Мне нельзя называть имена пациентов и говорить о конкретных случаях. – Я похлопываю по папке, чтобы придать вес сказанному. – Я могу говорить только в общем о проблемах личности и о том, как ведут себя психотики и психопаты. Будет гораздо легче, если вы это запомните.

Руиз молитвенно соединяет ладони и теребит пальцами губы.

– Я не люблю играть в игры.

– Это не игра. Или мы поступаем так, или же я не смогу помочь вам.

Звонит телефон. Я не даю Мине договорить. Я уже иду.

Светит солнце, и небо прозрачно. Больше похоже на май, чем на середину декабря. Иногда Лондон это проделывает: натягивает на себя погожий день, чтобы показать людям, что он не самое плохое место для жизни.

Вот почему англичане – один из самых оптимистичных народов в мире. Мы получаем всего одну превосходную сухую неделю, и память о ней будет согревать нас все лето. Так случается каждый год. Приходит весна, и мы покупаем шорты, футболки, бикини и саронги в радостных ожиданиях сезона, который никогда не настанет.

Я жду Руиза за барной стойкой, крутя в ладонях стакан с минеральной водой.

– Ваша очередь угощать. Мне пинту горького.

Бар заполнен людьми, пришедшими на обед. Руиз подходит к четверым, сидящим за столиком в углу у окна. Они похожи на мелких служащих, но одеты в хорошо скроенные костюмы и шелковые галстуки.

Руиз показывает свой полицейский значок, слегка подняв его над столом.

– Извините за беспокойство, господа, но я должен занять этот стол для ведения слежки за банком напротив.

Он машет рукой в сторону окна, и все они как один поворачивают головы.

– Пожалуйста, не выдавайте меня!

Они торопливо поворачиваются назад.

– У нас есть основания полагать, что на него готовится вооруженный налет. Видите того парня на углу в оранжевом жилете?

– Уборщика? – спрашивает один из них.

– Да. Он у меня один из лучших. И девушка в магазине нижнего белья, рядом с банком. Мне нужен столик.

– Конечно.

– Без вопросов.

– Можем ли мы сделать что-нибудь еще?

Я вижу огонек в глазах Руиза.

– Ну, обычно я не привлекаю штатских к операциям, но мне не хватает людей. Вы можете разделить и занять места для наблюдения. Попробуйте смешаться с толпой. Ищите группу из четырех человек в машине.

– А как с вами связаться?

– Скажите уборщику.

– А есть ли какой-нибудь пароль? – спрашивает один.

Руиз закатывает глаза:

– Черт, это же полицейская операция, а не фильм о Джеймсе Бонде!

После того как они уходят, он усаживается на ближайший к окну стул и ставит стакан на стол. Я сажусь напротив.

– Они бы и так отдали вам столик, – говорю я, пытаюсь определить, любит он пошутить или не любит людей.

– И что, этот Бобби Моран убил Кэтрин Макбрайд? – Он вытирает пену с верхней губы тыльной стороной ладони.

Вопрос деликатен, как с силой брошенный кирпич.

– Я не могу говорить о своих пациентах.

– Он признался в ее убийстве?

– Я не могу говорить о том, что он мне сказал и чего не сказал.

Глаза Руиза превращаются в щелочки, окруженные сетью морщинок, он напрягается. Так же неожиданно он вздыхает и, как мне показалось, пытается улыбнуться. Видно, что ему это непривычно.

– Расскажите мне о человеке, который убил Кэтрин Макбрайд.

Похоже, мои слова дошли до него. Выбрасывая Бобби из головы, я пытаюсь размышлять об убийце Кэтрин, основываясь на том, что знаю об этом преступлении. Я плохо спал всю последнюю неделю, проводя ночь за ночью в размышлениях на эту тему.

– Вы имеете дело с сексуальным психопатом, – начинаю я, не узнавая собственного голоса. – Убийство Кэтрин сделало явными его извращенные желания.

– Но там не было следов изнасилования.

– Речь идет не об обычном изнасиловании или сексуальном домогательстве. Это куда более необычный случай сексуального отклонения. Этот человек одержим желанием властвовать и причинять боль. Он мечтает о захвате, подавлении, господстве, мучении и убийстве. По крайней мере некоторые из этих фантазий отражают то, что случилось на самом деле. Подумайте о том, что он с ней сделал. Он схватил ее на улице или заманил куда-либо. Он не искал быстрого и неистового совокупления в темном переулке, когда жертву убивают, чтобы она не опознала насильника. Вместо этого он хотел сломить ее; он хотел систематически разрушать ее волю до тех пор, пока она не превратится в податливую, запуганную игрушку. Но и этого ему было мало. Он хотел достигнуть максимального контроля, сломить женщину настолько, чтобы она по его приказу мучила сама себя...

Я смотрю на Руиза и жду, когда он перестанет меня слушать.

– Он почти достиг цели, но Кэтрин все же не была подчинена полностью. В ней все еще оставалась искра собственной воли. Она была медсестрой. Она знала, как, даже используя короткое лезвие, можно умереть быстро. И когда уже не могла терпеть, она перерезала себе сонную артерию. Это вызвало паралич сердца. Она умерла через несколько минут.

– Откуда вы это знаете?

– Я провел три года в медицинской школе.

Руиз смотрит на свой стакан, словно желая проверить, надежно ли он стоит на столе. Вдали слышен звон колоколов.

Я продолжаю:

– Человек, которого вы ищете, одинок, необщителен и сексуально незрел.

– Похож на обычного подростка.

– Нет, он не подросток. Он старше. Многие молодые люди начинают так же, но периодически появляется тот, кто винит других в своем одиночестве и сексуальной неудовлетворенности. Эта горечь и злость увеличиваются с каждым отказом. Иногда он начинает винить конкретного человека. В других случаях он ненавидит целую группу людей.

– Он ненавидит всех женщин.

– Возможно, но я думаю, что скорее всего он ненавидит определенный тип женщин. Он хочет, чтобы одна из них понесла наказание. Представляет себе, как это будет, и получает от этого удовольствие.

– Почему он выбрал Кэтрин Макбрайд?

– Не знаю. Быть может, она напомнила ему ту, которую он хотел наказать. Или он не устоял перед искушением. Кэтрин была доступна, поэтому он изменил свою фантазию, подогнав ее под внешность и одежду реальной жертвы.

– Красное платье.

– Возможно.

– Он мог ее знать?

– Вполне вероятно.

– Мотив?

– Мечь. Власть. Сексуальное удовлетворение.

– Надо выбрать?

– Нет, все три одновременно.

Руиз слегка напрягается. Прочистив горло, он вытаскивает свой крапчатый блокнот.

– Итак, кого я ищу?

– Мужчину лет тридцати-сорока. Он живет один, где-нибудь в уединенном месте, но в окружении людей, которые не задерживаются подолгу на одном месте, – возможно, в пансионе или на стоянке трейлеров. Не исключено, что у него есть жена или подружка. Интеллект – выше среднего. Физически он силен, но его воля еще сильнее. Сексуальное влечение не может заставить его потерять контроль над собой. Он способен управлять своими эмоциями. Сведущ

в медицине. Не хочет быть пойманным. Это некто, кому удалось разделить две сферы жизни и полностью изолировать их друг от друга. Его друзья, семья и коллеги не имеют ни малейшего представления о том, что происходит в его голове. Думаю, у него садомазохистские наклонности. Такие вещи не возникают из ничего. Был кто-то, кто указал ему на них. Его сознание развило эти склонности, вывело его далеко за пределы безобидного развлечения. Его самоуверенность – вот что меня удивляет. Никаких признаков беспокойства или нервозности, характерной для первого раза...

Я замолкаю. Я устал, и в горле у меня пересохло. Руиз сидит очень прямо, мрачно смотрит на меня и иногда что-то записывает. Мой голос возвышается над окружающим шумом:

– Человек не может за ночь превратиться в законченного садиста – особенно в такого изощренного. Организации типа КГБ тренируют для этого своих следователей годами. Он действовал исключительно продуманно и хладнокровно. Такие вещи возникают с опытом. Я не думаю, что это его первое преступление.

Руиз поворачивается и смотрит в окно. Он мне не верит:

– Это ерунда!

– Почему?

– Это совершенно не похоже на вашего Бобби Морана.

Он прав. Это не годится. Бобби слишком молод, чтобы быть столь изощренным садистом. Он чересчур рассеян и непоседлив. Я сомневаюсь, что у него достаточно ума и властности, чтобы подчинить себе такую женщину, как Кэтрин. Физически – да, но не психологически. Хотя, опять же, Бобби постоянно удивлял меня, и я только царапался в дверь его внутреннего мира. Он скрывал от меня детали или ронял намеки, подобно сказочным героям, отмечавшим свой путь хлебными крошками.

Сказки. Вот чем это кажется Руизу. Он встал и пробирается к бару. Люди спешат уступить ему дорогу. От него исходит энергия, побуждающая людей посторониться.

Я уже жалею обо всем. Не надо было лезть в это дело. Иногда я мечтаю отключить сознание и перестать наблюдать и анализировать. Как бы мне хотелось сосредоточиться на маленьком кусочке мира, а не смотреть на то, как люди общаются, какую одежду носят, что они кладут в свои корзинки в магазинах, какие машины водят, каких

домашних животных выбирают, какие журналы читают и какие телешоу смотрят. Как бы я хотел перестать смотреть!..

Руиз вернулся с новым стаканом пива и порцией виски. Он полощет рот огненной жидкостью, словно смывает дурной вкус.

– Вы правда думаете, что ваш парень это сделал?

– Не знаю.

Он обхватывает пальцами стакан и откидывается назад.

– Вы хотите, чтобы я взглянул на него?

– Это вам решать.

Руиз вздыхает с ноткой разочарования. Он все еще не доверяет мне.

– Вы знаете, зачем Кэтрин приехала в Лондон? – спрашиваю я.

– По словам ее соседки, у нее было собеседование. Мы не обнаружили писем, наверное, она взяла их с собой.

– А как насчет телефонных разговоров?

– Ничего на домашнем номере. У нее был мобильный, но он пропал.

Он выкладывает факты безо всяких комментариев и прикрас. История, рассказанная Руизом, не противоречит тому немногому, что я узнал от Кэтрин во время наших сеансов. Ее родители развелись, когда ей было двенадцать. Она связалась с плохой компанией, нюхала порошки и принимала наркотики. В пятнадцать провела полтора месяца в частной психиатрической клинике в Западном Сассексе. Ее семья по понятным причинам держала все это в тайне. Медицинское образование, видимо, стало поворотным пунктом. Хотя у нее оставались проблемы, она смогла с ними справиться.

– Что случилось после того, как она ушла из Марседена? – спрашиваю я.

– Она вернулась в Ливерпуль и обручилась с моряком торгового флота. Ничего из этого не вышло.

– Он под подозрением?

– Нет, он в Бахрейне.

– А другие подозреваемые?

Руиз поднимает бровь:

– Приглашаются все желающие. – Он сухо улыбается и допивает пиво. – Мне пора идти.

– А что будет дальше?

– Я заставлю своих людей раскопать все, что можно, об этом Бобби Моране. Если я смогу связать его с Кэтрин, я очень вежливо попрошу его помочь в моем расследовании.

– И вы не упомянете моего имени?

Он высокомерно смотрит на меня:

– Не волнуйтесь, профессор, ваши интересы в этом деле для меня превыше всего.

У моей матери приятное лицо с аккуратным вздернутым носом и прямые волосы, которые, сколько я ее помню, всегда были одинаково уложены в гладкую прическу с серебряными заколками. К сожалению, от отца мне досталась спутанная шевелюра. Если волосы отрастают хотя бы на дюйм длиннее, чем следует, они становятся полностью неуправляемыми и я выгляжу так, словно перенес электрошок.

Все в моей матери говорит о ее статусе жены врача: плиссированные юбки, однотонные блузки и туфли на низком каблучке. Рабыня привычки, она берет с собой сумку, даже когда выгуливает собаку.

Она может организовать званый обед на двенадцать персон быстрее, чем сварится яйцо. Она также устраивает вечеринки в саду, школьные празднества, церковные торжества, мероприятия для сбора средств, экскурсии по мостам, распродажи, соревнования по спортивной ходьбе, крестины, свадьбы и похороны. И со всеми этими способностями мама прожила жизнь, ни разу не узнав о балансе счета, не приняв ни одного решения об инвестициях и не высказав политических пристрастий на публике. Она предоставляет такие дела моему отцу.

Каждый раз, задумываясь о ее жизни, я изумляюсь этому воплощению растроченных и несбывшихся надежд. В восемнадцать она выиграла стипендию на изучение математики в университете Кардиффа. В двадцать пять написала диссертацию, после которой представители американских университетов выстроились у ее дверей. И что она сделала? Вышла замуж за моего отца и стала вести жизнь, полную условностей и компромиссов.

Мне нравится вообразить, как она, словно Ширли Валентайн, убежит с греческим официантом или напишет туманную романтическую книгу. Однажды она отбросит благоразумие, корректность и самодисциплину. Она будет танцевать босиком в цветущем поле и перейдет Гималаи. Это приятные мысли. Это, безусловно, привлекательнее, чем представлять себе, как она

состарится под телевизионные программы, ворчание отца и чтение его писем, адресованных редакциям различных газет.

Именно этим он сейчас и занимается: пишет письмо в газету. Остановившись у нас, он читает только «Гардиан», но эта «красная тряпка», как он ее называет, дает ему достаточно материала для десятка писем.

Мама с Джулианой на кухне обсуждают меню на завтра. Накануне в какой-то момент было решено устроить воскресный обед и собрать всю семью. Приезжают две мои сестры с мужьями и угрюмыми детьми. Только Ребекке удастся спастись. Она в Боснии с миссией ООН. Спасибо ей.

Мои обязанности в субботу утром теперь включают передвижение тонны водопроводного оборудования из прихожей в подвал. Затем мне надо сгрести листья, смазать качели и принести еще два мешка угля из соседнего гаража. Джулиана собирается за продуктами, а Чарли с бабушкой и дедушкой пойдут смотреть на рождественские огни на Оксфорд-стрит.

Еще одно поручение – купить елку. Неблагодарное занятие! Елки с правильными формами встречаются только в рекламных объявлениях. Если попытаться найти такую в реальной жизни, неминуемо столкнешься с разочарованием. Твое дерево окажется согнутым вправо или влево. Слишком кустистым внизу или слишком неопрятным сверху. У него обнаружатся залысины или ветки будут расти неравномерно. Даже если ты каким-то чудом обнаружишь идеальное дерево, оно не влезет в машину и, после того как ты привяжешь его к крыше и привезешь домой, ветки поломаются и сомнутся. Ты протиснешься с ним в дверь, отплевываясь от иголок и покрываясь потом, и услышишь только убийственный вопрос, эхо всех прошедших праздников: «Ты что, не мог найти ничего лучше?»

Щеки Чарли порозовели от холода, на руках висят блестящие пакеты с новой одеждой и парой туфель.

– Я купила туфли на каблуках, папа! На каблуках!

– Высоких?

– Всего лишь столько. – Она разводит большой и указательный пальцы.

– А я думал, что ты сорванец, – поддразниваю я ее.

– Они не розовые, – серьезно отвечает она. – И я не купила платьев.

Будущий личный врач Господа наливает себе скотч и раздражается, так как мама болтает с Джулианой вместо того, чтобы принести ему льда. Чарли возбужденно открывает пакеты. Вдруг она замирает:

– Елка! Какая милая!

– Еще бы. Я искал ее три часа.

Я сдерживаюсь и ничего не говорю о своем друге из греческой кондитерской на Чок-Фарм-роуд, который рассказал мне о парне, поставляющем рождественские деревья «половине Лондона» из кузова трехтонного грузовика.

Все предприятие показалось мне весьма сомнительным, но я решил разок рискнуть. Мне нужен был безупречный экземпляр, и вот он здесь – совершенство в форме пирамиды, пахнущее хвоей, с прямым стволом и идеально расположенными ветвями.

С самого возвращения я ходил взад-вперед по гостиной, восхищаясь покупкой. Джулиана уже немного устала отвечать на мой вопрос: «Не правда ли, прекрасное дерево?»

Будущий личный врач Господа рассказывает мне о своем решении проблемы транспортных пробок в центре Лондона. Я жду его мнения о елке. Я не хочу подталкивать его. Он говорит о том, что надо разрешить проезд по Вест-Энду всем машинам доставки только в строго отведенные часы. Затем начинает жаловаться на покупателей, которые движутся слишком медленно, и предлагает ввести в магазинах две полосы: для медленного и для быстрого движения.

– Я купил елку, – перебиваю его я, не в силах больше ждать. Он резко замолкает и смотрит через плечо. Потом встает и изучает ее внимательнее, обходя вокруг. Затем отступает, чтобы составить более общее впечатление.

Он прокашливается и спрашивает:

– А получше у них ничего не было?

– А как же! У них были десятки лучших деревьев. Сотни! Эта была одна из худших, хуже некуда, совершенный ноль. Я ее пожалел. Поэтому и принес домой. Я удочерил убогую елку.

Он кажется удивленным:

– Но она вовсе не так плоха.

– Ты невозможен, черт побери! – бормочу я себе под нос, не в силах оставаться в комнате. Почему наши родители обладают способностью заставить нас чувствовать себя детьми даже тогда когда у нас появляются седые волосы, а плата за наш дом смахивает на долг «третьего мира»?

Я ретируюсь на кухню и наливаю себе джина с тоником, пролив джин на стол. Мой отец здесь только десять часов, а я уже лезу в бутылку. Хорошо хоть завтра прибывает пополнение.

В своих детских кошмарах я всегда бежал: спасался от чудовища, или бешеной собаки, или, например, от неандертальца-нападающего без передних зубов и с ушами, похожими на листья капусты. Просыпался в тот момент, когда меня должны были схватить. От этого я не успокаивался. Это беда кошмаров: в них ничто не получает разрешения. Мы просыпаемся, зависнув в воздухе, или прямо перед взрывом бомбы, или оказавшись голыми на людях.

Я лежу в темноте пять часов. Как только я начинаю думать о приятном и дремать, в страхе подскакиваю. Это все равно что смотреть дешевый фильм ужасов, который смехотворно плох, но в котором иногда попадают сцены, пугающие тебя до смерти.

Я стараюсь не думать о Бобби Моране, потому что это приводит меня к Кэтрин Макбрайд, а туда я заходить не хочу. Я размышляю, арестовали ли они Бобби или просто наблюдают за ним. В моей голове возникает образ микроавтобуса с затемненными стеклами, припаркованного у его дома.

На самом деле люди не чувствуют, что за ними наблюдают, если не ожидают этого наперед. Однако Бобби мыслит иначе, чем другие. Он воспринимает иные сигналы. Психотик может думать, что телевизор разговаривает с ним, спрашивать, почему это рабочие ремонтируют телефонную линию на мостовой или почему у его дома стоит мини-автобус с затемненными стеклами.

Может быть, ничего подобного и не происходит. Со всеми этими новыми технологиями Руиз сумеет найти все, что ему нужно, просто введя имя Бобби в компьютер и открыв секретный файл, который, по убеждению всех параноиков, заведен у правительства на каждого гражданина.

«Не думай об этом. Спи», – шепчет Джулиана. Она всегда чувствует, когда я из-за чего-то беспокоюсь. Я не спал спокойно ни одной ночи с рождения Чарли. Через какое-то время отвыкаешь спать. А теперь я принимаю эти таблетки, от которых еще хуже.

Джулиана спит на своей половине: простыня зажата между коленями, рука на подушке возле лица. Чарли спит точно так же. Они едва дышат и не шевелятся. Словно не хотят оставлять следов в своих снах.

В воскресенье утром дом наполнен запахом выпечки и женской болтовней. Предполагается, что я должен развести огонь и подмести крыльцо. Вместо этого я ускользаю в газетный киоск и покупаю утреннюю прессу.

Вернувшись в кабинет, я откладываю приложения и журналы и начинаю искать статьи о Кэтрин. Я уже собираюсь сесть, как вдруг замечаю, что одна из пучеглазых рыбок Чарли плавает по аквариуму брюхом кверху. Сначала я решаю, что это своеобразное рыбье развлечение, но при ближайшем рассмотрении она выглядит нездоровой и вялой. У нее серые пятна на чешуе – признак грибка, поражающего экзотических рыбок.

Чарли не очень хорошо переносит смерть. В королевствах Ближнего Востока траур длится и то меньше. Вытаскивая рыбку рукой, я смотрю на несчастное создание. Интересно, поверит ли дочь в то, что рыбка просто исчезла? Чарли ведь только восемь. Но, с другой стороны, она больше не верит в Санта-Клауса и пасхального зайца. Как я мог воспитать такого циника?

– Чарли, у меня плохие новости. Одна из твоих рыбок исчезла.

– Как она могла исчезнуть?

– Ну, в общем, она умерла. Мне очень жаль.

– Где она?

– Ты ведь не хочешь ее видеть?

– Хочу.

Рыбка все еще в моей руке, засунутой в карман. Когда я разжимаю кулак, это больше похоже на фокус, чем на печальное действие.

Джулиана, как человек организованный, хранит целый набор обувных коробок и мешков на случай подобных смертей в семье. Чарли следит, как я погребаю пучеглазую рыбку под сливой между

покойным хомяком Харольдом, мышью, известной просто как Мышь, и птенцом ласточки, который влетел во французское окно и сломал себе шею.

К полудню собирается почти вся семья, кроме старшей сестры Люси и ее мужа Эрика с их тремя детьми, чьих имен я никак не могу запомнить, хотя знаю, что все они оканчиваются на «и»: Дебби, Джимми, Бобби. Будущий личный врач Господа хотел, чтобы Люси назвала старшего сына в честь него. Ему нравилась идея третьего поколения Джозефов. Люси была тверда и назвала сына как-то по-другому: Энди, или, может, Гарри, или Фредди.

Они всегда опаздывают. Эрик работает авиадиспетчером, и он самый рассеянный человек, какого я знаю. Это пугает. Он постоянно забывает, где мы живем, поэтому каждый раз звонит нам по телефону и просит объяснить, куда ехать. Как ему удастся держать в небе десятки самолетов на безопасном расстоянии друг от друга? Всякий раз, когда я покупаю билет на рейс из Хитроу, мне хочется заблаговременно позвонить Люси и узнать, работает ли в это время Эрик.

Моя средняя сестра Патриция в кухне вместе со своим новым другом Саймоном, специалистом по уголовному праву, работающим на один из тех телесериалов, где разоблачаются юридические ошибки. Патриция развелась и пьет по этому случаю шампанское.

– Я сомневаюсь, что ты от него избавилась, – говорит мой отец.

– Почему? – отвечает она вопросом, быстро отпивая из бокала, пока газ не вышел.

Я решаю спасти Саймона. Он не заслуживает того, чтобы его представляли нашей семье подобным образом. Мы уходим с выпивкой в гостиную и заводим светскую беседу. У Саймона добродушное круглое лицо, и он все время похлопывает себя по животу, как Санта из супермаркета.

– Сочувствую тебе по поводу старика Паркинсона, – говорит он. – Ужасная вещь.

У меня обрывается сердце.

– Кто тебе сказал?

– Патриция.

– А откуда она узнала?

Саймон внезапно осознает свою ошибку и извиняется. За последние месяцы я пережил несколько неприятных эпизодов, но ни один из них не расстроил меня так, как разговор с совершенно чужим человеком, который попивает мой скотч и сочувствует мне.

А кто еще знает?

Звонят в дверь. Эрик, Люси и дети на «и» врываются в дом в сопровождении неистовых рукопожатий и поцелуев. Люси бросает на меня взгляд, и у нее дрожит нижняя губа. Она кидается мне на грудь, и я чувствую, как сотрясается ее тело.

– Мне так жаль, Джо. Так ужасно жаль!

Мой подбородок лежит у нее на макушке. Эрик кладет мне на плечо руку, словно дает папское благословение. Не думаю, что до этого я хоть раз чувствовал себя столь смущенным.

Остаток вечера представляется мне четырехчасовой лекцией по социологии. Устав отвечать на вопросы о своем здоровье, я удаляюсь в сад, где Чарли играет с детьми на «и». Она показывает им, где мы зарыли рыбку. Я наконец вспомнил их имена: Гарри, Перри и Дженни.

Гарри еще совсем малыш и выглядит, как миниатюрный человечек Мишлен в своем дутом комбинезоне и шерстяной шапочке. Я подбрасываю его в воздух, и он хихикает. Другие дети хватают меня за руки, как если бы я был чудовищем. Я замечаю, как Джулиана смотрит на меня через французское окно. Я знаю, о чем она думает.

После ланча мы переходим в гостиную и все делают комплименты елке и фруктовому пирогу моей матери.

– Давайте поиграем в «Кто я?», – говорит Чарли с набитым ртом. Она не обращает внимания на общий стон, достает ручки и бумагу и одновременно торопливо объясняет правила: – Вы должны задумать кого-то известного. Не обязательно настоящего. Может, героя мультиков или актера. Это может быть даже Лесси...

– Пропала моя идея.

Она бросает на меня сердитый взгляд:

– Не позволяйте никому видеть, что вы написали. Потом надо приклеить бумажку кому-нибудь на лоб. И все должны догадаться, кто мы.

Игра оборачивается сплошным криком. Будущий личный врач Господа не может понять, почему все так хохочут над именем у него на лбу: «Ворчун из „Белоснежки“».

Мне уже начинает все это нравиться, когда звонят в дверь и Чарли решает ее открыть. Люси и Патриция принимаются мыть чашки и тарелки.

– Вы не похожи на полицейского, – говорит Чарли.

– Я следователь.

– А у вас есть значок?

– Ты хочешь его увидеть?

– Наверное, следует.

Руиз тянется к внутреннему карману своей куртки, когда я выручаю его.

– Мы научили ее осторожности, – извиняюсь я.

– Это очень мудро. – Он улыбается Чарли и молодеет на пятнадцать лет. На какой-то миг мне кажется, что он взъерошит ей волосы, но теперь люди так делают нечасто.

Руиз бросает взгляд в зал поверх моей головы и извиняется за то, что потревожил нас.

– Я могу для вас что-нибудь сделать?

– Да, – мямлит он, а затем похлопывает себя по карману, словно написал записку, чтобы не забыть.

– Не хотите ли войти?

– Если можно.

Я веду его в кабинет и предлагаю снять пальто. Заметки, касающиеся случая Кэтрин, лежат на столе там, где я их оставил.

– Делаете домашнее задание?

– Я хотел убедиться, что ничего не забыл.

– И не забыли?

– Нет.

– Может, позвольте судить мне?

– Не в этот раз. – Я закрываю блокноты и отодвигаю их.

Обойдя вокруг стола, он оглядывает книжные шкафы, изучая фотографии и сувенирный кальян из Сирии.

– Где он был?

– Простите?

– Вы сказали, что убийца начал не с Кэтрин; так где же он был?

– Практиковался.

– На ком?

– Не знаю.

Руиз уже у окна, осматривает сад. Он поднимает плечи, и накрахмаленный воротник рубашки упирается ему в уши. Я хочу спросить, что он узнал о Бобби, но он прерывает меня:

– Он будет убивать еще?

Я не хочу отвечать. Гипотетические рассуждения рискованны. Он чувствует мои колебания и не собирается меня отпускать. Я должен хоть что-то сказать:

– В настоящий момент он все еще думает о Кэтрин и о том, как она умерла. Когда эти воспоминания начнут стираться, он может начать искать новые ощущения, чтобы питать свои фантазии.

– Почему вы так уверены?

– Его действия произвольны и свободны. Он не потерял контроль и не был ослеплен гневом или желанием. Он был спокоен, рассудителен, почти в восторге от своего плана.

– А где же эти предыдущие жертвы? Почему мы их не нашли?

– Возможно, вы не установили связь.

Руиз недовольно передергивает плечами. Ему неприятно думать, что он упустил нечто важное. В то же время инспектор не станет подвергать опасности расследование из-за своей непомерной гордости. Он хочет понять.

– Вы ищете разгадку в его методе, но понять его можно только путем сравнения преступлений. Найдите другие жертвы, и, возможно, вы установите почерк.

Руиз скрипит зубами, словно хочет стереть их. Что я еще могу сказать ему?

– Он знает местность. Погребение Кэтрин потребовало времени. Он знал, что на ту часть канала не выходят окна домов. И он знал, в какое время ночи набережная пуста.

– Значит, он живет неподалеку.

– Или жил.

Руиз проверяет, как эти факты согласуются с его теорией, оценивая их значимость. Кто-то идет вниз по лестнице. Спускается бачок. Раздается сердитый крик ребенка.

– Но зачем он выбрал такое людное место? Он мог бы спрятать ее у черта на куличках.

– Он не прятал ее. Он *позволил* вам обнаружить Кэтрин.

– Зачем?

– Может, он гордится тем, что совершил. Или же устроил вам предварительный просмотр.

Руиз кривится:

– Не понимаю, как вы можете работать? Как можете ходить по улице, зная, что такие извращенцы на свободе? Как можете жить у них в головах? – Он скрещивает руки, засовывая кисти рук под мышки. – Хотя, может, вам нравится эта дрянь?

– Что вы хотите сказать?

– Догадайтесь сами. Это для вас игра, вы играете в следователя? Показываете мне карту одного пациента, а другую прячете. Звоните и задаете вопросы. Вас это забавляет?

– Я... я не просил, чтобы меня в это втягивали.

Он доволен моей злостью. В тишине слышен смех снизу.

– Думаю, вам лучше уйти.

Он смотрит на меня с удовлетворением и чувством превосходства, потом берет пальто и спускается вниз. Я так вымотан, что чувствую, как из меня уходит энергия.

У входной двери Руиз поправляет воротник пиджака и смотрит на меня.

– Это охота, профессор, в ней есть лисы и собаки, а также те, кто мешает охоте. Кем являетесь вы?

– Я не поклонник лисьей охоты.

– Правда? И лиса тоже.

Когда все гости уходят, Джулиана посылает меня наверх принять ванну. Через какое-то время она скользит в кровать рядом со мной. Поворачивается и укладывается, прижимаясь своим телом к моему. Ее волосы пахнут яблоками с корицей.

– Я устал, – шепчу я.

– Это был длинный день.

– Я не это хочу сказать. Я думаю, нам надо кое-что изменить.

– Что, например?

– Просто изменить.

– Ты думаешь, это разумно?

– Мы могли бы поехать в отпуск. Например, в Калифорнию. Мы часто говорим об этом.

– А как же твоя работа? А школа Чарли?

– Она еще маленькая. Она больше узнает за полгода путешествий, чем за шесть месяцев пребывания в школе.

Джулиана поворачивается и подпирает голову рукой, чтобы взглянуть на меня.

– Чем это вызвано?

– Ничем.

– Когда все это началось, ты сказал, что не хочешь перемен.

– Знаю.

– А потом ты перестал со мной разговаривать. Ты не посвящал меня в то, что с тобой происходит, и теперь выдаешь такое!

– Извини. Я просто устал.

– Нет, не просто. Расскажи мне.

– Не могу избавиться от шальной мысли, что должен жить полнее.

Читаешь о людях, чья жизнь – сплошь происшествия и приключения, и думаешь: «Ух ты! Мне надо что-то сделать». Вот почему я подумал о том, чтобы уехать.

– Пока еще есть время?

– Да.

– Так, значит, это из-за Паркинсона?

– Нет... Не могу объяснить... Забудь.

– Я не хочу забывать. Я хочу, чтобы ты был счастлив. Но у нас нет денег, особенно из-за выплат за дом и ремонта. Ты сам так сказал. Может, летом нам удастся съездить в Корнуолл...

– Да. Ты права. Корнуолл – это здорово. – Как бы я ни старался изобразить энтузиазм, я знаю, что у меня не получается. Джулиана обнимает меня за талию и придвигается ближе. Я чувствую ее теплое дыхание на своей шее.

– Если нам повезет, я к тому времени смогу забеременеть, – шепчет она, – и мы не захотим уезжать слишком далеко.

У меня болит голова и пересохло в горле. Может быть, это похмелье. Может, грипп. Если верить газетам, половина страны стала жертвой какого-то экзотического вируса из Пекина или Боготы – одного из тех мест, откуда никто не уезжает, не прихватив с собой какой-нибудь ядовитой заразы.

Хорошая новость заключается в том, что применение селегилина не дало побочных эффектов, кроме бессонницы, которая у меня была и так. Плохая новость – лекарство не оказало никакого влияния на симптомы.

В семь утра я звоню Джоку.

– С чего ты взял, что оно не действует? – говорит он в раздражении оттого, что я его разбудил.

– Я чувствую себя точно так же.

– Так в этом все и дело. Оно не устраняет симптомы, а препятствует их развитию.

– Хорошо.

– Просто наберись терпения и расслабься.

Легко ему говорить.

– Ты делаешь упражнения? – спрашивает он.

– Да, – вру я в ответ.

– Я знаю, что сегодня понедельник, но не хочешь ли сыграть в теннис? Я буду осторожен с тобой.

– Когда?

– Встретимся в клубе в шесть.

Джулиана поймет мою уловку, но по крайней мере я смогу удрать из дома. Мне полагается некоторая передышка после вчерашнего.

Мой первый пациент сегодня – молодая балерина с грацией газели, желтеющими зубами и мягкими деснами человека, страдающего булимией. Потом приходит Маргарет, сжимая свой оранжевый спасательный круг. Она показывает мне газету, где сообщается о том, что в Израиле рухнул мост. На ее лице написано: «Я же вам говорила!» В течение следующих пятидесяти минут я пытаюсь

приучить ее к мысли о том, как много в мире мостов и как часто они падают.

В три часа я стою у окна, высматривая Бобби среди пешеходов. Интересно, появится ли он? Его голос заставляет меня вздрогнуть. Он стоит в дверях, потирая бока руками, словно с себя стряхивая что-то.

– Я не виноват, – говорит он.

– В чем?

– В том, что я, по-вашему, сделал.

– Вы избили женщину до потери сознания.

– Да. И это все. Больше ничего. – Свет отражается от золотистой оправы его очков.

– Подобная агрессивность имеет под собой основания.

– Что вы имеете в виду?

– Вы умный человек. Догадайтесь сами.

Пришло время противоречить Бобби, посмотреть, как он будет реагировать, испытывая на себе напор.

– Сколько времени вы у меня лечитесь? Шесть месяцев. Три из них вы пропадали неизвестно где. Вы опаздываете на приемы, приходите без приглашения, а в четыре утра вы вытащили меня из постели...

Он быстро моргает. Я говорю таким вежливым тоном, что он не понимает, упрекаю я его или нет.

– Даже здесь вы меняете тему и уклоняетесь от ответов. Что вы пытаетесь скрыть? Чего так боитесь?

Я приглашаю его сесть и придвигаю свой стул поближе. Наши колени почти соприкасаются. Я словно смотрю в глаза побитой собаке, которая не понимает, что надо отвернуться. Некоторые стороны его прошлой жизни я вижу ясно, но не понимаю его настоящего. Чем он стал?

– Позвольте сказать вам, что я думаю, Бобби. Я думаю, что вы отчаянно жаждете любви, но не умеете сходитья с людьми. Это началось давно. Я вижу умного и впечатлительного мальчика, который каждый вечер ждет звонка велосипеда, въезжающего в ворота. А когда отец входит в дверь в своей кондукторской форме, мальчик не может дожидаться его историй и работы в мастерской. Его отец забавный, добрый, сообразительный и находчивый. Он вынашивает грандиозные планы замысловатых и чудесных изобретений, которые изменят мир.

Он рисует их на обрывках бумаги и мастерит образцы в гараже. Мальчик смотрит, как он работает, и иногда засыпает, свернувшись среди стружек, прислушиваясь к звуку токарного станка. Но отец исчезает. Самый важный человек в жизни мальчика, единственный, кому до него есть дело, бросает его. Мать, к сожалению, не понимает и не прощает его горя. Она считает, что он слаб и мечтателен, как отец. Он не может угодить ей.

Я внимательно наблюдаю за Бобби, ищу признаки протеста или несогласия. Его глаза бегают по сторонам, но в то же время каким-то образом остаются прикованными на мне.

– Этот мальчик чрезвычайно восприимчив и умен. Его чувства обострены, а нервы напряжены. Он начинает избегать матери. Он недостаточно взрослый и храбрый, чтобы сбежать из дома. Вместо этого он уходит в себя. Он создает собственный мир, который другие не замечают, о существовании которого даже не догадываются. Мир, где он любим и могуществен, где он властен наказывать и награждать. Мир, где никто не насмехается над ним и где его никто не унижает, даже мать. Она падает к его ногам, как и остальные. Он Клинт Иствуд, Чарльз Бронсон и Сильвестр Сталлоне в одном лице. Спаситель. Мститель. Судья. Присяжный. Палач. Он может сам вершить собственный суд. Он может расстрелять из пулемета всю школьную команду по регби или распять школьного задиру на дереве детской площадки...

Глаза Бобби блестят от воспоминаний и ассоциаций, от света и тени, наполняющих его прошлое. Уголки губ дергаются.

– Итак, в кого превращается этот мальчик, когда вырастает? Он страдает от приступов бессонницы, которые расшатывают его нервы и вызывают видения. Он воображает заговоры и людей, которые шпионят за ним. Он лежит, не смыкая глаз, и составляет списки и тайные шифры к этим спискам. Он хочет сбежать в свой мир, но что-то происходит. Он не может вернуться туда, потому что кто-то показал ему нечто лучшее, более волнующее, более реальное!

Бобби моргает и щиплет кожу на запястьях.

– Вы когда-нибудь слышали выражение: «Что хорошо одному, то смерть для другого»? – спрашиваю я его.

Он кивает в ответ, едва понимая вопрос.

– Оно прекрасно описывает человеческую сексуальность, поскольку у каждого из нас свои интересы и вкусы. Этот мальчик вырастает и, став юношей, пробует нечто такое, что в равной степени возбуждает и беспокоит его. Это страшная тайна. Запретное удовольствие. Он боится, что сексуальное возбуждение, которое испытывает, причиняя боль, сделает его извращенцем.

Бобби трясет головой, его глаза увеличены линзами.

– Но у вас должен был быть авторитет, наставник. Вот чего вы не сказали мне, Бобби. Кто была та девушка, которая открыла вам глаза? Что вы чувствовали, когда причиняли ей боль?

– Вы больны!

– А вы лжете. – Нельзя позволить ему уйти от темы. – На что это было похоже в первый раз? Вы не хотели участвовать в этих играх, но она подстрекала вас. Что она сказала? Она насмеялась над вами? Она смеялась?

– Не говорите со мной. Заткнитесь! ЗАТКНИТЕСЬ!

Он натягивает рукава пальто и закрывает уши. Я знаю, что он слушает. Мои слова затекают в щели его сознания и расширяются там, словно замерзающая вода.

– Кто-то посеял семя. Кто-то научил вас любить чувство власти и боли. Сперва вы хотели остановиться, но она желала большего. Потом вы заметили, что принимаете это. Вам это нравилось! Вы не хотели прекращать.

– ЗАТКНИТЕСЬ! ЗАТКНИТЕСЬ!

Бобби раскачивается взад-вперед на краешке кресла. Нижняя челюсть отвисла, взгляд уже не сосредоточен на мне. Я почти добрался до сути. Мои пальцы в трещинах его души. Еще одно утверждение, даже самое незначительное, поможет мне взломать его защиту. Но у меня на исходе факты. Я не знаю всех деталей истории. Я рискую погубить все, если перегну палку.

– Кто она была, Бобби? Ее звали Кэтрин Макбрайд? Мне известно, что вы знали ее. Где вы познакомились? В больнице? Нет ничего постыдного в том, чтобы просить о помощи, Бобби. Я знаю, что вас уже обследовали. Кэтрин была пациенткой или медсестрой? Думаю, что пациенткой.

Бобби трет переносицу под очками. Он медленно лезет в карман брюк и что-то ищет. Внезапно я чувствую неуверенность. На его

стороне преимущество в восемьдесят фунтов и двадцать лет. Дверь далеко. Я не успею добежать до нее.

Он вынимает руку. Я не отрываясь смотрю на нее. В ней белый платок. Он разворачивает его и кладет на колени. Затем снимает очки и протирает каждую линзу. Возможно, этот неторопливый ритуал помогает ему выиграть время.

Он поднимает очки к свету, проверяя прозрачность стекол. Потом устремляет взгляд прямо на меня:

– Вы выдумываете эту чепуху экспромтом или всю неделю репетировали?

Напряжение уменьшается, как проколотый спасательный круг. Я переиграл. Я хочу спросить Бобби, в чем ошибся, но он мне не скажет. Игрок в покер не объясняет, как распознал блеф. Должно быть, я был близок к желаемому, но толку от этого – как от заявления НАСА о том, что «Марс Полар Лендер» достиг цели, потому что потерпел аварию и пропал как раз на той планете, на которую направлялся.

Вера Бобби в меня поколеблена. Он также понял, что я боюсь его, и это отнюдь не является хорошей основой для терапии. Боже мой, о чем я только думал? Я завел его, как механическую игрушку, а теперь должен отпустить завод.

Белая «ауди» плывет по Элджин-авеню и, поравнявшись со мной, замедляет ход. Я продолжаю хромать по мостовой, зажав ракетку под мышкой, на правом бедре у меня огромный синяк. За рулем сидит Руиз. У него вид человека, готового преследовать меня до самого дома на скорости четыре мили в час.

Я останавливаюсь и поворачиваюсь к нему. Он открывает дверцу.

– Что с вами случилось?

– Спортивная травма.

– Я не думал, что теннис так опасен.

– Вы не играли с моим соперником.

Я усаживаюсь рядом с ним. В машине пахнет старым табачным дымом и яблочным освежителем воздуха. Руиз поворачивает и едет на запад.

– Куда мы направляемся?

– К месту преступления.

Я не спрашиваю зачем. Все его поведение говорит о том, что у меня нет выбора. Температура упала ниже нуля, и туман застилает фонари. В окнах мигают цветные огоньки, входные двери украшены искусственными венками из остролиста.

Мы едем по Харроу-роуд и поворачиваем на Скрабз-лейн. Менее чем через полмили улица поднимается, а затем уходит вниз перед Митр-бридж, пересекая Гранд-Юнион-канал и железнодорожные пути Паддингтона. Руиз подъезжает к тротуару и заглушает мотор. Он выходит из машины и ждет, пока я сделаю то же самое. Дверь закрывается автоматически, а он удаляется, предполагая, что я последую за ним. Я все еще не чувствую ноги после меткого удара Джока. Осторожно потирая бедро, я хромаю по дороге к мосту.

Руиз останавливается возле решетки. Ухватившись за металлический столб, он переваливается через ограду. Поворачивается и ждет меня.

Набережная безлюдна, в ближайших домах пусто и темно. Кажется, что сейчас гораздо позднее, чем есть на самом деле: словно в

предутренние часы, когда мир видится более враждебным, а постель – теплой.

Руиз идет впереди, засунув руки в карманы и опустив голову. Похоже, он кипит от скрытой ярости. Примерно через пятьсот ярдов справа возникает железнодорожное полотно. Служебные постройку едва вырисовываются в отдаленном тусклом свете. Железнодорожный состав без дела стоит в товарном депо.

Неожиданно мимо проносится поезд. Звук отражается от строений и камней набережной, и кажется, что мы стоим в туннеле.

Руиз внезапно останавливается. Я едва не налетаю на него.

– Узнаете что-нибудь?

Я точно знаю, где мы находимся. Но чувствую не грусть и не ужас, а только злость. Уже поздно, я замерз, и особенно надоели мне ехидные взгляды Руиза и его поднятые брови. Если он хочет мне что-то сказать, так пусть скажет и отпустит меня домой.

– Вы видели фотографии.

– Да.

Руиз поднимает руку, и на мгновение мне кажется, что он хочет ударить меня.

– Посмотрите туда. На край здания и вниз.

Я смотрю в указанном направлении и вижу стену. Темная полоска земли впереди, видимо, и есть то место, где они обнаружили тело. Я замечаю очертания деревьев и надгробий кладбища Кенсал-грин. Я помню, как стоял на берегу и наблюдал за полицейскими, откапывавшими Кэтрин.

– Зачем я здесь? – спрашиваю я, ощущая пустоту внутри.

– Подключите свое воображение, у вас это хорошо получается.

Он зол, и по неведомой мне причине в этом виноват я. Я не часто встречаю людей с подобным темпераментом – если не считать одержимых. В школе я знал таких парней, яростно желавших доказать свою крутизну. Им надо было доказать слишком многое, и на все не хватало времени.

– Почему я здесь?

– Потому что я должен вас кое о чем спросить. – Он не смотрит на меня. – И хочу рассказать вам о Бобби Моране.

– Я не могу говорить о своих пациентах.

– Вам просто придется послушать. – Он переминается с ноги на ногу. – Поверьте мне на слово, вас это увлечет. – Он делает два шага к каналу и плюет в воду. – У Бобби Морана нет ни девушки, ни невесты по имени Арки. В ожидании государственного жилья он живет в пансионате на севере Лондона вместе с теми, по кому плачет дурдом. Он безработный, уже два года. Такой компании, как «Неваспринг», не существует – по крайней мере она не зарегистрирована. Его отец никогда не служил в авиации: ни механиком, ни пилотом, ни кем-то другим. Бобби вырос в Ливерпуле, а не в Лондоне. Он посещал вечернюю школу и некоторое время работал добровольцем в мастерской в Ланкашире. Мы не обнаружили сведений о психических заболеваниях и госпитализации.

Говоря, Руиз рассказывает туда-сюда. Пар от его дыхания остается висеть в воздухе, словно дым паровоза.

– Множеству людей есть что порассказать о Бобби. По словам хозяйки, он очень чисто плотен и аккуратен. Она стирает его одежду и не помнит, чтобы от нее когда-либо пахло хлороформом. Его прежние начальники в мастерской отзываются о нем как о «большом и добром». Вот что мне кажется странным, профессор. Ничто из того, что вы сказали о нем, не подтвердилось. Я понимаю, что вы могли перепутать пару деталей. Мы все делаем ошибки. Но в данном случае создается впечатление, что вы говорили о совершенно другом человеке.

Я отвечаю хриплым голосом:

– Не может быть, чтобы это был он.

– Именно так я и подумал. Поэтому навел справки. Здоровяк, шесть футов два дюйма, толстый, очки в стиле Джона Леннона, – это наш парень. Потом я задумался, а зачем ему так врать человеку, который пытался ему помочь. Непонятно, правда?

– Он что-то скрывает.

– Возможно. Но он не убивал Кэтрин Макбрайд.

– Почему вы так уверены в этом?

– Человек десять с вечерних курсов может подтвердить, где он находился в ночь ее исчезновения.

Мои ноги становятся ватными от слабости.

– Иногда я медленно раскачиваюсь, профессор. Моя мама всегда говорила, что я родился на день позже и так и не догнал время. Но, по правде говоря, обычно я добираюсь до цели. Мне просто надо больше

времени, чем умным людям. – Он произносит это скорее с горечью, чем с торжеством. – Понимаете ли, я все спрашивал себя, зачем Бобби Морану выдумывать всю эту чушь. А потом подумал: а что если он ничего не выдумывал? Может, это вы сочинили всю эту историю, чтобы отвлечь мое внимание?

– Вы шутите?

– Откуда вы узнали, что Кэтрин перерезала себе сонную артерию, чтобы ускорить смерть? Об этом не было упомянуто в заключении о вскрытии.

– Я учился на врача.

– А как насчет хлороформа?

– Я сказал вам.

– Да, сказали. Я кое-что почитал. Вы знаете, что несколько капель хлороформа на маске или ткани лишают человека сознания? Вы должны знать, что делаете, когда играете с этим веществом. Возьмите на несколько капель больше, и дыхание жертвы прекратится. Человек задохнется.

– Возможно, убийца сведущ в медицине.

– Я тоже так подумал. – Руиз топает ногами по асфальту, пытаясь согреться. Бродячая кошка, крадущаяся вдоль решетки, внезапно замирает, услышав наши голоса. Мы оба смотрим на нее, но она не спешит уходить.

– Откуда вы знали, что убитая работала медсестрой?

– У нее был медальон.

– А я думаю, вы сразу же ее узнали. И полагаю, что все остальное было притворством.

– Нет.

Он говорит холоднее:

– Вы также знали ее дедушку, Юстаса Макбрайда.

– Да.

– Почему вы о нем не сказали?

– Я не думал, что это важно. Это было много лет назад. Психологи часто выступают свидетелями на бракоразводных процессах. Мы обследуем детей и родителей. Мы даем рекомендации суду.

– И что вы о нем думали?

– У него имелись свои недостатки, но он был честным судьей. Я уважал его.

Руиз изо всех сил старается быть доброжелательным, но он не слишком умеет притворяться.

– Знаете, что меня удивляет больше всего? – говорит он. – Почему вы так долго умалчивали, что знали Кэтрин Макбрайд и ее дедушку, и в то же время сразу вывалили на меня всю эту ерунду о Бобби Моране? Хотя нет, это не так – вы ведь не говорите о своих пациентах? Вы просто играете в детскую игру «покажи-скажи». Что ж, в игре могут участвовать двое... – Он усмехается мне: белые зубы и темные глаза. – Сказать вам, что я делал последние две недели? Обыскивал канал. Мы привезли дренажное оборудование и открыли шлюзы. Гнусная работенка. На три фута вонючей слизи и грязи. Мы нашли украденные велосипеды, тележки из магазинов, рамы и колпаки автомобилей, две стиральные машины, шины, презервативы и более четырех тысяч использованных шприцев. А вы знаете, что мы еще нашли?

Я качаю головой.

– Сумочку Кэтрин Макбрайд и ее мобильный телефон. Мы долго все это сушили. А потом проверили звонки на телефоне. И обнаружили, что свой последний звонок она сделала в ваш кабинет. В шесть тридцать семь тринадцатого ноября. Она звонила из паба неподалеку отсюда. Тот, с кем она договаривалась о встрече, не пришел. Подозреваю, она звонила, чтобы узнать почему.

– С чего вы взяли?

Руиз улыбается:

– Мы нашли также ее дневник. Он так долго пролежал в воде, что страницы слиплись, а чернила размыло. Оперативникам пришлось очень аккуратно высушить его и отделить листы страницы. Потом при помощи электронного микроскопа они обнаружили следы чернил. Просто изумительно, что нынче умеют делать!

Руиз подошел ко мне вплотную, его глаза всего в нескольких дюймах от моих. Эпизод в стиле Агаты Кристи: монолог в гостиной.

– Тринадцатого ноября Кэтрин записала название отеля – «Гранд Юнион». Вы его знаете?

Я киваю.

– Он находится примерно в миле отсюда, рядом с вашим теннисным клубом. – Руиз кивает в ту сторону. – Внизу на той же

странице Кэтрин написала имя. Думаю, она собиралась встретиться с этим человеком. Знаете, какое имя там было?

Я качаю головой.

– Не хотите ли угадать?

В моей груди что-то сжимается.

– Мое.

Руиз не позволяет себе заключительного триумфального жеста или победного выражения лица. Это всего лишь начало. Я вижу отблеск наручников, которые он достает из кармана. Мое первое побуждение – рассмеяться, но затем мое нутро холодеет и меня начинает мутить.

– Я задерживаю вас по подозрению в убийстве. Вы имеете право хранить молчание, но я обязан предупредить вас, что любое ваше слово будет записано и может быть использовано против вас...

Стальные браслеты защелкиваются на моих запястьях. Руиз заставляет меня расставить ноги и обыскивает, начиная со щиколоток.

– Вы хотите что-нибудь сказать?

Странные вещи приходят в голову в такие минуты. Я внезапно вспоминаю слова, которые всегда произносил отец, когда у меня случались неприятности: «Не говори ничего, если можешь выиграть на молчании».

## Книга вторая

*Часто мы выглядим преступниками в глазах мира не только потому, что совершили преступление, но и потому, что знаем, какие преступления были совершены.*

*«Человек в железной маске»*

Я смотрю на квадрат света так долго, что, кажется, продолжаю его видеть, даже закрыв глаза. Окно расположено высоко, под самым потолком. Периодически в коридоре слышатся шаги. Окошечко для наблюдения открывается, и на меня устремляется чей-то взгляд. Через несколько секунд оно закрывается, и я возвращаюсь к созерцанию окна.

Я не знаю, сколько сейчас времени. Меня вынудили обменять ручные часы, ремень и шнурки на серое шерстяное одеяло, которое на ощупь напоминает скорее наждачную бумагу. Единственный звук, который я слышу, – это звук падающих капель из протекающей в соседней камере трубы.

С тех пор как привезли последнего пьяницу (я слышал, как он пинал дверь и кричал: «Черт побери, я до него не дотрагивался!»), установилась тишина. Это случилось, видимо, вскоре после закрытия заведений: как раз достаточно времени, чтобы заснуть в ночном автобусе, затеять драку с водителем или попутчиком и очутиться в полицейском фургоне.

Моя камера шесть шагов в длину и четыре в ширину. В ней есть унитаз, раковина и койка. На каждой стене нарисованы, выцарапаны, выдолблены и намалеваны надписи, хотя видно, что были предприняты отважные попытки их закрасить.

Я не знаю, куда ушел Руиз. Возможно, он уже устроился в постели и грезит о том, как сделать мир безопаснее. Наш первый допрос длился несколько минут. Когда я сказал ему, что мне нужен адвокат, он посоветовал: «Раздобудьте чертовски хорошего».

Большинство знакомых мне адвокатов не приветствуют звонков домой в такое время. Поэтому я разбудил Джока. На заднем плане был слышен недовольный женский голос.

- Где ты?
- В полицейском участке Харроу-роуд.
- А что ты там делаешь?
- Меня арестовали.
- Ух ты! – Только Джок мог так впечатлиться этой новостью.

– Нужно, чтобы ты оказал мне услугу. Позвони Джулиане и скажи, что со мной все в порядке. Скажи, что я помогаю полиции в одном расследовании. Она поймет, о чем речь.

– А почему бы не сказать ей правду?

– Пожалуйста, Джок, не спрашивай. Мне нужно время, чтобы все уладить.

И с тех пор я маюсь в камере. Хожу. Стою. Сажу. Опять хожу. От волнения у меня запор, хотя, возможно, дело в лекарствах. Руиз думает, что я лгу или чего-то недоговариваю. Опрометчивость – точная наука. Вот и сейчас ошибочные суждения множатся в моей голове, вытесняя вопросы.

Люди говорят о грехе оплошности. Что это значит? Кто решает, что есть грех? Я знаю, что цепляюсь к словам, но если судить по тому, как люди морализаторствуют и делают выводы, то можно подумать, что правда – это нечто реальное и твердое, что можно взять в руки и передать другому, взвесить и измерить, а потом лишь согласиться с этим.

Но правда не такова. Если бы я рассказывал вам эту историю завтра, она бы отличалась от сегодняшней. Я пропустил бы детали сквозь фильтры своего сознания и представил бы свои действия более разумными. Правда – в значении слов, нравится ли нам это или нет.

Я не узнал Кэтрин по рисунку. А то, что я увидел в морге, было больше похоже на изуродованный манекен из витрины, чем на человеческое тело. Прошло пять лет. Я сказал Руизу сразу же, как только убедился сам. Да, я мог бы сказать раньше, но он и так уже знал ее имя.

Никто не любит признавать свои ошибки. И мы все ненавидим огромный зазор, который существует между тем, что мы должны делать, и тем, что мы действительно делаем. Поэтому мы изменяем либо свои поступки, либо свои убеждения. Мы извиняем себя или интерпретируем свое поведение более благоприятным образом. В моей работе это называется когнитивным диссонансом. Но у меня он не сработал. Мой внутренний голос – называйте его совестью, душой или ангелом-хранителем – все нашептывает: «Вруша-хрюша...»

Руиз прав. Со мной слишком много проблем.

Я ложусь на узкую кушетку и чувствую, как пружины вонзаются мне в спину.

Вызвать нового друга моей сестры в полицейский участок в половине седьмого утра – странный способ дать ему почувствовать себя частью семьи. Я знаю не многих юристов, занимающихся уголовными делами. Обычно я имею дело с государственными поверенными, и, в зависимости от того, какую позицию я отстаиваю в суде, они обращаются со мной либо как со своим лучшим другом, либо как с какой-то гадостью, на которую случайно наступили.

Саймон приезжает через час. Мы не затеваем светскую беседу о Патриции и не предаемся воспоминаниям о воскресном обеде. Вместо этого он указывает мне на стул и садится сам. Это работа.

Мы в комнате свиданий. Этажом ниже находятся камеры. Рядом с нами должна быть комната для допросов. До нас доносится запах кофе и клацанье компьютерных клавиатур. Сквозь жалюзи я вижу полосы начинающего светлеть неба.

Саймон открывает портфель и вытаскивает синюю брошюру и большой солидный блокнот. Меня удивляет, как ему удастся сочетать внешность Санта-Клауса с повадками юриста.

– Нам надо принять решение. Они хотят начать допросы как можно скорее. Ты хочешь мне что-нибудь сказать?

Я ловлю себя на том, что быстро моргаю. Что он имеет в виду? Какого признания ожидает?

– Я хочу, чтобы ты вытащил меня отсюда, – говорю я немного резковато.

Он принимается объяснять, что Закон о полиции и мерах по задержанию предоставляет следователям сорок восемь часов, в течение которых необходимо либо предъявить подозреваемому обвинение, либо отпустить его, если только суд не продлит этот срок.

– Значит, я могу провести здесь двое суток?

– Да.

– Но это смешно!

– Ты знал эту девушку?

– Да.

– Ты договаривался с ней о встрече в ночь, когда она умерла?

– Нет.

Саймон что-то записывает. Он склонился над блокнотом, вырисовывает точки и подчеркивает отдельные слова.

– Это случай для идиота. Все, что тебе надо сделать, – это представить алиби на тринадцатое ноября.

– Я не могу этого сделать.

Саймон бросает на меня усталый взгляд учителя, который не получил ожидаемого ответа. Затем смахивает пушинку с рукава пиджака, словно пытаюсь отстранить проблему. Резко поднявшись, он дважды стучит в дверь, сообщая, что закончил.

– Это все?

– Да.

– А ты не собираешься спросить меня, не я ли ее убил?

Он выглядит смущенным:

– Прибереги уверения в невинности для присяжных и молись, чтобы до этого не дошло.

Дверь за ним закрывается, но комната все еще наполнена тем, что он оставил: разочарованием, беспристрастностью и запахом лосьона после бритья. Через пять минут женщина-полицейский проводит меня по коридору в комнату для допросов. Я в такой уже бывал. На ранних этапах карьеры я иногда выступал в роли «ответственного взрослого», когда допрашивали детей.

Большую часть пространства в комнате занимают стол и четыре стула. В дальнем углу стоит магнитофон с таймером. На стенах и подоконниках пусто. Женщина немедленно встает у двери, стараясь не смотреть на меня.

Появляется Руиз с другим детективом, который выше и моложе, с вытянутым лицом и кривыми зубами. За ними в комнату для допросов входит Саймон. Он шепчет мне на ухо:

– Если я дотронусь до твоего локтя, значит, я хочу, чтобы ты молчал.

Я киваю в знак согласия.

Руиз садится напротив меня, не снимая куртки. Он трет рукой небритый подбородок.

– Это второй официальный допрос профессора Джозефа О'Лафлина, подозреваемого в убийстве Кэтрин Мери Макбрайд, – говорит он для записи. – На допросе присутствуют инспектор Винсент Руиз и сержант Джон Кибал, а также представитель доктора О'Лафлина Саймон Кох. Время – восемь четырнадцать.

Женщина проверяет, работает ли магнитофон. Кивает Руизу. Он кладет руки на стол и соединяет пальцы. Его взгляд, лишенный всякого выражения, останавливается на мне. Должен признать, это очень эффектная пауза.

– Где вы были вечером тринадцатого ноября этого года?

– Не помню.

– Вы были дома с женой?

– Нет.

– Значит, это вы припоминаете, – замечает он саркастически.

– Да.

– Вы работали в тот день?

– Да.

– В котором часу вы ушли с работы?

– У меня была назначена встреча с врачом на четыре часа.

Руиз продолжает задавать вопросы в том же духе, чтобы прояснить детали. Он пытается прижать меня. Он знает, как и я, что врать не труднее, чем говорить правду. Все портят подробности. Чем больше мелочей ты вплетаешь в свой рассказ, тем труднее с ними управляться. История становится похожа на ортопедическую куртку, сжимающую тебя все крепче и не дающую возможности двигаться.

Наконец он спрашивает о Кэтрин. Тишина. Я смотрю на Саймона. Он молчит. Он не произнес ни слова с начала допроса. Ничего не сказал и второй детектив, сидящий возле Руиза.

– Вы знали Кэтрин Макбрайд?

– Да.

– Где вы с ней впервые встретились?

Я рассказываю всю историю: о самоистязании и психологических консультациях, о том, как она вроде бы поправлялась и как уехала из Марсдена. Странно говорить о случае из практики. Мой голос звучит отстраненно-скрипуче, словно я слишком устал, пытаюсь убедить их.

Я заканчиваю и развожу руками, показывая, что сказал все. Я вижу свое отражение в глазах Руиза. Он ждет большего.

– Почему вы не рассказали о Кэтрин руководству больницы?

– Мне было жаль ее. Я подумал, что будет несправедливо, если старательная медсестра лишится работы. Кто бы от этого выиграл?

– Это единственная причина?

– Да.

– У вас был роман с Кэтрин Макбрайд?

– Нет.

– Вы имели с ней сексуальные отношения?

– Нет.

– Когда вы говорили с ней в последний раз?

– Пять лет назад. Не помню точную дату.

– Почему Кэтрин звонила в ваш кабинет в ночь своей смерти?

– Не знаю.

– Мы располагаем другими записями телефонных разговоров, свидетельствующими о том, что она звонила на этот номер дважды в предыдущие две недели.

– Я не могу этого объяснить.

– Ваше имя упоминается в ее дневнике.

Я пожимаю плечами. Это еще одна загадка. Руиз ударяет ладонью по столу, и все, включая Саймона, вздрагивают.

– Вы встречались с нею той ночью.

– Нет.

– Вы выманили ее из отеля «Гранд Юнион».

– Нет.

– Вы мучили ее.

– Нет.

– Это дерьмо собачье! – взрывается он. – Вы сознательно утаили информацию и последние три недели только и делали, что прикрывали свою задницу, вводя следствие в заблуждение и стараясь отвлечь от себя внимание полиции.

Саймон дотрагивается до моей руки. Он хочет, чтобы я молчал. Я не обращаю на него внимания.

– Я не прикасался к ней. Я ее не видел. У вас НИЧЕГО нет!

– Я хочу поговорить со своим клиентом, – говорит Саймон с большой настойчивостью.

К черту все это! Я покончил с вежливостью.

– Зачем мне было убивать Кэтрин? – кричу я. – У вас есть мое имя в дневнике, телефонный звонок в мой офис – и нет никакого мотива. Занимайтесь своим делом. Сперва найдите улики, а потом выдвигайте обвинение.

Следователь помоложе ухмыляется. Я понимаю, что что-то не так. Руиз открывает тонкую зеленую папку, лежащую перед ним на столе,

извлекает оттуда ксерокопию и подталкивает ее ко мне.

– Это письмо, датированное девятнадцатым апреля тысяча девятьсот девяносто седьмого года. Оно адресовано старшей медсестре больницы Ройал-Марсден. В этом письме Кэтрин делает заявление, что вы домогались ее в своем кабинете в больнице. Она утверждает, что вы загипнотизировали ее, обнажили ее грудь и пытались снять нижнее белье...

– Она забрала заявление. Я же говорил вам.

Мой стул с грохотом падает на пол, и я понимаю, что вскочил на ноги. Молодой следователь проворнее меня. Он не уступает мне в росте и полон решимости.

Руиз выглядит торжествующим.

Саймон держит меня за руку.

– Профессор О'Лафлин... Джо... Советую сохранять спокойствие.

– Ты что, не видишь, что они делают? Они искажают факты...

– Они имеют право задавать подобные вопросы.

Меня охватывает тревога. У Руиза есть мотив. Саймон поднимает стул. Я смотрю на стену невидящим взглядом, оцепенев от усталости. Левая рука дрожит. Оба следователя молча глядят на нас. Я сажусь и сжимаю руку коленями, чтобы унять дрожь.

– Где вы были вечером тринадцатого ноября?

– В Вест-Энде.

– С кем вы были?

– Один. Я напился. Я тогда узнал печальные новости о своем здоровье.

Мое заявление повисает в воздухе, словно порванная паутина, которая вот-вот к чему-нибудь прилипнет. Саймон первым нарушает тишину и объясняет, что у меня болезнь Паркинсона. Я хочу остановить его. Это мое дело. Жалость мне не нужна.

Руиз не теряет:

– Является ли потеря памяти одним из симптомов?

Я с облегчением смеюсь. Я и не хотел, чтобы он начал относиться ко мне по-другому.

– Где именно вы выпивали? – давит Руиз.

– В разных пабах и барах.

– Где?

– На Лестер-сквер, в Ковент-Гарден...

– Вы можете назвать эти пабы?

Я качаю головой.

– Может ли кто-нибудь удостоверить ваши передвижения?

– Нет.

– В котором часу вы вернулись домой?

– Я не вернулся домой.

– А где вы провели ночь?

– Не помню.

Руиз оборачивается к Саймону.

– Мистер Кох, вы не могли бы объяснить своему клиенту...

– Мой клиент показал в моем присутствии, что не помнит, где провел ночь. Он сознает, что этот факт не улучшает его положения.

Лицо Руиза непроницаемо. Он смотрит на свои наручные часы, оглашает время и выключает диктофон. Допрос завершен. Я перевожу взгляд с одного лица на другое, пытаюсь угадать, что же будет дальше. Все кончено?

Женщина, фиксирующая допрос на пленку, возвращается в комнату.

– Машины готовы? – спрашивает Руиз.

Она кивает и открывает дверь. Руиз выходит, а молодой следователь надевает на меня наручники. Саймон начинает протестовать, и ему вручают копию ордера на обыск. На обеих сторонах большими буквами напечатан адрес. Я еду домой.

Мое самое яркое детское воспоминание о Рождестве – это рождественское представление в англиканской школе Святого Марка, в котором я играл роль одного из трех волхвов. Причина, по которой оно запомнилось мне, заключается в том, что Рассел Кокрейн, игравший роль младенца Иисуса, так нервничал, что описался, и все протекло на голубые одежды Девы Марии. Дженни Бонд, очень симпатичная Мария, так рассердилась, что бросила Рассела головой вниз и заехала ногой ему в пах.

Из зрительного зала донесся общий стон, но он потонул в криках Рассела. Вся постановка рассыпалась, и занавес опустили раньше времени.

Фарс, разыгравшийся после этого за кулисами, оказался еще более потрясающим. Отец Рассела, крупный мужчина с пулеобразной

головой, был сержантом полиции и иногда приходил к нам в школу прочитать лекцию о правилах дорожного движения. За сценой он загнал Дженни Бонд в угол и пригрозил подать в суд за нанесение увечий. Отец Дженни рассмеялся. Это было большой ошибкой. Сержант Кокрейн тотчас надел на него наручники и повел по Стетфорд-стрит в полицейский участок, где мистер Бонд и провел ночь.

Наша рождественская постановка попала в центральную прессу. «Отец Девы Марии арестован», – гласил заголовок в «Сан». «Стар» писала: «Младенец Иисус получает удар».

Я снова вспоминаю эту историю из-за Чарли. Неужели она увидит меня в наручниках в окружении полицейских? Что она подумает о своем отце?

Полицейская машина без опознавательных знаков выезжает из подземного гаража на свет. Сидящий рядом со мной Саймон прикрывает мою голову капюшоном. Сквозь мокрую шерсть я различаю вспышки фотоаппаратов и огни телекамер. Не знаю, сколько там всего фотографов и операторов. Я слышу их голоса и чувствую, как полицейская машина ускоряет ход.

Движение транспорта замедляется, и на Мэрилебон-роуд мы почти ползем. Кажется, прохожие сбавляют шаг и оборачиваются на нас. Я уверен, что они смотрят на меня и гадают, кто я такой и что делаю на заднем сиденье полицейской машины.

– Можно позвонить жене? – спрашиваю я.

– Нет.

– Она ведь не знает, что мы едем.

– Точно.

– Но она не знает, что меня арестовали.

– Надо было ей сказать.

Внезапно я вспоминаю о работе. Сегодня должны прийти некоторые пациенты. Надо назначить им другое время.

– Можно позвонить секретарю?

Руиз бросает на меня взгляд через плечо.

– У нас есть ордер и на обыск вашего офиса.

Я пытаюсь спорить, но Саймон дотрагивается до моего локтя.

– Это часть процедуры, – говорит он, пытаюсь придать голосу убедительность.

Кавалькада из трех полицейских машин возникает посреди нашей улицы, блокируя движение в обоих направлениях. Дверцы распахиваются, и детективы быстро занимают позиции; некоторые направляются в садик по боковой дорожке.

Джулиана открывает входную дверь. На руках розовые резиновые перчатки. Мыльная пена пристала к волосам, когда она откидывала набок челку. Детектив протягивает ей копию ордера на обыск. Она не смотрит на него, ее взгляд прикован ко мне. Она видит наручники, затем глядит на мое лицо, потрясенная и растерянная.

– Уведи Чарли в дом! – кричу я.

Смотрю на Руиза. Умоляю его:

– Только не на глазах у моей дочери. Пожалуйста.

В его глазах я не вижу ничего, но он опускает руку в карман и достает ключ от наручников. Двое следователей берут меня за руки.

Джулиана задает вопросы, не обращая внимания на полицейских, которые протискиваются мимо нее в дом:

– Что происходит, Джо? Что ты...

– Они думают, что я имею отношение к смерти Кэтрин.

– Как? Почему? Это смешно. Ты ведь помогал им в расследовании.

Наверху что-то падает и разбивается. Джулиана смотрит в направлении звука, затем снова на меня.

– Что они делают в нашем доме? – Она почти плачет. – Что ты сделал, Джо?

Я вижу лицо Чарли, высунувшееся из гостиной. Оно быстро исчезает, как только Джулиана поворачивается.

– Оставайтесь в своей комнате, юная леди, – бросает она, и в ее голосе больше испуга, чем гнева.

Входная дверь широко открыта. Любой проходящий мимо может заглянуть внутрь и увидеть, что происходит. Я слышу, как на втором этаже открываются дверцы и ящики, поднимаются матрасы и передвигаются кровати. Джулиана не знает, что делать. Какая-то часть ее хочет защитить дом от надругательства, но больше всего она желает получить от меня ответ. Однако у меня его нет.

Детективы вводят меня в кухню, где я вижу Руиза, смотрящего через французское окно в сад. Люди с лопатами и мотыгами перекапывают газон. Ди Джей с сигаретой во рту стоит,

прислонившись к качелям Чарли. Он смотрит на меня сквозь дым – бесцеремонно, с ленивым любопытством. Легкая усмешка искривляет уголки его губ, как будто он наблюдает за тем, как владельца «порше» штрафуют за неправильную парковку.

Медленно повернувшись, он роняет сигарету на гравий, где она продолжает тлеть. Затем наклоняется и снимает пластиковые наличники с радиатора.

– Мы опросили ваших соседей, – объясняет Руиз. – Они видели, как вы что-то закапывали в саду.

– Золотую рыбку.

Руиз совершенно сбит с толку.

– Прошу прощения?

Джулиана смеется абсурдности происходящего. Мы живем в скетче Монти Пайтона.

– Он закапывал рыбку Чарли, – говорит она. – Она под сливой рядом с хомяком Харольдом.

Парочка следователей у нас за спиной не могут подавить смешки. Руиз мрачен как туча. Я знаю, что не следует его бесить, но так приятно посмеяться!

Матрас подо мной плотный и жесткий, как бетон. Едва я ложусь, кровь начинает стучать у меня в ушах, а мысли пускаются бегом. Я хочу провалиться в мирную пустоту. Но не могу отделаться от мыслей об опасности, увеличенной моим воображением.

К этому времени Руиз уже допросил Джулиану, его интересовало, где я был тринадцатого ноября. Она сказала ему, что я провел ночь с Джоком. Она не знает, что это ложь. Она повторит то, что сказал ей я.

Руиз уже поговорил и с Джоком, который сказал ему, что в тот день я ушел из его кабинета в пять часов. Он предложил мне выпить, но я отказался. Я сказал, что иду домой. Все наши истории не совпадают друг с другом.

Джулиана провела в приемной весь вечер в надежде повидать меня. Руиз сказал ей, что она может поговорить со мной пять минут, но я не в силах смотреть ей в глаза. Я знаю, что это плохо. Я знаю, что она растеряна, боится, сердится и до смерти переживает. Ей нужны объяснения. Она хочет услышать от меня, что все будет хорошо. Но я боюсь встречи с ней больше, чем с Руизом. Как я объясню ей Элизу? Как мне все уладить?

Джулиана спросила, не кажется ли мне странным, что убита женщина, которую я не видел пять лет, а полиция просит меня помочь установить ее личность. Я малодушно ответил, что совпадение – это просто два события, происходящих одновременно. Теперь совпадения начинают громоздиться друг на друга. Какова была вероятность того, что Бобби обратится ко мне за медицинской помощью? Или что Кэтрин позвонит мне в кабинет в ночь своей смерти? Когда совпадения перестают быть совпадениями и складываются в систему?

Я не параноик. Мне не мерещатся тени, ускользающие из поля зрения, и зловещие заговоры. Но то, что происходит сейчас, – нечто большее, чем просто сумма отдельных частей.

Я засыпаю с этой мыслью, а ночью внезапно просыпаюсь, тяжело дыша, с колотящимся сердцем. Я не вижу, кто или что охотится на меня, но знаю, что оно здесь, смотрит, выжидает, смеется.

Каждый звук резонирует в пустой камере. Я лежу без сна и вслушиваюсь в скрип пружин кровати и падение капель, сонное бормотание пьяных и эхо шагов охранника, доносящееся из коридора.

Сегодня полиция либо предъявит мне обвинение, либо отпустит. Мне полагается быть более взволнованным и озабоченным. Я же в основном чувствую себя отрешенным от происходящего. Я хожу по камере, размышляя о том, какой причудливой может быть жизнь. Только взгляните на все ее изгибы и повороты, совпадения и несчастные случаи, ошибки и недомолвки. Я не сержусь и не огорчаюсь. Я верю в систему. Очень скоро они поймут, что улики против меня недостаточно весомы. Им придется меня отпустить.

Этот оптимизм поражает меня, когда я задумываюсь о том, как цинично я привык относиться к закону и порядку. Каждый день страдают невинные. Я видел такие случаи. Это неоспоримо. И все же я не боюсь того, что со мной произойдет.

Я обычно осуждаю свою мать за ее непоколебимую веру в представителей власти вроде полицейских, судей и политиков. Она выросла в деревне в Котсуолдсе, где городской констебль ездил на велосипеде, знал всех жителей по именам и раскрывал любое преступление за полчаса. Он был воплощением справедливости и честности. С тех пор, несмотря на многочисленные рассказы о полицейских, фальсифицирующих улики и показания, берущих взятки, мама так и не изменила своих убеждений. «Господь создал больше хороших людей, чем плохих», – говорит она, словно простой подсчет способен решить все проблемы. А когда это кажется в высшей степени маловероятным, она добавляет: «Они никогда не войдут в Царствие Небесное».

Нижняя часть двери открывается, и по полу продвигается деревянный поднос. Я получаю апельсиновый сок в пластиковой бутылке, какую-то сероватую жижу, в которой подозреваю яичницу, и пару ломтиков хлеба, которые подержали над тостером. Я отодвигаю все это в сторону и жду Саймона.

Он выглядит очень весело в своем галстуке с рисунком из остролиста и серебряных колокольчиков. Галстук наподобие этого Чарли дарит мне на Рождество. Интересно, был ли Саймон женат и есть ли у него дети?

Он не может задержаться надолго, его ждут в суде. Я замечаю, что из портфеля торчат пряди его парика. Саймон говорит, что полиция запросила образцы крови и волос. У меня с этим нет проблем. Они также пытаются получить разрешение на допрос моих пациентов, но судья отказал им в доступе к моим записям. Очень мило с его стороны.

Самая большая новость касается двух телефонных звонков Кэтрин в мой кабинет. Мина, да будут благословенны ее хлопковые носочки, сказала детективам, что дважды говорила с Кэтрин в начале ноября.

Я совершенно забыл о том, что ищу нового секретаря. Мина поместила объявление в разделе медицинских вакансий в «Гардиан». Требовалась секретарша с подготовкой медсестры или опытом работы в медицинских учреждениях. Мы получили около восьмидесяти заявок. Я начинаю объяснять это Саймону, все больше воодушевляясь:

– Мина уже составила список из двенадцати кандидатур.

– Кэтрин в него входила.

– Да. Возможно. Должно быть. Это объясняет ее звонок. Мина должна об этом знать. – Знала ли Кэтрин, что поступает секретарем ко мне? Вероятно, Мина упоминала мое имя. Возможно, Кэтрин хотела преподнести мне сюрприз. Или же думала, что я не допущу ее до собеседования.

Саймон сжимает между пальцами галстук, словно хочет его обрезать.

– С чего бы женщине, которая обвинила тебя в сексуальном домогательстве, пытаться занять должность твоего секретаря? – Он говорит как обвинитель.

– Я ее не домогался.

Он никак не реагирует. Смотрит на часы и закрывает портфель.

– Я думаю, тебе больше не стоит отвечать на вопросы полиции.

– Почему?

– Ты только глубже себя закопаешь.

Саймон накидывает пальто и, наклонившись, смахивает прилипшую грязь с зеркальной поверхности ботинок.

– У них еще восемь часов. Если они не обнаружат ничего нового, этим вечером ты будешь дома.

Лежа на койке, положив руки под голову, я смотрю на потолок. Кто-то написал в углу: «День без солнечного света похож на... ночь». Высота потолка около двенадцати футов. Как только он умудрился туда забраться?

Странное чувство испытываешь, будучи отгороженным от мира. У меня нет ни малейшего представления о том, что произошло там за последние сорок восемь часов. Интересно, что я пропустил? Надеюсь, родители уехали в Уэльс. У Чарли начались рождественские каникулы, котел починили, Джулиана упаковала подарки и положила их под елку... Джек почистил свой костюм Санта-Клауса и, по традиции, обошел детское отделение. И еще есть Бобби – что делал он?

В середине дня меня опять вызывают в комнату для допросов. Меня ждут Руиз и тот же самый сержант. Приходит Саймон, запыхавшийся после подъема по лестнице. Он держит сэндвич в пластиковом контейнере и бутылку апельсинового сока.

– Запоздалый обед, – извиняется он.

Включают диктофон.

– Профессор О'Лафлин, не можете ли мне еще раз? – Руиз выдавливает вежливую улыбку. – Правда ли, что убийца всегда возвращается на место преступления?

Зачем ему это? Я смотрю на Саймона, и он делает мне знак ответить.

– Чаще это всего лишь миф, но некоторые возвращаются.

– Кто возвращается и зачем?

– У такого убийцы есть поведенческий стереотип, на месте преступления оставляется некая тень преступника, своего рода подпись. Это может быть особый способ связывать жертву или придавать телу определенное положение. Некоторые чувствуют потребность вернуться на место преступления.

– Почему?

– Существует множество причин. Возможно, кому-то необходимо предаться фантазиям и освободиться от содеянного или забрать что-нибудь на память. Некоторые могут испытывать вину и хотят быть поближе.

– И поэтому похитители часто помогают разыскивать жертву?

– Да.

– А поджигатели помогают бороться с огнем?

Я киваю. Сержант изображает статую с острова Пасхи. Руиз открывает папку и достает несколько фотографий.

– Где вы были в воскресенье, двадцать четвертого ноября?

Ах вот оно что, вот что он обнаружил.

– Я навещал свою двоюродную бабушку.

В его глазах зажигается искра возбуждения.

– В котором часу это было?

– Утром.

– И где она живет?

– На кладбище Кенсал-грин.

Правда его разочаровывает.

– У нас есть следственные фотографии вашей машины на парковке. – Он подталкивает фотографии ко мне. Я передаю Чарли коробку сухих листьев.

Руиз вытаскивает еще один лист бумаги.

– Вы помните, как мы обнаружили тело?

– Вы сказали, что его нашла собака.

– Звонивший не оставил ни имени, ни контактного телефона. Он звонил из автомата у входа на кладбище. Вы видели кого-нибудь поблизости?

– Нет.

– Вы звонили из этого автомата?

Не может же он предполагать, что это звонил я.

– Вы сказали, что убийца должен быть хорошо знаком с местностью.

– Да.

– А как бы вы описали степень своей осведомленности?

– Инспектор, мне кажется, я понимаю, к чему вы клоните. Даже если бы я действительно убил Кэтрин и закопал ее тело на берегу канала, неужели вы в самом деле думаете, что я привез бы туда свою жену и дочь, чтобы они посмотрели, как ее откапывают?

Руиз резко захлопывает папку и рычит:

– Я здесь задаю гребаные вопросы. А вы побеспокойтесь об ответах.

Вмешивается Саймон:

– Думаю, нам всем нужно остыть.

Руиз наклоняется ко мне через стол, и я вижу сосуды на его носу. Кажется, что он может дышать сквозь поры.

– Не хотите ли побеседовать со мной без своего адвоката?

– Если вы отключите диктофон.

Саймон возражает и хочет поговорить со мной наедине. В коридоре мы честно обмениваемся мнениями. Он говорит мне, что я веду себя глупо. Я соглашаюсь. Но если я заставлю Руиза выслушать меня, может, мне удастся заставить его получше присмотреться к Бобби.

– Я хочу, чтобы мое возражение было занесено в протокол.

– Не беспокойся, Саймон. Тебя никто не упрекнет.

Руиз ждет меня. Он внимательно смотрит, как в пепельнице догорает сигарета. Серый пепел образует уродливую башню, которая обрушится при малейшем дуновении.

– Я думал, вы бросаете курить.

– Так и есть. Я просто смотрю.

Пепел осыпается, и Руиз отодвигает пепельницу в сторону.

Кивает.

Теперь, когда мы вдвоем, комната кажется гораздо больше. Руиз отодвигает стул и кладет ноги на стол, демонстрируя стершиеся набойки на черных разношенных ботинках. Над одним из носков, на его белой коже – полоска черной ваксы.

– Мы отнесли вашу фотографию во все бары и пабы на Лестерсквер и Черинг-кросс, – говорит он. – Ни бармены, ни официанты вас не помнят.

– У меня неприметная внешность.

– Сегодня мы снова займемся этим. Возможно, нам удастся освежить чью-либо память. Но почему-то я так не думаю. Я не верю, что вы были в Вест-Энде.

Я не отвечаю.

– Мы также показали вашу фотографию служащим отеля «Гранд Юнион». Никто не вспомнил, что встречал вас. Они помнят Кэтрин. По заявлениям некоторых парней, она была очень мило одета. Один из них предложил купить ей выпить, но она сказала, что кого-то ждет. Вас?

– Нет.

– А кого?

– Я все еще думаю, что Бобби Морана.

Руиз издает глухое рычание, переходящее в сухой кашель.

– Вы не унимаетесь.

– Кэтрин умерла не в ночь своего исчезновения. Ее тело нашли только через одиннадцать дней. Тот, кто ее мучил, долго пытался сломить ее дух, возможно, несколько суток. Бобби мог это сделать.

– Ничто на него не указывает.

– Я думаю, что он ее знал.

Руиз иронически смеется.

– Вот в чем разница между тем, что делаете вы, и тем, что делаю я. Вы основываетесь на причудливых поворотах мысли и эмпирических моделях. Жалостливая история о тяжелом детстве – и вы готовы приговорить человека к терапии на десять лет. Я же имею дело с фактами, и в данный момент они указывают на вас.

– А как же интуиция? Чутье? Я думал, что они необходимы следователям во все времена.

– Только не тогда, когда надо получить деньги на слезку за подозреваемым.

Мы сидим в тишине, измеряя пропасть между нами. Наконец Руиз говорит:

– Вчера я беседовал с вашей женой. Она сказала, что в последнее время вы несколько «отдалились». Вы предложили, чтобы семья отправилась в путешествие... в Америку. Предложение было неожиданным. Она не могла объяснить ваших мотивов.

– Это не имеет никакого отношения к Кэтрин. Я просто хотел увидеть мир.

– Еще не поздно. – Его голос смягчается. – Расскажите мне о своей болезни. Паршиво, должно быть, узнать такое – особенно если у тебя красавица-жена, маленькая дочь, успешная карьера. Сколько лет вы потеряете? Десять? Двадцать?

– Не знаю.

– Я полагаю, получив подобное известие, человек может ощутить обиду на весь мир. Вы ведь работали с больными раком. Скажите, они чувствуют себя разочарованными и обманутыми?

– Некоторые.

– Держу пари, иные из них хотят разорвать мир на части. Почему это только им достается такой паршивый удел? Что бы вы сделали в такой ситуации? Приняли бы ее спокойно или восстали против смерти? Вы могли бы выставить старые счета и потребовать компенсации. Нет ничего плохого в суровой справедливости, если ждать больше ничего.

Меня смешат его неуклюжие попытки психоанализа.

– Вы бы так поступили, инспектор? – Руиз только через несколько секунд понимает, что я изучаю его. – Вы думаете, что вами бы овладел злой дух?

В глазах Руиза появляется сомнение, но он изгоняет его. Он хочет двигаться дальше, сменить тему, но сначала я должен снабдить его информацией о людях со смертельными и неизлечимыми заболеваниями. Да, некоторые предаются отчаянию при мысли о безнадежности и беспомощности. Но горечь и гнев вскоре проходят. Вместо того чтобы чувствовать жалость к себе, они встречают свою болезнь с гордо поднятой головой и продолжают жить. И решают наслаждаться каждым мгновением, которое им осталось, пить сок жизни, пока он не потечет по подбородку.

Опустив ноги на пол, Руиз поднимается, опираясь ладонями на стол. Не глядя на меня, он говорит:

– Я хочу, чтобы вам было предъявлено обвинение в убийстве, но прокурор считает, что у меня недостаточно доказательств. Он по-своему прав, но я буду продолжать поиски, пока не найду что-нибудь еще. Это вопрос времени. – Он смотрит на меня так, словно я нахожусь где-то очень далеко.

– Я ведь вам не нравлюсь, так? – спрашиваю я.

– Не особенно.

– Почему?

– Потому что вы считаете меня вонючим тупицей, который не читает книг и думает, что теория относительности связана с инбридингом.

– Это не так.

Он пожимает плечами и берется за дверную ручку.

– Сколько в этом деле обусловлено вашим личным отношением? – спрашиваю я.

Его ответ доносится до меня через закрывающуюся дверь:

– Не надо себе льстить.

Все та же женщина-полицейский, которая тенью ходила за мной последние сорок восемь часов, протягивает мне мою теннисную ракетку и сверток с часами, кошельком, обручальным кольцом и шнурками.

Мне приходится пересчитать деньги, включая мелочь, и расписаться в их получении.

Часы на стене в приемной показывают без пятнадцати десять вечера. Какой сегодня день? Среда. Семь дней до Рождества. Маленькое серебристое деревце расположилось на стойке, украшенное пригоршней мишуры и покосившейся звездой. За ним на стене висит плакат с надписью: «Мира и добра всем людям».

Моя спутница предлагает вызвать кеб. Я жду в приемной, пока водитель не сигналит снаружи. Я устал, невымыт и пахну потом. Мне надо ехать домой, но, когда я усаживаюсь на заднее сиденье кеба, моя храбрость испаряется. Я хочу попросить шофера ехать в противоположную сторону. Мне не хочется встречаться с Джулианой. Ее не устроят мои измышления. Только голая правда.

Я никогда никого так не любил, как Джулиану и Чарли. Моему обману нет оправдания. Я знаю, что скажут люди. Они назовут это классическим кризисом среднего возраста. Я перешагнул за сорок и, боясь собственной смерти, провел ночь с другой женщиной. Или же объяснят это жалостью к себе. В тот самый день, когда я узнал о своем прогрессирующем неврологическом заболевании, я переспал с другой, получив свою порцию секса до того, как мое тело распадется.

Тому, что случилось, нет извинений. Это не было случайностью или помрачением рассудка. Это было ошибкой. Это был секс. Слезы, семя и другая женщина. Не Джулиана.

Джок тогда только что сообщил мне дурные вести. Я сидел в его офисе, неспособный пошевелиться. Чертовски большая бабочка, должно быть, взмахнула крыльями на Амазонке, потому что колебание воздуха сбilo меня с ног.

Джок предложил мне сходить выпить. Я отказался. Мне надо было на воздух. Следующие несколько часов я бродил по Вест-Энду,

заглядывая в бары и пытаюсь почувствовать себя простым человеком, выпивающим, чтобы расслабиться.

Сначала я решил, что хочу побыть один. Потом понял, что мне нужно с кем-нибудь поговорить. С кем-нибудь, кто не был бы частью моей безупречной жизни, с кем-нибудь, кто не знал бы ни Джулиану с Чарли, ни моих друзей и родственников. Вот так я и очутился на крыльце у Элизы. Это не было случайностью. Я ее искал.

Сначала мы просто разговаривали. Разговаривали несколько часов (Джулиана, возможно, скажет, что это только усугубляет мою вину, поскольку моя измена перестает быть простым удовлетворением похоти). О чем мы разговаривали? Воспоминания детства. Любимые праздники. Памятные песни. А может, и не об этом. Слова не имели значения. Элиза поняла, что мне плохо, но не спрашивала почему. Она знала, что я либо скажу ей, либо нет. Ей не это было важно.

Я плохо помню, что случилось потом. Мы поцеловались. Элиза потянула меня вниз. Ее пятки шлепнули по моей спине. Она двигалась так медленно, принимая меня. Я застонал, кончив, и боль прошла.

Я остался на ночь. Во второй раз уже я взял ее. Я опрокинул ее и вошел яростно, отчего ее бедра дрожали и груди подпрыгивали. Когда все кончилось, белые салфетки, влажные от спермы, лежали на полу, как опавшие листья.

Странно, что я уже тогда предвидел чувство вины и сомнения, которые станут меня терзать. Я был убежден, что Джулиана обо всем узнает. Ей не потребуется нюхать мою одежду или искать следы помады на воротнике. Нет, она интуитивно поймет, что случилось, как всегда все во мне понимает.

Я никогда не считал себя рискованным парнем или человеком, который наслаждается хождением по краю. Пару раз в университете, до встречи с Джулианой, я проводил ночи с девушками. Тогда это казалось естественным. Джок был прав: девушки левых взглядов проще шли в постель. На этот раз было иначе.

Шофер доволен, что избавился от меня. Я стою на тротуаре и смотрю на свой дом. Единственное освещенное окно – это окно кухни, выходящее на боковую дорожку.

Ключ скользит в замок. Шагнув внутрь, я вижу силуэт Джулианы на фоне освещенного прямоугольника в дальнем конце холла. Она стоит в дверях кухни.

– Почему ты мне не позвонил? Я бы тебя забрала...

– Я не хотел, чтобы Чарли ехала в полицейский участок.

Я не вижу ее лица. Ее голос звучит обыденно. Я кладу теннисное снаряжение и подхожу к ней. Ее стриженные волосы взъерошены, глаза опухли от недосыпания. Когда я пытаюсь обнять ее, она отстраняется. Она с трудом может смотреть на меня.

Дело тут не только во лжи. Я привел полицейских в ее дом: они открывали шкафы, заглядывали под кровати, рылись в ее личных вещах. Соседи видели меня в наручниках. Наш сад был перекопан. Следователи допрашивали ее и задавали вопросы о нашей интимной жизни. Она долго ждала в участке в надежде увидеть меня, но ее отправили домой – не полицейские, а я. И ни одного телефонного звонка, ни одного сообщения, ни одной моей попытки хоть что-то объяснить.

Я смотрю на кухонный стол и вижу кипу газет. Все они раскрыты на страницах, посвященных одной и той же теме. «Психолог арестован по делу об убийстве Кэтрин Макбрайд», – гласит один заголовок. «Знаменитость избегает ареста», – вторит ему другой. Фотографии, на которых я сижу на заднем сиденье полицейской машины, прикрыв голову пальто Саймона. У меня виноватый вид. Прикройте пальто голову матери Терезе, и у нее тоже будет виноватый вид. Почему все подозреваемые так поступают? Конечно же, было бы лучше улыбаться и махать рукой.

Я падаю в кресло и просматриваю статьи. В одной газете помещен снимок: я на крыше Марседена с Малкольмом впереди. На втором фото я прикрываюсь пальто, руки в наручниках лежат на коленях. Смысл очевиден: путь от героя до злодея.

Джулиана ставит чайник и вытаскивает две кружки. На ней темные леггинсы и безразмерный свитер, который я купил ей в Кэмден-маркет. Я сказал тогда, что купил его для себя, но знал наперед, чем это кончится. Она всегда надевает мои свитера. Говорит, что ей нравится их запах.

– Где Чарли?

– Спит. Уже почти одиннадцать.

Она кладет в чашки пакетики с чаем и заливает их кипятком. Я чувствую запах мяты. У Джулианы вся полка уставлена травяными чаями. Она сидит напротив меня. Ее взгляд, остановившийся на мне,

ничего не выражает. Она кладет руки на стол, одним лишь этим движением показывая, что ждет от меня объяснений.

Я хочу заговорить о простом недоразумении, но боюсь, что это прозвучит банально. Вместо этого я завожу рассказ о том, что знаю. Что, по мнению Руиза, я как-то связан с убийством Кэтрин, поскольку мое имя упоминалось в ее дневнике, который они выловили из канала; что Кэтрин приехала в город на собеседование со мной. Я об этом не знал. Списком занималась Мина. Видимо, Кэтрин увидела объявление.

Джулиана забегает на шаг вперед:

– Но ведь это не единственная причина, по которой тебя арестовали?

– Нет. Запись телефонных звонков показывает, что она звонила мне в офис в тот вечер, когда была убита.

– Ты с ней говорил?

– Нет. Я был у Джока. Именно тогда он рассказал мне о... ты знаешь о чем.

– А кто ей ответил?

– Не знаю. Мина рано ушла домой.

Я опускаю глаза под ее взглядом.

– Они разыскали жалобу на сексуальные домогательства. Они думают, что у меня с ней была связь и что она угрожала разрушить мою карьеру и наш брак.

– Но она забрала жалобу.

Джулиана отодвигает чашку и встает. Я чувствую некоторое облегчение, потому что ее взгляд больше не прикован ко мне. Даже не глядя на Джулиану, я точно знаю, где она: у французского окна, смотрит на отражение человека, сидящего за столом, которого, как она думала, она знает.

– Ты мне сказал, что был с Джоком. Сказал, что выпивал. Я знала, что ты лжешь. Я знала все это время.

– Я действительно напился, но не с Джоком.

– А с кем? – Ее вопрос краток, резок и прям. В этом вся Джулиана – порывистая и прямая в разговоре.

– Я провел ночь с Элизой Веласко.

– Ты с ней спал?

– Да.

– Ты спал с проституткой?

– Она больше не проститутка.  
– Ты пользовался презервативом?  
– Послушай, Джулиана... Она не занимается проституцией уже несколько лет.

– ТЫ ПОЛЬЗОВАЛСЯ ПРЕЗЕРВАТИВОМ? – Она тщательно выговаривает каждое слово, стоя надо мной. Ее глаза полны слез.

– Нет.

В свой удар она вкладывает всю силу. Я заваливаюсь набок, держась за щеку. Во рту у меня вкус крови, в ушах стоит тонкий звон.

Рука Джулианы лежит у меня на колене. Ее голос нежен:

– Я слишком сильно тебя ударила? Я просто не умею драться.

– Все в порядке, – успокаиваю я ее.

Она снова бьет меня, на этот раз еще сильнее. Я падаю на колени и вижу перед глазами блестящий паркет.

– Ты эгоистичный, глупый, бесхребетный лживый ублюдок! – Она трясет рукой от боли.

Теперь я неподвижная мишень. Она колотит меня кулаком по спине и кричит:

– Проститутка! Без презерватива! А потом ты пришел домой и спал со мной!

– Нет! Прошу тебя! Ты не понимаешь...

– Убирайся прочь! Ты здесь не нужен! Ты меня больше не увидишь. Ты больше не увидишь Чарли!

Я скорчился на полу, чувствуя себя жалким и несчастным. Она поворачивается и уходит через холл в прихожую. Я поднимаюсь и иду за ней, отчаянно желая увидеть хоть какой-нибудь знак, что это не все.

Я нахожу ее на коленях у елки с садовыми ножницами в руках. Она аккуратно срезала верхнюю треть дерева. Теперь оно похоже на большой зеленый абажур.

– Прости меня.

Она не отвечает.

– Пожалуйста, послушай.

– Зачем? Что ты собираешься мне сказать? Что ты меня любишь? Что она тебе безразлична? Что с ней ты спал, а со мной занимался любовью?

Вот почему так трудно спорить с Джулианой. Она предъявляет за раз столько обвинений, что один ответ не может нейтрализовать их

все. А как только ты пытаешься опровергнуть их по отдельности, на тебя набрасываются с новой серией.

Теперь она плачет по-настоящему. Слезы текут по ее щекам, блестя на свету.

– Я совершил ошибку. Слова Джока о болезни Паркинсона прозвучали как смертный приговор. Все должно было измениться, все наши планы. Будущее. Знаю, я говорил иное. Но это неправда. Зачем давать мне жизнь, а потом посылать эту болезнь? Зачем давать мне вашу с Чарли красоту и радость, а затем забирать? Это все равно что показать, какой может быть жизнь, а в следующее мгновение сказать, что этого никогда не будет.

Я опускаюсь рядом с ней, мои колени почти касаются ее.

– Я не знал, как тебе сказать. Мне нужно было подумать. Я не мог говорить с друзьями или родителями, которые почувствовали бы жалость и стали бы подбадривать меня утешительными речами и мужественными улыбками. Поэтому я пошел к Элизе. Она чужая, но она также друг. С ней легко.

Джулиана вытирает щеки рукавом свитера и смотрит на камин.

– Я не собирался с ней спать. Так получилось. Если бы только я мог все изменить! Между нами ничего нет. Это была одна ночь.

– А Кэтрин Макбрайд? Ты спал с ней?

– Нет.

– Почему она решила пойти к тебе секретарем? С какой стати она рассчитывала получить эту работу после того, что нам устроила?

– Не знаю.

Джулиана смотрит на свою опухшую руку, затем на мою щеку.

– Чего ты хочешь, Джо? Хочешь стать свободным? Дело в этом? Ты хочешь остаться с этим один на один?

– Я не хочу тащить за собой тебя и Чарли.

Мой сентиментальный тон выводит ее из себя. В раздражении она сжимает кулаки.

– Почему ты все время напускаешь на себя этакий самоуверенный вид? Почему просто не признаешь, что тебе нужна помощь? Я знаю, что ты расстроен. Знаю, что устал. Так вот, еще одна новость: мы все расстроены и устали. Мне осточертело, что мной пренебрегают, что меня отталкивают. И я хочу, чтобы ты ушел.

– Но я люблю тебя.

– Уходи!

– А как же мы? Как же Чарли?

Она бросает на меня холодный, немигающий взгляд.

– Возможно, я все еще люблю тебя, Джо, но в настоящий момент я не могу тебя выносить.

Когда я, доехав на такси, стою с вещами на крыльце Джока, я испытываю то же чувство, что в первый день школы: покинутость. Ко мне возвращается прошлое во всей своей реальности: я стою на ступенях Чартерхауса, а отец обнимает меня и чувствует, как я плачу у него на груди. «Не при маме», – шепчет он. Поворачивается и говорит маме: «Не при мальчике», – а она утирает глаза.

Джок настаивает, что я почувствую себя лучше после душа, бритья и плотного ужина. Он заказывает еду из индийского ресторанчика по соседству, но до ее прибытия я засыпаю на диване. Он ест в одиночестве.

В пестром полусвете, просачивающемся сквозь жалюзи, я различаю подносы из фольги, сложенные у раковины, измазанные по бокам оранжевым и желтым соусом. В мою спину врезается пульт управления, а под головой у меня смялась программа телепередач. Не знаю, как мне вообще удалось уснуть.

Моя память все время возвращается к Джулиане и тому взгляду, который она на меня бросила. В нем было гораздо больше, чем разочарование. Печаль – недостаточно сильное слово. Словно что-то внутри нее замерзло. Мы ссоримся очень редко. Джулиана может спорить страстно и эмоционально. Если я пытаюсь казаться слишком умным или холодным, она обвиняет меня в заносчивости и в ее глазах я вижу боль. На этот раз я увидел только пустоту. Обширное пространство, разметанное ветром, при переходе через которое можно умереть.

Джок проснулся. Слышно, как он поет в душе. Пытаюсь спустить ноги на пол, но ничего не выходит. На какое-то мгновение я пугаюсь, что меня парализовало. Потом понимаю, что мне мешает одеяло. Сконцентрировавшись, я добиваюсь от ног неохотного ответа.

Брадикинезия становится все более очевидной. Стресс усугубляет болезнь Паркинсона. Мне положено много спать, регулярно упражняться и стараться сохранять спокойствие. Да уж!

Джок живет в квартале, выходящем на Хэмпстед-Хит. Внизу сидит швейцар, который в дождь держит над входящими зонтик. Он

носит униформу и называет людей «хозяин» или «мадам». Раньше Джоку и его второй жене принадлежал весь верхний этаж, но после развода он может позволить себе только квартиру на одного. Ему еще пришлось продать «харлей» и отдать ей коттедж в Котсуолдсе. Теперь, едва завидев дорогую спортивную машину, он заявляет, что она принадлежит Наташе.

«Когда я оглядываюсь назад, меня пугают не бывшие жены, а тещи», – говорит Джок. После развода он стал, как сказал бы Джеффри Бернارد, странствующим обеденным гостем, заглядывающим в окна, мухой на стенах чужих браков.

Мы с Джоком познакомились задолго до университета. Одна и та же акушерка в одном и том же родильном доме приняла нас в один день с интервалом в восемь минут. Это было 18 августа 1960 года в родильном доме Королевы Шарлотты в Хаммерсмите. Наши матери лежали в одной палате, и акушерке приходилось снова туда-сюда через занавеску.

Я появился первым. У Джока была такая большая голова, что он застрял и его вытаскивали щипцами. Он до сих пор порой шутит о том, что пришел вторым и с тех пор пытается догнать. И в самом деле, соревнование для него отнюдь не шутка. Возможно, мы лежали рядом в детском отделении. Может, смотрели друг на друга или мешали друг другу спать.

Кое-что об одиночестве личного бытия говорит тот факт, что мы начали жизнь с промежутком в несколько минут, но вновь встретились только через девятнадцать лет. Джулиана говорит, что нас свела судьба. Может, она права. Если не считать того, что нас перевернул вниз головой и пошлепал по попе один и тот же доктор, у нас очень мало общего. Не могу объяснить, почему мы с Джоком подружились. Что я внес в наш союз? Он выделялся среди студентов, всегда посещал лучшие вечеринки и флиртовал с самыми симпатичными девушками. Моя выгода была очевидна, но что получил он? Может, о подобных ситуациях говорят, что люди просто «сходятся».

Уже очень давно мы совсем разошлись в политических взглядах и частично в нравственных, но не можем отбросить свое прошлое. Он был шафером у меня на свадьбе, а я – на обеих его свадьбах. У нас хранятся ключи от домов друг друга и копии завещаний. Совместный опыт – сильная связь, но дело не только в этом.

Джок, несмотря на всю свою консервативную болтовню, на самом деле большой добряк, пожертвовавший на благотворительность больше денег, чем на обеих жен. Каждый год он организует благотворительный вечер в пользу Грейт-Ормонд-стрит и за пятнадцать лет не пропустил ни одного Лондонского марафона. В прошлом году он толкал больничную койку, на которой сидели «порочные» медсестры в чулках на резинках. Он был больше похож на Санта-Клауса, чем на доктора Килдейра.

Джок появляется из ванной в полотенце, обмотанном вокруг пояса. Он шлепает босиком по коридору в кухню. Я слышу, как открывается и закрывается дверца холодильника. Он нарезает апельсины и включает почти промышленную соковыжималку. Кухня заполнена техникой. Электрическая кофемолка, машинка для просеивания кофе и еще одна, которая больше похожа на артиллерийский снаряд, чем на кофеварку. Он может делать вафли, пончики, блины, варить яйца десятком способов.

Моя очередь отправляться в ванную. Зеркало запотело. Краешком полотенца я прodelываю круг, в котором может поместиться мое лицо. Я выгляжу измученным. Программа передач на среду отпечаталась на правой щеке. Я тру лицо влажной фланелью.

На подоконнике множество приборов, включая машинку для стрижки волос в носу на батарейках, жужжащую, как раненая пчела, закрытая в бутылке. Десяток различных марок шампуня. Это напоминает мне дом. Я всегда подшучиваю над Джулианой из-за ее «снадобий и притираний», которые заполняют каждый дюйм пространства. Где-то среди этой косметики я храню сменную бритву, склянку с пеной для бритья и дезодорант. К сожалению, достать их – значит рискнуть вызвать эффект домино, который опрокинет каждую бутылочку в ванной.

Джок протягивает мне стакан апельсинового сока, и мы сидим в молчании, уставившись на кофеварку.

– Я могу позвонить ей от тебя, – предлагает он.

Я мотаю головой.

– Я мог бы рассказать ей, как ты слоняешься по квартире... бесполезный... потерянный... брошенный...

– Это ничего не изменит.

Он спрашивает о ссоре. Он хочет узнать, что именно ее расстроило. Арест, заголовки в газетах или тот факт, что я ей солгал?

– Ложь.

– Так я и думал.

Он все насеждает на меня, желая узнать подробности. Я, в общем-то, не хочу к этому возвращаться, но вся история выплывает наружу, пока стынет мой кофе. Возможно, Джок поможет мне как-то осмыслить все это.

Когда я дохожу до описания того, как увидел тело Кэтрин в морге, я внезапно понимаю, что он мог ее знать. Он знал гораздо больше медсестер в Марсдене, чем я.

– Да, я думал об этом, – говорит он, – но фотографии в газетах ни о чем мне не напомнили. Полицейские хотели узнать, был ли ты со мной в ночь ее смерти, – добавляет он.

– Извини.

– А где ты был?

Я пожимаю плечами.

– Тогда это правда. Делишки на стороне.

– Это совсем не то.

– Это всегда не то, сынок.

Джок ведет себя, словно школьник, желающий знать «пикантные подробности». Я отказываюсь подыгрывать ему, и он хмурится.

– Так почему же ты не сказал в полиции, где ты был?

– Я предпочел бы не говорить.

На его лицо набегают рассеянность. Он больше не насеждает на меня. Меняет курс и укоряет меня за то, что я с ним не поговорил раньше. Если я хотел, чтобы он обеспечил мое алиби, надо было по крайней мере сказать ему.

– Что, если бы меня спросила Джулиана? Я мог бы подыграть. И я мог бы сказать полицейским, что ты был со мной, вместо того чтобы топить тебя.

– Ты сказал правду.

– Я бы солгал ради тебя.

– А что, если я ее действительно убил?

– Я бы все равно солгал ради тебя. И ты бы сделал то же самое для меня.

Я качаю головой.

– Я не стал бы лгать ради тебя, если бы думал, что ты кого-то убил.

Он встречается со мной глазами и не отводит взгляда. Затем смеется и пожимает плечами:

– Кто знает!

В офисе я прохожу через фойе, сознавая, что охранники и секретарь смотрят на меня. Поднимаюсь на лифте наверх и застаю Мину за столом в пустой приемной.

– А где все?

– Они отменили сеансы.

– Все?

Я перегибаюсь через стол и читаю расписание приема на сегодня. Все имена перечеркнуты красной линией. Кроме имени Бобби Морана.

Мина все еще говорит:

– У мистера Лилли умерла мать. У Ханны Бэрримор грипп. Зоя сидит с племянниками... – Я знаю, что она пытается утешить меня.

Я указываю на имя Бобби и прошу вычеркнуть и его.

– Он не звонил.

– Поверьте мне на слово.

Несмотря на искренние старания Мины прибраться, в моем кабинете все еще беспорядок. Повсюду следы полицейского обыска, включая тонкий слой порошка, который они использовали для снятия отпечатков пальцев.

– Они не взяли ни одной папки, но некоторые переставили.

Я прошу ее не беспокоиться. Мои заметки теряют всякий смысл, если у меня больше нет пациентов. Она стоит в дверях и пытается придумать, что бы сказать позитивного.

– Я доставила вам неприятности?

– В каком смысле?

– Эта девушка, которая искала работу... та, которую убили... Мне стоило поступить с ней иначе?

– Конечно нет.

– Вы знали ее?

– Да.

– Примите мои соболезнования.

Впервые кто-то допустил мысль, что смерть Кэтрин могла огорчить меня. Все остальные вели себя так, словно у меня нет никаких чувств. Возможно, они думают, что я обладаю особым

пониманием скорби или умею ее контролировать. Если так, то они ошибаются. Мои обязанности заключаются в том, чтобы понимать пациентов. Я узнаю об их самых глубоких страхах и тайнах. Профессиональное отношение превращается в личное. По-другому быть не может.

Я расспрашиваю Мину о Кэтрин. Как звучал ее голос по телефону? Она говорила обо мне? Полицейские забрали ее письма и анкеты, но у Мины осталась копия ее автобиографии.

Она приносит ее мне, и я смотрю на обложку и первую страницу. Проблема автобиографий в том, что они не говорят о человеке почти ничего важного. Школы, результаты экзаменов, профессиональное образование, опыт работы – ничто из этого не приоткрывает индивидуальности или темперамента. Это все равно что пытаться определить рост человека по цвету волос.

Едва я заканчиваю чтение, звонит телефон. В надежде, что это Джулиана, я беру трубку раньше Мины. Голос в трубке взрывается, словно шторм в десять баллов. Эдди Баррет выступает с цветастой обличительной речью. Его воображение особенно разыгрывается, когда дело доходит до описания возможного применения моего докторского аттестата в связи с сокращением производства туалетной бумаги.

– Послушайте, вы, суперподкованный мозгокопатель, я напишу на вас жалобу в Британское психологическое общество, профсоюз и экспертное бюро Соединенного Королевства. Бобби Моран собирается подать на вас в суд за клевету, злоупотребление доверием и за все, что он еще сможет обнаружить. Стыд и позор! Вас надо гнать в шею! Если говорить прямо, вы придурок!

У меня нет времени отвечать. Едва я предчувствую перерыв в монологе Эдди, он с новыми силами продолжает свою речь дальше. Может, именно так он и выиграл столько дел: он не затыкается и никому не дает вставить хоть слово.

Правда заключается в том, что мне нечем защищаться. Я нарушил больше профессиональных инструкций и персональных обязательств, чем могу перечислить, но я снова поступил бы так же. Бобби Моран – садист и патологический лжец. И в то же время я испытываю ужасное чувство утраты. Обманув доверие пациента, я вошел туда, куда вход

запрещен. Теперь я жду, когда открытая дверь, возвращаясь, ударит меня по задку.

Эдди бросает трубку, и я смотрю на телефон. Нажимаю кнопку быстрого набора. На автоответчике голос Джулианы. У меня внутри все сжимается. Жизнь без нее кажется невозможной. Я не представляю, что мне сказать. Пытаюсь изобразить бодрый голос, потому что понимаю, что Чарли может услышать сообщение. В конце концов говорю, как Санта-Клаус. Я звоню снова и оставляю второе сообщение. Еще хуже первого.

Я сдаюсь и начинаю разбирать папки. Полицейские опустошили мои шкафы, пытаюсь найти что-нибудь за ящиками. Я поднимаю глаза, когда голова Фенвика просовывается в дверь. Он стоит в коридоре, нервно оглядываясь.

– На два слова, старик.

– Да?

– Ужасно все это. Просто хотел сказать: «Не падай духом», и все. Не позволяй этим поганцам выбить тебя из колеи.

– Очень мило с твоей стороны, Фенвик.

Он переминается с ноги на ногу.

– Ужасные дела. Просто засада. Я надеюсь, ты понимаешь. Вся эта дурная огласка и все такое... – У него несчастный вид.

– В чем дело, Фенвик?

– В сложившихся обстоятельствах, старик, Джеральдина подумала, что было бы лучше, если бы ты не был моим шафером. Что скажут другие гости? Мне страшно жаль. Я ненавижу бить лежащего.

– Все в порядке. Удачи.

– Здорово. Ну... мм... не буду тебе мешать. Увидимся сегодня на встрече.

– На какой встрече?

– Боже, разве тебе никто не сказал? Что за засада! – Его лицо густо розовеет.

– Нет.

– В общем, это же на самом деле не мое имущество... – мямлит он, трясая головой. – Партнеры встречаются в четыре. Некоторые из нас, не я, конечно, несколько обеспокоены, какое воздействие все это может оказать на их практику. Дурная огласка и все дела. Никому не

хочется, чтобы в офис заявлялась полиция и репортеры лезли со своими вопросами. Ты ведь понимаешь.

– Конечно. – Я улыбаюсь, стиснув зубы. Он уже отступает за дверь. Мина бросает на Фенвика взгляд, окончательно обращающий его в бегство.

Благополучного исхода не будет. Мои уважаемые коллеги должны обсудить вопрос о моем партнерстве, итогом которого станет изгнание. Мне предложат уйти в отставку. Слова будут тщательно подобраны, а беседа с главным бухгалтером завершит все это дельце без лишней суеты. К черту все это!

Фенвик уже прошел половину коридора. Я кричу ему вслед:

– Скажи им, что я подам в суд, если они попытаются меня выжить. Я не собираюсь уходить.

Взгляд Мины выражает солидарность. В нем есть еще что-то, похожее на жалость. Я не привык, чтобы люди мне сочувствовали.

– Думаю, вам стоит пойти домой. Нет смысла оставаться, – говорю я ей.

– А кто будет отвечать на звонки?

– Я не жду никаких звонков.

Мина уходит через двадцать минут, похлопотав у своего стола и поглядев на меня обеспокоенно, словно она нарушает некий секретарский кодекс чести. Оставшись один, я закрываю жалюзи, сдвигаю неразобранные папки в один угол и откидываюсь в кресле.

Какое зеркало я разбил? Под какой лестницей прошел? Я не верю в Бога, рок или судьбу. Может, это всего лишь «закон средних чисел»? Может, Элиза была права? Моя жизнь была слишком легкой. Выиграв мне почти все, что можно, удача моя иссякла.

Древние греки говорили, что Госпожа Удача – очень симпатичная девушка с кудрявыми волосами, которая ходит по улицам среди людей. Возможно, ее звали Карма. Она ветреная любовница, благоразумная женщина, бродяга и болельщица «Манчестер юнайтед». Раньше она была моей.

Когда я иду к Ковент-Гарден, начинается дождь. В ресторане я встряхиваю пальто и отдаю его швейцару. Капли воды стекают по моему лбу. Элиза появляется через пятнадцать минут, уютно закутавшись в черное пальто с меховым воротником. Под пальто на

ней синий топ с тонкими завязками и мини-юбка в тон. Темные чулки со швом. Она вытирается полотняным платком и поправляет волосы.

– Я теперь всегда забываю взять зонтик.

– Почему?

– У меня был один с кривой ручкой. Внутри было спрятано лезвие... на случай неприятностей. Видишь, как хорошо ты меня обучил. – Она смеется и подкрашивает губы. Хочется прикоснуться к кончику ее языка.

Не могу передать, каково это – сидеть в ресторане с такой красивой женщиной. Мужчины засматриваются на Джулиану, но Элизу они по-настоящему хотят, она вызывает в них трепет, заставляет их сердца колотиться. В ней есть что-то очень чистое, порывистое и врожденно сексуальное. Словно она отобрала, отфильтровала и продистиллировала свою сексуальность до такой степени, что любой мужчина готов поверить, будто одной ее капли ему хватит на всю жизнь.

Элиза смотрит через плечо и тотчас же привлекает внимание официанта. Она заказывает салат.

Обычно я наслаждаюсь чувством уверенности, которое испытываю, сидя напротив Элизы, но сегодня я кажусь себе старым и разваливающимся, словно выеденная червями олива с хрупкой корой. Элиза быстро говорит и медленно ест, выбирая кусочки копченого тунца и ломтики красного лука.

Я не мешаю ей говорить, хотя чувствую отчаяние и нетерпение. Мое спасение должно начаться сегодня. Она все еще смотрит на меня. Я отражаюсь в ее глазах. Волосы прилипли ко лбу. Я спал всего несколько часов за то время, которое представляется неделей.

Элиза извиняется за «трепотню». Она протягивает руку через стол и сжимает мою ладонь.

– О чем ты хотел со мной поговорить?

После паузы я медленно начинаю рассказ о своем аресте и расследовании убийства. Чем ниже я спускаюсь по ступеням своего повествования, тем больше заботы отражается в ее глазах.

– Почему ты просто не сказал в полиции, что был со мной? – спрашивает она. – Я не возражаю.

– Это нелегко.

– Из-за твоей жены?

– Нет. Она знает.

Элиза передергивает плечами, ясно показывая свое отношение к браку. Она никогда не возражала против брака как социального института, поскольку он обеспечивал ее клиентами. Да и женатые мужчины всегда были предпочтительнее холостых, потому что чаще принимали душ и лучше пахли.

– Так что же мешает тебе рассказать полиции?

– Я хотел сначала спросить тебя.

Она смеется над тем, как старомодно это звучит. Я чувствую, что краснею.

– Прежде чем что-то сказать, я хочу, чтобы ты как следует подумала, – говорю я ей. – Я окажусь в трудном положении, когда сознаюсь, что провел ночь с тобой. Существуют законы поведения... этика. Ты – моя бывшая пациентка.

– Но это было много лет назад.

– Все равно. Многие и так смотрят на меня косо из-за моей работы с проститутками. И они дружно набросятся на меня за это... за тебя.

Ее глаза вспыхивают:

– Они могут не узнать. Я пойду в полицию и подам заявление. Я скажу им, что ты был со мной. Остальным знать не обязательно.

Я пытаюсь собрать всю доброту, которая у меня осталась, но мои слова все равно звучат резко:

– Представь на мгновение, что случится, если мне предъявят обвинение. Тебе придется давать показания. Обвинение будет всеми способами пытаться дискредитировать мое алиби. Ты – бывшая проститутка. Ты сидела в тюрьме за нанесение телесных повреждений. Ты также моя бывшая пациентка. Я встретил тебя, когда тебе было только пятнадцать. Сколько бы мы ни говорили им, что это была лишь одна ночь, они все равно решат, что это нечто большее... – Я замолкаю, ковыряя вилкой недоеденные макароны.

Элиза щелкает зажигалкой. Пламя отражается в ее горящих глазах. Я никогда не видел, чтобы она была так растеряна.

– Я предоставлю тебе право решать, – мягко говорит она, – но я хочу сделать заявление. Я не боюсь.

– Спасибо.

Мы сидим в тишине. Через какое-то время она снова протягивает руку и сжимает мою ладонь.

– Ты так и не сказал мне, почему был расстроен в тот вечер.

– Теперь это уже не важно.

– А твоя жена очень переживает?

– Да.

– Ей повезло, что у нее есть ты. Надеюсь, она это понимает.

Открыв дверь кабинета, я понимаю, что в комнате кто-то есть. Хромированные часы над стеллажом показывают половину четвертого. Напротив книжного шкафа стоит Бобби Моран. Он как будто возник из воздуха.

Он резко поворачивается. Не знаю, кто из нас более изумлен.

– Я стучал. Никто не ответил. – Он опускает голову. – Мне было назначено, – говорит он, словно читая мои мысли.

– Разве вам не нужно приходить с адвокатом? Я слышал, что вы подаете на меня в суд за клевету, злоупотребление доверием и что он там еще откопал.

Бобби выглядит смущенным.

– Мистер Баррет говорит, что мне надо все это делать. Он говорит, я могу получить много денег. – Протиснувшись мимо меня, он встает рядом со столом. Он очень близко. Я чувствую запах жареного теста и сахара. Влажные волосы приклеились к его лбу, образуя рваную челку.

– Зачем вы пришли?

– Я хотел вас увидеть. – Его голос звучит угрожающе.

– Я не могу вам помочь, Бобби. Вы не были со мной честны.

– А вы всегда честны?

– Я пытаюсь.

– Как? Говоря полиции, что я убил эту девушку?

Он берет со стола круглое стеклянное пресс-папье и взвешивает его в правой руке, потом в левой. Подносит его к свету.

– Это магический кристалл?

– Пожалуйста, положите на место.

– Почему? Боитесь, что я опущу его вам на голову?

– Почему бы вам не присесть?

– После вас. – Он показывает на кресло. – Почему вы стали психологом? Разрешите, я угадаю... Отец-тиран и сверхзаботливая мать. Или темная семейная тайна? Родственник, который начал выть на луну, или любимая тетя, которую пришлось запереть?

Я не доставлю ему удовольствия, показав, как близок он к правде.

– Я здесь не для того, чтобы разговаривать о себе.

Бобби смотрит на стену за моей спиной.

– Как вы можете вешать здесь диплом? Это издевательство! Три дня назад вы думали, что я совершенно другой человек. И все же вы собирались предстать перед судом и указать судье, стоит ли меня изолировать или отпустить. Что дает вам право разрушать чужую жизнь? Вы меня не знаете.

Слушая его, я чувствую, что наконец-то разговариваю с настоящим Бобби Мораном. Он бросает пресс-папье на стол, и оно медленно катится и падает мне на колени.

– Вы убили Кэтрин Макбрайд?

– Нет.

– Вы знали ее?

Он смотрит мне прямо в глаза.

– Не очень-то хорошо у вас получается. Я ждал от вас большего.

– Это не игра.

– Нет. Это важнее.

Мы глядим друг на друга в молчании.

– Бобби, вы знаете, кто такой патологический лжец? – наконец спрашиваю я. – Это тот, кому легче солгать, чем сказать правду в любой ситуации, независимо от обстоятельств.

– Но такие, как вы, должны понимать, когда человек лжет.

– Это не меняет моего мнения о вас.

– Я только изменил несколько имен и названий, все остальное вы напридумывали самостоятельно.

– А как же Арки?

– Она бросила меня шесть месяцев назад.

– Вы сказали, что у вас есть работа.

– Я сказал вам, что я писатель.

– Вы хорошо умеете сочинять.

– А теперь вы надо мной смеетесь. Знаете, в чем проблема таких, как вы? Вы не можете удержаться от того, чтобы не запустить руки в чужую психику и начать менять чужие взгляды на мир. Вы строите из себя Бога...

– А кто эти «такие, как я»? С кем вы уже встречались?

– Не важно, – отрезает Бобби. – Вы все одинаковы. Психологи, психиатры, психотерапевты, гадалки, знахари...

– Вы лежали в больнице. Вы там познакомились с Кэтрин Макбрайд?

– Вы, должно быть, считаете меня идиотом.

Бобби едва не теряет самообладание, но быстро успокаивается. У него почти нет психологической реакции на ложь. Ничто не выдает его; он непроницаем, словно опытный игрок в покер.

– Все, что я сделал в своей жизни, и все, с кем встретился, имеют значение – хорошие, плохие, злые, – говорит он с ноткой торжества в голосе, – мы – сумма наших частей и часть наших сумм. Вы говорите, что это не игра, но вы ошибаетесь. Это игра добра со злом. Белого с черным. Некоторые люди – пешки, некоторые – короли.

– А кто вы? – спрашиваю я.

Он ненадолго задумывается.

– Когда-то я был пешкой, но дошел до противоположного края доски. Теперь я могу быть тем, кем хочу.

Он вздыхает и поднимается на ноги. Сеанс длится всего полчаса, но Бобби уже надоело общение со мной. Не надо было вообще начинать этот разговор. У Эдди Баррета сегодня будет чем заняться.

Я провожаю Бобби в приемную. Какая-то часть меня желает, чтобы он остался. Я хочу потрясти дерево и посмотреть, что с него упадет. Я хочу правды.

Бобби ждет у лифта. Двери открываются.

– Удачи.

Он поворачивается и смотрит на меня с любопытством.

– Мне не нужна удача. – Чуть заметный изгиб его губ создает подобие улыбки.

Вернувшись за стол, я смотрю на место, где сидел Бобби. Какой-то предмет на полу привлекает мое внимание. Это маленькая резная фигурка, похожая на шахматную. Подняв ее, я вижу, что это деревянный брелок для ключей, изображающий кита. Кольцо укреплено на его спине при помощи крошечного ушка. Такие вещички обычно встречаешь на детских ранцах и портфелях.

Наверное, фигурку уронил Бобби. Я еще могу его догнать, могу позвонить вниз в фойе и попросить охранника задержать его. Я смотрю на часы: десять минут пятого. Наверху началась встреча. Я не хочу здесь оставаться.

Внушительные размеры Бобби выделяют его из толпы. Он на голову выше всех, и прохожие словно расступаются перед ним. Идет дождь. Я засовываю руки в карманы пальто. Мои пальцы смыкаются вокруг гладкого деревянного кита.

Бобби направляется к станции метро на Оксфорд-серкус. Я надеюсь, что, держась поблизости, не потеряю его в лабиринте переходов. Не знаю, зачем я это делаю. Думаю, чтобы получить ответы на вопросы. Я хочу знать, где и с кем он живет.

Внезапно он исчезает. Я подавляю желание пуститься бегом и продолжаю двигаться с прежней скоростью. Проходя мимо винного магазина, вижу Бобби у прилавка. Миновав двойную дверь, я оказываюсь в бюро путешествий. Девушка в красной юбке, белой блузке и галстук улыбается мне.

– Чем могу помочь?

– Я просто смотрю.

– Хотите сбежать от зимы?

Я держу брошюру о Карибах.

– Да, именно.

Мимо окна проходит Бобби. Я протягиваю девушке брошюру.

– Можете взять ее с собой, – предлагает она.

– Может, в следующем году.

Бобби идет по тротуару в тридцати ярдах впереди меня. Он хорошо заметен в толпе. Из-за отсутствия талии его фигура производит странное впечатление. Он носит брюки с высоким поясом и туго затягивает их ремнем.

На ступеньках, ведущих к станции, толпа разбухает. У каждого автомата по продаже билетов стоит очередь. У Бобби есть билет. Через Оксфорд-серкус проходят три ветки – если я потеряю его сейчас, он может уехать по любой из них, в шести направлениях.

Я расталкиваю людей, не обращая внимания на их возмущение. Опершись на турникет, я перекидываю ноги через барьер. Теперь меня могут обвинить в безбилетном проезде. Эскалатор медленно ползет вниз. Ветер, поднимаемый движением поездов, приносит из туннелей затхлый воздух.

Бобби протискивается сквозь ожидающую толпу к концу платформы линии Бейкерлоо, северное направление. Я следую за ним,

вынужденный держаться поблизости. Я боюсь, что в любой момент он может обернуться и заметить меня. Четыре или пять школьников, чашки Петри с прыщами и перхотью в человеческом обличье, проталкиваются вдоль платформы, пихая друг друга и смеясь. Остальные пассажиры молча смотрят прямо перед собой.

Порыв ветра и нарастающий гул. Появляется поезд. Двери открываются. Я позволяю толпе внести меня в вагон. Бобби находится в поле моего зрения. Двери закрываются, поезд трогается и набирает скорость. Пахнет мокрой шерстью и застарелым потом.

Бобби выходит на Уорвик-авеню. Стемнело. Мимо пролетают черные кебы, шелест шин заглушает звук моторов. Станция находится всего в сотне ярдов от Гранд-Юнион-канала и, возможно, в двух милях от того места, где было обнаружено тело Кэтрин.

Вокруг становится все меньше людей, и мне приходится держаться на значительном расстоянии от Бобби. Теперь он напоминает тень, скользящую впереди. Я иду, опустив голову и подняв воротник. Проходя мимо бетономешалки, я спотыкаюсь и, потеряв равновесие, ступаю в лужу.

Мы идем по Бломфилд-роуд вдоль канала, потом Бобби переходит пешеходный мост в конце Формоза-стрит. При свете прожекторов видна англиканская церковь. Жидкий туман на свету кажется блестящим потоком. Бобби садится на скамейку и долго смотрит на церковь. Я прислоняюсь к стволу дерева; ноги немеют от холода.

Зачем он пришел сюда? Может, он живет поблизости? Тот, кто убил Кэтрин, хорошо знал канал, знал не по карте или отдельным визитам: он чувствовал себя здесь своим, это была его территория, ему было известно, где оставить тело, чтобы оно не оказалось найдено слишком быстро. Он не выделялся. Никто не принимал его за незнакомца.

Бобби не мог встречаться с Кэтрин в отеле. Если Руиз добросовестно поработал, он показал его фотографию персоналу и начальству. Бобби не из тех, кого легко забыть.

Кэтрин вышла из паба одна. Тот, с кем она собиралась встретиться, не пришел. Она остановилась у друзей в Шепердс-Буш. Идти отсюда далеко. Что она сделала? Стала ловить такси. Или, возможно, пошла к станции Вестборн-парк. Оттуда всего три остановки до Шепердс-Буш. Следуя к станции, она пересекла канал.

Через дорогу находится Лондонское транспортное депо. Постоянно подъезжают и отъезжают автобусы. Тот, кого она встретила, должен был поджидать ее на мосту. Надо было спросить Руиза, в какой части канала нашли ее дневник и мобильный.

Кэтрин была пять футов шесть дюймов ростом и сто тридцать четыре фунта весом. Действие хлороформа начинается через несколько минут, но человек комплекции Бобби без проблем справился бы с ней. Хотя, вероятно, она сопротивлялась и кричала. Кэтрин была не из тех, кто покорно подчиняется.

Но если я прав и он ее знал, ему, возможно, и не потребовался хлороформ – пока Кэтрин не осознала опасность и не попыталась сбежать.

Что случилось потом? Нести тело нелегко. Может, он тащил ее по берегу? Нет, ему нужно было заранее подготовленное укромное место. Квартира или дом? Соседи бывают любопытны. Вдоль канала располагаются с десятков заброшенных заводов. Рискнул ли он воспользоваться набережной? Под мостами иногда спят бездомные, а влюбленные парочки назначают на мостах свидания.

Тень узкой лодки движется мимо меня. Рокот мотора едва слышен. Единственный источник света на посудине, расположенный рядом с рулем, отбрасывает красные блики на лицо рулевого. Интересно. На ягодицах и волосах Кэтрин были обнаружены следы машинного масла и дизельного топлива.

Я выглядываю из-за дерева. Скамейка пуста. Проклятье! Куда делся Бобби? Виднеется лишь какая-то фигура, движущаяся вдоль церковной ограды. Я не уверен, что это он. Мысленно я уже бегу, но ноги запаздывают. В конце концов я падаю самым натуральным образом. Ничто не сломано. Пострадала только моя гордость.

Я неловко поднимаюсь и дохожу до угла церкви, где металлическая ограда поворачивает. Человек все еще на тропинке, но движется быстрее. Сомневаюсь, что смогу выдержать этот темп.

Что он делает? Он меня увидел? Я продолжаю путь медленной трусцой, периодически теряя его из виду. Сомнение подтачивает мою решимость. А что, если он остановится? Может, он поджидает меня. Шесть полос Вествея извиваются надо мной, поддерживаемые огромными бетонными колоннами. Мерцание фар слишком высоко, чтобы оно могло помочь мне.

Впереди я слышу всплеск и приглушенный крик. Кто-то барахтается в канале. По воде молотят руки. Я пускаюсь бегом. Под мостом неясное очертание человеческой фигуры. Здесь берега канала выше. Каменные стены черны и скользки.

Я пытаюсь скинуть пальто. Правая рука застревает в рукаве, и я трясу ею, пока не удастся ее высвободить.

– Сюда, сюда! – кричу я.

Он не слышит меня. Он не умеет плавать.

Я сбрасываю ботинки и прыгаю. Холод охватывает меня так внезапно, что я захлебываюсь холодной водой. Откашлявшись, плыву к нему. Я рядом с ним. Обхватываю его сзади рукой и тащу к берегу, держа его голову над водой. Я мягко говорю с ним, прося расслабиться. Мы найдем место, чтобы выбраться. Мокрая одежда тянет его вниз.

Мы отплываем от моста.

– Здесь вы можете достать до дна. Просто держитесь ближе к берегу. – Я карабкаюсь по каменной стене и тащу его за собой.

Это не Бобби. Какой-то бедняга, от которого пахнет пивом и рвотой, лежит у моих ног, кашляя и отплевываясь, все лицо заляпано соплями. Я ощупываю его голову, грудь и конечности на предмет травмы.

– Что случилось?

– Какой-то гад сбросил меня в канал! Я сплю себе спокойно, а в следующий момент уже лечу. – Он опирается на колени, сложившись пополам и раскачиваясь взад-вперед, как какая-нибудь водоросль. – Говорю вам, нет больше покоя.словно чертовы джунгли... А он что, взял мое одеяло? Если он взял мое одеяло, можете швырнуть меня обратно в канал.

Его одеяло все еще лежит под мостом на куче картонных коробок, имитирующих постель.

– А что с моими зубами?

– Не знаю.

Он чертыхается и сгребает свои вещи, ревниво прижимая их к груди. Я предлагаю вызвать «скорую» или полицию, но он отказывается. Все мое тело дрожит, и я чувствую себя так, словно глотаю кусочки льда.

Подобрав ботинки и пальто, я протягиваю ему сырую двадцатифунтовую банкноту и советую найти какое-нибудь место, где можно обсохнуть. Наверное, он купит себе бутылку и согреется изнутри. В ботинках хлюпает, когда я взбираюсь по лестнице на мост. Отель «Гранд Юнион» находится на углу.

Словно спохватившись, я перегибаюсь через перила и кричу ему:

– Как часто вы здесь спите?

Его голос доносится из-под каменной арки:

– Только когда «Ритц» переполнен.

– Вы видели лодку, причаленную под мостом?

– Не-а. Они причаливают дальше.

– А несколько недель назад?

– Я стараюсь не запоминать. Занимаюсь своим делом.

Больше он ничего не говорит. У меня нет права давить на него. Элиза живет неподалеку. Раздумываю, не пойти ли к ней, и понимаю, что и так уже причинил ей достаточно неприятностей.

Через двадцать минут мне удастся поймать кеб. Водитель не хочет меня сажать, потому что я, по его словам, испорчу сиденье. Я предлагаю ему двадцатку сверху. Это только вода. Уверен, он видал и кое-что похуже.

Джока нет дома. Я так устал, что с трудом снимаю ботинки, а потом валюсь на кровать. Рано утром слышу, как в замок вставляют ключ. Женщина смеется пьяным смехом и скидывает туфли. Отпускает комментарии по поводу техники.

– Подожди, я покажу тебе, что храню в спальне, – говорит Джок, вызывая новые смешки.

Интересно, есть ли у него затычки для ушей?

Еще не рассвело, когда я укладываю вещи в спортивную сумку и оставляю записку на микроволновке. На улице уборочная машина чистит желоба. На глаза не попадается и самой маленькой бумажки.

Проезжая по городу, я постоянно поглядываю в заднее стекло. Дважды меняю кеб и останавливаюсь у двух банкоматов перед тем, как сесть в автобус на Юстон-роуд.

Я чувствую себя так, словно медленно отхожу от наркоза. В течение нескольких последних дней я позволял деталям ускользать.

Более того, я перестал доверять своему инстинкту.

Я не расскажу Руизу об Элизе. Не стоит подвергать ее допросу с пристрастием в свидетельской ложе. Я хочу по возможности освободить ее от этого испытания. И когда все кончится, если никто не узнает о ней, я, вероятно, смогу продолжить карьеру.

Бобби Моран имеет какое-то отношение к смерти Кэтрин Макбрайд. Я в этом убежден. Если полицейские не собираются изучить его под микроскопом, тогда это предстоит сделать мне. Людям обычно нужен мотив для того, чтобы совершить убийство, но не для того, чтобы остаться на свободе. Я не допущу, чтобы меня посадили в тюрьму. Я не расстанусь со своей семьей.

На Юстон-стейшн я провожу быструю инвентаризацию. Кроме смены одежды, у меня есть заметки о Бобби Моране, автобиография Кэтрин Макбрайд, мобильный телефон и тысяча фунтов наличными. К сожалению, я забыл захватить фотографию Чарли и Джулианы.

Я плачу наличными за билет. У меня еще остается пятнадцать минут, и я успеваю купить зубную щетку, зарядное устройство для телефона и одно из тех путевых полотенец, которые похожи на автомобильную замшу.

– У вас есть зонтики? – с надеждой спрашиваю я. Продавец смотрит на меня так, словно я попросил ружье.

Держа в руках стаканчик с кофе, я сажусь в поезд и занимаю свободное место лицом по направлению движения. Ставлю сумку рядом с собой и кладу сверху пальто.

Пустая платформа скользит за окном, и следом за ней исчезают северные пригороды Лондона. Поезд покачивается на осях, поворачивая на высокой скорости. Мы проносимся мимо маленьких заброшенных станций, на которых поезда, кажется, уже не останавливаются. Пара машин стоит на долговременных парковках столь нарочитого вида, что невольно ожидаешь увидеть шланг, отходящий от выхлопной трубы, и мертвеца, упавшего на руль.

Моя голова полнится вопросами. Кэтрин хотела устроиться ко мне секретарем. Она дважды позвонила Мине, потом села на поезд и прибыла в Лондон на день раньше.

Почему она звонила в мой кабинет тем вечером? Кто ответил на звонок? Или она передумала и решила не преподнести мне сюрприз?

Может, хотела отменить собеседование? Не исключено, что она была на взводе и просто искала компанию, чтобы выпить. Или же хотела извиниться за то, что принесла мне столько неприятностей.

Все это лишь предположения. В то же время они подтверждаются различными деталями. Можно идти дальше. Все фрагменты складываются в единую картину, и только Бобби не вписывается в нее.

Его пальто пахло хлороформом. На манжетах были следы машинного масла. В заключении о вскрытии тела Кэтрин упоминалось машинное масло. «Все дело в нефти», – сказал мне Бобби. Знал ли он, что она нанесла себе двадцать один удар? Вел ли меня к тому месту, где она исчезла?

Возможно, он использует меня, чтобы обеспечить себе заключение о невменяемости. Притворившись сумасшедшим, он может избежать пожизненного приговора. Вместо этого его пошлют в закрытую больницу вроде Бродмора. Потом он сможет удивить тюремного психолога тем, насколько хорошо его случай поддается лечению. И через пять лет окажется на свободе.

Я все больше становлюсь похож на него: вижу заговоры за простыми совпадениями. Что бы ни стояло за всем этим, не следует недооценивать Бобби. Он играл со мной. Не знаю зачем.

Я должен от чего-то оттолкнуться в своих поисках. Для начала сгодится Ливерпуль. Я вытаскиваю папку Бобби Морана и начинаю читать. Открыв чистый блокнот, отмечаю самое важное: название начальной школы, номер автобусного маршрута, на котором работал его отец, клуб, куда ходили его родители...

Все это может быть очередной выдумкой Бобби. Но что-то подсказывает мне, что это не так. Думаю, он изменил некоторые имена и названия, но не все. События и эмоции, которые он описывал, были правдой. Я должен отыскать ниточки этой правды и дойти по ним до центра паутины.

Часы на Лайм-стрит-стейшн светятся белым, их прямые черные стрелки показывают одиннадцать. Я быстро иду через главный вестибюль мимо кофейни и закрытого туалета. Табор девочек-подростков общается через клубы сигаретного дыма с громкостью в 110 децибел.

Здесь, должно быть, градусов на пять холоднее, чем в Лондоне, ветер дует прямо с Ирландского моря. Я не удивился бы, увидев айсберг на горизонте. Пересекаю Сент-Джордж-хилл. Ветер треплет плакат с объявлением о последней ретроспективе «Битлз».

Я миную большие гостиницы на Лайм-стрит и ищу на боковых улочках что-нибудь поскромнее. Недалеко от университета я нахожу «Альбион». В холле лежит вытертый ковер, иракская семья примостилась на площадке второго этажа. Маленькие дети застенчиво смотрят на меня, прячась за юбками матери. Мужчин нигде не видно.

Мой номер на третьем этаже. В нем достаточно места для двуспальной кровати и гардероба, дверцы которого приоткрыты проволокой. В умывальнике под краном ржавое пятно в форме слезы. Занавески закрываются только наполовину, и подоконник испещрен ожогами от сигарет.

В моей жизни было очень мало гостиничных номеров. Я благодарен судьбе за это. Почему-то одиночество и раскаяние кажутся мне частью их обстановки.

Я нажимаю на кнопку мобильного телефона и слышу сигналы автоматически набираемого номера. На автоответчике голос Джулианы. Я знаю, что она слушает. Я словно вижу это. Предпринимаю робкую попытку извиниться и прошу ее взять трубку. Говорю ей, что это важно.

Я жду... жду...

Она берет трубку. Мое сердце подпрыгивает.

– Что такого важного? – Ее голос звучит резко.

– Я хочу с тобой поговорить.

– Я не готова говорить.

– Ты не даешь мне возможности объясниться.

– Я дала тебе такую возможность позапрошлой ночью, Джо. Я спросила тебя, почему ты переспал со шлюхой, а ты сказал мне, что с ней тебе было легче поговорить, чем со мной.... – Ее голос прерывается. – Думаю, я оказалась паршивой женой.

– У тебя все спланировано. Твоя жизнь идет как по часам: дом, работа, Чарли, школа – ты никогда не сбиваешься с ритма. Я единственная вещь, которая не работает... неправильно работает... больше не работает....

– И в этом виновата я?

– Нет, я не это имею в виду.

– Что ж, извини, что я так стараюсь. Я думала, что строю для нас уютный дом. Я думала, что мы счастливы. Тебе хорошо, Джо, у тебя есть карьера и пациенты, которые думают, что ты можешь ходить по воде. А у меня есть только мы. Я от всего отказалась ради этого, и мне это нравилось. Я любила тебя. А ты взял и отравил колодец.

– Но неужели ты не понимаешь: то, что со мной случилось, разрушит все...

– Нет, не смей перекладывать вину на свою болезнь. Ты сделал выбор сам.

– Это была только одна ночь, – говорю я жалобно.

– Нет! Это была *другая женщина*. Ты целовал ее так же, как меня. Ты спал с ней! Как ты мог?

Даже всхлипывая и злясь, она остается категоричной. Я эгоистичный, незрелый, лживый и жестокий. Я пытаюсь выбрать эпитеты, которые не подходят ко мне. Не удастся.

– Я ошибся, – слабо говорю я. – Прости.

– Этого недостаточно, Джо. Ты разбил мое сердце. Знаешь, сколько мне надо ждать результатов анализа на СПИД? Три месяца!

– Но Элиза не больна!

– Откуда ты знаешь? Ты что, спросил ее об этом, прежде чем решил не пользоваться презервативом? Я вешаю трубку.

– Подожди! Пожалуйста! Как там Чарли?

– Прекрасно.

– Что ты ей сказала?

– Что ты мерзкий изменник и слабый, жалкий, эгоцентричный калека.

– Ты этого не сказала.

– Нет, но хотелось.

– Я на несколько дней уеду из города. Полиция может спросить тебя, где я нахожусь. Вот почему тебе лучше ничего не знать об этом.

Она не отвечает.

– Ты можешь всегда найти меня по мобильному. Пожалуйста, звони. Обними от меня Чарли. Я пойду. Я люблю тебя.

Я быстро вешаю трубку, боясь услышать ее молчание.

Заперев дверь, я кладу тяжелый ключ глубоко в карман. Спускаясь по лестнице, дважды пытаюсь нащупать его. Вместо этого натыкаюсь на кита Бобби. Провожу пальцами по его поверхности.

Снаружи ледяной ветер толкает меня по Ганновер-стрит в Альберт-докс. Ливерпуль напоминает мне сумку старой женщины, набитую безделушками, обрывками, фантиками и недоеденными конфетами. Эдвардианские пабы теснятся рядом с монументальными соборами и деловыми кварталами в стиле ар деко, которые не могут решить, на каком континенте им положено находиться. Некоторые более современные здания так быстро одряхлели, что смотрятся как заброшенные игорные заведения, годные только на снос.

Хлопковая Биржа на Олд-Холл-стрит – величественное напоминание о тех временах, когда Ливерпуль был центром международной хлопковой торговли, снабжающим всю легкую промышленность Ланкашира. Когда здание биржи открылось в 1906 году, в нем были телефоны, электрические лифты, электронные часы и прямая телефонная связь с нью-йоркскими фьючерсными рынками. Теперь здесь хранятся, помимо прочего, тридцать миллионов записей о рождениях, смертях и браках, имевших место в Ланкашире.

Странная смесь людей толпится у каталогов: класс, пришедший на экскурсию, американские туристы, ищущие дальних родственников, почтенные дамы в твидовых юбках, исследователи завещаний и охотники за наследством.

У меня есть цель. Она кажется вполне достижимой. Я тоже встаю в очередь к томам с цветными указателями, где надеюсь отыскать запись о появлении Бобби на свет. С ней я могу получить свидетельство о рождении, которое, в свою очередь, даст мне имена его родителей, сведения о их местожительстве и роде занятий.

Книги сложены на металлических полках, на них отмечены месяц и год. Тома 1970–1980 годов разделены по кварталам, фамилии следуют в алфавитном порядке. Если Бобби сказал правду о своем возрасте, мне придется просмотреть только четыре тома.

Год 1980. Я не нахожу записи ни о Бобби Моране, ни о Роберте Моране. Принимаюсь просматривать предыдущие и последующие года, доходя до 1974-го и 1984-го. Разочаровавшись, пролистываю свои записи. Интересно, не изменил ли Бобби своего имени. Если так, то мне не повезло.

У справочной стойки прошу телефонную книгу. Не могу сказать, очаровываю я людей своей улыбкой или пугаю. Маска Паркинсона непредсказуема.

Бобби солгал о том, в каком месте находилась его школа, но, возможно, дал ее настоящее название.

В Ливерпуле две школы Сент-Мери, только одна из них начальная. Я выписываю номер телефона и отыскиваю в фойе уголок, откуда можно позвонить. Секретарша говорит с ливерпульским акцентом, словно персонаж фильма Кена Лоуча.

– Мы закрыты на рождественские каникулы, – сообщает она. – Меня вообще не должно здесь быть. Я просто убирала в кабинете.

Я выдумываю историю о больном друге, который хочет разыскать своих старых приятелей. Мне нужны классные журналы или фотографии середины восьмидесятых. Она полагает, что в библиотеке целый шкаф таких бумаг. Мне стоит позвонить в новом году.

– Я не могу долго ждать. Мой друг очень болен. Сейчас ведь Рождество.

– Может, я смогу проверить, – говорит она сочувственно. – Какой год вас интересует?

– Я не знаю точно.

– Сколько лет вашему другу?

– Двадцать два.

– Как его зовут?

– Я думаю, у него раньше было другое имя. Вот почему мне нужны фотографии. Я его узнаю.

Она внезапно теряет ко мне доверие. Ее подозрения усиливаются, когда я предлагаю зайти в школу. Она хочет спросить разрешения у

директрисы. А еще лучше мне было бы написать запрос и послать его по почте.

– У меня нет времени. Мой друг...

– Извините.

– Подождите! Пожалуйста! Его имя Бобби Моран. Он носил очки. Пошел в школу где-то в 1985 году.

Она колеблется. После продолжительной паузы предлагает мне перезвонить через двадцать минут.

Я выхожу на улицу подышать свежим воздухом. В начале аллеи стоит человек с почерневшей тележкой. Он периодически выкрикивает: «Жааареныеее каштаааныыы», – и это звучит жалобно, как крик чайки. Он вручает мне коричневый бумажный пакет, и я сажусь на ступеньки, сдирая почерневшую кожицу с теплых каштанов.

Одно из самых приятных моих воспоминаний о Ливерпуле связано с едой. Картошка с рыбными палочками, карри по вечерам в пятницу. Рулеты с вареньем, хлебный пудинг, взбитая патока, сосиски с пюре... Мне также нравилось причудливое сборище людей: католиков, протестантов, мусульман; ирландцев, африканцев, китайцев – жуликов, отчаянно гордых и в равной степени не смущавшихся выразить светлые чувства и вытереть нос собственным рукавом.

На этот раз секретарша уже не так осторожна. В ней проснулось любопытство. Мои поиски стали ее поисками.

– Извините, но я не смогла найти Бобби Морана. Вы уверены, что ищете не Бобби Моргана? Он учился у нас с тысяча девятьсот восемьдесят пятого по тысяча девятьсот восемьдесят восьмой год. Ушел из школы в третьем классе.

– Почему?

– Не могу сказать точно. – В ее голосе слышится неуверенность. – Я тогда здесь не работала. Семейная драма? – Но она может кое у кого спросить. У учителей. Она записывает название моей гостиницы и обещает оставить сообщение.

Вернувшись к разноцветным томам, я вновь просматриваю имена. С чего бы Бобби изменять фамилию лишь на одну букву? Он порывал с прошлым или пытался ускользнуть от него?

В третьем томе обнаруживаю запись о Роберте Джоне Моргане. Родился 24 сентября 1980 года в больнице при Ливерпульском

университете. Мать: Бриджет Элси Морган (в девичестве Ахерн). Отец: Леонард Альберт Эдвард Морган (моряк с торгового судна).

Я все еще не до конца уверен, что это Бобби, но вероятность велика. Я заполняю розовый бланк требования, чтобы заказать копию полного свидетельства о рождении. У чиновника за стеклянной перегородкой агрессивный подбородок и раздувающиеся ноздри. Он бросает мне бланк обратно.

– Вы не указали причину требования.

– Я восстанавливаю семейную историю.

– Домашний адрес?

– Я заберу его отсюда.

Даже не взглянув на меня, он шмякает на бланк печать величиной с кулак.

– Приходите в новом году. Мы с понедельника закрываемся на праздники.

– Я не могу так долго ждать.

Он пожимает плечами:

– Зайдите в понедельник. До обеда мы еще работаем.

Через десять минут я покидаю здание биржи с квитанцией в кармане. Три дня. Я не могу так долго ждать. Переходя улицу, я составляю новый план.

Здание, где располагается редакция «Эха Ливерпуля», похоже на зеркальный кубик Рубика. Фойе заполнено пенсионерами, приехавшими на дневную экскурсию. У каждого сумка-сувенир с приклеенным именем.

Молодая секретарша сидит на высоком стуле за темным деревянным столом. Она маленькая и бледная с желтоватыми глазами. Дверь-вертушка слева отделяет нас от лифта.

– Меня зовут профессор Джозеф О'Лафлин, и я надеялся воспользоваться вашей библиотекой.

– Извините, но мы не разрешаем пользоваться нашей библиотекой. – Рядом с ней на стойке расположился большой букет цветов.

– Они прекрасны.

– К сожалению, не мои. Все достаются редактору отдела моды...

– Я уверен, вы получаете больше, чем отдаете.

Она понимает, что я заигрываю с ней, но все равно смеется.

– А что, если я захочу заказать фотографию? – спрашиваю я.

– Заполните этот бланк.

– А если я не знаю ни даты, ни имени фотографа?

Она вздыхает:

– Вам ведь нужна не фотография, не так ли?

Я качаю головой.

– Я ищу заметку о смерти.

– Как давно?

– Около пятнадцати лет назад.

Она просит меня подождать и звонит наверх. Потом спрашивает, нет ли у меня с собой чего-нибудь вроде пропуска или визитной карточки. Я протягиваю ей свое удостоверение, и она кладет его в пластиковый кармашек, который прикалывает мне к рубашке.

– Библиотекарь знает о вашем приходе. Если кто-нибудь спросит вас, что вы делаете, скажите, что проводите расследование для медицинского издания.

Я поднимаюсь на лифте на пятый этаж и иду по коридору. Порой мне попадаются на глаза большие редакционные комнаты за открытыми дверями. Я опускаю голову и иду с озабоченным видом. Нога часто немеет и двигается, словно загипсованная.

Библиотекарше за шестьдесят, у нее крашенные волосы и очки, болтающиеся на цепочке. На большом пальце правой руки – резиновый наперсток для переворачивания страниц. Ее стол окружен десятками кактусов.

Она замечает, что я смотрю на них.

– У нас здесь слишком сухо, чтобы могло расти что-то другое, – объясняет она. – Сырость разъедает типографскую краску.

Длинные столы завалены газетами. Какие-то люди вырезают статьи и складывают их аккуратными стопками. Другие читают и подчеркивают ключевые имена и фразы. Третьи, ориентируясь по этим пометкам, сортируют статьи по папкам.

– У нас есть переплеты стопятидесятилетней давности, – говорит библиотекарьша. – Вырезки так долго не сохраняются. Со временем они рвутся по краям и распадаются в пыль.

– Я думал, что сейчас все в компьютерах, – говорю я.

– Только за последние десять лет. Сканировать все подшивки слишком дорого. Их микрофильмируют.

Она включает компьютер и спрашивает, что мне нужно.

– Я ищу объявление о смерти, опубликованное около тысяча девятьсот восемьдесят восьмого года. Леонард Альберт Эдвард Морган....

– Назван в честь старого короля.

– Думаю, он был кондуктором в автобусе. Возможно, жил или работал в районе Хейуорт-стрит.

– В Эвертоне, – говорит она, щелкая по клавишам двумя пальцами, – большинство местных автобусов начинают или заканчивают маршрут в Пир-хед или на Парадайз-стрит.

Я отмечаю это на листочке, стараясь писать большими ровными буквами. Это напоминает мне о подготовительном классе: я вывожу большие буквы на дешевой бумаге карандашом, который едва не упирается мне в плечо.

Библиотекарша проводит меня по лабиринту стеллажей, тянущихся от пола до разбрызгивателей под потолком. Наконец мы подходим к деревянному письменному столу, изрезанному лезвиями. В центре стоит проектор для просмотра микрофильмов. Она нажимает на выключатель, зажигает лампочку, и на экране появляется светлый квадрат.

Она выдает мне шесть коробок пленки за период с января по июнь 1988 года. Намотав первую пленку на держатели, она быстро меняет кадры, пробегая по страницам и интуитивно угадывая, где остановиться. Она указывает на раздел объявлений о рождениях и смертях, и я записываю номер страницы, надеясь, что в каждой газете она будет примерно той же.

Я веду пальцем вниз по списку имен в алфавитном порядке до буквы «М». Убедившись, что здесь нет Моргана, я перехожу к следующему дню... потом к следующему. Фокус постоянно приходится подстраивать. Иной раз надо двигать пленку туда-сюда, чтобы колонки совпали с экраном.

Покончив с первой партией, я принимаю от библиотекарши следующие шесть коробок. Газеты в период Рождества толще, и на их просмотр требуется больше времени. Когда я подхожу к концу ноября 1988 года, мое волнение возрастает. Что, если мои поиски напрасны? У

меня немеют плечи и ноет спина из-за неудобной позы, которую я вынужден принимать. Глаза болят.

Пленка фиксирует очередной день. Я нахожу объявления о смерти. Несколько секунд тупо смотрю на страницу, а потом понимаю, что увидел. Вот оно! Я прикладываю палец к имени, словно боясь, что оно исчезнет.

Ленни А. Морган, 55 лет от роду, умер в субботу, 10 декабря, от ожогов, полученных при взрыве в инженерной мастерской Карнеги. Мистер Морган, известный кондуктор депо Грин-лейн в Стенли, был в прошлом моряком торгового судна и активным членом профсоюза. У него остались две сестры, Руфь и Луиза, и сыновья, Дэвид, 19 лет, и Роберт, 8 лет. Отпевание состоится в час пополудни во вторник в церкви Святого Джеймса в Стенли. Семья просит всех желающих переводить деньги в пользу Социалистической рабочей партии.

Я прокручиваю пленку на неделю назад. О таком происшествии должны были сообщить. На пятой странице, внизу, нахожу колонку новостей. Заголовок гласит: «Рабочий погиб при взрыве в депо».

Ливерпульский кондуктор автобуса погиб при взрыве в инженерной мастерской Карнеги в субботу утром. Пятидесятипятилетний Пенни Морган получил ожог восьмидесяти процентов тела после того, как сварочное оборудование воспламенило газовые пары. Взрыв и пожар нанесли мастерской существенный ущерб, уничтожив два автобуса.

Мистера Моргана отвезли в больницу Рэтбон, где он скончался в субботу вечером, не приходя в сознание. Коронер Ливерпуля начал расследование причин взрыва.

Вчера друзья и коллеги мистера Моргана отдали ему дань уважения, описав погибшего как любимца пассажиров, которым нравились его чудачества. «Ленни надевал шапку Санта-Клауса и пел пассажирам рождественские гимны», – говорит старший мастер Берт Макмюллен.

В три часа я скручиваю пленку, упаковываю ее в коробочки и благодарю библиотекаря за помощь. Она не спрашивает, нашел ли я, что хотел. Она слишком занята попытками приклеить корешок к подшивке, которую кто-то уронил.

Просмотрев газеты еще за два месяца, я тем не менее не обнаружил других упоминаний о несчастном случае. Вероятно, было дознание. В лифте просматриваю свои записи. Что я ищу? Какую-нибудь связь с Кэтрин. Я не знаю, где она выросла, но ее дедушка работал в Ливерпуле. Инстинкт подсказывает мне, что они с Бобби познакомились под опекой: в детском доме или психиатрической клинике.

Бобби не говорил, что у него есть брат. Учитывая, что Бриджет родила Бобби в двадцать два года, Дэвида либо усыновили, либо, что более вероятно, он был ребенком от первого брака Ленни.

У Ленни было две сестры, но я знаю только их девичью фамилию, так что найти их будет трудно. Даже если они не вышли замуж, сколько Морганов окажется в телефонном справочнике Ливерпуля? Я не хочу идти этим путем.

Толкая вращающуюся дверь, я так задумываюсь, что дважды прохожу по кругу, прежде чем оказываюсь снаружи. Осторожно спустившись по ступенькам, я ориентируюсь на местности и направляюсь к Лайм-стрит-стейшн.

Должен признаться, я получаю удовольствие от своих поисков. У меня есть мотив. У меня есть миссия. Поздние покупатели высыпают на улицу и выстраиваются в очереди на автобусных остановках. Я чувствую искушение сесть на 96-й номер и посмотреть, куда он меня привезет. Но полагаться на удачу – удел тех, кто любит неожиданности. Я же ловлю кеб и прошу отвезти меня в автобусное депо Грин-лейн.

В одной почерневшей руке механик держит карбюратор, а другой показывает мне дорогу. Паб называется «Отель Трамвай», и Берт Макмюллен обычно сидит у барной стойки.

– Как я его узнаю?

Механик усмехается и возвращается к мотору, ныряя во внутренности автобуса.

Я довольно легко отыскиваю «Трамвай». На грифельной доске снаружи кто-то написал: «Пиво дает тебе возможность никогда не говорить: „Я хочу пить“». Толкнув дверь, я вхожу в плохо освещенную комнату с грязным полом и нелакированной деревянной мебелью. Красные лампочки над баром окрашивают помещение в розоватые тона, словно это бордель на Диком Западе. Стены украшают черно-белые фотографии трамваев и старинных автобусов вперемежку с плакатами современных исполнителей.

Я не спеша оглядываюсь и замечаю восемь человек, включая несколько подростков, играющих в пул в задней нише рядом с туалетом. Я стою рядом с пивными кранами, ожидая, когда меня обслужит бармен, который пока не удосужился оторваться от «Рейсинг пост».

Берт Макмюллен расположился у дальнего конца стойки. Его мятая твидовая куртка заплата на локтях и украшена всевозможными значками и булавками с изображениями автобусов. В одной руке он держит сигарету, а в другой – пустой пинтовый стакан. Он ощупывает стакан пальцами, словно ища какую-то тайную надпись, выгравированную на боку.

Берт огрызается на меня:

– На кого это ты пялишься? – Кажется, его густые усы растут прямо из носа; и капельки пива и пены повисли на концах черных и седых волос.

– Извините, я не хотел быть навязчивым. – Я предлагаю купить ему еще пинту. Он поворачивается в мою сторону и изучает меня. Его глаза, словно водянистые стеклянные яйца, останавливаются на моих ботинках.

– Сколько стоят эти ботинки?

– Не помню.

– Примерно.

Я пожимаю плечами:

– Сто фунтов.

Он с отворачиванием качает головой:

– Я бы не дал за них ни дерьма. Не успеешь пройти в этих хреновинах и двадцати миль, как они развалятся в хлам. – Все еще глядя на ботинки, он машет рукой бармену: – Эй, Фил, глянь-ка на эти ботинки.

Фил перегибается через стойку и пялится на мои ноги.

– Как вы их называете?

– Лоферы, – отвечаю я осторожно.

– Иди ты! – Оба смотрят друг на друга с недоверием. – Зачем носить ботинки с таким названием?<sup>[5]</sup> – говорит Берт. – У тебя что, мозгов нет?

– Они итальянские, – отвечаю я, словно это меняет дело.

– Итальянские? А чем плохи английские? Ты что, ниггер?

– Нет.

– А чего носишь ниггерские ботинки? – Берт придвигается ко мне.

Я чувствую запах печеных бобов. – Ты что, из господ в пиджаках?

– Что это значит?

– Никогда не снимаешь пиджака и не закатываешь рукава.

– Я работаю достаточно.

– Ты голосовал за лейбористов?

– Не думаю, что это ваше дело.

– Ты веришь в Деву Марию?

– Я агностик.

– Аг... что, черт возьми?

– Агностик.

– Боже правый! Ладно, последний шанс. Ты болеешь за великий «Ливерпуль»?

– Нет.

Он с отворачиванием вздыхает.

– Проваливай домой, твоя мамочка уже приготовила тебе сладкое.

Я смотрю в пространство между Бертом и барменом. С ливерпульцами есть одна проблема. Никогда не поймешь, шутят они

или говорят серьезно, пока тебе в лицо не полетит стакан.

Берт подмигивает своему приятелю:

– Пусть купит мне выпить, но нечего ему тут расслаживаться. Пусть проваливает через пять минут.

Фил широко улыбается мне. Его уши увешаны серебряными кольцами и подвесками.

Столы в пабе составлены у стен, в центре оставлена площадка для танцев. Подростки все еще играют в пул. Единственная девушка среди них – явно несовершеннолетняя. Она одета в облегающие джинсы и топ, открывающий ее плоскую грудь. Мальчишки пытаются произвести на нее впечатление, но сразу видно, кто ее парень. Перекачанный на тренажерах, он похож на гнойный нарыв, который вот-вот прорвет.

Берт смотрит на пузырьки, поднимающиеся на поверхность его «Гиннеса». Проходят минуты. Я чувствую, как становлюсь все меньше и меньше. В конце концов он подносит стакан к губам, и его кадык начинает ходить вверх-вниз, когда он глотает.

– Я хотел спросить вас о Ленни Моргане. Я справлялся в депо. Мне сказали, что вы дружили.

Он не реагирует.

Я продолжаю попытки:

– Я знаю, что он умер при пожаре. Знаю, что вы с ним работали. Я просто хочу выяснить, что произошло.

Берт зажигает сигарету.

– Не понимаю, какое тебе до этого дело.

– Я психолог. У сына Ленни неприятности. Я пытаюсь помочь. – Услышав свои слова, я ощущаю укор совести. Разве я это собираюсь сделать? Помочь ему?

– Как его зовут?

– Бобби.

– Я помню этого пацана. Ленни приводил его в депо на праздники. Парень забирался повыше и подавал сигнал, чтобы водители выезжали. И что он натворил?

– Избил женщину. Ему скоро вынесут приговор.

Берт сардонически ухмыляется.

– Это случается. Спросите мою старуху. Я пару раз ей врезал, но она колотит меня посильнее. Наутро все забывается.

– Эта женщина сильно пострадала. Бобби вытащил ее из кеба и бил посреди улицы до потери сознания.

– Он с ней спал?

– Нет. Он ее не знал.

– И на чьей ты стороне?

– Я пытаюсь оценить его состояние.

– То есть ты хочешь, чтобы его заперли?

– Я хочу ему помочь.

Берт фыркает. Свет фар снаружи проплывает по стенам.

– Мне это все по барабану, сынок, но не понимаю, при чем тут Ленни. Он умер четырнадцать лет назад.

– Потеря отца могла стать для него большим ударом. Полагаю, это поможет кое-что объяснить.

Берт задумывается над моими словами. Я знаю, что он выбирает между голосом своих предрассудков и инстинктом. Ему не нравятся мои ботинки. Не нравится моя одежда. Ему не нравятся чужаки. Он готов зарычать и наброситься на меня, но ему нужен достаточный повод. Еще одна пинта «Гиннеса» решает дело.

– Знаешь, что я делаю каждое утро? – спрашивает Берт.

Я качаю головой.

– Час лежу в кровати, и моя спина так болит, что я даже не могу дотянуться до курева. Я смотрю в потолок и раздумываю, что буду сегодня делать. То же, что и всегда: встану, потащусь в ванную, потом в кухню, а после завтрака приплечусь сюда и сяду на эту табуретку. Знаешь, почему?

Я снова качаю головой:

– Потому что я открыл секрет мести. Переживи мерзавцев. Спляши на их могилах. Возьми Мегги Тэтчер. Она погубила рабочий класс в этой стране. Закрыла заводы, шахты и доки. Но теперь она где-то ржавеет – что твои корабли. Недавно у нее был удар. Неважно, эсминец ты или шлюпка, соль до тебя все равно доберется. И когда эта стерва сохнет, я плюну на ее могилу.

Он осушает свой стакан, словно смывая изо рта дурной вкус. Я киваю бармену. Он наливает следующий.

– Бобби был похож на своего отца?

– Не-а. Паренек был похож на большой пудинг. В очках. Он обожал Ленни, таскался за ним, как щенок, бегал с поручениями и

приносил чай. Когда Ленни приводил его сюда, пацан сидел снаружи и пил лимонад, пока Ленни пропускал пару пинт. Потом они ехали домой на велосипеде.

Берт воодушевляется:

– Ленни был моряком. У него все руки были в наколках. Он был не из болтунов, но уж если начинал говорить, то часами мог рассказывать истории о каждой из этих наколок. Ленни всем нравился. Люди произносили его имя с улыбкой. Он был таким добрым парнем. Иногда другие этим пользовались...

– Что вы имеете в виду?

– Возьмем его жену. Не помню ее имени. Она была какой-то ирландской продавщицей-католичкой с полными бедрами и чесоткой в одном месте. Я слышал, как люди болтали, что Ленни переспал с ней только раз. Он сам не рассказывал, был слишком большим джентльменом. Она залетает и говорит Ленни, что ребенок от него. Любой другой засомневался бы, но Ленни сразу же женится на ней. Покупает дом, истратив все деньги, которые накопил за время плавания. Мы все знали, что за штучка была его жена: настоящая Энни-со-всеми. Половина депо, наверное, трахалась с ней. Мы прозвали ее «номер двадцать два» – самый наш оживленный маршрут.

Берт грустно смотрит на меня, стряхивает пепел с рукава. Он объясняет, как Ленни начал работать в гараже дизельным механиком, но потом перешел на маршрут с сокращением зарплаты. Пассажирам нравились его забавные шляпы и импровизированные песни. Когда «Ливерпуль» выиграл у мадридского «Реала» в финале кубка в 1981 году, он покрасил волосы в красный цвет и увешал автобус гирляндами из туалетной бумаги.

По словам Берта, Ленни знал о поведении своей жены. Она щеголяла своими изменами: надевала мини-юбки и высокие каблуки. Каждый вечер танцевала в зале «Империя» и Грэфтоне.

Без предупреждения Берт взмахивает рукой, словно хочет кого-то ударить. Его лицо искажается от боли.

– Он был слишком мягким: мягкое сердце, мягкий нрав. Если бы с неба полился суп, Ленни так и стоял бы с ложкой в руке. Некоторые женщины заслуживают взбучки. Она забрала все: его сердце, его дом, его сына. Большинство мужчин убили бы ее. Большинство мужчин не такие, как Ленни. Она высосала его до капли. Высушила его душу. Она

тратила в месяц на сотню больше, чем он зарабатывал. Он работал в две смены, да еще и занимался хозяйством. Я слышал, как он умолял ее по телефону: «Милая, ты останешься сегодня дома?» Она просто смеялась над ним.

– А почему он не бросил ее?

Он пожимает плечами.

– Думаю, у него было затмение. Может, она угрожала, что заберет мальчика. Ленни не был слабаком. Однажды я видел, как он вышвырнул из автобуса троих хулиганов, пристававших к пассажирам. Он мог за себя постоять, Ленни. Он не мог противостоять только ей.

Берт замолкает. Лишь теперь я замечаю, как заполнился бар, как стало шумно. В углу устраивается музыкальная группа. Люди смотрят на меня, пытаюсь понять, что я здесь делаю. Нельзя сохранять инкогнито, когда так выделяешься.

Красные огни стали покачиваться, скрип деревянных половиц отдается эхом. Я стараюсь пить вровень с Бертом, стакан на стакан.

Я спрашиваю о несчастном случае. Берт объясняет, что иногда Ленни пользовался по выходным мастерской, чтобы конструировать свои приспособления. Босс закрывал на это глаза. Автобусы по выходным ходили, но в мастерской никого не было.

– Что ты знаешь о сварке? – спрашивает Берт.

– Немного.

Он отодвигает свой стакан и берет две подставки. Затем объясняет, как два куска металла соединяются при помощи концентрированной высокой температуры. Обычно температура создается двумя способами. Дуговой сварочный аппарат использует мощную электрическую дугу с низким напряжением и высокими токами, поднимающими температуру до 11 000 градусов по Фаренгейту. А еще есть кислородные сварочные аппараты, где ацетилен или природный газ смешивается с чистым кислородом и сжигается, создавая пламя, которое может прорезать металл.

– С таким оборудованием не шутят, – говорит Берт. – Но Ленни был одним из лучших сварщиков, которых я видел в жизни. Ребята говорили, что он мог сварить вместе два листа бумаги. Мы всегда соблюдали меры безопасности в мастерской. Все горючие вещества хранились в отдельном помещении. Бензин и все прочее находилось на расстоянии не менее тридцати пяти футов. Мы прикрывали сухой

материал и держали поблизости огнетушители. Я не знаю, что в тот день строил Ленни. Некоторые шутили, что ракету, на которой отправит свою бывшую жену в открытый космос. Взрыв перевернул восьмитонный автобус. Цистерна с ацетиленом пробила в крыше дыру. Ее нашли в ста ярдах. Ленни отбросило к дверям. Единственная часть его тела, которая не была опалена, – это грудь. Решили, что он лежал на животе, когда его поглотило пламя, потому что рубашка в этом месте была только чуть-чуть обожжена. Водители вытащили его наружу. Не знаю, как им это удалось... Такая жара и все дела. Помню, потом они говорили, что ботинки Ленни дымились, а кожа начала трескаться. Он был еще жив, но не мог говорить. У него не было губ. Я рад, что не видел этого. Мне бы до сих пор снились кошмары. – Берт ставит стакан на стол, и его грудь поднимается в коротком вздохе.

– Значит, это был несчастный случай?

– Сначала так и показалось. Все решили, что искра от сварки воспламенила цистерну с ацетиленом. А может, в шланге была дырка или какая другая неисправность. Либо газ скопился в цистерне, которую он сваривал.

– Что вы имеете в виду, говоря «сначала»?

– Когда с Ленни стащили рубашку, то обнаружили на его груди надпись. Говорят, буквы были идеально ровными, но я в это не верю: он же писал справа налево и снизу вверх. Сварочным аппаратом он выжег у себя на коже слово «ПРОСТИ». Говорю же, он был не из болтунов.

Не помню, как вышел из «Трамвая». После восьмой пинты я сбился со счета. Холодный воздух оглушает меня, и я оказываюсь на четвереньках, оставляя содержимое желудка на разбитом замусоренном булыжнике пустого квартала.

Кажется, это крытая парковка при пабе. Кантри-бэнд внутри все еще играет. Они перепевают песню Вилли Нельсона о матерях, не позволяющих своим детям становиться ковбоями.

Когда я пытаюсь подняться, меня толкают сзади, и я падаю в маслянистую лужу. Четверо подростков из паба стоят надо мной.

– Деньги есть? – спрашивает девочка.

– Отвалите.

Удар нацелен мне в голову, но я уклоняюсь. Второй приходится в живот. Внутренности сжимаются, и меня снова тошнит. Я хватаю ртом воздух и пытаюсь собраться с мыслями.

– Бог мой, Баз, ты же говорил, что никого не тронешь! – говорит девочка.

– Заткнись, дура. Не называй имен.

– Пошел ты!

– Прекратите, вы двое, – вмешивается еще один, Оззи, левша, пивший ром с кока-колой.

– Не лезь, тупица! – Баз смотрит на него сверху вниз.

Кто-то вытаскивает из моего кармана кошелек.

– Никаких карточек, только наличные, – говорит Баз. Он здесь старший – ему уже за двадцать, на шее вытатуирована свастика. Ухватив за пальто на груди, он легко поднимает меня и придвигает мое лицо к своему. Я чувствую запах пива, орехов и сигарет.

– Послушай-ка, денежный мешок! Тебя сюда не приглашали.

Меня толкают, и я ударяюсь о забор, поверх которого тянется колючая проволока. Баз подходит ко мне вплотную. Он дюйма на три ниже меня и плотный, как бочка. В его руке поблескивает нож.

– Мне нужен кошелек. Если отдадите его, я не буду на вас заявлять, – говорю я.

Он смеется и передразнивает меня. Неужели у меня действительно такой испуганный голос?

– Вы шли за мной из паба. Я видел, как вы играли в пул. Вы проиграли последнюю партию...

Девочка поправляет съехавшие очки. Ее ногти обкусаны до мяса.

– Что он говорит, Баз?

– Заткнись! Не называй меня по имени, черт тебя дери! – Он собирается оттолкнуть ее, но она бросает на него гневный взгляд. Молчание затягивается. Я больше не чувствую опьянения.

Сосредоточиваюсь на девочке:

– Надо было доверять своим инстинктам, Денни.

Она смотрит на меня большими глазами.

– Откуда вы знаете мое имя?

– Тебя зовут Денни, и ты несовершеннолетняя, лет тринадцать-четырнадцать. Это Баз, твой парень, а этих двоих зовут Оззи и Карл...

– Заткни пасть!

Баз с силой бьет меня о забор. Он чувствует, что теряет контроль над ситуацией.

– Разве тебе это нужно, Денни? Что скажет твоя мама, когда за тобой придут из полиции? Она думает, что ты ночуешь у подружки, не так ли? Ей не нравится, когда ты общаешься с Базом. Она думает, что он неудачник, что у него нет будущего.

– Пусть он прекратит, Баз. – Денни закрывает рукой рот.

– Заткнись!

Больше никто ничего не говорит. Они смотрят на меня. Я делаю шаг вперед и шепчу Базу:

– Пошевели мозгами, Баз. Мне просто нужен мой кошелек.

Денни прерывает нас, едва не плача:

– Отдай ему его чертов кошелек. Я хочу домой.

Оззи поворачивается к Карлу:

– Пошли.

Баз не знает, как поступить. Этот парень мог бы легко меня отделать, но теперь он остался один. Остальные уже расходятся, пошатываясь и гогоча.

Он с силой прижимает меня к ограде, поднося нож к горлу, его лицо совсем рядом с моим. Его зубы смыкаются вокруг мочки моего

уха. Яркая вспышка боли. Отвернувшись, он сплевывает в лужу и отпихивает меня.

– Это небольшой сувенир от Бобби!

Баз вытирает кровь с губ. Потом вразвалку удаляется и ногой открывает дверцу машины. Я сижу в луже, прислонившись к забору, кошелек валяется у моих ног. Вдали различаю сигнальные огни, мерцающие на подъемных кранах на противоположном берегу Мерси.

Опираясь на забор, я пытаюсь встать. Правая нога подгибается, и я падаю на колени. Кровь теплой струйкой течет по шее.

Я бреду на главную дорогу, но транспорта нет. Оглядываюсь через плечо, опасаясь, что они вернутся. Пройдя полмили по дороге, я натываюсь на таксомоторное агентство кебов с решетками на дверях и окнах. Внутри помещение пропитано сигаретным дымом и запахом дешевой еды.

– Что с вами случилось? – спрашивает толстяк за решеткой.

В окне я вижу свое отражение. На ухе недостает мочки, воротник рубашки пропитан кровью.

– Меня ограбили.

– Кто?

– Дети.

Я открываю кошелек. Деньги на месте... все.

Толстяк закатывает глаза и больше не обращает на меня внимания. Я просто пьяный, ввязавшийся в драку. Он звонит, чтобы прислали машину, и заставляет меня подождать снаружи на тротуаре. Я нервно оглядываю улицу, выискивая База.

Сувенир! Милые друзья у Бобби. Почему они не взяли деньги? Какова была их цель? Или это было предупреждение? Ливерпуль – достаточно большой город, чтобы в нем потеряться, и достаточно маленький, чтобы тебя заметили, особенно если начинаешь задавать вопросы.

Тяжело опустившись на заднее сиденье 626-й «мазды», я закрываю глаза и пытаюсь унять сердцебиение. Между лопатками стынет пот, шея немеет.

Кеб довозит меня до больницы университета, где я целый час жду, чтобы мне сделали шесть стежков на ухе. Вытирая полотенцем кровь с моего лица, интерн спрашивает, сообщил ли я в полицию. Я отвечаю утвердительно. Не хочу, чтобы Руиз знал, где я нахожусь.

Позже, получив дозу парацетамола, чтобы заглушить боль, я иду по городу до Пир-хед. Последний паром прибывает из Беркенхеда. Воздух вибрирует от работы мотора. Свет течет на меня красно-желтой дрожащей пеленой. Я смотрю на воду, и мне видятся темные фигуры. Тела. Я вглядываюсь, и они исчезают. Почему мне везде мерещатся тела?

Ребенком я иногда плавал на лодке по Темзе с сестрами. Однажды я нашел мешок с пятью мертвыми котятками. Патриция все говорила мне, чтобы я бросил мешок, кричала на меня. Ребекка хотела заглянуть внутрь. Она, как и я, не видела прежде ничего мертвого, кроме жучков и ящериц.

Я опрокинул мешок, и котята вывалились на траву. Их мокрая шерсть стояла дыбом. Я испытывал одновременно отвращение и восторг. У них была мягкая шерсть и теплая кровь. Они не слишком отличались от меня.

Позже, будучи подростком, я воображал, что не доживу до тридцати. Это был разгар холодной войны, когда мир стоял на краю пропасти, ожидая, придет ли в голову какому-нибудь безумцу в Белом доме или Кремле вопрос: «Интересно, а для чего нужна эта кнопка?»

С тех пор часы моей жизни то убыстрялись, то замедлялись. Брак с Джулианой вызвал во мне прилив оптимизма, а рождение Чарли усилило его. Я даже стал ждать почтенной старости, когда мы заменим наши рюкзаки сумками на колесиках, примемся играть с внуками, надоедая им ностальгическими рассказами, заведем эксцентричные привычки...

Теперь будущее станет другим. Вместо яркой жизни, полной открытий, я вижу нечто дрожащее, запинаящееся, слюнявое в инвалидной коляске. «Нам обязательно идти навещать отца сегодня? – спросит Чарли. – Он и не поймет, если мы не придем».

От порыва пронизывающего ветра мои зубы стучат, и я отхожу от ограды. Иду от причала, больше не боясь потеряться. В то же время я чувствую себя уязвимым. Незащищенным.

В гостинице «Альбион» секретарша вяжет и шевелит губами, считая петли. Приглушенный смех доносится откуда-то снизу. Она не обращает на меня внимания, пока не заканчивает ряд. Потом протягивает мне записку. На ней имя и номер телефона учительницы, которая учила Бобби в школе Сент-Мери. Утро наступит уже скоро.

Ступеньки кажутся выше, чем раньше. Я устал и пьян. Я хочу упасть и уснуть.

Я пробуждаюсь внезапно, тяжело дыша. Рука скользит по простыне в поисках Джулианы. Жена обычно просыпается, когда я кричу во сне. Кладет руку мне на грудь и шепчет, что все будет хорошо.

Глубоко дыша, я жду, когда сердце станет биться медленнее, а затем выбираюсь из постели и иду на цыпочках к окну. Улица пуста, если не считать фургончика, развозящего утреннюю прессу. Я осторожно прикасаюсь к уху и чувствую грубые стежки.

На моей подушке кровь.

Дверь открывается. Без стука. Без шума. Я уверен, что запираю ее. Появляется рука: длинные пальцы, красный лак на ногтях. Потом лицо с вульгарным макияжем. Женщина очень худа, у нее коротко стриженные светлые волосы и бледная кожа.

– Ш-ш-ш!

За спиной у нее кто-то хихикает.

– Черт побери, ты затихнешь или нет?

Она нащупывает выключатель. Моя фигура вырисовывается на фоне окна.

– Номер занят.

Ее глаза встречаются с моими, и она в ужасе бормочет ругательство. За ней стоит растрепанный мужчина в плохо сидящем костюме и держит руку под ее блузкой.

– Вы меня до смерти напугали, – говорит она, отталкивая его руку. Он снова хватается за грудь с пьяным упорством.

– Как вы вошли?

Она закатывает глаза, извиняясь:

– Ошиблась.

– Дверь была заперта.

Незнакомка качает головой. Ее приятель выглядывает из-за ее плеча.

– Что он делает в нашей комнате?

– Это его комната, ты, идиот. – Она бьет его по груди серебряной сумочкой и начинает выталкивать вон. Закрывая дверь, поворачивается и улыбается.

– Не составить ли вам компанию? Я могу сплавить этого парня.

Она так худа, что я вижу под ее грудями проступающие ребра.

– Нет, спасибо.

Она пожимает плечами и подтягивает колготки под мини-юбкой. Дверь закрывается, и я слышу, как они крадутся по коридору и поднимаются выше.

На мгновение я чувствую гнев. Неужели я забыл запереть дверь? Я был пьян, может, слегка контужен.

Начало седьмого. Джулиана и Чарли еще спят. Я вытаскиваю мобильный и, включив его, гляжу на светящийся в темноте экран. Сообщений нет. Это мое наказание – засыпая и просыпаясь, мучиться мыслями о жене и дочери.

Сидя на подоконнике, я наблюдаю за тем, как светлеет небо. Голуби взмывают и кружат над крышами. Они напоминают мне о Варанаси в Индии, где грифы летают над погребальными кострами, ожидая, когда обгоревшие останки опустят в Ганг. Варанаси – унылый трущобный городишко с покосившимися зданиями и косоглазыми детьми, где нет ничего прекрасного, кроме ярких сари и покачивающихся женских бедер. Он отталкивал и прельщал меня. Так же как Ливерпуль.

Я жду до семи и звоню Джулиане. Отвечает мужской голос. Сначала я думаю, что ошибся номером, но потом узнаю Джока.

– А я как раз о тебе думал, – гремит он. На заднем плане слышно, как Чарли спрашивает:

– Это папа? Можно с ним поговорить? Пожалуйста!

Джок прикрывает трубку рукой, но я все равно слышу его. Он велит ей позвать Джулиану. Она протестует, но подчиняется.

Между тем Джок изливает на меня дружеское добродушие. Я его перебиваю:

– Что ты там делаешь, Джок? Все в порядке?

– Ваш водопровод все еще течет.

Какое, черт побери, ему дело до моего водопровода? Он отвечает холодностью на мою холодность. Я представляю, как меняется его лицо.

– Кто-то пытался влезть к вам в дом. Джулиана немного испугалась. Она не хотела оставаться одна. Я предложил приехать.

– Кто? Когда?

– Наверное, какой-то наркоман. Зашел через входную дверь. Сантехники оставили ее открытой. Ди Джей застал его в кабинете и гнался за ним до канала.

– Что-нибудь пропало?

– Нет.

Я слышу шаги по лестнице. Джок снова прикрывает трубку.

– Могу я поговорить с Джулианой? Я знаю, она там.

– Она говорит, что нет.

Меня охватывает гнев. Джок снова пытается отшутиться:

– Она хочет знать, зачем ты звонил ее матери в три часа ночи?

Всплывает смутное воспоминание: я набираю номер, слышу ледяной ответ тещи и она вешает трубку.

– Просто дай мне поговорить с Джулианой.

– Нельзя, старик. Она не очень хорошо себя чувствует.

– Что ты хочешь сказать?

– Только то, что сказал. Ей немного не по себе.

– Что-то случилось?

– Нет. Она в порядке. Я провел лечение по полной программе. – Он пытается меня завести. У него получается.

– Дай ей эту проклятую трубку...

– Думаю, ты не в том положении, чтобы мне приказывать. Ты только все испортишь.

Мне хочется двинуть ему прямо в его натренированный приседаниями живот. И тут я слышу характерный щелчок. Кто-то взял трубку у меня в кабинете. Джок этого не понимает.

Пытаясь изобразить примирительный тон, я говорю, что перезвоню.

Он кладет трубку, но я жду, прислушиваясь.

– Папа, это ты? – спрашивает Чарли нервно.

– Как дела, милая?

– Хорошо. Когда ты вернешься?

– Не знаю. Мне надо кое-что уладить с мамой.

– Вы что, ребята, поссорились?

– Откуда ты знаешь?

– Когда мама на тебя сердится, лучше не просить ее расчесать мне волосы.

– Извини.

– Все в порядке. Это ты виноват?

– Да.

– Тогда почему ты просто не извинишься? Ты всегда мне это советуешь, когда я ссорюсь с Тейлором Джонсом.

– Думаю, что в данном случае извинения недостаточно.

Я слышу, как она обдумывает мои слова. Даже представляю себе, как она сосредоточенно покусывает верхнюю губу.

– Папа?

– Да.

– Слушай... мм... Я хочу у тебя кое-что спросить. О... ну... – Она запинается и начинает снова. Я прошу ее продумать вопрос целиком, а потом уже задавать его.

Наконец она выпаливает:

– В газете была фотография... Человек с пальто на голове. Ребята говорили... в школе. Локлан О'Брайен сказал, что это ты. Я назвала его вруном. А потом вечером вытащила газеты из мусорки. Мама их выкинула. Я пронесла их наверх в комнату...

– Ты прочитала статью?

– Да.

Внутри у меня все сжимается. Как объяснить восьмилетнему ребенку, что такое несправедливое обвинение и необоснованное подозрение? Чарли учили доверять полиции. Честность и справедливость важны даже на детской площадке.

– Это была ошибка, Чарли. Полицейские ошиблись.

– Тогда почему мама на тебя сердится?

– Потому что я тоже ошибся. В другом деле. Это никак не связано ни с полицией, ни с тобой.

Она замолкает. Я почти слышу, как она думает.

– Что случилось с мамой? – спрашиваю я.

– Не знаю. Я слышала, как она сказала дяде Джоку, что уже поздно.

– Поздно для чего?

– Она не объяснила. Просто сказала, что поздно.

Я прошу ее дословно повторить фразу. Она не понимает зачем. Во рту у меня пересохло. Это не похмелье. Я слышу, как вдалеке Джулиана зовет Чарли.

– Мне надо идти, – шепчет Чарли. – Возвращайся скорей!

Она быстро вешает трубку. Мне не удастся даже попрощаться. Мое первое побуждение – сразу же перезвонить. Я хочу звонить до тех пор, пока Джулиана со мной не поговорит. «Поздно» – это то, что я думаю? К горлу подкатывает тошнота, душу охватывает отчаяние.

Я мог бы сесть в поезд и оказаться дома через три часа. Я стоял бы на пороге, пока она не согласится со мной поговорить. Может, именно этого она и хочет: чтобы я примчался сражаться за нее.

Мы ждали шесть лет. Джулиана никогда не теряла веры. Это я утратил надежду.

Когда я вхожу в магазин, над головой тренькает колокольчик. В ноздри вливаются ароматы масел, ароматизированных свечей и травяных снадобий. От пола до потолка тянутся узкие деревянные полки. Они заставлены благовониями, мылом, маслами и флакончиками с разнообразным содержимым, от пемзы до морских водорослей.

Крупная женщина появляется из-за перегородки. На ней нечто похожее на яркий кафтан, пышными складками ниспадающий вдоль тела. В волосы вплетены нитки бусин, которые стучат при ходьбе. На лбу приклеен красный кружок.

– Заходите, заходите, не стесняйтесь, – говорит она, сопровождая свои слова приглашающим жестом.

Это Луиза Элвуд. Я узнал ее по голосу. Некоторые люди соответствуют своему голосу. Она из таких: полная, низкая и громкая. Ее браслеты гремят, когда она пожимает мне руку.

– Боже, Боже, – говорит она, взяв меня за подбородок. – Вы как раз вовремя. Только посмотрите на эти глаза. Тусклые. Сухие. Вы ведь плохо спите? Токсины в крови. Слишком много мяса едите. Возможна аллергия на пшеницу. А что у вас с ухом?

– Парикмахер перестарался.

Она поднимает бровь.

– Мы говорили по телефону, – объясняю я. – Я профессор О'Лафлин.

– Весьма типично! Только посмотрите на себя. Врачи и ученые – самые плохие пациенты. Они никогда не следуют своим же советам.

Она поворачивается с удивительной легкостью и спешит в глубь магазина, не переставая говорить. Ничто не указывает на присутствие в ее жизни мужчины. Я замечаю фотографии детей на прилавке – вероятно, племянников и племянниц. У нее бирманская кошка (шерстинка), полный ящик шоколаду (кусочек фольги на полу) и пристрастие к романтической литературе («Молчаливая леди» Кэтрин Куксон).

За перегородкой – маленькая темная комната, где нашлось место для стола, трех стульев и мойки. В единственную розетку включены электрический чайник и радио. Посередине стола лежит дамский журнал, открытый на странице с кроссвордом.

– Травяного чая?

– У вас есть кофе?

– Нет.

– Тогда чай.

Она проговаривает список из десятка различных сортов. К тому времени, когда она заканчивает, я успеваю забыть несколько первых.

– Ромашка.

– Прекрасный выбор. Чудесно снимает стресс и напряжение. – Хозяйка запинается. – Вы ведь в это не верите?

– Никогда не мог понять, почему травяные чаи так здорово пахнут и так неприятны на вкус.

Она смеется. Все ее тело сотрясается.

– У них слишком тонкий вкус. Он работает в унисон с нашим телом. Обоняние – самое непосредственное наше чувство. Осязание раньше развивается и позже угасает, но обоняние напрямую связано с нашим мозгом.

Она достает две маленькие китайские чашечки и наливает кипяток в керамический чайник. Чайные листья дважды фильтруются через серебряное ситечко, и только потом она подвигает ко мне чашку.

– А вы не гадаете по чайным листьям?

– Думаю, вы надо мной смеетесь, профессор. – Она не обижается.

– Пятнадцать лет назад вы работали учительницей в школе Сент-Мери.

– В наказание за грехи.

– Вы помните мальчика по имени Бобби Морган?

– Конечно помню.

– И что вы о нем помните?

– Он был очень способным, хотя немного переживал из-за своего веса. Некоторые мальчишки дразнили его, потому что он был не очень спортивным, но он обладал прекрасным голосом.

– Вы преподавали пение?

– Да. Однажды я предложила давать ему индивидуальные уроки, но с его мамой было нелегко общаться. Я лишь однажды видела ее в

школе. Она пришла и пожаловалась, что Бобби украл деньги из ее кошелька, чтобы заплатить за экскурсию в Ливерпульский музей.

– А что его отец?

Она насмешливо смотрит на меня, видимо, подозревает, что я что-то знаю. И теперь пытается решить, стоит ли ей продолжать.

– Отцу Бобби не разрешалось приходить в школу, – говорит она. – Такой приговор вынес суд, когда Бобби учился во втором классе. Разве Бобби вам об этом не рассказывал?

– Нет.

Она качает головой. Бусы болтаются из стороны в сторону.

– Это я подняла тревогу. У Бобби несколько раз было недержание мочи. Потом он испачкал штанишки и провел весь день, прячась в мужском туалете. Он явно был чем-то расстроен. Когда я его спрашивала, что случилось, он молчал. Я отвела его к школьной медсестре. Она дала ему новые штаны. И когда он переодевался, она заметила рубцы у него на ногах. Словно его били. Медсестра поступила по инструкции и сообщила директрисе, которая, в свою очередь, уведомила социальный отдел. Я знаю эту процедуру наизусть. Явился дежурный социальный работник. Потом случай обсудили с начальником районного отдела. Костяшки домино стали падать: медицинские обследования, беседы, заявления, отрицания, совещания по делу, открытия, распоряжения, апелляции – одна за другой.

– Расскажите о приговоре суда, – прошу я.

Она припоминает только разрозненные детали. Утверждения о сексуальном насилии, которые были отвергнуты его отцом. Постановление об ограничении общения. Бобби сопровождали на уроки.

– Полиция проводила расследование, но я не знаю исхода. С социальными работниками и полицейскими общалась директриса.

– Она живет здесь?

– Нет. Она уволилась полтора года назад по семейным обстоятельствам.

– А что случилось с Бобби?

– Он изменился. В нем появилось спокойствие, которого не бывает у детей. Большинство учителей это нервировало. – Она вглядывается в чашку, поворачивая ее так и этак. – После смерти отца

он стал еще более замкнутым. Словно стоял снаружи и мы видели его лицо через стекло.

– Вы думаете, что Бобби страдал от плохого обращения?

– Сент-Мери находится в очень бедном районе, профессор О'Лафлин. В некоторых домах уже одно пробуждение утром есть форма плохого обращения.

Я почти ничего не знаю о машинах. Я могу заправиться, подкачать шину и залить воду в радиатор, но не испытываю никакого интереса к устройству, моделям или динамике современного зажигания. Обычно я не обращаю внимания на другие транспортные средства на дороге, но на сей раз все иначе. Я постоянно вижу белый фургон. Впервые я заметил его утром, отъезжая от гостиницы «Альбион». Он стоял на противоположной стороне улицы и, в отличие от остальных машин, не был покрыт инеем. На переднем и заднем окнах виднелись неровные круги чистого стекла.

Теперь тот же белый фургон – или другой, похожий на первый, – припаркован на площадке напротив магазина Луизы Элвуд. Задние дверцы открыты. Внутри на полу я вижу мешки. В Ливерпуле, должно быть, сотни белых фургонов, возможно, целая эскадра, принадлежащая компании перевозок.

После вчерашней ночи мне везде мерещатся призраки – теперь вот в машине. Я перехожу рыночную площадь и останавливаюсь у витрины универмага. В стекле видно отражение площади. За мной никто не идет.

Я ничего не ел. Желая согреться, захожу в кафе на втором этаже торгового центра, окна которого выходят во внутренний дворик. С места, где я сижу, видны эскалаторы.

Генри Луис Менкен – журналист, любитель пива и мудрец – говорил, что у всякой сложной проблемы существует решение, которое просто, точно и неверно. Я разделяю его недоверие к очевидному.

В университете я доводил преподавателей до истерики, постоянно оспаривая простые истины. «Почему вы не можете принять вещи такими, каковы они есть? – спрашивали они. – Почему простой ответ не может быть правильным?»

Природа не такова. Если бы эволюция шла по пути простых ответов, у нас был бы мозг побольше и мы не смотрели бы телешоу

или же у нас был бы мозг побольше и мы не изобрели бы оружие массового уничтожения. У матерей было бы по четыре руки, а дети покидали бы дом через шесть недель. У нас были бы титановые кости, кожа, не подверженная воздействию ультрафиолета, рентгеновское зрение и способность к постоянной эрекции и множественным оргазмам.

Многое в поведении Бобби Моргана – теперь я буду называть его настоящим именем – говорит за то, что в детстве он стал жертвой сексуального насилия. Но я все равно не хочу, чтобы это оказалось правдой. Ленни Морган начал мне нравиться. Он многое делал правильно, воспитывая Бобби. Люди относились к нему тепло. Бобби обожал его.

Возможно, у личности Ленни было две стороны. Ничто не может помешать насильнику быть надежным, любящим человеком. Это объяснило бы его самоубийство. Это также могло быть причиной того, что Бобби потребовались две личности, чтобы выжить.

В социальной службе хранятся досье на всех детей, подвергшихся сексуальным домогательствам. Прежде у меня был свободный доступ к таким документам, но теперь я не часть системы. Правила конфиденциальности непреодолимы.

Мне нужна помощь человека, которого я не видел больше десяти лет. Ее зовут Мелинда Коссимо, и я боюсь, что не узнаю ее. Мы договариваемся встретиться в кофейне напротив городского суда.

Когда я приехал в Ливерпуль впервые, Мел была дежурным социальным работником. Теперь она глава районного отделения (это называется «специалист по защите прав ребенка»). Не многим удается продержаться на социальной работе так долго. Они либо выгорают, либо взрываются.

Мел была типичным панком с растрепанными волосами, ее гардероб сплошь состоял из поношенных кожаных курток и рваных джинсов. Она всегда бросала вызов чужим мнениям, независимо от того, соглашалась она с ними или нет, потому что любила наблюдать, как люди встают на защиту своих убеждений.

Она родилась в Корнуолле и с детства слушала, как ее отец, местный моряк, разглагольствовал на тему различия между «мужской работой» и «женской работой». Неудивительно, что, повзрослев, она стала рьяной феминисткой и автором докторской диссертации под названием «Когда женщины носят штаны». Должно быть, ее отец переворачивается в гробу.

Муж Мел, Бойд, ланкаширский парень, одевался в брюки цвета хаки и свитера с высоким горлышком и закатанными рукавами. Высокий и худой, он поседел в девятнадцать лет, но носил длинные волосы, завязанные в хвост. Я лишь однажды видел их распущенными, в душе после того, как мы играли в бадминтон.

Коссимо были прекрасными хозяевами. Почти каждые выходные мы собирались на старой террасе Бойда в саду с золотой арфой и прудом, вокруг которого росла конопля. Мы все слишком много работали, нас слишком мало ценили, и все же мы были идеалистами. Джулиана играла на гитаре, а Мел пела, как Джонни Митчелл. Мы ели

вегетарианские блюда, злоупотребляли вином, покуривали травку и исправляли несправедливости мира. Похмелье не проходило до понедельника, а несварение желудка – до среды.

Мел строит мне гримасы в окно. Теперь у нее прямые волосы, схваченные заколками-невидимками. На ней темные брюки и сшитый на заказ бежевый пиджак. К лацкану приколата белая ленточка. Не помню, какую благотворительную организацию она представляет.

– Так выглядят руководители?

– Нет, люди среднего возраста. – Она смеется и садится, вздохнув с облегчением. – Эти туфли меня убивают. – Она скидывает их и трет лодыжки.

– Ходила по магазинам?

– Нет, была в суде по правам ребенка. Приговор о срочном помещении под опеку.

– Удачный исход?

– Бывает и хуже.

Я заказываю кофе, а она смотрит на стол. Я знаю, что она оценивает меня, пытается понять, насколько я изменился. Есть ли у нас еще что-то общее? Почему я так внезапно объявился? Социальная работа вырабатывает в людях подозрительность.

– И что случилось с твоим ухом?

– Собака укусила.

– Нельзя работать с животными.

– Я слышал об этом.

Мел смотрит, как моя левая рука пытается размешать кофе.

– Ты до сих пор с Джулианой?

– Угу. Теперь у нас есть Чарли. Ей восемь. Думаю, Джулиана снова беременна.

– Разве ты не уверен? – смеется она.

Я смеюсь вместе с ней, хотя на деле снедаем мучительным чувством вины.

Затем я спрашиваю ее о Бойде. Я представляю его стареющим хиппи, который все еще носит полотняные рубашки и индийские брюки. Мел отворачивается, но я все же успеваю заметить, как боль омрачает ее лицо.

– Бойд умер.

Она сидит неподвижно и ждет, пока тишина не свыкнется с этой новостью.

– Когда?

– Больше года назад. Огромный грузовик проехал на красный свет и сбил его.

Я выражаю ей соболезнования. Она грустно улыбается и слизывает молочную пену с ложки.

– Говорят, первый год самый трудный. Знаешь, что я тебе скажу: это как пройти сквозь строй полицейских с дубинками и щитами. У меня до сих пор в голове не укладывается, что его нет. Сперва я даже обижалась на него. Думала, что он меня бросил. Звучит глупо, но со злости я продала его коллекцию дисков. Потом потратила вдвое больше, чтобы выкупить ее. – Она горько смеется над собой и помешивает кофе.

– Надо было написать. Мы не знали.

– Бойд потерял ваш адрес. Он был безнадежен. Знаю, я могла бы отыскать вас. – Она виновато улыбается. – Просто никого не хотелось видеть. Это напомнило бы мне о старых добрых временах.

– И где он сейчас?

– Дома в маленьком серебряном горшочке на моем стеллаже. – Она говорит так, словно он мастерит что-то в саду. – Я не могу зарыть его здесь. Слишком холодно. А если пойдет снег? Он ненавидел холод. – Она горестно смотрит на меня. – Знаю, это глупо.

– Не для меня.

– Я думала, что смогу накопить денег и отвезти его в Непал. Там я могла бы развеять прах с горы.

– Он боялся высоты.

– Да. Может, следует пустить его по Мерси?

– А это разрешено?

– Не понимаю, как кто-нибудь сможет меня остановить. – Она грустно смеется. – Итак, зачем ты вернулся в Ливерпуль? Ты ведь не мог дождаться, когда уедешь отсюда.

– Надо было взять вас двоих с собой.

– На юг? Вряд ли. Знаешь ведь, что Бойд думал о Лондоне. Он говорил, там полно людей, которые ищут то, чего не могут найти в других местах и чего на деле вообще не стоит искать.

Я так и слышу, как Бойд это говорит.

– Мне нужно посмотреть дело одного ребенка.

– «Красный обрез»!

– Да.

Я не слышал этого термина много лет. Так социальные работники Ливерпуля называют папки с материалами по правам ребенка, потому что их первая страница имеет темно-красные поля.

– Что за ребенок?

– Бобби Морган.

Мел сразу вспоминает. Я вижу это по ее глазам.

– Я тогда вытащила судью из постели в два часа ночи, чтобы он подписал постановление о временной опеке. Отец покончил с собой. Ты должен помнить.

– Я не помню.

Она хмурит брови.

– Может, этим делом занимался Эрскин. – Руперт Эрскин являлся главным психологом отдела. Я был младшим сотрудником, о чем он напоминал мне при первой возможности. Мел была социальным работником, ведущим дело Бобби.

– Заявление поступило от учительницы, – объясняет она. – Мать поначалу ничего не хотела говорить. Но когда она увидела медицинское заключение, то сломалась и сказала, что подозревает своего мужа.

– Ты можешь достать мне это дело?

Я вижу, что она хочет спросить меня зачем. И в то же время понимает, что лучше ей не знать. Конфиденциальные дела по правам ребенка находятся в Хаттон-гарденз, главном здании отдела социальной службы Ливерпуля. Дела хранятся восемьдесят лет, и доступ к ним разрешен только определенным сотрудникам, уполномоченным агентствам и работникам суда. Все случаи просмотра фиксируются.

Мел разглядывает свое отражение в ложке. Ей надо принять решение. Поможет она мне или нет? Она смотрит на часы.

– Я позвоню кое-куда. Приходи ко мне в кабинет в половине второго.

Она целует меня в щеку и уходит. Я заказываю еще кофе, чтобы скоротать время. Периоды безделья хуже всего. Они предоставляют мне слишком много времени для раздумий. И тогда хаотичные мысли

скачут у меня в голове, как шарики для пинг-понга в коробке. Джулиана беременна. Нам нужна будет ограда внизу лестницы. Этим летом Чарли хочет поехать в лагерь. Как были связаны между собой Бобби и Кэтрин?

Еще один фургон, но уже не белый. Водитель опускает на мостовую перед кафе пачку бумаг. Заголовок на первой странице гласит: «Объявлено вознаграждение за поимку убийцы Кэтрин Макбрайд».

По сторонам стола Мел сложены кипы дел. Ее компьютер украшен стикерами, вырезками из газет и картинками. На одной из них изображен вооруженный грабитель, угрожающий ружьем и говорящий: «Кошелек или жизнь!» Жертва отвечает: «У меня нет ни того ни другого. Я социальный работник».

Мы находимся на четвертом этаже отдела социальной службы. Большинство кабинетов закрыты на выходные. Окна Мел выходят на недостроенный склад полуфабрикатов. У меня есть час, пока она не вернется из магазина. Она раздобыла для меня три папки, перевязанные красной лентой.

Я знаю, что там найду. Первое правило работы с человеческими душами заключается в том, чтобы все фиксировать. Этим занимаются социальные службы. Вмешиваясь в жизни людей, они тщательно записывают каждое решение. В папках – протоколы бесед, семейная история, заключения психиатров и медицинские заметки. Малейшие подробности каждого совещания по делу и встречи для выработки стратегии, а также копии полицейских донесений и протоколы судебных слушаний.

Если Бобби провел какое-то время в детском доме или психиатрическом отделении, это будет записано. Там будут приведены даты, имена, названия. Если мне немного повезет, я смогу сопоставить их с делом Кэтрин Макбрайд и найти связь.

Первая страница в деле – запись содержания телефонного разговора со школой Сент-Мери. Я узнаю почерк Мел. Бобби «в последнее время обнаруживает отклонения в поведении». Он не только обмочил и испачкал штаны, но и «продемонстрировал неадекватное сексуальное поведение». Сняв трусы, он имитировал половой акт с семилетней девочкой.

Мел отправила информацию по факсу начальнику районного отделения. Затем она позвонила туда и попросила секретаря проверить, нет ли записей о Бобби или его родственниках в картотеке. Получив отрицательный ответ, она продолжила поиски в другом направлении. Больше всего ее волновали телесные повреждения. Мел проконсультировалась с Лукасом Даттоном, помощником специалиста по вопросам охраны прав ребенка, который распорядился начать расследование.

«Красный обрез» легко найти по цвету полей. В нем записаны имя Бобби, дата рождения, адрес и информация о родителях, название школы, имя лечащего врача и выявленные проблемы со здоровьем. Также информация о директорше школы Сент-Мери как о первоначальном заявителе.

Мел организовала полный медицинский осмотр. Доктор Ричард Ледженд обнаружил на каждой ягодице мальчика «две-три отметины длиной около шести дюймов». Он описал повреждения как вызванные «двумя или тремя последовательными ударами твердым предметом, например ремнем с заклепками».

Во время осмотра Бобби пришел в сильное волнение и отказался отвечать на вопросы. Доктор Ледженд отметил старый шрам вокруг его анального отверстия.

«Неясно, было ли повреждение получено случайно или стало следствием намеренного проникновения». В ходе дальнейших обследований эксперт упрочился в своих подозрениях и описывал шрам как «связанный с насилием».

Была заслушана Бриджет Морган. Поначалу она была настроена агрессивно и обвинила социальных работников в том, что они суются в чужие дела. Когда ей сообщили о шрамах Бобби и его поведении, она стала отвечать более конкретно. В конце концов принялась заступаться за мужа:

– Он хороший человек, но ничего не может с собой поделать. Он приходит в ярость и теряет контроль.

– Он бьет вас?

– Да.

– А Бобби?

– Еще как.

– Чем он бьет Бобби?

– Собачьим поводком... Он убьет меня, если узнает, что я здесь... Вы не знаете, что он за человек...

Когда ей задали вопрос о неадекватном сексуальном поведении, Бриджет категорически отрицала, что ее муж мог такое сделать. Пока продолжалась беседа, ее отрицание становилось все более настойчивым. Она заплакала и попросила разрешения увидеть Бобби.

Подозрения в сексуальном насилии должны быть доведены до сведения полиции. Когда Бриджет Морган об этом сказали, она еще больше разволновалась. Очевидно расстроенная, она призналась, что отношение мужа к сыну ее беспокоило. Она не хотела или не могла вдаваться в подробности.

Бобби и его мать отвезли в полицейский участок Марш-лейн для официального допроса. В участке состоялось совещание. Присутствовали Мел Коссимо, ее непосредственный начальник Лукас Даттон, сержант полиции Хелена Бронте и Бриджет Морган. Пробыв несколько минут наедине с Бобби, миссис Морган признала необходимость расследования.

Пролистывая полицейский рапорт, я пытаюсь добраться до сути ее заявления. За два года до описываемых событий она, по ее словам, видела, как Бобби сидел на коленях отца без нижнего белья. Ее муж был обернут полотенцем, и ей показалось, что он держал руку Бобби у себя между ног.

В течение последнего года она часто замечала, что Бобби не носил нижнего белья. Когда она спросила его почему, он ответил: «Папе не нравится, когда я ношу трусы».

Мать также утверждала, что ее муж принимал ванну, когда Бобби не спал, и оставлял дверь ванной комнаты открытой. Он часто приглашал мальчика присоединиться к нему, но Бобби отклонял эти призывы.

Хотя все это не слишком убедительные заявления, в руках хорошего обвинителя они могли стать роковыми. Я жду, что следующим документом будет заявление Бобби. Но его нет. Я перелистываю страницы и не нахожу упоминания о формальном заявлении, что объясняет, почему Ленни Моргана так и не привлекли к суду. Вместо этого я обнаруживаю видеокассету и связку написанных от руки заметок.

Показания ребенка имеют решающее значение. Если ребенок не признает факта домогательств, шансы на успех ничтожны. Тогда либо сам насильник должен признаться в преступлении, либо медицинское освидетельствование не должно оставлять никаких сомнений.

В кабинете Мел есть телевизор и видеомаягнитофон. Я вытаскиваю кассету из картонной коробки. На ней указаны полное имя Бобби, а также дата и место беседы. Когда на экране появляются первые кадры, в левом нижнем углу возникает тайм-код.

Обследование состояния ребенка заметно отличается по своей продолжительности от обычной консультации. Часто недели уходят на установление тех доверительных отношений, которые позволят ребенку раскрыть свой внутренний мир. Беседы надо проводить быстро, а вопросы задавать более прямые.

В комнате, специально предназначенной для детей, разбросаны по полу игрушки, а стены выкрашены в яркие цвета. На столе лежат карандаши и бумага для рисования. Маленький мальчик ерзает на пластиковом стуле, глядя на чистый лист бумаги. На нем мешковатая школьная форма и потертые ботинки. Он смотрит в камеру, и я отчетливо вижу его лицо. За четырнадцать лет он сильно изменился, но я его узнаю. Он сидит ссутулившись, словно покорился судьбе.

Однако это не все. Далеко не все. Детали возвращаются ко мне одна за другой. Я раньше видел этого ребенка. Руперт Эрскин попросил меня просмотреть дело. Маленький мальчик отказывался отвечать на любые вопросы. Нужен был новый подход. Возможно, новое лицо.

Пленка крутится. Я слышу свой голос:

– Как тебе нравится, чтобы тебя называли: Роберт, Роб или Бобби?

– Бобби.

– Ты знаешь, зачем ты здесь, Бобби?

Он не отвечает.

– Я должен задать тебе несколько вопросов, ладно?

– Я хочу домой.

– Не сейчас. Скажи мне, Бобби, ты знаешь, чем правда отличается от лжи?

Он кивает.

– Если я скажу, что у меня вместо носа морковка, что это будет?

– Ложь.

– Точно.

Разговор продолжается. Я задаю общие вопросы о школе и доме. Бобби рассказывает о любимых телепередачах и игрушках. Он успокаивается и начинает рисовать на листе бумаге.

Если бы ему можно было загадать три волшебных желания, каковы бы они были? После двух неудачных попыток и колебаний он останавливается на следующих: 1) владеть шоколадной фабрикой; 2) поехать в лагерь; 3) построить машину, которая сделает всех счастливыми. На кого бы он хотел быть похожим? На ежика Соника, потому что тот «очень быстро бегает и спасает своих друзей».

Просматривая запись, я узнаю некоторые жесты и повадки взрослого Бобби. Он редко улыбался и смеялся. Избегал подолгу смотреть в глаза собеседнику.

Я спрашиваю его об отце. Сперва Бобби оживлен и открыт. Он хочет пойти к нему домой.

– Мы создаем одно изобретение. Оно поможет продуктам не вываливаться из сумки в багажнике.

Бобби рисует свой портрет, и я прошу его назвать части тела. Когда речь заходит о его «интимных частях», он начинает мямлить.

– Тебе нравится принимать с папой ванну?

– Да.

– Что тебе нравится?

– Он меня щекочет.

– Где он тебя щекочет?

– Везде.

– Он прикасается к тебе так, что тебе это не нравится?

Бобби хмурит брови.

– Нет.

– Он трогает твои интимные части?

– Нет.

– А когда моет тебя?

– Наверное. – Он бормочет что-то еще, чего я не могу разобрать.

– А мама? Она трогает твои интимные части?

Бобби качает головой и просится домой. Он комкает листок бумаги и отказывается отвечать на дальнейшие вопросы. Он не выказывает ни расстройства, ни испуга. Это один из случаев

«дистанцирования», частый у детей, подвергшихся сексуальному насилию, – они пытаются сжаться и стать менее заметными.

Беседа заканчивается, но ее результат в высшей степени сомнителен. Отмеченных особенностей поведения недостаточно для того, чтобы сделать вывод.

Возвращаясь к папкам, я собираю по частям то, что случилось дальше. Мел посоветовала занести имя Бобби в официальный список детей района, входящих в группу риска. Она настаивала на том, чтобы передать ребенка под временную опеку, – и именно тогда вытащила судью из постели в два часа ночи.

Полиция арестовала Ленни Моргана. Был произведен обыск в его доме, а также в шкафчике депо и соседнем гараже, который он снимал под мастерскую. Он непрерывно заявлял о своей невинности. Описывал себя как любящего отца, который никогда не делал ничего плохого и у которого никогда не было проблем с полицией. Он утверждал, что ничего не знал о повреждениях Бобби, но признался, что «задал ему взбучку», когда тот разобрал и сломал хороший будильник.

Ничего этого я не знал. Мое участие ограничилось единственной беседой. Это было дело Эрскина.

Пятнадцатого августа состоялось заседание по делу о защите прав ребенка. Председательствовал Лукас Даттон, в слушании участвовали дежурный социальный работник, психолог-консультант Руперт Эрскин, врач Бобби, директор его школы и сержант Хелена Бронте.

Я помню Лукаса Даттона. На первом же заседании, в котором я участвовал, он накинулся на меня, когда я внес предложение, не совпадавшее с его позицией. Решения директоров не принято оспаривать – во всяком случае, не пристало делать это молодым психологам, у которых еще не высохла краска на дипломах.

У полиции не было достаточных улик, чтобы привлечь Ленни Моргана к суду, но расследование продолжалось. Исходя из результатов медицинского освидетельствования и показаний Бриджет Морган, на заседании было решено забрать Бобби из дома и найти для него приемную семью, если отец добровольно не согласится держаться подальше. Будут организованы ежедневные встречи, но отца и сына запрещается оставлять наедине друг с другом.

Бобби провел пять дней в приемной семье, пока Ленни не согласился оставить дом и жить отдельно вплоть до окончания расследования.

Вторая папка открывается страницей с описанием содержащихся в ней материалов. Я просматриваю список и затем продолжаю чтение. Три месяца семью Морганов преследовали социальные работники и психологи, пытавшиеся установить, как там обстоят дела. За поведением Бобби пристально наблюдали, особенно во время его встреч с отцом. Одновременно Эрскин разговаривал один на один с Бриджет, Ленни и Бобби, ведя подробные записи этих бесед. Он также поговорил с бабушкой мальчика по материнской линии, Полиной Ахерн, и с младшей сестрой Бриджет.

Казалось, обе подтверждали подозрения Бриджет насчет Ленни. В частности, Полина Ахерн утверждала, что стала свидетельницей его неприемлемого поведения: когда отец и сын боролись перед сном, она заметила руку Ленни под пижамой Бобби.

Сравнивая ее показания с показаниями Бриджет, я обратил внимание на то, как много в них похожих фраз и формулировок. Если бы я вел дело, это меня насторожило бы. Кровь – не водица, особенно в деле об опеке над ребенком.

Первая жена Ленни Моргана погибла в автомобильной аварии. Сын от первого брака, Дэвид Морган, уехал из дома в восемнадцать лет, не вызвав к себе никакого интереса у социальной службы.

Было предпринято несколько попыток найти Дэвида. Специалисты по правам ребенка разыскали его учителей и тренера по плаванию, которые в свое время не увидели в его поведении никаких причин для беспокойства. В пятнадцать лет Дэвид оставил школу и пошел учеником в местную строительную фирму. Потом он исчез, и последним известным его адресом был отель в Южной Австралии.

В деле есть выводы Эрскина, но в нем отсутствуют заметки, которые он делал во время сеансов. Он описывает Бобби как «нервного, беспокойного и эмоционально ранимого ребенка», в поведении которого налицо «симптомы посттравматического стресса».

«В ответ на вопросы о сексуальных домогательствах Бобби становится все более взволнованным и замкнутым,

– писал Эрскин. –

Он также замыкается в себе, когда высказываются предположения о том, что его семья не идеальна. Похоже, что он тщательно пытается что-то скрыть».

О Бриджет Морган психолог писал:

«Первой ее заботой всегда является сын. Она особенно настаивает на прекращении дальнейших бесед с Бобби из-за вызываемого ими беспокойства. У Бобби началось недержание мочи по ночам и возникли проблемы со сном».

Ее беспокойство было понятным. Бобби более десятка раз допросили терапевты, психологи и социальные работники. Ему задавали одни и те же вопросы, перефразируя их.

Во время игрового сеанса его попросили раздеть кукол и назвать части тела. Ни один сеанс не был записан на пленку, но терапевт сообщил, что Бобби положил одну куклу на другую и принялся рычать.

Эрскин приобщил к делу два рисунка Бобби. Я держу их перед собой на расстоянии вытянутой руки. Это неплохие образцы абстракционизма: что-то среднее между Пикассо и Флинстоунами. Фигуры напоминают роботов, лица асимметричны. Взрослые изображены чересчур большими, а дети – очень маленькими.

Заключение Эрскина гласит:

Существует несколько, на мой взгляд, весьма весомых указаний на возможность сексуального контакта между мистером Морганом и его сыном.

Во-первых, это показания Бриджет Морган, а также бабушки с материнской стороны, миссис Полины Ахерн. Ни одну из этих женщин нельзя заподозрить в предубежденности или искажении фактов. Обе стали свидетельницами случаев, когда мистер Морган обнажался перед сыном и снимал с него одежду.

Во-вторых, заключение доктора Ричарда Ледженда, обнаружившего «два или три шрама длиной около шести

дюймов на обеих ягодицах ребенка». Еще более очевидным доказательством является шрам вокруг анального отверстия.

Ко всему этому следует добавить отклонения в поведении Бобби. Он обнаружил нездоровый интерес к сексу, а также познания в этой области, которые превосходят нормальные для восьмилетнего возраста.

Основываясь на этих фактах, я полагаю, что существует большая вероятность того, что Бобби подвергался сексуальному насилию, скорее всего со стороны своего отца.

В середине ноября состоялось еще одно заседание по делу. Я не нахожу подробностей. Полицейское расследование приостановили, но дело не было закрыто.

Третья папка полна официальных документов, некоторые из них перевязаны лентой. Я узнаю эти бумаги. Убедившись, что Бобби подвергается опасности, социальная служба стала добиваться назначения постоянной опеки. Юристы получили возможность действовать.

– Что это ты бормочешь? – Мел возвращается, держа две чашки кофе на подносе. – Извини, ничего покрепче предложить не могу. Помнишь, как под Рождество мы тайком проносили сюда коробки с вином?

– Я помню, как Бойд напился и поливал искусственные цветы в фойе.

Мы оба смеемся.

– Освежил воспоминания? – Она кивком указывает на папки.

– К сожалению. – Левая рука начинает дрожать, и я упираю ее в коленку. – Что ты думала о Ленни Моргане?

Она садится и сбрасывает туфли.

– Я думала, что он свинья. Он был агрессивен и опасен.

– Что он сделал?

– Он накинулся на меня в суде. Я вышла в фойе позвонить. Он спросил меня, зачем я это делаю, как будто у меня был личный интерес. Когда я пыталась пройти мимо него, он толкнул меня к стене и схватил за горло. У него был такой взгляд... – Ее передергивает.

– Ты не подала жалобу?

– Нет.

– Он был расстроен?

– Да.

– А что насчет его жены?

– Бриджет была из тех, кто не надевает нижнего белья под роскошную одежду. Настоящая выскочка.

– Но тебе она нравилась?

– Да.

– И что стало с постановлением о передаче мальчика в приемную семью?

– Один член совета согласился с прошением, но двое решили, что доказательств для поддержки нашего требования недостаточно.

– И ты попыталась устроить Бобби под опеку суда.

– Еще бы! Я не подпускала к нему отца. Мы направились прямиком в суд графства и в тот же день организовали слушание. Все документы должны быть здесь. – Она показывает на папку.

– Кто давал показания?

– Я.

– А Эрскин?

– Я зачитала его отчет.

Мои вопросы начинают раздражать Мел.

– Любой социальный работник поступил бы так же. Если нельзя открыть глаза магистрату, то идешь к судье. И в девяти из десяти случаев получаешь опеку.

– Не теперь.

– Да. – В ее голосе сквозит разочарование. – Они поменяли правила.

С того момента как Бобби попал под опеку, любое важное решение, касавшееся его жизни, принималось судом, а не членами семьи. Он не мог перейти в другую школу, получить паспорт, пойти в армию или жениться без разрешения суда. Это также гарантировало, что отец больше не вернется в его жизнь.

Переворачивая страницы дела, я натыкаюсь на заключение судьи. В нем около восьми страниц, но я быстро пробегаю их в поисках вывода:

И муж, и жена искренне озабочены благополучием ребенка. Я убежден, что в прошлом они по-своему пытались наилучшим образом выполнять свой родительский долг. К сожалению, вера в способности отца заботиться о ребенке надлежащим образом подорвана предъявленным ему обвинением.

Я принял во внимание противоречивые свидетельства, особенно протесты со стороны мужа. В то же время я знаю о желании ребенка жить и с отцом, и с матерью. Очевидно, необходимо прийти к компромиссу, учитывающему как это желание, так и благополучие мальчика.

Программа действий не вызывает сомнений. Интересы Бобби превыше всего. Суд не может разрешить проживание или общение с родителем, если это делает возможной угрозу сексуального насилия над ребенком.

Я надеюсь, что в должное время, когда Бобби достигнет приемлемого уровня зрелости, самосознания и самозащиты, он получит возможность проводить время с отцом. Однако до этого времени, которое, как я с сожалением констатирую, наступит еще не скоро, контакты между ним и его отцом должны быть исключены.

Заключение судьи скреплено печатью и подписано мистером Юстасом Александром Макбрайдом, дедушкой Кэтрин.

Мел наблюдает за мной через стол.

– Нашел то, что искал?

– Пока не совсем. Ты много общалась с Юстасом Макбрайдом?

– Он отличный парень.

– Полагаю, ты слышала о его внучке?

– Ужасная история.

Она медленно вращается на стуле и вытягивает ноги, пока они не упрутся в стену. Ее взгляд прикован ко мне.

– Ты не знаешь, заведено ли дело на Кэтрин Макбрайд? – спрашиваю я будничным тоном.

– Забавно, что ты об этом спрашиваешь.

– Почему?

– Потому что другой человек только что просил меня показать его. Два запроса за один день.

– Кто спрашивал об этом деле?

– Детектив с внешностью убийцы. Он хочет знать, не встречается ли там твое имя.

Мел пристально смотрит на меня. Она злится из-за того, что я что-то утаил. Социальные работники нелегко проникаются доверием к людям. Они становятся осторожными, когда имеют дело с изнасилованными детьми, избитыми женами, наркоманами, алкоголиками и родителями, оспаривающими права на ребенка. Ничему нельзя верить. Никогда не доверяй журналисту, юристу или напуганному родителю. Не поворачивайся спиной на допросах и не давай обещаний ребенку. Не полагайся на опекунов, членов магистрата, политиков и высших слуг народа. Мел доверяла мне. А я ее подвел.

– Детектив говорит, что тобой интересуется полиция. Говорит, что Кэтрин подала на тебя жалобу за сексуальные домогательства. Он спрашивал, подавались ли на тебя другие подобные жалобы.

Мел оседлала своего конька. Она ничего не имеет против мужчин, кроме их поступков.

– Сексуальное домогательство – это выдумка. Я не дотрагивался до Кэтрин.

Я не могу скрыть возмущения в голосе. Подставлять вторую щеку – это для людей, которые хотят выглядеть лучше. Я же устал от обвинений в том, чего не совершал.

По пути в гостиницу «Альбион» я пытаюсь сложить вместе кусочки мозаики. Защищенное ухо пульсирует, но это только помогает мне сосредоточиться. Это все равно что сконцентрироваться перед включенным на полную громкость телевизором.

Бобби был примерно в том же возрасте, что и Чарли, когда потерял отца. Подобная трагедия может нанести тяжелую эмоциональную травму, но сознание ребенка формирует не один человек. Существуют бабушки и дедушки, дяди и тети, братья, сестры, учителя, друзья и еще уйма народу. Если бы я мог навестить и опросить всех этих людей, возможно, я и сумел бы понять, что с ним случилось.

Чего мне не хватает? Ребенка отдают под опеку суда. Его отец совершает самоубийство. Печальная история, но не единственная в своем роде. Теперь детей не помещают под судебную опеку. В начале девяностых закон изменился. Старая система таила в себе широкие возможности для злоупотреблений. Требовалось совсем немного доказательств, а проверки и компромиссы исключались.

У Бобби были налицо все признаки сексуального насилия. Жертвы подобного рода находят способы защититься. Некоторые страдают травматической амнезией, другие хоронят свою боль в подсознании или отказываются осмыслять происшедшее. Вместе с тем есть такие социальные работники, которые скорее «подтверждают», чем расследуют обвинения в насилии.

Чем упорнее Бобби отрицал происшедшее, тем больше людей проникалось убеждением, что насилие имело место. И эта железная убежденность послужила основанием для расследования.

А что, если мы ошиблись?

В Мичиганском университете однажды провели эксперимент. Взяли краткое описание реального случая с двухлетней девочкой и представили его комиссии экспертов, состоявшей из восьми практикующих психологов, двадцати трех выпускников психологического факультета и пятидесяти социальных работников и психиатров. С самого начала организаторы эксперимента знали, что девочка не подвергалась сексуальному насилию.

Мать заявила о насилии, обнаружив синяк на ноге дочери и лобковый волос (который, как она решила, принадлежал ее мужу, отцу девочки) на подгузнике. Четыре медицинских осмотра не обнаружили признаков насилия. Два теста на детекторе лжи и совместное расследование полиции и Отдела защиты прав ребенка очистили отца от подозрений.

Несмотря на это, три четверти экспертов рекомендовали либо тщательно контролировать общение дочери с отцом, либо вовсе запретить его. Некоторые из них даже сделали вывод, что девочка подверглась содомии.

В делах о насилии над ребенком не существует презумпции невиновности. Обвиняемый считается виновным до тех пор, пока не доказано обратное. Это пятно невидимо, но несмываемо.

Эрскин – хороший психолог и хороший человек. Он ухаживал за своей женой, больной рассеянным склерозом, до самой ее смерти и учредил благотворительный фонд ее имени. Мел обладает убежденностью и социальной сознательностью, которые всегда были для меня упреком. Она никогда не играла в беспристрастность. Она знает то, что знает. И остается верна этому.

Я не понимаю, куда все это меня заведет. Я устал и хочу есть. У меня все еще нет доказательств, что Бобби знал Кэтрин Макбрайд, не говоря уже о его причастности к ее убийству.

За десять шагов до комнаты я понимаю, что что-то не так. Дверь открыта. Темное, как от вина, пятно расплзается по ковру в сторону лестницы. Пальма лежит на пороге. Глиняный горшок, видимо, разбился, ударившись о ручку двери.

У лестницы стоит тележка уборщицы. На ней два ведра, швабры, щетки и набор влажных тряпок. Посреди моей комнаты застыла сама уборщица. Кровать перевернута и забросана содержимым разломанного ящика. Раковина, оторванная от стены, лежит под трубой, из которой тонкой струйкой течет вода.

Моя одежда раскидана по промокшему ковру вперемежку с вырванными из блокнота листками и мятыми папками. Спортивная сумка затолкана в унитаз и разукрашена дерьмом.

– Самое важное – это как следует убранная комната, не так ли? – говорю я.

Уборщица смотрит на меня с изумлением.

На зеркале мятной зубной пастой выведена надпись, полная местного колорита: «Убирайся или получишь». Просто. Кратко. Точно.

Управляющий хочет позвонить в полицию. Мне приходится достать кошелек и переубедить его. Среди обломков не осталось ничего, что заслуживало бы спасения. Я осторожно поднимаю пачку размокшей бумаги, заляпанной чернилами. Единственный листок, на котором можно что-то разобрать, это последняя страница автобиографии Кэтрин. В офисе я пробежал глазами лишь первую страницу, а дальше читать не стал. Внизу листа я вижу список имен трех человек, давших рекомендацию. Только одно из них имеет значение: доктор Эмлин Р. Оуэнс. Далее следуют адрес Джока на Харли-стрит и номер его телефона.

Ремонтные работы, листья на рельсах, сбой в работе семафоров, разладившийся механизм стрелки... Выберите любую причину, и каждая приведет к одному и тому же: поезд прибудет в Лондон с опозданием. Кондуктор постоянно извиняется и не дает никому спать.

В вагоне-ресторане я покупаю чашку чая и сэндвич «для гурманов», свидетельствующий, насколько могут обесцениться кулинарные понятия. На вкус в нем ничего нет, кроме майонеза. Разрозненные мысли стучатся в мою усталость. Недостающие детали. Новые детали. Несуществующие детали.

Бывает незначительная ложь, такая пустячная, что не важно, веришь ты ей или нет. Иная ложь кажется невинной, но имеет огромные последствия. А иногда ложь состоит не в том, что ты говоришь, а в том, чего не говоришь. Ложь Джокса всегда так близка к правде.

У Кэтрин в Марсдене был роман с каким-то женатым мужчиной. Она его любила. Она тяжело переживала разрыв с ним. В ночь своей смерти она собиралась встретиться с кем-то. Был ли это Джокс? Может, именно поэтому она позвонила мне в офис: потому что он не появился. А может, появился. Он больше не женат. Давнее пламя разгорелось вновь.

Именно Джокс познакомил меня с Бобби. Он попросил оказать услугу Эдди Баррету.

Боже мой! У меня не укладывается в голове. Как бы мне хотелось уснуть, а проснуться в новом теле – или в новой жизни. Что угодно, но только не это. Мой лучший друг – я надеюсь, что заблуждаюсь относительно него. Мы с ним вместе с самого начала. Я раньше думал, что наше соседство по тележке в роддоме сделало нас почти братьями, негенетическими близнецами, которые, войдя в этот мир, вдохнули один и тот же воздух и увидели один и тот же яркий свет.

Я не знаю, что думать. Он мне солгал. Он сейчас у меня дома и использует ситуацию в своих интересах. Я видел, как он смотрит на Джулиану: с чувствами куда более сильными, чем те, с которыми смотрят просто на предмет зависти.

Джок – это постоянное соревнование. Дуэль. И больше всего он ненавидит, когда противник не оказывает сопротивления, потому что это обесценивает победу.

Кэтрин должна была стать для него легкой добычей. Джок всегда умел выбрать ранимых, хотя они и не возбуждали его так, как самоуверенные и крутые девушки. Его интрижки привели к двум разводам. Он ничего не мог с собой поделать.

Почему Кэтрин поддерживала отношения с тем, кто разбил ее сердце? И зачем указала имя Джока в автобиографии?

Кто-то должен был сказать ей, что мне нужна секретарша. Вряд ли она случайно ответила на объявление и только потом обнаружила, что устраивается на работу именно ко мне. Возможно, Джок снова начал встречаться с ней. На этот раз ему не нужно было бы держать их роман в тайне. Если только он не переживал из-за тех неприятностей, которые Кэрин причинила мне.

Чего мне недостает?

Она ушла из отеля «Гранд Юнион» одна. Джок не появился или же условился встретиться с ней позже. Нет! Это чушь! Джок не способен никого мучить, заставляя вонзать нож в собственную плоть. Он, может, и негодяй, но не садист.

Я хожу по кругу. В чем я уверен? Он знал Кэтрин. Он знал о ее жестокости по отношению к самой себе. И он солгал, что не знает ее.

Приступ страха накатывает на меня, как легкая горячка. Тетя Грейси сказала бы, что кто-то прошел по моей могиле.

Юстон-стейшн в холодный ясный вечер. Очередь на такси тянется через тротуар и вверх по ступенькам. По пути в Хэмпстед, глядя, как на счетчик взбираются красные цифры, я составляю план.

Привратник в доме Джока уже ушел домой, но дежурный узнает меня и впускает в фойе.

– Что случилось с вашим ухом?

– Укус насекомого. Воспаление.

Лестница внутри отделана махагони, и перила ярко блестят, отражая свет люстр. Квартира Джока во тьме. Я открываю дверь и замечаю красный огонек сигнализации. Она не включена. Джоку никак не удастся выучить код.

Я не зажигаю свет и иду по квартире до кухни. Черно-белая мраморная плитка делает пол похожим на гигантскую шахматную доску. Лампочка над плитой освещает пол и нижние ящики. Не знаю почему, но я боюсь включать верхний свет. Подозреваю, что это больше похоже на взлом, чем на визит.

Сперва я проверяю ящик под телефоном, разыскивая какие-нибудь свидетельства того, что Джек знал Кэтрин: записную книжку, письмо, счет за телефон. Я перехожу к шкафу в главной спальне, где хранятся костюмы, рубашки и галстуки Джека, разложенные по цвету. Десяток рубашек, еще не распакованных, лежат на отдельных полках.

В глубине шкафа я обнаруживаю коробку, набитую папками, счетами и квитанциями. Последний счет за телефон в прозрачной пластиковой обложке. Отчет об оказанных услугах включает список международных звонков, а также звонков на мобильные номера.

Просматривая первый список, я ищу номера, начинающиеся на 0151 – код Ливерпуля. У меня нет телефона Кэтрин.

Нет, есть! Он в ее автобиографии!

Я достаю из куртки все еще сырые страницы и аккуратно раскладываю их на ковре. Сравниваю номера с телефонным счетом, пробегая звонки от 13 ноября. Мой взгляд приковывают два звонка на мобильный Кэтрин. Второй был сделан в 5.24 утра и длился более трех минут: слишком долго, если человек ошибся номером, и достаточно, чтобы назначить свидание.

Что-то не так. У Руиза есть записи звонков с мобильного Кэтрин. Он должен знать об этих разговорах.

Карточка Руиза у меня в кармане, но она почти превратилась в тряпку после моего заплыва по каналу. Сперва включается автоответчик, но до того, как я вешаю трубку, раздается грубый голос, проклиная современные технологии и велящий мне подождать. Слышно, как он пытается отключить автоответчик.

– Инспектор Руиз... Ах, профессор вернулся. – Он видит номер Джека на дисплее. – И как дела в Ливерпуле?

– Откуда вы узнали?

– Одна птичка напела, что вы обратились за медицинской помощью. О предполагаемых нападениях положено сообщать. Как ухо?

– Слегка отморожено.

Я слышу, как он ест. Уплетает карри из микроволновки или какое-нибудь блюдо из местной забегаловки.

– Нам с вами пора еще разок поболтать. Я даже пошлю за вами машину.

– Я воспользуюсь вашим приглашением как-нибудь в другой раз.

– Наверное, мы просто друг друга не понимаем. Сегодня в десять утра был выдан ордер на ваш арест.

Я смотрю через коридор на входную дверь и прикидываю, сколько времени потребуется, чтобы снести ее с петель.

– Почему?

– Помните, я сказал вам, что найду еще что-нибудь? Кэтрин Макбрайд писала вам письма. Она хранила копии. Мы нашли их в ее компьютере.

– Это невозможно. Я не получал никаких писем.

– Что ж, тогда вы, без сомнения, придете и объясните нам ситуацию.

– Это какая-то ошибка. Бред. – На секунду я чувствую искушение рассказать ему все: об Элизе, и Джоке, и автобиографии Кэтрин. Но я придерживаю информацию, пытаюсь выторговать новую. – Вы сказали мне, что последний звонок Кэтрин был сделан в мой офис. Но в тот день она делала и другие звонки. Ей должны были звонить. Вы ведь это проверили, а? Вы ведь не бросили все, только завидев в списке мой номер?

Руиз не отвечает.

– Есть еще один человек, которого она знала в Марсдене. Я думаю, у нее был с ним роман. И думаю, он связывался с ней в тот день, тринадцатого. Вы слушаете?

В моем голосе отчаяние. Руиз не собирается делиться информацией. Он сидит себе, криво ухмыляясь, и думает, что ничто не ново под солнцем. А может, он хитрит. Выжимает из меня все по капле.

– Однажды вы сказали мне, что собираете отдельные частички информации, пока из них не сложится цельная картина. Что ж, я пытаюсь вам помочь. Я пытаюсь найти истину.

Вечность спустя Руиз нарушает молчание:

– Вы хотите знать, допросил ли я вашего друга доктора Оуэнса насчет его отношений с Кэтрин Макбрайд? Ответ утвердительный. Я с

ним говорил. Я спросил его, где он провел ночь, и, в отличие от вас, он предоставил мне алиби. Сказать вам, с кем он был? Или, возможно, если я оставлю вас бродить в неведении достаточно долго, вы наткнетесь на правду? Спросите вашу жену, профессор.

– А при чем здесь она?

– *Она* его алиби.

Черный кеб высаживает меня на Примроуз-Хилл-авеню, и оставшуюся четверть мили я иду пешком. Мысли путаются, но равнодушный, неодолимый поток событий унес мою нерешительность прочь.

Мои тщетные попытки защитить людей от чего-то, недоступного моему пониманию, провалились. Кто-то где-то смеется надо мной. Вот дурак! Все это время я действовал исходя из неверного убеждения, что завтра все будет по-другому. «Проснись и пой», – всегда говорит мне Джок. Да, вот я и дождался: каждый день оказывается хуже предыдущего.

В конце моей улицы я останавливаюсь, оправляю одежду и быстро иду по тротуару, остерегаясь неровной каменной мостовой. Верхние этажи нашего дома во тьме, если не считать света в главной спальне и в ванной на втором этаже.

Что-то останавливает меня. В дальнем конце дороги, в густой тени платанов, я вижу отблеск циферблата ручных часов, которые подносят к лицу. Свет гаснет. Никто не двигается. Неведомый хозяин часов ждет.

Согнувшись я передвигаюсь от одной припаркованной машины к другой, бросая взгляды поверх автомобильных крыш. Я могу различить только фигуру в тени. Еще кто-то сидит в машине. Огонек сигареты освещает его губы.

Их послал Руиз. Они ждут меня.

Я продолжаю путь, держась в тени, поворачиваю за угол и подхожу с другой стороны. Я узнаю дом Фрэнклинов, расположенный прямо за нашим.

Перепрыгиваю через калитку и пересекаю их сад, держась подальше от прямоугольников света, проникающего из окон. Дейзи Фрэнклин помешивает что-то на плите. Две кошки вьются у ее ног. Возможно, под юбкой у нее прячется целая кошачья семья.

Я направляюсь к гнилой вишне в дальнем углу сада и взбираюсь вверх, перекидывая ногу через забор. Другая нога застревает и не хочет следовать за первой. Мое тело всем своим весом движется

вперед, и я противостояю силе притяжения только долю секунды, медленно взмахивая руками, прежде чем рухнуть головой в кучу компоста.

Бормоча проклятия, я ползу на четвереньках, давя улиток ладонями, и наконец поднимаюсь над фуксиями. Из французского окна проникает свет. Джулиана сидит за кухонным столом, мокрые волосы обернуты полотенцем.

Ее губы шевелятся. Она с кем-то говорит. Я выгибаю шею, чтобы разглядеть, кто это, и опираюсь на большую бочку из итальянской оливы, которая начинает качаться, но я спасаю ее от падения, крепко обхватив.

Через стол протягивается рука, чьи-то пальцы сплетаются с ее пальцами. Это Джок. Меня мутит. Она отталкивает его руку и бьет по запястью, словно непослушного ребенка. Потом идет через кухню и наклоняется, чтобы поставить чашки в посудомоечную машину. Джок следит за каждым ее движением. Я хочу выколоть ему глаза.

Я никогда не был ревнивцем, но внезапно мне смутно вспоминается бывший пациент, которого преследовала мысль о том, что он потеряет жену. У нее была прекрасная фигура, и он воображал, что мужчины постоянно пялятся на ее грудь. Постепенно в его глазах ее грудь становилась все больше и больше, а топы все меньше и уже. Каждое ее движение казалось вызывающим. Все это было ерундой, но не для него.

Джок любит красивую грудь. Обе его жены делали пластическую операцию. Зачем довольствоваться скудными щедротами природы, если все можно купить за деньги?

Джулиана поднялась наверх высушить волосы. Джок роется в кармане своей кожаной куртки. Его силуэт вырисовывается в окне, а потом он выходит наружу. Под его ногами хрустит щебенка. Вспыхивает зажигалка. Тлеет конец сигары.

Я подставляю ему ногу, он спотыкается и тяжело приземляется, рассыпав искры.

– Джо!

– Убирайся из моего дома!

– Боже! Если только ты прожег мой джемпер...

– И держись подальше от Джулианы!

Он пятится назад и пытается сесть.

– Не подниматься!

– Почему ты здесь прячешься?

– Потому что с той стороны полицейские, – говорю я таким тоном, словно это само собой разумеется.

Он разглядывает сигару и размышляет, зажигать ли ее снова.

– У тебя был роман с Кэтрин Макбрайд. Твое имя указано в ее чертовой автобиографии!

– Полегче, Джо! Я не понимаю, о чем ты...

– Ты сказал мне, что не был знаком с ней. Ты встречался с ней в ту ночь.

– Нет.

– Ты договорился с ней о встрече.

– Без комментариев.

– Что значит «без комментариев»?

– То и значит: без комментариев.

– Хватит молоть чепуху! Ты договорился с ней о встрече.

– Я не пришел.

– Лжешь!

– Хорошо, я лгу, – саркастически замечает он. – Думай, что хочешь, Джо.

– Не юли.

– А что ты рассчитывал услышать? С ней можно было перепихнуться. Я договорился с ней. И не пришел. Конец истории. Не читай мне нотаций. Ты переспал со шлюхой. У тебя нет права морализировать.

Я размахиваюсь, но на этот раз он готов к удару. Он откатывается вбок и бьет меня ногой в пах. Боль вызывает шок, колени подгибаются. Мой лоб упирается ему в грудь, пока он удерживает меня от падения.

– Это все не имеет значения, Джо, – мягко говорит он.

Ловя ртом воздух, я цежу:

– Нет, имеет. Они думают, что я ее убил.

Джок помогает мне подняться. Я отталкиваю его руку и отступаю на шаг.

– Они думают, что у меня был с ней роман. Ты мог бы сказать им правду.

Джок лукаво смотрит на меня:

– Насколько я понимаю, ты тоже с ней баловался.

– Это вздор, и ты это знаешь.

– Ты должен посмотреть на ситуацию с моей точки зрения. Я не хотел в это впутываться.

– И поэтому помог меня утопить.

– У тебя было алиби, ты просто им не воспользовался.

Алиби. Вот к чему все сводится. Я должен был находиться дома с женой – с моей беременной женой. Она должна была обеспечить алиби *мне*.

Это было в среду вечером. У Джулианы был испанский. Она обычно возвращается домой не раньше десяти.

– Почему ты не пришел к Кэтрин?

В глубине его глаз видна усмешка.

– Я получил предложение получше.

Он не собирается мне говорить сам. Хочет, чтобы я спросил.

– Ты был с Джулианой?

– Да.

Я чувствую, как внутри у меня что-то обрывается. Теперь мне страшно.

– Где ты с ней встретился?

– Позаботься лучше о своем алиби, Джо.

– Отвечай.

– Мы пообедали. Она хотела меня видеть. Спрашивала о твоём состоянии. Она не верила, что ты скажешь ей правду.

– А после обеда?

– Мы пришли сюда и выпили кофе.

– Джулиана беременна. – Это утверждение, а не вопрос.

Я вижу, как он снова собирается солгать, но передумывает. Теперь между нами полное взаимопонимание. Все мелкие обманы и полуправды Джока унизили его.

– Да, она беременна. – Он тихо смеется. – Бедняга Джо, ты не знаешь, радоваться тебе или огорчаться. Неужели ты ей не доверяешь? Разве ты ее не знаешь?

– Я думал, что знаю тебя.

Наверху шумит туалет. Раздаются шаги. Джулиана готовится ко сну.

– Письма Кэтрин – она писала их тебе?

Он снова молчит. Я должен догадаться сам.

Его молчание бесит меня. Я хочу взять его теннисную ракетку и заехать ему по коленной чашечке. Ах вот оно что! Ответ. У меня с Джоком одинаковые инициалы – Дж. О. Так, наверное, она обращалась в письмах. Она писала их ему.

– Ты должен сказать полиции.

– Может, я должен сообщить им о твоём местонахождении?

Он не шутит. Внутри меня поднимается желание его убить. Я устал соревноваться.

– Это из-за Джулианы? Ты что, думаешь, что все эти годы я грел для тебя место? Забудь об этом. Она не прибежит к тебе за помощью, если со мной что-нибудь случится. Не прибежит, если ты меня предашь. Ты не сможешь жить с самим собой.

– Я уже живу с собой, и в этом вся беда. – Его глаза блестят, а гулкий голос дрожит. – Тебе, Джо, очень повезло с семьей. Мне это не удалось.

– Ты не мог постоянно жить с одной женщиной.

– Я не нашел подходящую.

На его лице написано разочарование. Внезапно мне все становится ясно. Я вижу жизнь Джока такой, какая она есть: серия горьких разочарований, где все ошибки повторяются снова и снова, поскольку он не в силах изменить себя.

– Убирайся из моего дома, Джок, и держись подальше от Джулианы.

Он собирает вещи: портфель и куртку – поворачивается ко мне, достает ключ от входной двери и кладет его на стойку кухни. Я замечаю, как он бросает взгляд на лестницу, словно прикидывая, стоит ли попрощаться с Джулианой. Решает этого не делать и уходит.

Когда за Джоком закрывается дверь, я чувствую опустошающее, гложащее сомнение. Полицейские все еще здесь. Ему ничего не стоит сказать им про меня.

Не успеваю я осмыслить опасность, как вниз спускается Джулиана. У нее почти сухие волосы, на ней штаны от пижамы и джемпер. Не шевелясь, я наблюдаю за ней из сада. Она наливает стакан воды и поворачивается к французскому окну посмотреть, заперто ли оно. Ее глаза встречаются с моими, и в них не отражается

никаких чувств. Она наклоняется и берет спортивную куртку, висящую на спинке стула. Накидывая ее на плечи, она выходит в сад.

– Что с тобой случилось?

– Я упал с забора.

– Я говорю о твоём ухе.

– Паршивый тату-мастер.

Джулиана не настроена на остроумные комментарии.

– Ты что, следишь за мной?

– Нет. С чего ты взяла?

Она пожимает плечами.

– Кто-то следит за домом.

– Полиция.

– Нет. Кто-то еще.

– Джок сказал, что кто-то пытался влезть в дом.

– Ди Джей их спугнул. – Она говорит о нем, словно о сторожевой собаке.

Свет падает сзади, создавая легкий ореол вокруг ее головы. На ногах у Джулианы «самые уродливые тапочки в мире», которые я купил ей в сувенирном магазине при одной ферме. Я не могу придумать, что сказать. Просто стою и не понимаю, подойти ли ближе. Момент упущен.

– Чарли хочет котенка на Рождество, – говорит она, кутаясь в куртку.

– Я думал, это было в прошлом году.

– Да, но теперь она открыла прекрасное средство. Если хочешь котенка, проси лошадь.

Я смеюсь, и она улыбается, не сводя с меня глаз. Следующий вопрос сформулирован с ее привычной прямоотой:

– У тебя был роман с Кэтрин Макбрайд?

– Нет.

– У полиции есть ее любовные письма.

– Она писала их Джоку.

Ее глаза расширяются.

– У них был роман еще в Марсдене. Джок и был тем женатым мужчиной, с которым она встречалась.

– Когда ты это узнал?

– Сегодня.

Ее взгляд все еще прикован ко мне. Она не знает, верить или нет.

– Почему Джок не сообщил полиции?

– Я пытаюсь это понять. Я не доверяю ему. И не хочу, чтобы он крутился здесь.

– Почему?

– Потому что он солгал мне, утаил информацию от полиции и должен был встречаться с Кэтрин в ту ночь, когда она умерла.

– Ты шутишь! Ведь ты о Джоке говоришь. Он твой лучший друг...

– И моя жена обеспечила его алиби. – Это звучит как обвинение.

Ее зрачки сужаются до размеров игольного ушка.

– Алиби для чего, Джо? Ты думаешь, что он кого-то убил, или полагаешь, что он спит со мной?

– Я этого не говорил.

– Нет. Ты никогда не говоришь то, что думаешь. Ты все окружаешь скобками, кавычками и вопросительными знаками. – Она заводится. – Если ты такой блестящий психолог, тебе надо присмотреться к собственным недостаткам. Мне надоело тешить твое эго. Хочешь, чтобы я повторила? Вот список. Ты совершенно не похож на своего отца. Твой пенис нормального размера. Ты проводишь достаточно времени с Чарли. Тебе не стоит ревновать к Джоку. Моей матери ты действительно нравишься. И я не сержусь на тебя за то, что ты испортил мой черный кашемировый джемпер, оставив в карманах платки. Удовлетворен?

Десять лет скрытой терапии, сконцентрированные в шести отрывистых фразах. Боже мой, эта женщина хороша. Соседские собаки начинают лаять, словно хор, призванный одобрить ее речь.

Она поворачивается, собираясь уйти в дом. Я не могу отпустить ее так, поэтому начинаю говорить: рассказываю всю историю о том, как нашел автобиографию Кэтрин и обыскал квартиру Джока. Я пытаюсь казаться рассудительным, но боюсь, что все это выглядит так, словно я хватаюсь за соломинку.

Ее красивое лицо выглядит усталым.

– Ты в ту ночь встречалась с Джоком. Куда вы ходили?

– Он водил меня поужинать в Бейсуотер. Я знала, что ты не расскажешь о диагнозе. Хотела спросить его.

– Когда ты ему позвонила?

– В тот день.

– Во сколько он ушел отсюда?

Она грустно качает головой.

– Я тебя не узнаю. Ты одержим. Я не из тех, кто...

Я не хочу этого слышать. Я выкрикиваю:

– Я знаю о ребенке.

Она слегка дрожит. Возможно, из-за прохлады. И тогда в ее глазах я вижу, что мы друг друга теряем. Пульс становится слабее. Может, она и хочет быть со мной, но обойдется и без меня. Она достаточно сильна, чтобы справиться в одиночку. Она пережила потерю отца, страх за Чарли, когда та в полтора года болела менингитом, биопсию правой груди. Она сильнее меня.

Я медленно ухожу, вдыхая холодный воздух. Потом оглядываюсь на дом. Кухня уже погружена во тьму. Я вижу, как Джулиана поднимается, выключая по пути свет.

Джок далеко. Даже если он скажет Руизу правду, сомневаюсь, что ему поверят. На него посмотрят как на друга, пытающегося спасти меня. Я пересекаю сад Фрэнклинов и выскальзываю на боковую дорожку. Потом иду к Вест-Энду, наблюдая за тем, как моя тень то появляется, то исчезает под фонарями.

Проезжающий мимо кеб замедляет движение. Водитель смотрит на меня. Я открываю дверцу.

Элиза не считает себя пророком и не любит, когда журналисты изображают ее евангелисткой, спасающей девушек от улицы. Она также не считает проституток «падшими женщинами» или жертвами жестокого общества.

Во всех нас есть скрытые таланты, но Элиза в глубине себя отыскала бриллиант. Это открытие свершилось, когда она дошла до самого низа, – через шесть месяцев после освобождения из тюрьмы. Совершенно неожиданно она оставила мне в Марсдене сообщение: только адрес и никаких подробностей. Не знаю, каким образом она меня нашла. Элиза изменилась – минимум косметики, короткая стрижка. В темной юбке и жакете она походила на мелкого служащего. У нее была идея, и она хотела узнать мое мнение. Пока она говорила, я чувствовал, как изменилась погода: не снаружи, а в ее голове.

Элиза хотела организовать центр для девушек с улицы, где им давали бы советы о безопасности и сохранении здоровья, давали

приют и предлагали программы реабилитации от наркозависимости. У нее были кое-какие сбережения, и она арендовала старый дом у станции Кингс-кросс.

Этот центр оказался лишь началом. Вскоре она основала ПТЛ. Я всегда удивлялся количеству людей, к которым она могла обратиться за советом: судьи, юристы, журналисты, социальные работники и рестораторы. Иногда я прикидывал, сколько из них в прошлом были ее клиентами. То есть я помог ей... и это не имело отношения к сексу.

Дом «вверх тормашками» не освещен. Тюдоровские колонны блестят от инея. Над звонком загорается маленькая лампочка, когда я нажимаю на кнопку. Наверное, уже полночь. Я слышу звонок, разносящийся эхом по холлу. Элизы нет дома.

Мне надо преклонить голову на несколько часов. Просто поспать. Я знаю, где Элиза прячет запасной ключ. Она не будет возражать. Я постираю свою одежду, а утром приготовлю ей завтрак. И тогда скажу ей, что мне все-таки требуется алиби.

Я вставляю ключ в замок. Два поворота. Беру другой ключ. Еще один замок. Дверь открывается. На ковер высыпается почта. Элизы не было дома несколько дней.

Иду по натертым полам, мои шаги эхом отдаются в пустоте. В фойе атмосфера бутика: расшитые подушки и индийские ковры. На автоответчике мигает лампочка. Пленка записана до конца.

Сначала я замечаю ее ноги. Она растянулась на елизаветинской кушетке, лодыжки связаны коричневым скотчем. На голову надет черный полиэтиленовый пакет, закрученный вокруг шеи. Она откинулась назад. Руки связаны за спиной. Юбка задрана, колготки изорваны.

В одно мгновение я опять становлюсь врачом: разрываю полиэтилен, щупаю пульс, прикладываю ухо к груди. Ее губы посинели, а тело окоченело. Волосы прилипли ко лбу. Глаза открыты и с изумлением смотрят на меня.

Я чувствую острую боль внутри, словно дрель проделывает дыру в моих внутренностях. Я снова и снова вижу все: борьбу и умирание, попытки освободиться. Сколько кислорода может быть в пакете? Не больше чем на десять минут. Десять минут, чтобы бороться. Десять минут, чтобы умереть. Извиваясь и брыкаясь, она втянула полиэтилен в рот. На полу рассыпаны диски, столик перевернут. Фотография в

рамке лежит лицом вниз среди битого стекла. Застежка золотой цепочки сломана.

Бедная Элиза. Я все еще помню ее мягкие губы на моей щеке, когда она прощалась со мной в ресторане. На ней тот же темно-синий топ и мини-юбка в тон. Видимо, это случилось в четверг, через некоторое время после нашей встречи.

Я перехожу из комнаты в комнату, ища следы взлома. Входная дверь была заперта снаружи. Видимо, он забрал ключи.

На столе в кухне стоит кружка с ложкой гранул растворимого кофе на дне. Чайник лежит на боку, один стул перевернут. Ящик стола открыт. В нем аккуратно сложенные полотенца, коробочка с инструментами, электрические пробки и сверток черных пакетов для мусора. Новый пакет, лежащий в мусорном ведре, пуст.

Пальто Элизы висит на двери. На столе рядом с кошельком лежат ключи от машины, два нераспечатанных письма и мобильный телефон. Батарея села. Где ее шарф? Возвратившись в комнату, я нахожу его на полу за креслом. Тугой узел, завязанный на шарфе, превратил его в шелковую удавку.

Элиза была слишком осторожна, чтобы открыть дверь незнакомцу. Либо она знала убийцу, либо он уже был внутри, когда она вернулась. Где? Как? Вторая дверь сделана из высокопрочного стекла и ведет в маленький кирпичный дворик. Сенсор включает систему безопасности.

Кабинет внизу захламлен, но чист. Кажется, ничего не пропало, во всяком случае, DVD и ноутбук на месте.

Наверху во второй спальне я снова осматриваю окна. Одежда Элизы висит на вешалках нетронутая. Ее шкатулка с драгоценностями, отделанная перламутром, лежит в нижнем ящике туалетного столика. Если бы ее кто-то искал, легко бы обнаружил.

В ванной сиденье унитаза опущено. Коврик для ванны висит на сушилке над большим синим полотенцем. Новый тюбик с зубной пастой стоит в подарочной кружке из палаты общин. Я наступаю на педаль корзины, и крышка поднимается. Пусто.

Я уже собираюсь уходить, когда замечаю горстку темного порошка на белом кафеле под раковиной. Провожу пальцем по поверхности и собираю тонкую серую пыль, пахнущую розой и лавандой.

На подоконнике у Элизы стояла расписанная керамическая чаша с ароматической смесью. Возможно, она ее разбила. Тогда она должна была смести осколки в совок и выбросить в мусорное ведро на кухне, но в ведре ничего нет.

Пристально рассматривая окно, я вижу участки дерева на краях, где отвалилась краска. Раму красили закрытой, а потом открыли. Подсунув пальцы под раму, я тяну ее на себя, сжимая зубы, когда разбухшее дерево начинает скрипеть.

Выглянув наружу, я вижу канализационные трубы и плоскую крышу прачечной десятью футами ниже. Кирпичная стена внутреннего двора увита глицинией, и по ней легко взобраться. Трубы могли послужить опорой, чтобы добраться до окна.

Я закрываю глаза и, мысленно воссоздавая картину произошедшего, вижу, как кто-то стоит на трубах и вскрывает окно. Он пришел не для того, чтобы украсть или учинить погром. Он опрокидывает чашу с ароматической смесью, протискиваясь в окно, и ему приходится прибраться. Он не хочет оставлять следов взлома. Потом он ждет.

Шкаф под лестницей запирается на засов. Это чулан для швабр и метел – достаточно большой, чтобы в нем спрятаться, съездившись, и смотреть в щелку между задней стенкой и полом.

Элиза приезжает домой. Поднимает почту с пола и несет в кухню. Она вешает пальто на дверь и бросает вещи на стол. Потом набирает чайник и кладет ложку кофе в кружку. Он нападает на нее сзади, накидывает шарф на шею, убеждается, что узел сжимает ей дыхательное горло. Когда она теряет сознание, он тащит ее в холл, оставляя следы на ворсе ковра.

Он связывает ей руки и ноги, аккуратно обрезая ленту и убирая все обрезки, которые падают на пол.

Потом надевает на голову мешок для мусора. В какой-то момент она приходит в себя и видит только темноту. В это время она уже умирает.

Вспышка ярости заставляет меня открыть глаза. Вижу свое отражение в зеркале ванной: отчаявшееся лицо, лицо, выражающее замешательство и страх. Я падаю на колени, ударяюсь подбородком о сиденье, и меня тошнит в унитаз. Затем я бреду в главную спальню. Занавески закрыты, на постели смятое и несвежее белье. Мои глаза

прикованы к мусорному ведру. Там лежит полдюжины скомканных салфеток. Всплывают воспоминания: бедра Элизы на моих бедрах, наши тела вместе, я вхожу в нее.

Я начинаю судорожно рыться в ведре, собирая салфетки. Мои глаза бегают по комнате. Притронулся ли я к лампе? А к двери, подоконнику, перилам?

Это безумие. Я не могу очистить место преступления. По всему дому будут следы моего пребывания. Она расчесывала мне волосы. Я спал в ее постели. Пользовался ее ванной. Пил вино из бокала, кофе из кружки. Я дотрагивался до выключателей, музыкальных дисков, стульев, боже мой, в конце концов, мы с ней занимались любовью на диване!

Звонит телефон. Сердце едва не прыгает у меня из груди. Я не могу рисковать и брать трубку. Никто не знает, что я здесь. Я жду, прислушиваясь к звонку, и почти готов к тому, что Элиза шевельнется и скажет: «Пожалуйста, ответь. Может, это важно».

Телефон замолкает. Я снова начинаю дышать. Что мне делать? Позвонить в полицию? Нет! Надо убираться отсюда. Но я не могу оставить ее здесь. Я должен кому-нибудь сказать.

У меня звонит мобильный. Я роюсь по карманам и, наконец достав его, могу удержать только обеими руками. Номер не узнаю.

– Это профессор Джозеф О'Лафлин?

– Кто спрашивает?

– Это из полиции. Нам поступил звонок о вторжении в частное владение по адресу в Лэдброук-гроув. Информатор дал этот номер в качестве контактного. Это правда?

Мое горло сжимается, и я с трудом могу произносить гласные. Бормочу, что нахожусь вдали от указанного адреса. Нет-нет, этого недостаточно.

– Извините. Мне плохо слышно, – мямлю я. – Перезвоните, пожалуйста. – Отключаю телефон и в ужасе смотрю на погасший экран. Я не слышу собственных мыслей из-за гула в голове. Он, все усиливаясь, грохочет у меня в черепе, словно грузовой поезд в туннеле.

Мне надо убираться. Бежать! Перепрыгивая через ступеньки, я несусь вниз и падаю. Бежать! Хватая ключи от машины Элизы, я

думаю только о свежем воздухе, о месте подальше отсюда и о милосердном сне.

За час до рассвета дороги отполированы дождем и клочья тумана появляются и исчезают среди мороси. Угон машины Элизы волнует меня меньше всего. Установить контакт с непослушной левой ногой – куда более насущная проблема.

Где-то около Рексхема я сворачиваю на грязную дорогу, ведущую к ферме, останавливаюсь и засыпаю.

Образ Элизы вспыхивает в моем мозгу, словно выхваченный из тьмы фарами машин. Я вижу ее синие губы и расширенные глаза – глаза, которые продолжают следить за мной.

В моем мозгу сидят занозы вопросов и подозрений. Бедная Элиза.

«Позаботься лучше о собственном алиби», – сказал Джок. Что он имел в виду? Даже если бы я смог доказать, что не убивал Кэтрин – чего сейчас уже не могу, – они все равно обвинили бы меня. Теперь они за мной придут. В моем сознании разворачивается сцена: полицейские, идущие цепью, прочесывая поля, ведущие овчарок на поводке, едущие на лошадях – охотящиеся за мной. Я проваливаюсь в ямы, пробираясь к набережной. Кустарники цепляются за одежду. Собаки приближаются.

Кап-кап – капли стучат по стеклу. В ярком свете я ничего не вижу. Глаза словно засыпаны песком, тело окоченело от холода. Я нащупываю ручку и опускаю стекло.

– Извините, что разбудил вас, мистер, но вы мешаете движению. – Седая голова в шерстяной шляпе маячит в окне. Внизу у ног человека лает собака. Слышно тарактенье трактора, стоящего сзади. – Не стоит так долго тут спать. Чертовски холодно.

– Спасибо.

Светло-серое облако, чахлые деревья и пустые поля – вот что я вижу перед собой. Солнце взошло и теперь борется, пытаюсь прогреть день. Я сворачиваю с дороги и смотрю, как трактор въезжает в ворота и трясется по лужам к полуразвалившемуся амбару.

Мотор заводится, я включаю печку на полную мощность и звоню Джулиане. Она уже не спит и слегка запыхалась после своей тренировки.

– Ты давала Джоку адрес Элизы?

– Нет.

– Ты при нем о ней упоминала?

– К чему все это, Джо? Что случилось?

– Ты сказала ему что-нибудь?

– Не понимаю, о чем ты. У тебя что, паранойя?

Я кричу на нее, чтобы она выслушала меня, но она сердится.

– Не вешай трубку! Не вешай!

Но уже поздно. За миг до того, как связь обрывается, я кричу в телефон:

– Элиза мертва!

Нажимаю на повторный набор. Пальцы не слушаются, и я чуть не роняю телефон. Джулиана немедленно отвечает:

– Что ты сказал?

– Ее убили. В полиции решат, что это сделал я.

– Почему?

– Я обнаружил ее тело. По всему ее дому остались мои отпечатки и бог знает что...

– Ты пошел к ней домой? – В ее голосе сквозит недоверие. – Зачем ты туда пошел?

– Послушай, Джулиана. Два человека погибли. Кто-то пытается меня подставить.

– С какой целью?

– Не знаю. Именно это я и пытаюсь понять.

Джулиана глубоко вздыхает.

– Ты меня пугаешь, Джо. Ты говоришь как сумасшедший.

– Разве ты не слышала, что я сказал?

– Иди в полицию. Расскажи им, что произошло.

– У меня нет алиби. Я единственный подозреваемый.

– Тогда поговори с Саймоном. Пожалуйста, Джо.

В слезах она прерывает разговор, забыв повесить трубку. Я не могу дозвониться.

Будущий личный врач Господа Бога открывает дверь. Он в халате, в руке у него газета, а на лице – сердитый оскал, призванный напугать непрошенных гостей.

– Я думал, это чертовы певцы из хора, – ворчит он. – Терпеть их не могу. Фальшивят все до одного.

– Я думал, что в Уэльсе прекрасные хоры.

– Идиотский миф. – Он смотрит через мое плечо. – Где твоя машина?

– Оставил ее за углом, – вру я. На самом деле я запарковал «жучок» Элизы на железнодорожной станции и прошел пешком полмили.

Я иду за отцом через холл в кухню. Его стоптанные матерчатые тапки шлепают по белоснежным пяткам.

– Где мама?

– Она рано встала и ушла. Какая-то акция протеста. Твоя мать превращается в настоящую левую: постоянно протестует против чего-то.

– Хорошо.

Он усмехается, явно не соглашаясь.

– Сад прекрасно выглядит.

– Ты должен посмотреть задний двор. Стоил нам целое состояние. Твоя мама, без сомнения, проведет для тебя экскурсию. Эти чертовы телепрограммы о стиле жизни надо запретить. Все эти «революции в саду» и «десанты на задний двор» – я бы сам их разбомбил.

Отец несколько не удивлен моим появлением, хотя я и приехал без предупреждения. Наверное, думает, что мама ему об этом говорила, когда он не слушал. Он набирает воды в чайник и выбрасывает старую заварку из чайника поменьше.

Скатерть уставлена всякими безделушками, приобретенными во время отпуска, вроде чайника с изображением собора Святого Марка или конфитюрницы из Корнуолла. Сувенирную ложку в честь серебряного юбилея им подарили в Бэкингемском дворце во время какого-то праздника.

– Будешь яйцо? Бекона нет.

– Яйца – это прекрасно.

– Может, в холодильнике есть ветчина, если хочешь омлет.

Он ходит по кухне, пытаясь предугадать, что мне надо. Халат завязан на поясе шнуром с кисточками, очки прикреплены к карману золотой цепочкой, чтобы не потерять. Он знает о моем аресте. Почему он ничего не сказал? Это ведь прекрасная возможность заявить: «Я же

тебя предупреждал». Он может все свалить на мой выбор профессии и сказать, что ничего подобного не случилось бы, стань я врачом.

Он садится к столу и смотрит, как я ем, периодически прихлебывая чай, складывая и разворачивая «Таймс». Я спрашиваю, играет ли он в гольф. Уже три года, как не играет.

– Это там новый «мерседес»?

– Нет.

Тишина затягивается, но только я испытываю от этого неловкость. Он сидит и читает заголовки, изредка бросая на меня взгляд поверх газеты.

Этот коттедж принадлежал семье еще до моего рождения. Большую часть времени до полуотставки отца мы проводили здесь отпуск. У нас были еще дома в Лондоне и Кардиффе. В любом месте больницы и университеты обеспечивали отца жильем, если он соглашался поработать на полставки.

Когда родители купили этот дом, участок занимал девяносто акров, но большую часть земли они сдали в аренду соседу, молочному фермеру. Дом выстроен из местного камня, в нем три комнаты с низкими потолками и странными изгибами в тех местах, где фундамент насчитывает больше века.

Я хочу прибраться до прихода мамы. Спрашиваю отца, нельзя ли мне позаимствовать рубашку и, может, брюки. Он показывает мне свой гардероб. На кровати аккуратно сложен мужской спортивный костюм.

Он замечает мой взгляд.

– Мы с твоей мамой ходим гулять.

– Я не знал.

– Только последние несколько лет. В хорошую погоду мы встаем рано. В Сноудонии есть несколько прекрасных маршрутов для прогулок.

– Слышал.

– Помогает поддерживать форму.

– Молодцы.

Он прокашливается и отправляется на поиски чистого полотенца.

– Полагаю, ты хотел бы принять душ, а не ванну. – В его устах слово «душ» отдает чем-то новомодным и предательским. Истинный валлиец погрузился бы в жестяную лохань у очага.

Я подставляю лицо под струи воды, заполняя слух ее шумом. Я пытаюсь смыть грязь последних нескольких дней и утопить голоса, звучащие в голове. Все началось с моей болезни: химический дисбаланс, расшатанные нервы. Больше похоже на рак: группа взбесившихся клеток, поразивших каждый уголок моей жизни, с каждой секундой размножающихся и устремляющихся к новым хозяевам.

Я ложусь в комнате для гостей и закрываю глаза. Мне просто надо отдохнуть несколько минут. Ветер стучит в окно. Я чувствую запах влажной земли и угольного дыма. Смутно помню, как отец накрывает меня одеялом. Может, это мне просто снится. Моя грязная одежда перекинута через его руку. Он наклоняется и гладит меня по волосам.

Через какое-то время я слышу на кухне звон ложек в кружках и голос матери. Другой звук, почти столь же знакомый: отец колет лед.

Раздвигая занавески, я вижу снег на далеких холмах и остатки инея на лужайках. Может, у нас будет снег под Рождество – как в тот год, когда родилась Чарли.

Я больше не могу здесь оставаться. Как только полицейские найдут тело Элизы, они сложат два и два и примутся меня искать, вместо того чтобы ждать, когда объявлюсь сам. И это будет одно из первых мест, в которое они придут.

Моча течет в унитаз. Брюки отца мне велики, но я подтягиваю ремень, из-за чего материя собирается складками у пояса. Родители не слышат, как я иду по коридору. Я стою в дверях и наблюдаю за ними.

Мама, как всегда, безупречно одета: на ней кашемировый свитер персикового цвета и серая юбка. Разменяв пятый десяток, она раздалась в талии и так и не смогла похудеть.

Она ставит перед отцом чашку чая и чмокает его в макушку.

– Полюбуйся, – говорит она. – На колготках побежала петля. Вторая пара за неделю.

Он обнимает ее за талию и прижимает к себе. Я смущен. Не припомню, чтобы когда-нибудь видел их в столь интимной обстановке.

Мама подпрыгивает от неожиданности и ругает меня за то, что я к ней «подкрался».

Начинает суетиться насчет моей одежды. Говорит, что с легкостью ушила бы брюки. И не спрашивает, где мои собственные вещи.

– Почему ты не сказал нам, что приезжаешь? – спрашивает она. – Мы до смерти волновались, особенно после этих отвратительных статей в газетах. – Она говорит об этом, словно о комке шерсти, выплюнутом на ковер.

– Что ж, по крайней мере, теперь все позади, – строго произносит она, словно подводя черту под эпизодом. – Конечно, какое-то время мне придется не ходить в бридж-клуб, но, смею надеяться, скоро все забудется. Гвинет Эванс будет ужасно довольна. Она решит, что теперь от нее отстанут. Ее старший сын Оуэн сбежал с няней и оставил бедняжку жену с двумя сыновьями на руках. Теперь у дам будет другая тема для обсуждения.

Кажется, отец равнодушен к разговору. Он читает, так близко придвинув книгу к носу, словно хочет ее вдохнуть.

– Давай же, я хочу показать тебе сад. Он чудесен. Но ты должен пообещать, что приедешь весной, когда все зацветет. У нас собственный парник и на конюшне новая крыша. И сырость прошла. Помнишь тот запах? За стенами жили крысы. Ужасно!

Она вытаскивает две пары резиновых сапог.

– Не помню, какой у тебя размер.

– Эти подойдут.

Она заставляет меня взять отцовский плащ и ведет через заднюю дверь на дорожку. Пруд замерз и напоминает бесцветный суп, а земля выглядит перламутровой. Мама указывает на каменную стену, которую я с детства помню кривой, а теперь она стоит прямая и твердая, словно сложенная из конструктора. К стене прислонилась новая теплица с блестящими стеклами и свежеструганными сосновыми подпорками. Подносы с рассадой стоят на столах, и корзинки, устланные мхом, свисают с потолка. Мама надавливает на кнопку, и мелкий спрей туманится в воздухе.

– Пойдем, посмотришь на старые конюшни. Оттуда вынесли весь мусор. Теперь там даже можно жить. Я покажу тебе.

Мы идем по тропинке мимо грядок, вдоль сада. Мама болтает, но я слушаю вполуха. Смотрю на нее: в проборе ее седых волос видна кожа.

– Как прошла акция протеста? – спрашиваю я.

– Хорошо. Мы собрали более пятидесяти человек.

– И против чего выступали?

– Против этой проклятой ветряной электростанции. Ее собираются строить прямо на водоразделе. – Она неопределенно машет рукой. – Ты когда-нибудь слышал звук ветряной турбины? Чудовищный шум. Лопасти вращаются. Воздух кричит от боли.

Поднимаясь на цыпочки, она протягивает руку и достает ключ из тайника над дверью.

В груди моей опять все сжимается.

– Что ты сказала?

– Когда?

– Только что... «воздух кричит от боли».

– Ах, ветряные мельницы, они издают ужасный звук.

Она держит ключ в руке. Он привязан к деревянной резной фигурке. Я непроизвольно хватаю ее за запястье. Поворачиваю ее руку и разжимаю пальцы.

– Кто тебе это дал? – Мой голос дрожит.

– Джо, мне больно. – Она смотрит на брелок. – Мне его дал Бобби. Тот самый молодой человек, о котором я тебе говорила. Он починил стену и крышу на конюшне. Построил парник и высадил рассаду. Такой прекрасный работник. Он водил меня посмотреть на мельницы...

На какое-то мгновение мне кажется, что я падаю. Но ничего не происходит. Словно кто-то накренил пространство и я повис, сжимая дверной косяк.

– Когда?

– Он провел у нас три месяца летом.

– Как он выглядел?

– Как бы повежливей выразиться... Он очень высок и, возможно, полноват. Широко в кости. Очень милый. Попросил только стол и крышу над головой.

Правда – это не ослепительная вспышка и не ушат холодной воды. Она течет в мое сознание, как красное вино на белый ковер, она напоминает темную тень на рентгеновском снимке. Я воспринимал заявления Бобби как случайные догадки, а он действительно многое знал обо мне. Тигры и львы, кит, нарисованный Чарли, тетя Грейси... Он знал о Кэтрин и ее смерти. Ясновидящий. Сталкер. Средневековый чародей, возникающий и исчезающий в столбе дыма.

Но как он узнал об Элизе? Он видел, как мы обедали, а затем проследил за ней? Нет. В тот день я встречался с ним. Он приходил на прием. А потом я упустил его у канала – недалеко от дома Элизы.

«No comprenderás todavía lo que comprenderás en el future». Пока ты не понимаешь того, что поймешь в конце...

Резко повернувшись, я спотыкаюсь и падаю на дорожку, поднимаюсь и, прихрамывая, бегу к дому, не обращая внимания на удивленный вопрос мамы, почему я не осмотрел конюшню.

Ворвавшись в прачечную, я отлетаю к стене, перевернув корзину с бельем и свалив с полки банку моющего средства. Пара маминых бриджей цепляется за ботинок. Ближайший телефон в кухне. Джулиана отвечает после третьего гудка. Я не даю ей вставить слово.

– Ты сказала, что кто-то следит за домом.

– Джо, вешай трубку, тебя разыскивает полиция.

– Ты видела кого-нибудь?

– Вешай трубку и звони Саймону.

– Пожалуйста, Джулиана!

Она слышит в моем голосе отчаяние. Оно созвучно ее собственному.

– Ты кого-нибудь видела?

– Нет.

– А как насчет человека, за которым погнался Ди Джей? Он его рассмотрел?

– Нет.

– Он же должен был что-то сказать. Он высокий, большой, толстый?

– Ди Джей не видел его так близко.

– У тебя в группе испанского есть кто-нибудь по имени Бобби, Роберт или Боб? Высокий, в очках.

– Да, Бобби есть.

– Как его фамилия?

– Не знаю. Однажды вечером я его подвезла. Он сказал, что раньше жил в Ливерпуле...

– Где Чарли? Увези ее из дома! Бобби хочет сделать вам больно. Он хочет меня наказать....

Я пытаюсь объяснить, но она все спрашивает, зачем Бобби это делать. Единственный вопрос, на который я не знаю ответа.

– Никто не причинит нам вреда, Джо. На улице полно полицейских. Один из них сегодня ходил за мной по супермаркету. И я заставила его поднести сумки...

Внезапно я понимаю, что, возможно, она права. Они с Чарли в большей безопасности дома, чем где-либо еще, потому что за ними следит полиция... поджидая меня.

Джулиана снова просит:

– Пожалуйста, позвони Саймону. Не делай глупостей.

– Не стану.

– Обещай мне.

– Обещаю.

Домашний телефон Саймона написан на обороте его визитной карточки. Когда он подходит к телефону, я слышу на заднем плане голос Патриции. Он спит с моей сестрой. Почему мне это кажется странным?

Его голос понижается до шепота, и я слышу, как он относит телефон в более укромное место. Он не хочет, чтобы разговор слышала Патриция.

– Ты обедал с кем-нибудь в четверг?

– С Элизой Веласко.

– Ты пошел к ней домой?

– Нет.

Он глубоко вздыхает. Я знаю, что он сейчас скажет.

– Элиза обнаружена мертвой в своей квартире. Ее задушили, надев на голову мешок для мусора. Они ищут тебя, Джо. У них есть ордер. Они хотят привлечь тебя за убийство.

Мой голос срывается:

– Я знаю, кто ее убил. Это мой пациент, Бобби Морган. Он следит за мной...

Саймон не слушает меня.

– Я хочу, чтобы ты пошел в ближайший полицейский участок. Сдайся. Позвони мне, когда будешь там. Ничего не говори, пока я не приеду...

– А как же Бобби Морган?

Голос Саймона становится более настойчивым.

– Ты должен делать, как я сказал. У них есть данные экспертизы ДНК. Следы твоей спермы и волосы, отпечатки пальцев в ванной. В четверг днем ты взял кеб меньше чем в полумиле от места преступления. Водитель тебя запомнил. Ты поймал его у того самого паба, где в последний раз видели Кэтрин Макбрайд...

– Ты хотел знать, где я провел ночь тринадцатого. Я тебе скажу. Я был с Элизой.

– Что ж, теперь твое алиби мертво.

Это утверждение так безапелляционно и откровенно, что я перестаю с ним спорить. Факты выложены один за другим, раскрывая безнадежность моего положения. Мои возражения звучат неубедительно.

Отец стоит в дверях в спортивном костюме. Через окно прихожей за его спиной я вижу, как к дому подъехала полицейская машина.

## Книга третья

*...В непроглядной тьме нашей души время неподвижно: три часа ночи день за днем.*

*Френсис Скотт Фицджеральд. Крушение.  
[\[6\]](#).*

Три мили – большое расстояние, если бежишь в резиновых сапогах. Оно кажется еще больше, если носки сползли и сбились в комки под ступнями и из-за этого ты ковыляешь, как пингвин.

Пробегая вдоль грязных овечьих троп и прыгая по камням, я следую по частично замерзшему ручью, пересекающему поля. Несмотря на сапоги, мне удастся сохранять хороший темп и иногда бросать взгляд за спину. В настоящий момент я действую инстинктивно. Если я из-за чего-либо остановлюсь, мне конец.

Мои детские каникулы были потрачены на исследование этих полей. Прежде я знал здесь каждую рожицу и каждый холмик, самые рыбные места и самые укромные уголки. Я поцеловал Эвелин Джонс на сеновале в амбаре ее дяди в ее тринадцатый день рождения. Это был мой первый настоящий поцелуй, и у меня немедленно возникла эрекция. Она наткнулась на мой член и закричала, укусив меня за нижнюю губу. У нее были скобки на зубах, а рот как у Челюстей в фильмах о Джеймсе Бонде. Потом две недели на моей губе красовался кровоподтек, но оно того стоило.

Добежав до трассы А55, я проскальзываю под бетонные опоры моста и продолжаю путь вдоль ручья. Берега становятся круче, и дважды я соскальзываю в воду, ломая лед по краям.

Я добегаю до водопада высотой примерно десять футов и карабкаюсь вверх, цепляясь за пучки травы и камни. Коленки грязные, брюки промокли. Через десять минут я подныриваю под забор и вскоре выбираюсь на дорогу.

Легкие начинают болеть, но сознание ясно. Ясно, как холодный воздух. Пока Джулиана и Чарли в безопасности, мне не важно, что случится со мной. Я чувствую себя тряпкой, которую растерзала собака. Кто-то играет со мной, раздирая меня на лохмотья: мою жизнь, мою семью, мою карьеру... Почему? Бессмысленный вопрос. Это словно пытаться прочитать зеркальную надпись: все задом наперед.

Через сто ярдов, миновав ворота фермы, я оказываюсь на дороге в Лланрос. По обеим сторонам – изгороди, прерываемые воротами и проездами. Держась обочины, я направляюсь к церковному шпилю,

виднеющемуся вдали. Ключья тумана собрались в низинах, словно лужи разлитого молока. Дважды я спрыгиваю с дороги, слышав подъезжающую машину. Во второй раз это полицейская машина с зарешеченными окнами, внутри лают собаки.

Деревня выглядит заброшенной. Единственные открытые заведения – это кафе и офис центра аренды с надписью на двери «Перерыв 10 минут». В некоторых окнах виднеются цветные огоньки, на площади напротив военного мемориала высится рождественская елка. Мужчина, выгуливающий собаку, приветственно кивает мне. Я так сильно стиснул зубы, что не могу ответить.

Я отыскиваю парковую скамейку и сажусь. Вода стекает по моей непромокаемой куртке. Колени разбиты и заляпаны грязью. Ладони расцарапаны, из-под ногтей сочится кровь. Я хочу закрыть глаза и подумать, но мне надо сохранять бдительность.

Площадь напоминает книжную иллюстрацию: коттеджи, окруженные заборами из кольев и стальными беседками. Рядом с каждым крыльцом цветистым шрифтом написаны валлийские имена. На церкви повешены белые флаги, к ступенькам прилипло конфетти.

Валлийские свадьбы напоминают валлийские похороны. В них фигурируют те же самые машины, флористы и церковные залы, те же полногрудые женщины в широких цветастых платьях и чулках разносят одинаковые посудины с чаем.

Время идет, и холод разливается по моим конечностям. Разбитый «лендровер» въезжает на площадь и медленно ползет по парку. Я смотрю и жду. Никто не едет следом. Я встаю на окоченевшие ноги. Рубашка, мокрая от пота, прилипла к спине.

Пассажирская дверь стонет от старости и дурного обращения. Я проскальзываю на сиденье. Большая подушка прикрывает ржавые пружины и порванный винил. Мотор в таком ужасном состоянии, что издает сотню всхлипов и тресков, пока отец пытается найти первую передачу.

– Чертова машина! На ней месяцами не ездили.

– А как же полиция?

– Они обыскивают поля. Я слышал, они говорили, что нашли брошенную машину на станции.

– Как ты уехал?

– Сказал, что у меня операция. Сел на «мерс», а потом сменил его на «лендрровер». Слава богу, он завелся.

Каждый раз, когда мы въезжаем в лужу, из дырки в полу фонтаном взвивается вода. Дорога поворачивает и петляет, то ныряя в низину, то вновь поднимаясь. На западе небо проясняется, посвежевший ветер гонит облака, и их тени проносятся по полям.

– У меня ужасные неприятности, папа.

– Знаю.

– Я никого не убивал.

– Тоже знаю. А что говорит Саймон?

– Что я должен сдаться.

– Кажется, это хороший совет.

И тут же отец признает, что этого не случится и никакие слова не изменят положения вещей. Мы едем по долине Конви к Сноудонии. Поля сменились перелесками, вдали темнеют более густые леса.

Дорога петляет между деревьями, впереди, на холме, обращенном к долине, виден большой особняк. Железные ворота закрыты, к ним прикреплена табличка с надписью «Продается».

– Здесь раньше был отель, – говорит отец, не отрывая глаз от дороги. – Я возил сюда маму на медовый месяц. В те дни особняк был великолепен. По субботам люди приходили на чай и танцы, у отеля имелся собственный оркестр...

Мама рассказывала мне эту историю, но я никогда не слышал ее от отца.

– Мы взяли у твоего дяди «остин хили» и на неделю отправились в путешествие. Тогда-то я и нашел ферму. В то время она не продавалась, но мы остановились, чтобы купить яблок. Мы часто останавливались, потому что твоей матери было больно сидеть. На неровных дорогах она подкладывала подушку.

Он хихикает, и я понимаю, что он имеет в виду. Это больше, чем я хотел бы знать о начале маминой сексуальной жизни, но я смеюсь вместе с ним. Потом рассказываю ему историю о своем друге Скотте, который лишил сознания свою невесту на танцплощадке в Греции во время свадебного приема.

– Как он это сделал?

– Он пытался показать ей «флип» и уронил. Она очнулась в госпитале и не могла понять, в какой стране находится.

Папа смеется, и я смеюсь вместе с ним. Это хорошо. Еще лучше становится, когда мы прекращаем смеяться, но не испытываем неловкости от молчания. Папа наблюдает за мной краем глаза. Он хочет мне что-то сказать, но не знает, как начать.

Я помню, как он впервые поговорил со мной «по-взрослому». Он сказал, что должен обсудить со мной кое-что важное, и повел на прогулку в Кью-гарденз. Это было так непривычно – проводить время вместе, – что я чувствовал, как меня распирает от гордости.

Папа сделал несколько попыток заговорить. Каждый раз, когда им овладевало косноязычие, он ускорял шаг. К тому времени когда мы дошли до вопроса о половых отношениях и способах предохранения, я уже вприпрыжку бежал за ним, пытаюсь расслышать его слова и не потерять шляпу.

Теперь он нервно стучит пальцами по рулю, словно хочет отправить мне сообщение на азбуке Морзе. Без нужды откашливаясь, он заводит витиеватую речь о выборе, ответственности и возможностях. Я не понимаю, к чему он клонит.

Наконец он принимается рассказывать мне о том, как изучал медицину в колледже.

– ...После этого два года я изучал бихевиоризм. Я хотел заняться психологией образования...

Постойте-ка! Бихевиоризм? Психология? Он мрачно смотрит на меня, и я понимаю, что он не шутит.

– Отец узнал, чем я занимаюсь. Он был в штате университета, дружил с проректором. Он специально приехал и пригрозил, что сократит мне содержание.

– И что ты сделал?

– Я поступил так, как он хотел. Стал хирургом.

Предупреждая мой следующий вопрос, он поднимает руку. Он не хочет, чтобы его перебивали.

– Моя карьера была определена. Мне давали назначения, должности и места. Все двери были открыты. Продвижение поощрялось... – Его голос понижается до шепота. – Думаю, я пытаюсь сказать, что горд за тебя. Ты настоял на своем и поступил так, как хотел. Ты преуспел в собственной игре. Знаю, меня нелегко любить, Джо. Я ничем не плачу за это. Но я тебя всегда любил. И всегда буду помогать тебе.

Он сворачивает на обочину и оставляет мотор работающим, выходя из машины и забирая сумку с заднего сиденья.

– Это все, что мне удалось принести, – говорит он, показывая содержимое. Там чистая рубашка, немного фруктов, термос, мои ботинки и конверт, наполненный пятидесятифунтовыми банкнотами. – Еще я захватил твой мобильный.

– Батарея разрядилась.

– Тогда возьми мой. Я все равно этой пакостью не пользуюсь.

Он ждет, пока я переберусь за руль, и запикивает сумку на пассажирское сиденье.

– Они не хватятся «лендропера»... какое-то время. Он даже не зарегистрирован.

Я смотрю на нижний угол окна. К стеклу приклеена пивная этикетка. Он ухмыляется.

– Я езжу на ней только по полям. Хорошая пробежка ей не помешает.

– А как ты доберешься до дома?

– На попутке.

Сомневаюсь, что он хоть раз в жизни голосовал на дороге. Хотя что я знаю? Сегодня он полон сюрпризов. Вроде бы это мой отец, но кажется совсем другим.

– Удачи, – говорит он, пожимая мне руку через окно. Может, если бы мы оба стояли, он бы обнял меня. Во всяком случае, мне хочется так думать.

Я включаю передачу и выезжаю на дорогу. Вижу его в зеркале заднего вида: он стоит на краю дороги.

Я вспоминаю, что он сказал мне, когда умерла тетя Грейси и мне было больно: «Запомни, Джозеф, самый черный час в твоей жизни будет длиться всего шестьдесят минут».

Полицейские пойдут за мной пешком вдоль ручья. Выставить заставы на дорогах – дело долгое. Если мне хоть немного повезет, я сумею от них оторваться. Не знаю, сколько это даст мне времени. К завтрашнему дню мое лицо будет красоваться во всех газетах и выпусках новостей.

Мои мысли бегут столь же быстро, сколь медленно двигается мое тело. Нельзя делать того, что они от меня ожидают. Вместо этого мне

надо блефовать снова и снова. Это один из тех сценариев «он думает, что я думаю, что он думает», когда каждый участник пытается предугадать следующий шаг другого. Мне надо представлять себе два сознания. Первое принадлежит сильно разъяренному полицейскому, который думает, что я играю с ним, как с дураком, а второе – убийце-садисту, стремящемуся добраться до моих жены и дочери.

Мотор «лендровера» кашляет через каждые несколько секунд. Четвертая передача практически недостижима, а когда я нахожу ее, мне приходится удерживать рукой рычаг.

Я нащупываю на заднем сиденье телефон. Мне нужна помощь Джока. Я знаю, что рискую. Он лживый мерзавец, но людей, которым можно доверять, остается все меньше.

Он берет трубку и роняет телефон. Я слышу, как он ругается: «Почему все звонят, когда я в туалете?» Представляю, как он держит трубку между плечом и подбородком и пытается застегнуть ширинку.

– Ты сказал полиции о письмах?

– Да. Они мне не поверили.

– Убеди их. У тебя должно было сохраниться что-то от Кэтрин, доказывающее, что ты с ней спал.

– Да. Конечно. Я хранил фотоснимки, чтобы показать адвокату своей жены.

Боже, ну что он себе воображает! У меня нет на это времени. Но все же я улыбаюсь про себя. Я заблуждался относительно него. Он не убийца.

– Пациент, которого ты мне прислал, Бобби...

– Что с ним?

– Как ты с ним познакомился?

– Я тебе уже говорил: его адвокат хотел провести неврологические тесты.

– Кто предложил меня: ты или Эдди Баррет?

– Эдди предложил тебя.

Начал накрапывать дождь. У дворников только одна скорость – низкая.

– В Ливерпуле есть онкологическая больница под названием Клеттербридж. Я хочу знать, есть ли у них карточка пациентки по имени Бриджет Морган. Возможно, она назвала свою девичью фамилию, Бриджет Ахерн. У нее рак груди. Видимо, в тяжелой стадии.

Она может либо наблюдаться, либо находиться в хосписе. Мне надо ее найти.

Я не прошу об одолжении. Или он сделает это, или наши давние отношения неизбежно закончатся. Джок ищет отговорку, но не может найти. Больше всего ему хочется убежать и спрятаться. Он всегда был трусом, если не мог превзойти соперника физически. Я не дам ему возможности улизнуть. Я знаю, что он солгал полиции. У меня также есть информация о вкладах, которые он утаил от своих бывших жен.

Его голос звучит резко:

– Они поймают тебя, Джо.

– Они всех нас поймают, – говорю я. – Позвони по этому номеру как можно быстрее.

В третьем классе, проводя каникулы в Уэльсе, я взял несколько спичек из фарфоровой миски над камином, чтобы развести костер. Сухое лето близилось к концу, и трава высохла и пожухла. Стоит ли говорить о ветре?

От моей вязанки тлеющего хвороста начался пожар, который уничтожил два забора, двухсотлетнюю изгородь и стал подбираться к соседскому амбару, заполненному на зиму. Я поднял тревогу, завопив во всю мочь, и помчался домой с почерневшими щеками и опаленными волосами.

Я забился в стог сена на конюшне, прислонившись к покатой крыше. Отец был слишком крупным, чтобы до меня добраться. Я лежал там очень тихо, вдыхая пыль и слушая сирены пожарных машин. Воображал всякие ужасы. Представлял себе все окрестные фермы и деревни в огне. Меня собираются посадить в тюрьму. Брата Кэри Мойниган отправили в колонию для несовершеннолетних за поджог железнодорожного вагона. Он вышел оттуда, став еще гнуснее, чем был.

Я пять часов просидел на чердаке. Никто на меня не кричал и ничем мне не грозил. Папа сказал, что я должен выйти и принять наказание, как подобает мужчине. Почему маленьких мальчиков заставляют поступать, как подобает мужчинам? Выражение разочарования на лице отца было больнее, чем удары его ремня. Что скажут соседи?

Теперь я гораздо ближе к тюрьме, чем тогда. Я представляю, как Джулиана протягивает через стол нашего младенца. «Помаша папе», – говорит она ему (естественно, это мальчик) и стыдливо одергивает юбку, понимая, что десятки заключенных смотрят на ее ноги.

Мне видится здание из красного кирпича, вырастающее из асфальта. Железные двери, ключи размером с ладонь. Я воображаю металлические двери, очередь за едой, двор для прогулок, самодовольных охранников, дубинки, горшки, опущенные глаза, зарешеченные окна и фотографии на стене камеры.

Что станется в тюрьме с таким, как я?

Саймон прав. Я не должен убегать. И, как я узнал еще в третьем классе, невозможно прятаться вечно. Бобби хочет меня уничтожить. Он не желает моей смерти. Он много раз мог убить меня, но ему нужно, чтобы я жил, зная, что это он разрушил мой мир, лишил меня всего, что было мне дорого.

Продолжат ли полицейские следить за моим домом или снимут пост, сосредоточив силы на Уэльсе? Плохо, если второе. Я должен быть уверен, что Джулиана и Чарли в безопасности.

Звонит телефон. Джок получил адрес хосписа в Ланкашире, где находится Бриджет Ахерн.

– Я пообщался с главным онкологом. Он говорит, что ей осталось несколько недель.

Я слышу, как он разворачивает сигару. Рано. Может, он празднует? Мы установили хрупкое перемирие. Словно старые супруги, мы закрываем глаза на ложь и недостатки друг друга.

– В сегодняшней газете напечатана твоя фотография – ты больше похож на банкира, чем на преступника в розыске.

– Я не фотогеничен.

– Упоминают и Джулиану. Пишут, что во время визита журналистов она вела себя «возбужденно и резко».

– Она велела им убираться.

– Да, я так и подумал.

Я слышу, как он выпускает дым.

– Должен тебе сказать, Джо. Я всегда думал, что ты скучный зануда. Весьма симпатичный, но слишком уж правильный. А теперь посмотрите-ка на него! Две любовницы, полиция разыскивает...

– Я не спал с Кэтрин Макбрайд.

– Напрасно. Она была хороша в постели. – Он сухо смеется.

– Джок, ты бы иногда послушал себя со стороны!

Подумать только, когда-то я ему завидовал! Посмотрите, кем он стал: грубая пародия на правого шовиниста и фанатика среднего класса. Я больше ему не доверяю, но мне все еще нужна его помощь.

– Я хочу, чтобы ты был с Джулианой и Чарли, пока я все не улажу.

– Ты же велел мне не подходить к ней.

– Знаю.

– Извини, не могу тебе помочь. Джулиана не отвечает на мои звонки. Думаю, ты сказал ей о Кэтрин и письмах. Теперь она злится на нас обоих.

– Хотя бы позвони ей, скажи, чтобы была осторожна. Скажи, чтобы никого не впускала в дом.

Максимальная скорость «лендровера» только сорок, при этом он то и дело норовит выехать на середину дороги. Он больше похож на музейный экспонат, чем на машину, и обгоняющие меня водители сигналижат, словно я совершаю благотворительный автопробег. Это просто идеальное средство скрыться: никто не ожидает, что человек, за которым гонятся, будет убегать так медленно.

Окольными путями добираюсь до Ланкашира. Заплесневевшая карта дорог из бардачка, приблизительно 1965 года выпуска, указывает мне направление. Я проезжаю мимо деревень с названиями вроде Пуддинглейк и Вудпламптон. На почти заброшенной заправке на окраине Блэкпула захожу в туалет и привожу себя в порядок. Соскребаю грязь с брюк и долго держу их под сушилкой для рук, а потом переодеваю рубашку и промываю царапины на руках.

Хоспис «Сквайрс Гейт» прилепился к каменистой возвышенности, словно проржавел там в соленом воздухе. Башенки, аркообразные окна и пологая крыша, похоже, сохранились с эдвардианских времен, однако внешние строения новее и выглядят не столь устрашающе.

Охраняемая тополями дорога огибает переднюю часть хосписа и оканчивается парковкой. Я иду, ориентируясь по указателям, в нужное отделение, выходящее окнами на океан. Коридоры пусты, а на лестницах почти чисто. Медбрат-негр с бритой головой сидит за стеклянной стенкой, уставившись в экран. Он увлечен компьютерной игрой.

– У вас есть пациентка по имени Бриджет Ахерн?

Он смотрит на мои брюки, утратившие на коленях свой первоначальный вид.

– Вы родственник?

– Нет. Я психолог. Мне надо поговорить с ней о ее сыне.

Он поднимает брови.

– Не знал, что у нее есть сын. К ней приходит не много посетителей.

Я иду за его легко переваливающейся фигурой по коридору, потом он поворачивает под лестницей и выводит меня наружу через двойную

дверь. Широкая дорожка, посыпанная гравием, пересекает газон, где на садовой скамейке две медсестры с тоскливым видом едят сэндвичи.

Мы входим в одноэтажную пристройку, расположенную ближе к утесам, и попадаем в длинную общую палату с дюжиной кроватей, половина из которых пуста. Костлявая женщина с гладким черепом лежит, облокотившись на подушку. Она смотрит на двух маленьких детей, малюющих что-то на бумаге в ногах ее кровати. В стороне одноногая женщина в желтом платье сидит в коляске перед телевизором, укрывшись вязаным одеялом.

В дальнем конце палаты через две двери располагаются отдельные комнаты. Медбрат не утруждает себя стуком. В комнате темно. Сначала я не замечаю ничего, кроме техники. Мониторы и пульта создают иллюзию медицинского совершенства: словно все возможно, если настроить аппаратуру и нажать нужные кнопки.

Женщина средних лет с ввалившимися щеками лежит в центре паутины трубок и проводов. На ней светлый парик, у нее большая обвислая грудь и черные пятна на шее. Ее тело прикрывает розовая сорочка, плечи спрятаны под поношенным красным кардиганом. Раствор движется по трубкам, вползающим в ее тело и выползающим из него. На запястьях и лодыжках черные линии – недостаточно темные для татуировок и слишком аккуратные для синяков.

– Не давайте ей сигарет. Она не может прочистить легкие. Как только начинает кашлять, трубки вылетают.

– Я не курю.

– Молодец. – Он вытаскивает сигарету из-за уха и перемещает ее в рот. – Обратную дорогу найдете сами.

Занавески задернуты. Откуда-то доносится музыка. Только через какое-то время я понимаю, что это играет радио на прикроватном столике, рядом с пустой вазой и Библией.

Она спит под действием лекарств. Возможно, морфия. В нос вставлена трубка, другая выходит откуда-то из области желудка. Ее лицо повернуто к респиратору.

Я прислоняюсь к стене и упираюсь в нее затылком.

– От этого места мурашки по коже, – говорит женщина, не открывая глаз.

– Да.

Я сажусь на стул, чтобы ей не пришлось поворачивать голову в мою сторону. Ее глаза медленно открываются. Лицо бледнее стены. В полутьме мы смотрим друг на друга.

– Вы когда-нибудь были в Мауи?

– Это на Гавайях.

– Я знаю, где это, черт побери. – Она кашляет, и кровать сотрясается. – Там я сейчас должна быть. Я должна быть в Америке. Я должна была родиться американкой.

– Почему вы так говорите?

– Потому что янки знают, как жить. Все там больше и лучше. Люди смеются над этим. Они называют их невежественными и заносчивыми, но янки просто честные. Такие маленькие страны, как эта, они съедают на завтрак, а перед ужином испражняются ими.

– А вы были в Америке?

Она меняет тему. Ее глаза опухли, из уголка рта течет слюна.

– Вы врач или священник?

– Я психолог.

Она саркастически смеется:

– Тогда вам нет смысла знакомиться со мной. Если только вам не нравятся похороны.

Рак, видимо, прогрессировал быстро. У ее тела не было времени истаять. Она светлокожая, с изящным подбородком, грациозной шеей и тонко вырезанными ноздрями. Если бы не эта обстановка и не сиплый голос, она бы могла выглядеть вполне привлекательной.

– Проблема рака в том, что он не похож на рак. Простуда кажется простудой. Сломанная нога кажется сломанной ногой. Но о раке ничего не знаешь, пока не получишь снимки и результаты сканирования. Если, конечно, не считать опухоли. Кто может забыть об опухоли? Потрогайте ее!

– Спасибо, не стоит.

– Не смущайтесь. Вы большой мальчик. Потрогайте. Наверное, вы сомневаетесь, что они настоящие. Большинство мужчин сомневаются.

Ее рука протягивается и обхватывает мое запястье. У нее удивительно сильная хватка. Я подавляю в себе желание отшатнуться. Она кладет мою руку себе под сорочку. Мои пальцы прикасаются к ее мягкой груди.

– Вот здесь. Чувствуете? Раньше она была как горошина: маленькая и круглая. Теперь размером с апельсин. Шесть месяцев назад она распространилась на кости. Теперь на легкие.

Моей рукой, все еще лежащей у нее на груди, она трет свой сосок, и я чувствую, как он постепенно твердеет.

– Можете заняться со мной любовью, если хотите. – Она говорит серьезно. – Я хотела бы почувствовать что-нибудь еще... кроме этого распада.

Выражение жалости на моем лице приводит ее в ярость. Она отбрасывает мою руку и плотно оборачивает грудь кардиганом. Теперь она не смотрит на меня.

– Я должен задать вам несколько вопросов.

– Забудьте об этом. Мне не нужны ваши ободряющие речи. Я не ищу веры и перестала заключать сделки с Богом.

– Я здесь из-за Бобби.

– А что с ним?

Я не спланировал свои вопросы. Я даже не знаю точно, чего ищу.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Шесть, может, семь лет назад. У него постоянно были неприятности. Никого не слушался. Меня, во всяком случае. Ты отдаешь ребенку лучшие годы своей жизни, а он всегда остается неблагодарным. – Короткие, рваные фразы. – И что же он сделал на этот раз?

– Его обвиняют в нанесении телесных повреждений. Он избил женщину до потери сознания.

– Свою подружку?

– Нет, незнакомку.

Ее черты смягчаются.

– Вы с ним говорили. Как он?

– Он озлоблен.

Бриджет вздыхает.

– Когда-то я думала, что в роддоме мне подсунули чужого ребенка. Он не выглядел моим. Он был похож на отца, к сожалению. Я ничего своего в нем не видела, кроме глаз. У него были две левые ноги и булка вместо лица. Он ничего не мог держать в порядке. Так и норовил взять вещь в руки, разобрать, посмотреть, как она работает.

Однажды он сломал прекрасное радио и разлил кислоту из батареи по моему лучшему ковру. Совсем как отец...

Не закончив фразы, она начинает новую:

– Я никогда не чувствовала того, что положено чувствовать матери. Думаю, во мне мало материнского, но ведь это не делает меня холодной, верно? Я не хотела забеременеть, не хотела усыновлять чужого ребенка. Господи Иисусе, мне был только двадцать один год!

Она выгибает тонкую бровь.

– Вам ведь не терпится залезть ко мне в мозги? Не так уж много людей интересует то, что думают другие или что они могут сказать. Иногда люди притворяются, что слушают, а на самом деле лишь дожидаются своей очереди рассказывать или же просто перебивают тебя. А что вы жаждете рассказать, мистер Фрейд?

– Я пытаюсь понять.

– Ленни был таким же: все время задавал вопросы, хотел знать, куда я иду и когда вернусь. – Она передразнивает его умоляющий голос: – «С кем ты, цветочек? Пожалуйста, возвращайся домой. Я буду тебя ждать». Он был таким жалким! Неудивительно, что я стала думать: неужели это все, что я могу делать? Я не собиралась всю оставшуюся жизнь пролежать рядом с его потной спиной.

– Он покончил с собой.

– Не думала, что он на это способен.

– Вы знаете почему?

Кажется, она меня не слышит. Вместо этого она смотрит на закрытые занавески. Наверное, окно выходит прямо на океан.

– Вам не нравится вид?

Бриджет пожимает плечами.

– Ходят слухи, что нас не хоронят, а просто сбрасывают с этого холма.

– Так как насчет вашего мужа?

Она не смотрит на меня.

– Он называл себя изобретателем. Что за чушь! Знаете, если бы он заработал хоть сколько-нибудь денег – много же на это было шансов! – он бы отдал их. «Чтобы обогатить мир», – так он говорил. Вот таким он и был: все время болтал о власти рабочих и пролетарской революции, толкал речи и разглагольствовал. Коммунисты не верят в рай и ад. Где он, по-вашему?

– Я не религиозен.

– Но как, по-вашему, куда он мог бы попасть?

– Понятия не имею.

Ее маска безразличия дает трещину.

– Может, мы все в аду, просто не понимаем этого. – Она делает паузу и прикрывает глаза. – Я хотела развода. Он отказался. Я велела ему найти себе подружку. Он не отпускал меня. Люди говорят, что я холодная, но я чувствую побольше многих. Я знаю, как получить удовольствие. Знаю, как обращаться с тем, что мне дано. И поэтому меня можно назвать потаскухой? Некоторые проводят всю свою жизнь, ограничивая себя, или делают других счастливыми – набирают очки, которые, как они полагают, зачтутся им в следующей жизни. Я не из таких.

– Вы обвинили мужа в том, что он сексуально домогался Бобби.

Она пожимает плечами.

– Я только зарядила ружье. Стреляла не я. Это сделали такие, как вы. Врачи, социальные работники, учителя, адвокаты, благожелатели...

– И мы все неправильно поняли?

– Судья так не думал.

– А как думаете вы?

– Я считаю, что иногда можно забыть о том, что есть правда, если довольно часто слышишь ложь. – Она протягивает руку и нажимает на кнопку звонка над головой.

Но я еще не готов уйти.

– Почему ваш сын ненавидит вас?

– Мы все в конце концов начинаем ненавидеть своих родителей.

– Вы чувствуете себя виноватой.

Женщина сжимает кулаки и смеется низким смехом. Хромированная штанга, удерживающая пакет с морфием, качается из стороны в сторону.

– Мне сорок три года, и я умираю. Я плачу за все, что сделала. А вы можете сказать то же о себе?

Приходит медсестра, раздраженная тем, что ее потревожили. Один из проводов монитора выпал. Бриджет поднимает руку, чтобы его подсоединили. Тем же жестом она велит мне уйти. Разговор окончен.

Снаружи стемнело. Я иду к парковке по освещенной дорожке между деревьев. Вытащив из сумки термос, я жадно отхлебываю из него. Виски теплый и обжигает горло. Я хочу продолжать пить, пока не перестану чувствовать холод и видеть, как дрожит моя рука.

Мелинда Коссимо открывает дверь неохотно. Такие поздние посетители редко сулят что-то хорошее социальному работнику, особенно в воскресенье. Выходные – время, когда семейные конфликты обостряются, а злость закипает. Жен избивают, дети убегают из дома. Социальные работники с нетерпением ждут понедельника.

Я не даю ей заговорить первой.

– Меня ищет полиция. Мне нужна твоя помощь.

Ее широко раскрытые глаза моргают, но в общем она реагирует спокойно. Ее прическа небрежна: несмотря на большую черепаховую заколку, отдельные пряди выбились и ластятся к ее щекам и шее. Закрыв дверь, она отправляет меня наверх, в ванную. Ждет за дверью, пока я передаю ей одежду.

Я протестую, ссылаясь на спешку, но она не обращает внимания на мое нетерпение. Стирка нескольких вещей много времени не займет, утверждает она.

Я смотрю на обнаженного незнакомца в зеркале. Он похудел. Это случается, если не есть. Я знаю, что скажет Джулиана: «Почему я не могу похудеть так легко?» Незнакомец в зеркале улыбается мне.

Я спускаюсь вниз в халате и слышу, как Мел вешает трубку. Когда я подхожу к кухне, она уже открыла бутылку вина и наливает два бокала.

– Кому ты звонила?

– Так, никому.

Она устраивается с бокалом в большом кресле. Вторая рука покоится на книге, лежащей обложкой вверх на подлокотнике. Торшер над головой освещает ее лицо, оставляя в тени глаза и придавая губам резкий изгиб.

Этот дом всегда ассоциировался у меня со смехом и весельем, но теперь он слишком тих. Над каминной полкой висит одна из картин Бойда, другая – на стене напротив. Стоит фотография: он на своем мотоцикле на трассе ТТ на острове Мэн.

– И что же ты натворил?

– Полицейские думают, что я убил Кэтрин Макбрайд, наряду с другими.

– С другими? – Ее брови изгибаются, как тетива лука.

– Ну, с одной «другой». Бывшей пациенткой.

– И сейчас ты скажешь мне, что ничего плохого не делал.

– Нет, если глупость не считается преступлением.

– А почему ты в бегах?

– Потому что меня хотят подставить.

– Бобби Морган.

– Да.

Она поднимает руку.

– Больше ничего не хочу знать. У меня и так неприятности из-за того, что я показала тебе документы.

– Мы ошиблись.

– Что ты имеешь в виду?

– Я недавно говорил с Бриджет Морган. Не думаю, что отец Бобби домогался его.

– Она тебе это сказала?!

– Она хотела развестись с ним. Он не соглашался.

– Он оставил предсмертную записку.

– Всего одно слово.

– «Прости».

– Да, но за что?

Голос Мел звучит холодно:

– Это старая история, Джо. Оставь ее в покое. Ты ведь знаешь неписанный закон – никогда не возвращаться назад, никогда не открывать дело вновь. Вокруг меня и так полно адвокатов, заглядывающих через плечо, и без еще одного чертова судебного разбирательства...

– А что стало с записками Эрскина? Их не было в деле.

Она колеблется.

– Возможно, он попросил, чтобы их изъяли.

– Зачем?

– Возможно, Бобби захотел посмотреть дело. Он имеет на это право. Опекаемый может прочитать записки ведущего социального работника и некоторые подробности заседаний. Заключение третьих

лиц, вроде записок врача и отчетов психолога, – дело другое. Чтобы предоставить к ним доступ, нам нужно разрешение специалиста.

– Ты хочешь сказать, что Бобби видел эти документы?

– Может быть. – И, не успев перевести дух, она отвергает эту мысль: – Это старое дело. Бумажки теряются.

– А мог ли Бобби забрать эти записки?

Она сердито цедит:

– Ты несерьезен, Джо! Подумай лучше о себе.

– А он мог видеть видеозапись?

Она качает головой, отказываясь говорить дальше. Я не могу этого допустить. Без ее помощи моя невероятная теория рухнет. Торопливо, словно опасаясь, что она может остановить меня, я рассказываю ей о хлороформе, китах и ветряных мельницах, о том, как Бобби месяцами водил меня за нос, проникая в жизни всех близких мне людей.

Спустя какое-то время она кладет мою постиранную одежду в сушилку и подливает мне вина. Я иду за ней на кухню и перекрикиваю визг блендера, измельчающего орехи. Она посыпает ими кусочки тостов, сдобренных молотым черным перцем.

– Вот поэтому мне и надо найти Руперта Эрскина. Мне нужны его заметки или воспоминания.

– Я ничем не могу тебе помочь. Я уже сделала достаточно. – Она смотрит на часы, висящие над плитой.

– Ты кого-то ждешь?

– Нет.

– А кому ты тогда звонила?

– Другу.

– Ты звонила в полицию?

Она колеблется.

– Нет. Оставила указания секретарше. Если не перезвоню ей через час, она должна сообщить в полицию.

Я смотрю на те же часы, отсчитывая время назад.

– Боже мой, Мел!

– Прости. Мне надо думать о карьере.

– Спасибо за все. – Моя одежда еще не до конца высохла, но я натягиваю брюки и рубашку. Она хватается меня за рукав.

– Сдайся.

Я отталкиваю ее руку.

– Ты не понимаешь.

Моя левая нога подгибается, потому что я тороплюсь. Уже взявшись за ручку входной двери, я слышу:

– Эрскин. Ты хотел его найти, – кричит Мел. – Он вышел в отставку десять лет назад. Последнее, что я о нем слышала, – он живет около Честера. Кто-то из отдела звонил ему. Мы поболтали – немного.

Она помнит адрес: деревня под названием Хетчмир. Домик викария. Я записываю сведения на клочке бумаги, примостившись за столиком в холле. Левая рука отказывается шевелиться. Ее работу приходится делать правой.

Было бы каждое утро таким ярким и свежим! Солнце, отразившись в треснувшем заднем стекле «лендровера», рассыпается лучами, как на дискотеке. Взявшись за ручку обеими руками, я с трудом открываю окно и высовываюсь наружу. Кто-то сделал мир белым, заменив цвета монохромом.

Проклиная тугую дверь, я распахиваю ее и спускаю ноги. В воздухе пахнет мокрой землей и дымом. Набрав пригоршню снега, я тру лицо, пытаюсь проснуться. Потом расстегиваю ширинку и мочусь на ствол дерева, окрашивая его в более яркий цвет. Как далеко я уехал прошлой ночью? Нужно было продолжать путь, но огни «лендровера» постоянно гасли, оставляя меня в темноте. Дважды я едва не оказался в канаве.

Как провел эту ночь Бобби? Интересно, он следит за мной или за Джулианой с Чарли? Он не будет ждать, пока я пойму его. Надо торопиться.

Озеро Хетчмир окаймлено камышом, в воде отражается голубое небо. Я останавливаюсь у красно-белого дома, чтобы спросить дорогу. Старая дама в халате открывает дверь и принимает меня за туриста. Она начинает рассказывать мне историю Хетчмира, которая плавно переходит в историю ее собственной жизни: сын, работающий в Лондоне, внуки, которых она видит только раз в год.

Я ретируюсь, не переставая благодарить ее. Она стоит на крыльце, пока я борюсь с мотором «лендровера». Это то, что мне надо. Наверняка она специалист по криббиджу, кроссвордам и запоминанию

автомобильных номеров. «Я никогда не забываю цифры», – скажет она полиции.

Мотор милостиво заводится, дымясь от усталости. Я машу рукой и улыбаюсь. На ее лице написано беспокойство за меня.

На дверях и окнах дома викария развешены рождественские огни. В начале подъезда стоит несколько игрушечных машинок, окруживших упаковку молока. Над дорожкой наискось висит старое покрывало с пятнами ржавчины, привязанное за два конца к деревьям. Под ним прячется мальчик в пластиковом ведре от мороженого на голове. Обнаруженный, он приставляет к моей груди деревянный меч.

– Ты из Слизерина? – шепелявит он.

– Прошу прощения?

– Сюда могут войти только гриффиндорцы. – На его носу веснушки, цветом напоминающие жареную кукурузу.

В дверях появляется молодая женщина. Светлые волосы смяты после сна, и она дрожит от холода. На руках она держит младенца, сосущего кусочек тоста.

– Оставь человека в покое, Брендан, – говорит она, устало улыбаясь мне.

Переступая через игрушки, я подхожу к двери. За спиной женщины различаю разложенную гладильную доску.

– Прошу прощения. Он играет в Гарри Поттера. Чем могу помочь?

– Я ищу Руперта Эрскина.

На ее лицо ложится тень.

– Он здесь больше не живет.

– А вы не знаете, где я могу его найти?

Не выпуская младенца, она застегивает расстегнувшуюся пуговицу на блузке.

– Лучше спросите кого-нибудь другого.

– А ваши соседи знают? Мне очень важно увидеть его.

Она покусывает нижнюю губу и смотрит на церковь за моей спиной.

– Что ж, если хотите его увидеть, то найдете там.

Я оборачиваюсь.

– Он на кладбище. – Понимая, как резко это прозвучало, она добавляет: – Если вы его знали, примите мои соболезнования.

Не успев ничего до конца осознать, я сажусь на ступеньки.

– Мы вместе работали, – объясняю я. – Это было давно.

Она смотрит через плечо.

– Не хотите ли зайти и присесть?

– Спасибо.

На кухне пахнет стерилизованными бутылочками и овсяной кашей. На столе и стуле разбросаны карандаши и листки бумаги. Она извиняется за беспорядок.

– А что случилось с мистером Эрскином?

– Я знаю только то, что мне рассказали соседи. Все в деревне были шокированы случившимся. Такого никто не ожидает – особенно в этих местах.

– Чего «такого»?

– Говорят, кто-то пытался ограбить его дом, но я не понимаю, как это объясняет то, что случилось. Какой грабитель будет привязывать старого человека к стулу и заклеивать ему рот? Он жил так две недели. Кое-кто говорит, что с ним случился сердечный приступ, но я слышала, что он умер от обезвоживания. Тогда были самые жаркие недели года....

– Когда это произошло?

– В августе. Думаю, некоторые здесь чувствуют себя виноватыми, потому что никто не заметил его отсутствия. Он всегда возился в саду или гулял у озера. Кто-то из церковного хора стучал в его дверь, приходили проверить счетчик. Передняя дверь не была заперта, но никто не подумал зайти внутрь. – Ребенок шевелится у нее на руках. – Уверены, что не хотите чаю? Вы плохо выглядите.

Я вижу, как двигаются ее губы, слышу вопрос, но не воспринимаю его. Земля ушла из-под моих ног, нырнула вниз, словно лифт. Женщина продолжает рассказывать:

– ...Очень милый старик, говорят люди. Вдовец. Но вы, верно, это знаете. Не думаю, что у него были родственники...

Я прошу разрешения позвонить, и мне приходится держать трубку двумя руками. Номера почти не видны. Отвечает Луиза Элвуд. Мне приходится сдержаться, чтобы не закричать.

– Директор школы Сент-Мери – вы сказали, что она уволилась по семейным обстоятельствам.

– Да. Ее зовут Элисон Горски.

– Когда это было?

– Года полтора назад. Ее мать погибла при пожаре дома, отец получил тяжелые ожоги. Она переехала в Лондон, чтобы ухаживать за ним. Думаю, он остался инвалидом.

– А как начался пожар?

– Полагают, что произошла ошибка. Кто-то положил взрывное устройство в почтовый ящик. В газетах писали, что это могло быть акцией против евреев, но больше ничего не известно.

Я чувствую липкий страх, ползущий по спине. Мои глаза прикованы к молодой женщине, которая с беспокойством наблюдает за мной из-за плиты. Она меня боится. Я принес что-то зловещее в ее дом.

Я делаю еще один звонок. Мел немедленно берет трубку. Я не даю ей заговорить:

– Машина, сбившая Бойда, – что случилось с водителем? – Мой голос дрожит от напряжения, он высок и тонок.

– Здесь были полицейские, Джо. Детектив по имени Руиз...

– Расскажи мне о водителе.

– Он сбил его и скрылся. Машину нашли за несколько кварталов от места наезда.

– А водитель?

– Решили, что это был подросток-угонщик. На руле нашли отпечаток большого пальца, но он не был зарегистрирован.

– Расскажи мне точно, что случилось.

– Зачем? Какое отношение это имеет к...

– Пожалуйста, Мел.

Она неуверенно передает начало истории, пытаюсь припомнить, было ли это в половине восьмого или девятого – в тот вечер, когда Бойд ушел. Ее расстраивает, что она забыла эту подробность. Она боится, что Бойд постепенно тает в ее памяти.

Это было в ночь костров, 6 декабря. Воздух, казалось, был пропитан порохом и серой. Соседские ребяташки, у которых голова кружилась от возбуждения, собрались вокруг костров, пылавших на огороженных участках и пустырях. Бойд часто выходил по вечерам за сигаретами. Он зашел в местный паб и выпил немного, а по дороге домой купил в винном магазине бутылку своего любимого. На нем был надет флюоресцирующий жакет и желтый шлем, из-под которого

свисал седой хвостик. Бойд задержался на перекрестке на Грейт-Хомер-стрит.

Возможно, в последний момент он обернулся. Он даже мог видеть лицо водителя за секунду до того, как исчезнуть под бампером. Его тело, зажатое в раме мотоцикла, протащило под грузовиком сотню ярдов.

– Что происходит? – спрашивает Мел. Я представляю себе ее крупный яркий рот и мягкие серые глаза.

– Лукас Даттон – где он сейчас?

Мел отвечает спокойным, но дрожащим голосом:

– Он работает на какую-то правительственную организацию по вопросам подростковой наркомании.

Я помню Лукаса. Он красил волосы, играл в гольф, собирал спичечные коробки и шотландский виски. Его жена преподавала драму, у них была «шкода», в отпуск они ездили в Богнор, у них подрастали дочери-близняшки.

Мел требует объяснений, но я перебиваю ее:

– Что случилось с близнецами?

– Ты меня пугаешь, Джо.

– Что с ними случилось?

– Одна из них умерла на прошлую Пасху от передозировки наркотиков.

Я забегаю вперед, перебирая в уме имена: Юстас Макбрайд, Мелинда Коссимо, Руперт Эрскин, Лукас Даттон, Элисон Горски – все принимали участие в одном и том же деле о защите прав ребенка. Эрскин умер. Остальные потеряли близких. Но что ему за дело до меня? Я только раз беседовал с Бобби. Безусловно, этого недостаточно, чтобы объяснить мельницы, уроки испанского, «Тигров» и «Львов»... Почему он несколько месяцев жил в Уэльсе, разбивал сад для моих родителей и чинил старую конюшню?

Мел грозит повесить трубку. Я не могу ее отпустить.

– Кто подавал официальное прошение об опеке?

– Конечно я.

– Ты сказала, что Эрскин был в отпуске. Кто подписал отчет психолога?

Она медлит. Дыхание изменяется. Она собирается солгать:

– Не помню.

Я повторяю настойчивее:

– Кто подписал заключение психолога?

Она отвечает – не мне, а прошлому:

– Ты.

– Как? Когда?

– Я положила перед тобой бланк, и ты подписал. Ты думал, что это лицензия опекуна. Это был твой последний день в Ливерпуле. Мы все выпивали на прощание в «Ветряном доме».

Я издаю про себя стон, все еще держа трубку у уха.

– Мое имя было в деле Бобби?

– Да.

– И ты вытащила записи из папок, перед тем как дать мне?

– Это было очень давно. Я думала, это не имеет значения.

Я не могу ей ответить. Трубка падает у меня из рук. Молодая мать крепко сжимает ребенка, покачивая его, чтобы унять плач. Спускаясь с крыльца, я слышу, как она зовет старшего сына в дом. Никто не хочет находиться рядом со мной. Я словно заразная болезнь. Эпидемия.

Джордж Вудкок назвал тиканье часов механической тиранией, превращающей нас в слуг машины, которую мы сами создали. Мы живем в страхе перед собственным детищем – точь-в-точь как барон Франкенштейн.

У меня был пациент, одинокий вдовец, убежденный, что тиканье часов над его кухонным столом напоминает человеческие слова. Часы давали ему короткие команды: «Иди спать!», «Помой посуду!», «Выключи свет!» Поначалу он не обращал внимания на эти звуки, но часы все повторяли и повторяли указания, всегда в одних и тех же словах. Постепенно он начал подчиняться приказам, и часы стали управлять его жизнью. Они говорили ему, что есть на обед и какие передачи смотреть по телевизору, когда стирать, на какие телефонные звонки отвечать...

Когда он впервые уселся в моей приемной, я спросил его, хочет ли он чаю или кофе. Он ответил не сразу. Рассеянно посмотрел на настенные часы и через секунду повернулся и сказал, что хочет стакан воды.

Странно, но этот пациент не хотел, чтобы его лечили. Он мог бы убрать все часы из дома или заменить их на электронные, но в часовых голосах было что-то придававшее ему уверенность и даже оптимизм. Его жена, по всей видимости, была человеком беспокойным и организованным, все время его подгоняла, составляя для него списки дел, выбирая одежду и вообще принимая за него решения.

Он не желал, чтобы я убрал голоса, наоборот, ему необходимо было слышать их постоянно. Дома часы были уже в каждой комнате, но вот когда он выходил на улицу...

Я предложил ему носить ручные часы, но это его не устраивало: они говорили недостаточно громко или бормотали бессвязно. После напряженных раздумий мы пошли на антикварный рынок Грея, где он больше часа прислушивался к старомодным карманным часам, пока не нашел те, что вполне отчетливо говорили с ним.

Часы, тиканье которых я слышу сейчас, возможно, являются стуком мотора «лендровеера». Или же это часы Страшного суда – семь

минут до полуночи. Мое безупречное прошлое отходит в историю, и я не могу остановить время.

По дороге из Хетчмира мне навстречу попадают две полицейские машины. Видимо, Мел сообщила полиции, куда я отправился разыскивать Эрскина. Они не знают о «лендровере» – по крайней мере пока. Маленькая старая дама с фотографической памятью им скажет. Если мне повезет, сначала она поведает им историю своей жизни, дав мне время отъехать подальше.

Я поглядываю в зеркало заднего вида, почти ожидая увидеть голубые мигалки. Это будет пародия на погоню на высоких скоростях. Они смогут обогнать меня на велосипедах, если я не обнаружу четвертую передачу. Возможно, мы продемонстрируем и такую сцену: замедленная вереница машин, снятая с вертолета.

Я помню финальные кадры «Бутча Кэссиди и Санденса Кида», когда Редфорд и Ньюман, продолжая острить, выходят навстречу мексиканской армии. Лично я не презираю смерть до такой степени. И не вижу ничего величественного в граде пуль и заколоченном гробе.

Лукас Даттон живет в доме из красного кирпича на окраинной улице, где угловые магазины были вытеснены наркоторговцами и борделями. Каждая глухая стена покрыта краской. Даже памятники народного искусства и протестантские фрески испорчены. В рисунках нет ни цвета, ни вдохновения. Это бессмысленный, жестокий вандализм.

Лукас взгромоздился на лестницу в проезде, свинчивая баскетбольное кольцо со стены. Его волосы стали, кажется, еще темнее, но он поправился в талии, а лоб его пересечен горизонтальными морщинками, спускающимися до кустистых бровей.

– Помощь не нужна?

Он смотрит вниз и в течение нескольких минут пытается понять, кто я такой.

– Эти штуковины проржавели, – говорит он, похлопывая по болтам. Спустившись с лестницы, он вытирает руки о рубашку. Он жмет мою руку и в то же время бросает взгляд на дом, выдавая этим свое беспокойство. Должно быть, его жена внутри. Они уже видели выпуски новостей или слушали радио.

Я слышу музыку из верхнего окна: что-то с массой тяжелых басов и скрипящих дисков. Лукас следит за моим взглядом.

– Я прошу ее сделать потише, но она говорит, что такая музыка должна быть громкой. Возраст, видимо.

Я помню близнецов. Соня хорошо плавала: в бассейне, в море – у нее была прекрасная техника. Однажды, когда ей было лет девять, меня пригласили на барбекю. Она объявила, что когда-нибудь переплывет Канал.

– Быстрее будет воспользоваться Туннелем, – сказал я ей.

Все засмеялись. Соня закатила глаза. С тех пор она меня не любила.

Ее сестра Клер была читательницей, в очках в стальной оправе, с ленивым взглядом. Большую часть того дня она провела в своей комнате, жалуясь, что ей не слышно телевизора, потому что снаружи все «трещат, как обезьяны».

Лукас складывает лестницу и объясняет, что «девочки больше не пользуются кольцом».

– Ужасно, что случилось с Соней, – говорю я.

Он делает вид, что не слышит. Инструменты убираются в ящик. Я уже готов начать расспросы, но он рассказывает мне, что Соня незадолго до смерти выиграла два титула на национальных соревнованиях по плаванию и побил рекорд на дистанции.

– И все же, несмотря на эти тренировки, круги ранним утром, миля за милей, она знала, что толку не будет. Есть узкая грань между хорошими спортсменами и великими спортсменами.

Я не прерываю его, зная, что он ведет к делу. История разворачивается. Соня Даттон, неполных двадцати трех лет, оделась для рок-концерта. Она пошла с Клер и компанией университетских друзей. Кто-то дал ей белую таблетку с отпечатком в виде ракушки. Она всегда была так осторожна в отношении лекарств и добавок. Она танцевала всю ночь, пока ее пульс не ускорился и давление не подскочило. Она почувствовала слабость и раздражительность. С ней случился приступ в туалетной кабинке.

Лукас все еще наклоняется над ящиком с инструментами, словно что-то потерял. Его плечи трясутся. Срывающимся голосом он рассказывает, как Соня три недели провела в коме, так и не придя в сознание. Лукас и его жена спорили, отключать или нет систему

жизнеобеспечения. Он был прагматичен. Он хотел запомнить, как она скользит по воде своим легким стилем. Жена обвинила его в том, что он отказался от надежды, что думает только о себе, что недостаточно молится о чуде.

– С тех пор она мне и десятка слов не сказала за раз. Вчера вечером сообщила, что видела твою фотографию в новостях. Я задал ей вопросы, и она на них ответила. Впервые за целую вечность...

– Кто дал Соне таблетку? Они кого-нибудь поймали?

Лукас качает головой. Клер описала этого человека. Она смотрела фотографии из архивов и приходила на опознания.

– И как же он выглядел?

– Высокий, худой, загорелый... с зачесанными назад волосами.

– А возраст?

– Лет тридцать пять.

Он закрывает ящик и защелкивает металлические задвижки, а потом уныло глядит на дом, еще не решаясь войти внутрь. Домашние обязанности вроде этого кольца стали важны, потому что занимают его и позволяют жить дальше.

– Ты помнишь Бобби Моргана?

– Да.

– Когда ты видел его в последний раз?

– Лет четырнадцать-пятнадцать назад. Он был еще ребенком.

– А с тех пор нет?

Даттон качает головой, а потом прищуривается, словно что-то только что пришло ему в голову.

– Соня знала кого-то по имени Бобби Морган. Может, это был тот же человек. Он работал в бассейном комплексе.

– Ты его никогда не видел?

– Нет. – Он видит, как в прихожей раздвигаются занавески. – На твоём месте я бы здесь не задерживался, – говорит он. – Она сообщит в полицию, если тебя увидит.

Ящик с инструментами оттягивает его правую руку. Он перекладывает его в левую и смотрит на баскетбольное кольцо.

– Думаю, ему еще придется повисеть.

Я благодарю его, и он спешит в дом. Дверь закрывается, и мои шаги отдаются в окрестной тишине. Я прежде думал, что Даттон самодоволен и догматичен; он не желал слушать других и менять свою

точку зрения на заседаниях. Он был самодуром и искателем блох – из тех слуг народа, которые легко могут обеспечить движение поездов по расписанию, но совершенно не способны общаться с людьми. Если бы только его подчиненные были такими же надежными, как его «шкода», – заводились бы с первого раза морозным утром и немедленно отзывались на любой поворот руля... Теперь он унижен, свергнут, подавлен обстоятельствами.

Человек, давший Соне отравленную таблетку, по описанию не похож на Бобби, но свидетельские показания печально известны своей недостоверностью. Стресс и шок изменяют восприятие. Память подводит. Бобби подобен хамелеону, меняющему цвета, маскирующемуся,двигающемуся назад и вперед, но всегда сливаясь с тем, что находится рядом.

Есть стишок, который тетя Грейси любила мне рассказывать, – политически некорректные куплеты под названием «Десять маленьких индейцев». Они начинаются с того, как десять индейских мальчиков отправились обедать, но один поперхнулся, и их осталось девять. Девять индейцев, поев, клевали носом, один не смог проснуться, и их осталось восемь...

Маленьких индейцев кусают пчелы, проглатывают рыбы, давят медведи и разрезают пополам, пока не остается один. Я чувствую себя этим последним индейцем.

Я понимаю теперь, что делает Бобби. Он пытается забрать то, что каждому из нас дороже всего, – любовь ребенка, близость мужа, чувство привязанности. Он хочет, чтобы мы страдали, как страдал он, чтобы потеряли то, что любим больше всего, чтобы пережили его утрату.

Мел с Бойдом были родственными душами. Каждый, кто знал их, видел это. Ежи и Эстер Горски пережили нацистские газовые камеры и поселились в северной части Лондона, где родили только одно дитя, Элисон, ставшую директором школы и переехавшую в Ливерпуль. Пожарные нашли тело Ежи внизу лестницы. Он все еще был жив, несмотря на ожоги. Эстер задохнулась во сне.

Кэтрин Макбрайд, любимая внучка в дружной семье: капризная, избалованная, испорченная – всегда была сокровищем дедушки, который молился на нее и прощал ее выходки.

У Руперта Эрскина не было ни жены, ни детей. Может быть, Бобби не смог узнать, чем дорожил этот человек, а может, он и знал. Эрскин был упрямым старикашкой, не более привлекательным, чем пятно на ковре. Мы его извиняли, зная, как нелегко ему было ухаживать за женой долгие годы. Бобби лишил его свободы.

Он оставил ему, привязанному к стулу, достаточно времени, чтобы тот смог осознать свою беспомощность.

Могут быть и другие жертвы. У меня нет времени разыскивать их всех. Элиза – это моя вина. Я слишком долго не мог раскрыть секрет Бобби. Бобби становился все более изощренным с каждой смертью, но его мечь мне должна была стать вершиной. Он мог бы отнять у меня Джулиану и Чарли, но вместо этого он решил забрать все: семью, друзей, карьеру, репутацию и, наконец, свободу. Он хочет, чтобы я знал, что он в этом виновен.

Весь смысл анализа заключается в том, чтобы понять, а не взять сущность чего-то и свести ее к чему-то еще. Однажды Бобби обвинил меня в том, что я играю в Господа Бога. Он сказал, что люди вроде меня не могут устоять перед искушением запустить руки в душу другого и изменить его мировидение.

Возможно, он прав. Возможно, я совершал ошибки и попадался в ловушки, не обдумав как следует причину и следствие. Я знаю, что, совершив ошибку, недостаточно просто извиниться и сказать: «Я хотел, как лучше». Именно это сказали Грейси, забирая у нее ребенка. Я использовал те же выражения. «С самыми лучшими намерениями...» и «Со всей доброжелательностью...»

В ходе одного из первых моих дел в Ливерпуле мне предстояло решить, сможет ли умственно отсталая женщина двадцати одного года без поддержки семьи и социальных институтов заботиться о ребенке, который вскоре должен был у нее родиться.

Я все еще помню Шэрон в летнем платье, туго обтягивающем ее живот. Она с величайшей тщательностью умылась и причесалась. Она знала, как важна эта беседа для ее будущего. Но несмотря на все усилия, она забыла о кое-каких мелочах. Носки были одинакового цвета, но разной длины. Молния в боковом шве платья сломана. На щеке виднелось пятнышко губной помады.

– Вы знаете, зачем вы здесь, Шэрон?

– Да, сэр.

– Мы должны решить, сможете ли вы заботиться о своем ребенке. Это очень большая ответственность.

– Я смогу. Смогу. Я буду хорошей матерью. Я буду любить малыша.

– Вы знаете, откуда берутся дети?

– Он растет внутри меня. Его поместил туда Господь. – Она говорила благоговейно и гладила свой живот.

Я не мог поспорить с ее логикой.

– Давайте поиграем в игру «Что, если...», хорошо? Я хочу, чтобы вы представили, что купаете своего ребенка, и тут звонит телефон. Ребенок мокрый и скользкий. Что вы сделаете?

– Я... я... я положу ребенка на пол, завернув в полотенце.

– И вот, пока вы говорите по телефону, кто-то стучит в дверь. Вы откроете?

На ее лице появилось выражение неуверенности.

– Это могут быть пожарные, – добавил я, – или ваш социальный работник.

– Я бы открыла, – сказала она, старательно кивая.

– Оказывается, это ваша соседка. Какие-то мальчишки разбили камнем ее окно. Ей надо на работу. Она хочет, чтобы вы посидели у нее в квартире и подождали стекольщика.

– Эти мерзавцы вечно швыряют камни, – сказала Шэрон, сжав кулаки.

– У вашей соседки спутниковое телевидение: канал кинофильмов, мультики, сериалы. Что вы будете смотреть, пока сидите в ее квартире?

– Мультики.

– Выпьете чашку чаю?

– Может быть.

– Соседка оставила вам деньги, чтобы заплатить стекольщику. Пятьдесят фунтов. Работа стоит только сорок пять, но она сказала, что вы можете оставить себе деньги.

Ее глаза загорелись.

– Я могу оставить деньги?

– Да. Что вы купите?

– Шоколада.

– И где вы его купите?

– В магазине.

– Когда вы идете в магазин, что вы обычно берете?

– Ключи и кошелек.

– Что-нибудь еще?

Она помотала головой.

– А где ваш ребенок, Шэрон?

По ее лицу разлилась паника, нижняя губа задрожала. И когда я подумал, что она заплачет, она неожиданно объявила:

– За ним присмотрит Барни.

– Кто такой Барни?

– Моя собака.

Пару месяцев спустя я сидел в родильном отделении и слушал, как всхлипывала Шэрон, когда ее новорожденного сына заворачивали в одеяло и забирали у нее. В мои обязанности входило отвезти мальчика в другую больницу. Я положил его в колыбельку, закрепленную на заднем сиденье машины. Глядя на этот спящий комочек, я размышлял о том, что он подумает через много лет о принятом мною решении. Поблагодарит ли меня за спасение или обвинит в том, что я разрушил его жизнь?

На ум вновь приходит другой ребенок. С ним все понятно. Мы ошиблись относительно Бобби. Мы ошиблись относительно его отца – невинного человека, которого арестовали и часами допрашивали о его сексуальной жизни и длине пениса. Его дом и рабочее место обыскали в поисках детской порнографии, которой не существовало, его имя включили в список насильников, несмотря на то что ему так и не предъявили обвинения, не говоря уже о вынесении приговора.

Это несмываемое пятно отравило бы всю его жизнь. Все его будущие отношения были бы испорчены. Об обвинении должны были информировать его жен и любовниц. Завести ребенка стало бы для него проблематичным. Стать тренером детской футбольной команды – недопустимой дерзостью. Безусловно, этого достаточно, чтобы довести человека до самоубийства.

Сократ – мудрейший из греков – был несправедливо обвинен в совращении юношей и приговорен к смерти. Он мог бы бежать, но принял яд. Сократ верил в то, что наши тела не так важны, как наши души. Возможно, у него была болезнь Паркинсона.

Я несу ответственность за Бобби. Я был частью системы. На мне лежит вина за трусливую уступку. Вместо того чтобы возразить, я промолчал. Я согласился с мнением большинства. Я был молод и только начинал свою профессиональную деятельность, но это не оправдание. Я вел себя как зритель, а не как судья.

Джулиана обозвала меня трусом, когда выгнала из дома. Теперь я понимаю, что она имела в виду. Я сидел на трибуне, не желая вдаваться в проблемы своей семьи и болезни. Я сохранял дистанцию, страшась того, что может случиться. Я позволил своему настроению поглотить меня. Я так переживал, как бы не раскачать лодку, что не заметил айсберга.

Три часа назад я составил план. Он был уже не первым. Я пересмотрел их с десяток, внимательно изучая детали, но все мои проекты имели трагические последствия. Проблем у меня и так достаточно. Я должен обуздать свою изобретательность исходя из собственных физических возможностей – то есть отбрасывать любой проект, требующий от меня спуститься по веревке с крыши здания, обезвредить охранника, вывести из строя систему безопасности или взломать сейф.

Я также сдавал в архив план, не предусматривающий отступления. Из-за этого проваливается большинство кампаний. Игроки обычно не просчитывают ходы так далеко. Конец игры – дело скучное, рутина, лишенная, в отличие от начала, блеска и волнения. Поэтому внимание рассеивается и планы не простираются дальше. Человек надеется на свою способность обставить отход с такой же сноровкой, какой отличалось наступление.

Я знаю это, потому что ко мне в кабинет приходили люди, которые мухлевали, крали и присваивали чужие деньги и существовали на это. У них симпатичные домики, их дети ходят в частные школы, им без труда удается справляться с мелкими трудностями. Они голосуют за тори и считают закон и порядок вопросами первостепенной важности, поскольку по улицам ходить уже небезопасно. Этим людей редко ловят и почти никогда не сажают. Почему? Потому что они планируют отступление.

Я сижу в самом темном уголке парковки в Ливерпуле. На сиденье рядом со мной стоит бумажный пакет с плетеной веревочной ручкой. В нем лежит моя старая одежда, а на мне теперь надеты угольно-серые брюки, шерстяной свитер и пальто. Волосы аккуратно подстрижены, лицо чисто выбрито. Коленями я придерживаю трость. Теперь, когда я хожу, как калека, это может вызвать некоторое сочувствие.

Звонит телефон. Я не узнаю номер на экране. На долю секунды решаю, что меня разыскал Бобби. Мне следовало бы сразу догадаться, что это Руиз.

– Вы удивляете меня, профессор О'Лафлин. – Его голос флегматически-мрачен. – Я принимал вас за человека, который явится в ближайший полицейский участок с бригадой адвокатов и специалистов по связям с общественностью.

– Мне жаль, что я вас разочаровал.

– Я проиграл двадцать фунтов. Не беспокойтесь – мы начали новый тотализатор. Теперь мы ставим на то, застрелят вас или нет.

– И каковы ставки?

– Три к одному, что вы получите пулю.

Сквозь его голос до меня доносится шум транспорта. Он на шоссе.

– Я знаю, где вы.

– Вы догадываетесь.

– Нет. И я знаю, что вы пытаетесь сделать.

– Скажите мне.

– Сначала вы скажите мне, зачем убили Элизу.

– Я ее не убивал. – Руиз затягивается сигаретой. Он снова закурил. Я испытываю странное торжество. – Зачем мне убивать Элизу? С ней я провел ночь тринадцатого ноября. Она была моим алиби.

– Как вам не повезло.

– Она хотела сделать заявление, но я знал, что вы ей не поверите. Вы раскопаете ее прошлое и унижите ее. Я не хотел снова проводить ее через это...

Он смеется тем же смехом, что и Джок, когда думает, что у меня не в порядке с головой.

– Мы нашли лопату, – говорит он. – Она была под кучей листьев.

О чем это он? Думай! К плите на могиле Грейси была прислонена лопата.

– Ребята из лаборатории снова нас порадовали. Они сличили образцы почвы, найденные на лопате, с образцами с могилы Кэтрин. А потом нашли на ней ваши отпечатки пальцев.

Когда это кончится? Я больше ничего не хочу знать. Я перебиваю Руиза, пытаясь не пустить отчаяние в свой голос. Прошу его вернуться к началу и поискать «красный обрез».

– Его зовут Бобби Морган, а не Моран. Перечитайте его карту и мои заметки. Все там. Просто сопоставьте факты...

Он меня не слушает. Это выше его понимания.

– При других обстоятельствах я, может, и восхитился бы вашим энтузиазмом, но у меня уже достаточно улик, – говорит он. – У меня есть мотив, возможность и улики. Вы бы не оставили больше следов, даже пометив территорию в каждом углу.

– Я могу объяснить...

– Боже! Объясните это присяжным. В этом вся прелесть нашей системы: у вас полно возможностей изложить свое дело. Если вам не поверят присяжные, вы можете подать апелляцию в Верховный суд, потом в палату лордов и Европейский суд по чертовым правам человека. Вы можете всю оставшуюся жизнь провести в апелляциях. Это явно помогает убить время, когда вас засунули пожизненно.

Я нажимаю на кнопку «окончание разговора» и отключаю телефон.

Выйдя с парковки, я спускаюсь по лестнице и выхожу на улицу. Запихиваю старую одежду и ботинки в урну вместе с пакетом и мятыми обрывками бумаги из комнаты отеля. Иду по улице, беззаботно и весело, как я надеюсь, помахивая тростью. Покупатели на охоте, магазины полны мишурой и рождественскими гимнами. Это вызывает во мне тоску по дому. Чарли любит подобные вещи: Санта-Клаусов в универмагах, витрины и старые фильмы с Бингом Кросби, действие которых разворачивается в Вермонте.

Собираясь перейти дорогу, я замечаю плакат на боку фургона, развозящего газеты. «ОХОТА НА УБИЙЦУ КЭТРИН». Ниже, под пластиковой планкой, прикреплено мое лицо. Тотчас же мне мерещится большая неоновая стрелка у меня на голове, указывающая вниз.

Впереди расположен отель «Адельфи». Я миную вращающиеся двери и пересекаю фойе, борясь с искушением ускорить шаг. Я приказываю себе не торопиться и не оглядываться. Выше голову. Смотри вперед.

Это величественный старый железнодорожный отель, ведущий свою историю с того времени, когда паровозы приезжали из Лондона, а пароходы приплывали из Нью-Йорка. Теперь он выглядит таким же уставшим, как и некоторые официантки, которые предпочли бы сейчас оказаться дома и накручивать волосы на бигуди.

Бизнес-центр расположен на втором этаже. Секретарша – тощая девица по имени Нэнси, с крашенными в красный цвет волосами и в

красном галстуке на шее, гармонирующем с помадой. Она не спрашивает у меня пропуска или номера комнаты.

– Если у вас есть вопросы, просто задайте их, – говорит она приветливо.

– Прекрасно. Мне надо проверить электронную почту. – Я сажусь за компьютер спиной к ней. – Вообще-то, Нэнси, вы можете мне помочь. Узнайте, пожалуйста, есть ли на сегодня рейс в Дублин.

Через несколько минут она зачитывает список. Я выбираю рейс ближе к вечеру и сообщаю ей номер моей кредитной карты.

– А вы можете узнать то же самое про Эдинбург? – спрашиваю я.

Она поднимает брови.

– Вы же знаете, каково начальство, – объясняю я. – Никогда не могут сразу решить.

Она кивает и улыбается.

– И проверьте, нельзя ли заказать каюту на паром до острова Мэн.

– Деньги за билеты не возвращаются.

– Ничего.

Тем временем я ищу электронные адреса всех центральных газет и собираю имена редакторов, старших репортеров и полицейских хроникеров. Я начинаю набирать письмо правой рукой, нажимая по одной клавише. Левую руку я запикиваю под ногу, чтобы унять дрожь.

Начинаю с представления: сообщаю имя, адрес, номер страховки и профессиональные детали. Они не должны подумать, что это липа. Им придется поверить, что я профессор Джозеф О'Лафлин, человек, убивший Кэтрин Макбрайд и Элизу Веласко.

Сейчас немного больше четырех. Редакторы отбирают статьи для нового выпуска. Я должен изменить завтрашние заголовки. Я должен выбить Бобби из колеи и заставить его сомневаться.

До этого момента он всегда находился на два, три, четыре шага впереди меня. Его акты возмездия были продуманы с блестящей логикой и исполнены с клинической аккуратностью. Он не просто поделил между нами вину – он превратил это в род искусства. Но несмотря на всю его гениальность, он способен на ошибку. Никто не безупречен. Он избил женщину, потому что она напомнила ему мать.

Всем заинтересованным.

Это мое признание и официальное заявление. Я, Джозеф Уильям О'Лафлин, решительно и определенно утверждаю, что являюсь человеком, ответственным за смерть Кэтрин Макбрайд и Элизы Веласко. Я выражаю соболезнование всем, кто скорбит об их кончине.

А тем из вас, кто был обо мне лучшего мнения, я приношу искренние извинения.

Я намерен сдать полицию в течение ближайших 24 часов. Я не собираюсь прятаться за спины адвокатов или искать оправдания тому злу, которое я причинил. Не заявлю, что слышу таинственные голоса. Я не находился в состоянии наркотического опьянения и не получал распоряжений от сатаны. Это был свободный выбор. Погибли невинные люди. Каждый час моей жизни отягощен чувством вины.

Я перечисляю имена, начиная с Кэтрин Макбрайд. Я записываю все, что знаю о ее убийстве. Следующим идет Бойд Коссимо. Я описываю последние дни Руперта Эрскина, отравление Сони Даттон, пожар, убивший Эстер Горски и изувечивший ее мужа. В конце списка – Элиза.

Я не прошу ни о каком снисхождении. Некоторые из вас, возможно, захотят узнать больше о моих преступлениях. В таком случае вы должны поставить себя на мое место или найти того, кто это уже сделал. Такой человек существует. Его зовут Бобби Моран (он же Морган), и завтра утром он приедет в Центральный уголовный суд Лондона. Он более, чем кто-либо другой, понимает, что значит быть одновременно жертвой и мучителем.

Искренне ваш Джозеф О'Лафлин

Я подумал обо всем, кроме того, как это скажется на Чарли. Бобби был жертвой решения, принятого не по его воле. Я делаю то же самое со своей дочерью. Мой палец висит над клавишей «Отправить».

У меня нет выбора. Письмо исчезает в лабиринте электронного почтамта.

Нэнси думает, что я сумасшедший, но тем не менее организовала мое путешествие, купив билеты на самолеты в Дублин, Эдинбург, Лондон, Париж и Франкфурт. Кроме того, заказаны купе первого класса до Бирмингема, Ньюкасла, Глазго, Лондона, Суонси и Лидса. Она также вызвала белый «воксхолл кавалер», который ждет на улице.

За все было заплачено при помощи дебетовой карты, не требующей авторизации в банке. Эта карта связана с трастовым фондом, учрежденным для меня отцом. Налог на наследство – один из любимых объектов его ненависти. Я предполагаю, что Руиз заморозил все мои счета, но до этого он добраться не может.

Дверь лифта открывается, и я иду по фойе, глядя прямо перед собой. Налетаю на пальму в горшке и понимаю, что меня снесло в сторону. Теперь при ходьбе мне постоянно приходится подстраиваться и приспособливаться, словно при посадке самолета.

Нанятая машина припаркована напротив входа. Спускаясь по лестнице, я все жду, что мне на плечо ляжет рука или я услышу окрик узнавания или сигнал тревоги. Пальцы перебирают ключи. Передо мной стоит вереница черных кебов, но один из них уступает мне дорогу. Я следую за транспортным потоком, глядя в зеркала и пытаюсь вспомнить кратчайший путь из города.

Остановившись на красный свет, я смотрю вверх голов пешеходов на многоэтажный гараж. Три полицейские машины преграждают выезд, еще одна стоит на тротуаре. Руиз оперся о дверь и говорит по рации. Его лицо словно грозовая туча.

Когда загорается зеленый, я представляю себе, как он повернется, а я поприветствую его, словно летчик-ас времен Первой мировой войны в покоренном самолете, выживший, чтобы сражаться еще один день.

По радио передают одну из моих любимых песен. В университете я играл на бас-гитаре в группе под названием «Оружие Дики Никсоны». Мы были не так хороши, как «Роллинг Стоунз», но мы были громче. Я понятия не имел о том, как играть на бас-гитаре, но на этом инструменте легче всего имитировать игру. Мои амбиции в основном ограничивались тем, чтобы снять девочку, хотя это получалось только у нашего солиста, Морриса Уайтсайда, у которого были длинные волосы и татуировка на торсе с изображением распятия. Теперь он работает главным бухгалтером в Дойчбанке.

Я еду на запад к Токстету и паркую «кавалер» в пустынном местечке среди угля и сорняков. Кучка подростков следит за мной, скрываясь в тени центра досуга. Я еду на машине, которую они видели разве что на старых стоянках.

Я звоню домой. Джулиана берет трубку. Ее голос звучит очень близко, кристально чистый, но в нем слышится дрожь.

– Слава богу! Где ты был? Репортеры не отходят от дверей. Они говорят, что ты опасен. Говорят, что полицейские тебя застрелят.

Я пытаюсь перевести разговор в более продуктивное русло.

– Я знаю, кто это сделал. Бобби хочет наказать меня за то, что случилось очень давно. Это касается не только меня. У него есть список имен...

– Какой список?

– Бойд погиб.

– Как?

– Его убили. И Эрскина.

– Боже мой!

– Полицейские еще следят за домом?

– Не знаю. Вчера был кто-то в белом фургоне. Сначала я решила, что это Ди Джей приехал закончить отопительную систему, но он должен вернуться не раньше чем завтра.

Я слышу, как где-то вдали поет Чарли. Приступ нежности сжимает мне горло.

Полицейские попытаются отследить этот звонок. В случае с мобильным телефоном им придется шаг за шагом определять, какая антенна передавала сигнал. Между Лондоном и Ливерпулем более десяти вышек. По мере того как устанавливается новая, зона поиска сужается.

– Я хочу, чтобы ты оставалась на связи, Джулиана. Разговор закончен, но не вешай трубку. Это очень важно. – Я опускаю телефон под водительское сиденье. Ключи все еще в зажигании. Я закрываю дверь и ухожу, опустив голову, отступая в темноту, думая, следит ли Бобби за мной.

Через двадцать минут с платформы, которая выглядит заброшенной и выжженной, я с облегчением вхожу в пригородный поезд. Вагоны почти пусты.

Руиз к этому времени уже должен знать о билетах на самолеты, поезда и паром. Он поймет, что я пытаюсь отвлечь его внимание, но ему все равно придется все проверить.

Экспресс на Лондон отправляется со станции Лайм-стрит. Полицейские обыщут каждый вагон, но, надеюсь, не останутся в поезде. Через одну остановку будет Эдж-хилл, где в половине одиннадцатого я должен сесть на поезд в Манчестер. После полуночи я смогу появиться в другом, отправляющемся в Йорк. Мне еще три часа сидеть в плохо освещенной кассе, наблюдая за соревнованием уборщиков, кто сделает меньше работы, до того как Большой Северо-Восточный экспресс отправится в Лондон.

Я плачу за билет наличными и выбираю наиболее переполненный вагон. Пьяно пошатываясь, бреду по проходу, натываюсь на людей и бормочу извинения.

Только дети смотрят на пьяных. Взрослые отводят глаза, надеясь, что я пройду дальше и выберу другое место. Когда я засыпаю, привалившись к окну, весь вагон испускает тихий коллективный вздох.

В детстве я ездил на поезде только в школу и из школы. Тогда я учился в Чартерхаусе, где под запретом были сладости и жевательная резинка.

Иногда я думаю, что взрывчатка более безопасна для детей, чем резинка. Один из старшеклассников, Питер Клейвел, проглотил так много жвачки, что она забила его кишечник и врачам пришлось удалять блок через задний проход. Неудивительно, что после этого жвачка утратила свою популярность.

Напутственное слово моего отца всегда сводилось к короткой фразе: «Смотри, чтобы директор мне на тебя не жаловался». Когда Чарли пошла в школу, я дал слово, что буду другим отцом. Я усаживал ее перед собой и проводил с ней беседу, более подходящую для средней школы, а то и для университета. Джулиана не прекращала хихикать, уравнивая мой наставительный тон.

– Не бойся математики. – Так я обычно заканчивал.

– Почему?

– Потому что многие девочки боятся чисел. И настраивают себя на то, что у них ничего не получится.

– Хорошо, – отвечала Чарли, не имея ни малейшего представления, о чем я говорю.

Интересно, увижу ли я, как она пойдет в среднюю школу? Несколько недель я переживал, что моя болезнь многого лишит меня. Теперь она поблекла и потеряла значение перед лицом последних событий.

Когда поезд прибывает на Кингс-кросс, я медленно иду из вагона в вагон, изучая платформу на предмет присутствия полиции. Я пристраиваюсь за пожилой леди, толкающей огромный чемодан. Когда мы подходим к заграждению, я предлагаю ей свою помощь, и она с благодарностью кивает. На контроле билетов я поворачиваюсь к ней.

– Где ваш билет, мамаша?

Не моргнув глазом, она протягивает мне его. Я отдаю оба билета контролеру и устало улыбаюсь ему.

– Как вы можете так рано выезжать? – спрашивает он.

– Никак к этому не привыкну, – отвечаю я, и он отдает мне корешок.

Прокладывая путь по переполненному залу, я останавливаюсь перед входом в магазинчик У.Х. Смита, где бок о бок лежат утренние газеты. «УБИЙЦА ПРИЗНАЕТСЯ: Я УБИЛ КЭТРИН!», – кричит заголовок в «Сан».

Передовица сообщает о подъеме процентных ставок и угрозе забастовки почтовых работников. История Кэтрин – моя история – в нижней части. Люди подходят ко мне и берут газеты. Никто не смотрит мне в глаза. Это Лондон, город, где жители ходят выпрямившись, с застывшим выражением лица, словно готовые встретить что угодно и избежать чего угодно. Ни во что не вмешивайся. Просто продолжай двигаться.

Подстроившись к ритму движения толпы, я иду через Ковент-Гарден, мимо ресторанов и дорогих бутиков. Дойдя до Стренда, поворачиваю налево и двигаюсь по Флит-стрит, пока не показывается готический фасад Олд-Бейли.

Здание суда стоит на этом месте уже почти пятьсот лет, и раньше, в Средневековье, здесь каждый понедельник по утрам проводились публичные казни.

Я занимаю позицию через дорогу, прислонившись к стене дома на улице, идущей к Темзе. Почти к каждой двери прикреплены медные таблички. Я периодически смотрю на часы, чтобы со стороны создавалось впечатление, будто я кого-то жду. Мужчины и женщины в черных костюмах и платьях скользят мимо меня, сжимая папки и пачки документов, перевязанные лентами.

В половине десятого прибывает первая журналистская бригада: оператор и звукооператор. Вскоре к ним присоединяются другие. Некоторые фотографы несут штативы и рамы. Репортеры кучкой толпятся на заднем плане, попивая кофе из пластиковых стаканчиков, обмениваясь сплетнями и слухами.

Около десяти я замечаю, как по моей стороне дороги едет черный кеб. Первым выходит Эдди Баррет, похожий на Денни Де Вито, только с волосами. За ним появляется Бобби, он почти на две головы выше, но снова как-то изловчился раздобыть костюм, который ему велик.

Оба стоят на расстоянии менее пятнадцати футов от меня. Я опускаю голову и дышу на руки. Карманы пальто Бобби набиты бумагой. После тепла кеба на холодной улице его очки запотевают. Он останавливается и протирает их. Его руки не дрожат. Водянисто-голубые глаза смотрят спокойно. Репортеры заметили Бобби и ждут его, нацелив фотоаппараты и изготовив камеры.

Я вижу, как голова Бобби поникает. Он слишком высок и не может спрятать лицо. Репортеры обстреливают его вопросами. Эдди Баррет кладет ему руку на плечо. Бобби отшатывается, словно ошпаренный. Телекамера смотрит ему прямо в лицо. Мелькают фотовспышки. Он этого не ожидал. У него нет плана.

Баррет пытается подтолкнуть его по каменным ступенькам в арку. Фотографы толпятся вокруг, и вдруг один из них пятится назад. Бобби стоит над ним с поднятым кулаком. Остальные хватают его за плечи, а Баррет, размахивая портфелем, как косой, расчищает дорогу. Последнее, что я вижу перед тем, как закрывается дверь, – это голова Бобби над толпой.

Я позволяю себе легкую улыбку, но не более. Я не могу позволить себе надеяться на многое. Рядом со мной витрина магазина подарков, забитая мармеладными Санта-Клаусами и красно-зеленым рождественским печеньем. У оленей на часах в темноте светятся носы. В отражении этого затемненного стекла я слежу за лестницей суда.

Представляю, что станет происходить внутри. Скамья для прессы будет забита, в зале останутся только стоячие места. Эдди любит работать на публику. Он потребует отложить заседание в связи с моим непрофессиональным поведением и заявит, что его клиенту было отказано в правосудии из-за моих злонамеренных обвинений. Придется назначить новое психологическое обследование, которое займет недели. И так далее, и тому подобное.

Всегда есть шанс, что судья откажет и вынесет приговор немедленно. Но, скорее всего, он примет предложение о переносе заседания и Бобби, еще более опасного, чем раньше, освободят.

Раскачиваясь на каблуках, я напоминаю себе правила. Избегать стоять, плотно сдвинув ноги. Следить за своей походкой. Быстро не оборачиваться. Лучшее, что я могу придумать, чтобы не походить на ледяную фигуру, – это перешагивать через невидимое препятствие впереди. Кажется, я напоминаю Марсея Марсо.

Я дохожу до конца квартала, поворачиваюсь и иду назад, не отводя глаз от фотографов, которые все еще толпятся у входа. Внезапно они подаются вперед, вскидывая фотокамеры. Видимо, Эдди договорился, что его будет ждать машина. Бобби выходит, согнувшись, и, пробившись через толпу, плюхается на заднее сиденье. Дверь закрывается под непрекращающийся блеск вспышек.

Я должен был это предполагать. Я должен был подготовиться. Выпрыгивая на дорогу, я машу обеими руками и тростью черному кебу. Он виляет, огибая меня. Резко тормозит и выезжает на другую линию. На втором кебе оранжевый маячок. Водитель либо остановится, либо собьет меня.

Он бровью не ведет, когда я прошу его следовать за машиной. Возможно, таксисты постоянно слышат эту просьбу.

Серебристый седан, на котором едет Бобби, следует впереди нас, зажатый между двумя автобусами и чередой машин. Мой водитель сумел, ныряя в интервалы между автомобилями и перескакивая с полосы на полосу, не потерять его из виду. В то же время я вижу, как он украдкой бросает на меня взгляды в зеркало заднего вида. Когда наши глаза встречаются, он быстро отводит глаза. Молодой парень, видимо, немного за двадцать, с волосами цвета ржавчины и веснушками на шее. Его руки словно колдуют над рулем.

– Вы знаете, кто я.

Он кивает.

– Я не опасен.

Он смотрит мне в глаза, пытаюсь увидеть подтверждение этим словам. Мое лицо не может ему его дать. Маска Паркинсона – словно холодный точеный камень.

Этот участок Гранд-Юнион-канала непригляден и грязен, асфальт весь в ямах и трещинах. Ржавая решетка, отделяющая огороды от воды, опасно накренилась. Фургон без двери, покрытый граффити, стоит на кирпичках вместо колес. Полузакопанный трехколесный велосипед торчит из зеленого газона.

Бобби ни разу не оглянулся с тех пор, как машина высадила его на Кэмли-стрит за Сент-Панкрас-стейшн. Теперь я знаю ритм его ходьбы. Он минует домик сторожа и продолжает путь. Газовый завод отбрасывает тень на заброшенные фабрики, расположенные на южном берегу. Табличка с логотипом строительной фирмы обещает новый индустриальный квартал.

Четыре лодки покачиваются на воде у каменной стены на изгибе канала. Три из них раскрашены в яркие красный и зеленый цвета. Четвертая напоминает буксир, с черным корпусом и темно-бордовой отделкой кабины.

Бобби легко ступает на борт лодки и, кажется, стучит по палубе. Ждет несколько секунд, потом отпирает люк. Распахивает его и открывает дверь вниз. Спускается в кабину и исчезает из виду. Я жду на берегу, спрятавшись среди ежевики, которая хочет поглотить забор. Женщина в сером пальто тянет собаку за поводок, быстро протаскивая животное мимо меня.

Проходит пять минут. Появляется Бобби и бросает взгляд в мою сторону. Он закрывает люк и сходит на берег. Вынув руку из кармана, пересчитывает на ладони мелочь. Потом удаляется по тропинке. Я следую за ним на расстоянии, пока он не взбирается по ступенькам на мост. Идет на юг к гаражу.

Я возвращаюсь к лодке. Мне нужно заглянуть внутрь. Лакированная дверь притворена, но не заперта. В кабине темно. Иллюминаторы занавешены. Две ступеньки вниз выводят меня на камбуз. Раковина из нержавеющей стали чиста. На полотенце сохнет одинокая чашка.

Еще через шесть шагов – кают-компания. Она больше напоминает мастерскую, чем жилое помещение; вдоль одной стены тянется

верстак. Мои глаза привыкают к темноте, и я вижу панель с инструментами: стамесками, гаечными ключами, отвертками, кусачками, рубанками и напильниками. На полках лежат трубы, шайбы, сверла и водонепроницаемая пленка. Пол заставлен банками с краской, смолой, воском и машинным маслом. Под скамьей помещается переносной генератор. С потолка на проводе свисает старый радиоприемник. Все лежит на своих местах.

На противоположной стене еще одна панель, но она пуста. Единственное, что к ней прикреплено, – это две пары кожаных наручников, одна у пола, другая у потолка. Пол притягивает мой взгляд. Я не хочу туда смотреть. Голое дерево на полу и бордюр запятнаны чем-то, что темнее темноты.

Отшатнувшись, я ударяюсь о балку и возвращаюсь в кабину. В ней все кажется непропорциональным. Матрас слишком велик для кровати. Лампа слишком велика для стола. На стенах висят какие-то бумажки, но в темноте я не могу их как следует рассмотреть. Зажигаю лампу, и моим глазам требуется несколько секунд, чтобы привыкнуть к свету.

От неожиданности я сажусь на кровать. Вырезки из газет, фотографии, карты, диаграммы и рисунки покрывают стену. Я вижу Чарли: вот она идет домой, вот играет в футбол, поет в школьном хоре, что-то покупает в магазине с бабушкой, катается на карусели, кормит уток. На других фотографиях Джулиана во время занятий йогой, в супермаркете, за покраской садовой мебели, у входной двери... Приглядевшись, я узнаю рецепты, корешки билетов, футбольные программки, визитные карточки, копии счетов из банка и за телефон, план улицы, библиотечный билет, напоминание об оплате школы, квитанцию за неправильную парковку, регистрационные документы на машину...

Маленький столик у кровати завален прошитыми блокнотами. Я беру верхний и открываю. Страницы покрыты аккуратным, мелким почерком. Слева отмечены дата и время. Рядом – подробности моих передвижений, включая адреса, встречи и их продолжительность, виды транспорта, примечания. Настоящее руководство к моей жизни. «Как быть Джозефом О'Лафлином»!

На палубе у меня над головой раздается стук. Что-то тащат и проливают. Я выключаю свет и сижу в темноте, пытаюсь дышать тихо. Кто-то проникает через люк в кают-компанию. Идет на камбуз и открывает шкаф. Я лежу на полу, втиснувшись между балкой и кроватью, чувствуя, как бьется на шее пульс.

Заводится мотор. Поршни поднимаются, опускаются, начинают двигаться ритмично. В иллюминатор я вижу ноги Бобби и чувствую, как раскачивается лодка, когда он ходит по борту, отвязывая швартовые.

Я смотрю на камбуз и кают-компанию. Если я поспешу, то, возможно, смогу попасть на берег до того, как он вернется в рубку. Пытаясь встать, я задеваю прямоугольную раму, прислоненную к стене. Когда она начинает падать, я успеваю схватить ее одной рукой. В свете, проходящем сквозь занавески, на мгновение показывается картина: пляж, купальные кабинки, лотки с мороженым и чертово колесо. А на горизонте – большой серый кит, нарисованный Чарли.

Я падаю на спину со стоном, не в силах заставить ноги слушаться. Они как будто принадлежат другому.

Лодка снова качается, шаги возвращаются. Мы отплыли от берега. Двигатель набирает обороты, и мы удаляемся от пристани. Вода скользит вдоль корпуса. Приподнявшись, я на несколько дюймов сдвигаю занавеску и подтягиваюсь к иллюминатору. Сквозь него я могу разглядеть только верхушки деревьев.

Раздается новый звук – заунывный, словно завывание ветра. Кажется, что из воздуха вдруг куда-то исчез весь кислород. Топливо течет по полу и впитывается в мои брюки. Лакированное дерево трещит, загораясь. Дым жалит мои глаза и заполняет горло. Я ползу на четвереньках вниз, туда, где собирается дым.

Проползя через U-образный камбуз, я добираюсь до кают-компания. Мотор рядом. Я слышу, как он стучит за переборкой. Головой я ударяюсь о лестницу и карабкаюсь по ней вверх. Люк заперт снаружи. Я упираюсь в него плечом. Безрезультатно. Рука чувствует жар через дверь. Мне нужен другой выход.

Воздух в легких напоминает расплавленное стекло. Я ничего не вижу, но могу двигаться на ощупь. На скамье в мастерской пальцы нащупывают молоток и плоское острое долото. Я пробираюсь вдоль

лодки, подальше от источника пламени, налетая на стены и стуча по иллюминаторам молотком. Бесполезно: стекло укреплено.

Напротив переборки в кабине есть маленькая дверца. Я протискиваюсь в нее, извиваясь, как рыба на суше, пока не втаскиваю ноги. Промасленный брезент и веревки попадают под руки. Должно быть, я на носу. Я поднимаю руку над головой и ощупываю люк. Проводя пальцами по краю, ищу засов, потом пытаюсь всунуть долото в щель и ударить молотком, но из этого тоже ничего не выходит.

Лодка начала крениться. Вода залила корму. Я ложусь на спину и упираюсь обеими ногами в люк. Потом бью: раз, второй, третий. Я кричу и ругаюсь. Дерево трещит и наконец поддается. Квадрат яркого света слепит мне глаза. Я отворачиваюсь в тот миг, когда бензин в кабине воспламеняется и оранжевый шар пламени извергается в моем направлении. Я подтягиваюсь вверх, к свету. На долю секунды меня охватывает свежий воздух, и тут же я погружаюсь в воду. Я тону медленно, неумолимо, беззвучно крича, пока не оказываюсь на илистом дне. Я не думаю о том, что тону. Я просто немного задержусь здесь, где так прохладно, темно и зелено.

Когда легкие начинают болеть, я поднимаюсь вверх, мечтая о глотке свежего воздуха. Голова рассекает поверхность воды, и я ложусь на спину, делая жадный вдох. Палуба лодки уже скрылась под водой. Канистры в мастерской взрываются, как гранаты. Мотор заглох, но лодка продолжает медленно двигаться.

Я направляюсь к берегу, грязь хлюпает у меня в ботинках. Цепляюсь за камыши и выбираюсь вверх, извиваясь всем телом. Не обращаю внимания на протянутую руку. Я просто хочу прилечь и отдохнуть. Сажу на пустынном берегу. Гигантские подъемные краны вырисовываются на фоне серых облаков.

Я узнаю ботинки Бобби. Он просовывает руки мне под мышки и обхватывает за грудь. Я отрываюсь от земли. Пока он несет меня, его подбородок упирается мне в голову. Я чувствую запах бензина, исходящий от его одежды – а может, и от моей. Я не кричу. Реальность кажется слишком далекой.

Шарф кольцом обхватывает мою шею и туго затягивается. Второй конец привязан к чему-то над моей головой, из-за этого я вынужден стоять на цыпочках. Мои ноги болтаются, как у марионетки, еле

доставая до земли. Мне нужна опора, чтобы не задохнуться. Я просовываю пальцы под шарф и оттягиваю его от горла.

Мы находимся во дворе заброшенной фабрики. У стены навалены деревянные настилы. Во время грозы снесло железную крышу. По стенам течет вода, сплетая гобелен из черно-зеленой плесени. Бобби отходит от меня. Его лицо мокро от пота.

– Я знаю, почему вы это делаете, – говорю я.

Он не отвечает. Снимает куртку и закатывает рукава рубашки, словно ему предстоит поработать. Потом садится на ящик, достает белый платок и протирает очки. Его спокойствие удивительно.

– Убив меня, вы не скроетесь.

– Почему вы думаете, что я собираюсь вас убить? – Он надевает очки и смотрит на меня. – Вы в розыске. Я могу получить вознаграждение. – Голос выдает его. Он не уверен. Вдалеке я слышу сирены. Подъезжает пожарная машина.

Бобби прочитал утренние газеты. Он знает, почему я признался. Полиции придется вернуться к каждому убийству и изучить детали. Перепроверить даты и места, сопоставляя с моими передвижениями. И что обнаружится? Что я не мог убить их всех. Тогда в полиции заинтересуются, почему я признался. И возможно – только возможно, – что проверят и Бобби. Сколько алиби ему удалось придумать? Насколько хорошо он замел следы?

Я должен вывести его из равновесия.

– Вчера я был у вашей матери. Она справлялась о вас.

Бобби слегка напрягается, его дыхание учащается.

– Думаю, что раньше я никогда не встречал Бриджет, но, верно, она когда-то была красавицей. Алкоголь и сигареты не щадят кожу. Вашего отца я тоже, думаю, не встречал, но полагаю, он бы мне понравился.

– Ты о нем ничего не знаешь, – выплевывает он слова.

– Неправда. Думаю, у нас с Ленни есть что-то общее... как и с вами. Мне надо разбирать вещи, чтобы понять, как они работают. Вот почему я пошел за вами. Думал, что вы поможете мне кое-что осмыслить.

Он не отвечает.

– Теперь я знаю почти всю историю – знаю об Эрскине и Лукасе Даттоне, о Юстасе Макбрайде и Мел Коссимо. Но чего я не могу

понять, так это почему вы наказали всех, кроме человека, которого ненавидите больше всего.

Бобби вскакивает на ноги, раздувшись, как какая-то ядовитая рыба. Он вплотную придвигает свое лицо к моему. Я вижу сосуд, маленький голубоватый узелок, пульсирующий у него над левым веком.

– Вы ведь даже не можете произнести ее имени, правда? Она говорит, что вы похожи на отца, но это не совсем так. Каждый раз, глядя в зеркало, вы видите глаза своей матери...

В его руке зажат нож. Он прижимает кончик лезвия к моей нижней губе. Если я открою рот, пойдет кровь. Но я не могу остановиться.

– Позвольте-ка рассказать, что я уже успел понять, Бобби. Я вижу маленького мальчика, упоенного мечтами своего отца, но отравленного жестокостью матери... – Лезвие такое острое, что я не чувствую боли. Кровь стекает у меня по подбородку и капает на пальцы, вцепившиеся в шарф. – Он винит себя. Так поступает большинство жертв насилия. Он считал себя трусом: все время убегал, запинаясь, бормотал, никогда не был достаточно хорош, всегда опаздывал, словно был обречен разочаровывать. Мальчик думает, что должен был спасти отца, но он не понимал, что происходит, пока не стало слишком поздно.

– Заткни пасть! Ты один из них. Ты убил его! Ты, знаток человеческих душ!

– Я его не знал.

– Вот именно. Ты приговорил человека, которого не знал. Какой произвол! Я по крайней мере выбираю. А у тебя нет понимания. У тебя нет сердца.

Лицо Бобби все еще в нескольких дюймах от моего. Я вижу боль в его глазах и ненависть в складке губ.

– Итак, он обвиняет себя, этот мальчик, который уже быстро растет и становится неуклюжим и неуправляемым. Нежный и застенчивый, сердитый и озлобленный – эти чувства невозможно разделить. Он не умеет прощать. Он ненавидит мир, но еще больше ненавидит себя. Он режет себе руки, чтобы освободиться от этого яда. Он цепляется за воспоминания об отце, о том, как все было раньше. Не идеально, но нормально. Они были вместе. Итак, что же он делает? Отдаляется от окружающих и становится нелюдимым, сжимается,

надеясь, что о нем забудут, живет в своем сознании. Расскажите мне о мире своих фантазий, Бобби. Наверное, вы радовались тому, что вам есть куда уйти.

– Ты его только испортишь. – Он краснеет. Он не хочет разговаривать со мной, но в то же время гордится своими достижениями. Это то, что сделал он сам. Какая-то часть его хочет ввести меня в свой мир, чтобы я познал и разделил его радость.

Бобби убирает лезвие от моей губы и размахивает им перед моими глазами. Он пытается выглядеть решительным, но ему это не удается. Он не чувствует себя уютно с ножом в руке.

Мои пальцы на шарфе начинают затекать. Молочная кислота скапливается в икрах, ведь я балансирую на пальцах. Я больше не могу так стоять.

– Каково это – быть всемогущим, Бобби? Быть судьей, присяжными и палачом, наказывающим тех, кто заслуживает наказания? Вы ведь годами все это репетировали. Поразительно. Но для кого вы все это делали?

Он наклоняется и поднимает доску. Бормочет, чтобы я заткнулся.

– Ах да, ради вашего отца. Ради человека, которого вы едва помните. Готов поспорить, что вы не знаете его любимой песни, любимых фильмов и героев. Что он носил в карманах? Он был левшой или правшой? На какую сторону делал пробор?

– Я уже велел тебе заткнуть пасть!

Доска описывает широкую дугу и бьет меня по груди. Воздух вырывается из моих легких, тело вращается как турникет, затягивая шарф. Я лягаюсь, пытаюсь раскрутиться. Рот раскрывается, как у рыбы, вытасченной из воды.

Бобби откладывает доску и смотрит на меня, словно хочет сказать: «Я же предупреждал».

Кажется, у меня сломаны ребра, но легкие снова работают.

– Еще один вопрос, Бобби. Почему вы такой трус? Ведь очевидно, кто заслуживал всю эту ненависть. Посмотрите, что она наделала. Она унижала и мучила вашего отца. Она спала с другими мужчинами и сделала его объектом жалости даже в глазах друзей. И затем, в довершение всего, она обвинила его в домогательствах к собственному сыну...

Бобби отвернулся от меня, но его молчание говорит за него.

– Она уничтожала письма, которые он вам писал. Думаю, она даже нашла фотографии, которые вы хранили, и разорвала их. Она хотела, чтобы Ленни ушел из ее жизни – а заодно и из вашей. Она не могла даже слышать его имени...

Бобби становится меньше, словно сжимаясь изнутри. Его гнев превратился в печаль.

– Позвольте, я угадаю, что случилось. Ей предстояло стать первой. Вы отправились на поиски и легко ее нашли. Бриджет никогда не была тихим, скрытным человеком. Она оставляла следы. Вы наблюдали за ней и ждали. Вы все спланировали... все до последней детали. И вот наступил долгожданный момент. Женщина, разрушившая вашу жизнь, была от вас в нескольких футах. Она стояла там, прямо там, но вы не решались. Вы не могли этого сделать. Вы были вдвое больше ее. У нее не было оружия. Вы так легко могли бы ее уничтожить.

Я останавливаюсь, позволяя его воспоминаниям ожить.

– Ничего не случилось. Вы не могли этого сделать. Знаете почему? Вы боялись. Увидев ее, вы снова стали маленьким мальчиком, запинаящимся, с дрожащей губой. Она пугала вас тогда, и она пугает вас сейчас.

Лицо Бобби искажено от ненависти к себе. И одновременно он хочет стереть с лица земли меня.

– Кого-то надо было наказать. Поэтому вы нашли свое дело и составили список виноватых. И начали наказывать всех по очереди, отнимая то, что каждый из них более всего любил. Но вы так и не преодолели страх перед матерью. Кто однажды струсил, тот остался трусом на всю жизнь. Что вы подумали, когда узнали, что она умирает? Ее рак сделал за вас работу или лишил вас удовольствия?

– Лишил удовольствия.

– Она умирает ужасной смертью. Я ее видел.

Он взрывается:

– Этого недостаточно! Она монстр! – Бобби пинает металлический цилиндр, и тот катится по двору. – Она разрушила мою жизнь! Она превратила меня в это!

По его подбородку течет слюна. Он смотрит на меня так, словно ждет оправдания. Он хочет, чтобы я сказал: «Бедняга! Во всем виновата она. Неудивительно, что ты так переживаешь». Но я не могу

этого сделать. Если я санкционирую его ненависть, у нас не будет пути назад.

– Я не собираюсь подыскивать никаких оправданий вам, Бобби, черт возьми. С вами произошли ужасные вещи. Мне жаль, что не случилось иначе. Но посмотрите на мир вокруг вас: в Африке голодают дети, в здания врезаются самолеты, на гражданское население сбрасывают бомбы, люди умирают от болезней, заключенных пытаются, женщин насилюют... Некоторые вещи мы можем изменить. Но некоторые нет. Иногда мы просто должны принять то, что произошло, и попытаться жить дальше.

Он смеется с горечью.

– Как ты можешь такое говорить?

– Потому что это правда. И вы это знаете.

– Я скажу тебе, что такое правда. – Он смотрит на меня не мигая. Его голос тихо рокочет. – На дороге через Грейт Кросби есть автостоянка – примерно в восьми милях к северу от Ливерпуля. Она находится в стороне от дороги. Если подъехать туда после десяти вечера, то иногда можно встретить другую машину. Включаешь фару, левую или правую в зависимости от того, чего хочешь, – и ждешь, когда та машина ответит соответствующей фарой. Потом едешь за ней.

Его голос прерывается.

– Мне было шесть лет, когда она впервые взяла меня туда. В первый раз я только смотрел. Это было где-то в сарае. Ее положили на стол, словно обеденное блюдо. Обнаженную. На ней лежал десяток рук. Все могли делать, что хочется. Ее хватало на всех. Боль. Удовольствие. Ей было безразлично. И каждый раз, открывая глаза, она смотрела прямо на меня. «Не будь эгоистом, – сказала она. – Учись делиться».

Он слегка покачивается, взад и вперед, глядя прямо перед собой, воссоздавая в памяти картины прошлого.

– Частные клубы и бары свингеров были слишком буржуазными для моей матери. Она хотела, чтобы ее оргии были анонимными и неизощренными. Я потерял счет людям, делившим ее тело. Женщины и мужчины. Так я научился делиться. Сначала они брали от меня, потом я брал от них. Боль и удовольствие – наследство моей матери.

Его глаза полны слез. Я не знаю, что сказать. Мой язык стал толстым и колючим. Периферическое зрение начинает отказывать,

потому что в мозг поступает недостаточно кислорода.

Я хочу что-то сказать. Хочу сказать ему, что он не один. Многие люди мучаются теми же снами, вопят в той же пустыне, идут мимо тех же окон и думают, из какого выпрыгнуть. Я знаю, что он потерян. Испорчен. Но все же у него был выбор. Не каждый ребенок, подвергнувшийся насилию, превращается в такое.

– Отпустите меня, Бобби. Я не могу дышать.

Я вижу его квадратный затылок и плохо подстриженные волосы. Он медленно поворачивается, не глядя мне в лицо. Лезвие мелькает над моей головой, и я падаю вперед, все еще сжимая остатки шарфа. Мышцы ног сводит судорога. В рот набивается цементная пыль, смешанная с кровью. У одной стены стоят прислоненные доски, промышленные трубы у другой. В какой стороне находится канал? Мне необходимо выбраться.

Поднявшись на четвереньки, я ползу. Бобби исчез. Металлические стружки врезаются мне в руки. Куски цемента и ржавеющие цилиндры – словно полоса препятствий. Добравшись до выхода, я вижу у канала пожарную машину и мигающие огни полицейского автомобиля. Я пытаюсь кричать, но голос не слушается.

Что-то не так. Я перестал двигаться. Поворачиваюсь и вижу Бобби, наступившего мне на пальто.

– Твоя чертова заносчивость меня потрясает, – говорит он, хватая меня за воротник и поднимая. – Думаешь, я куплюсь на твою доморощенную психологию? Я видел больше врачей, консультантов и психиатров, чем ты – дрянных подарков на день рождения. Я был у фрейдистов, юнгианцев, адлерианцев, рожерианцев – список прилагается, – и я не дал бы ни за одного из них пар от моей мочи в холодный день. – Он снова приближается вплотную и смотрит мне прямо в глаза. – Ты меня не знаешь. Ты думаешь, что сидишь у меня в голове. Черт! Ты даже не рядом! – Он подносит лезвие к моему уху. Мы дышим одним воздухом.

Одно движение руки – и мое горло распахнется, как разрезанная дыня. Это он и собирается сделать. Я чувствую холод металла на шее. Вот и конец.

В этот момент я представляю себе Джулиану, поднявшую голову с подушки, с волосами, смятыми после сна. И Чарли в пижаме, пахнущую шампунем и зубной пастой. Интересно, можно ли сосчитать

веснушки у нее на носу? Неужели не страшно умереть, так и не попытавшись это сделать?

У меня на шее теплое дыхание Бобби – и холодное лезвие. Он высовывает язык, облизывая губы. Он медлит – не знаю почему.

– Полагаю, мы оба друг друга недооценили, – говорю я и незаметно тянусь к карману пальто. – Я знал, что вы меня не отпустите. Ваша месть не терпит благотворительности. Вы слишком много в нее вложили. Это она заставляет вас вставать по утрам. Вот почему я должен был упасть с той стены.

Он медлит, видимо, пытаюсь преодолеть что-то, что его останавливает. Мои пальцы смыкаются вокруг ручки напильника.

– Я болен, Бобби. Иногда мне трудно ходить. С правой рукой все в порядке, но посмотрите, как дрожит левая. – Я поднимаю руку, которая больше не принадлежит мне. Она притягивает его взгляд, словно родимое пятно на лице или уродливый ожог.

И тогда я бью напильником в живот Бобби. Мое оружие утыкается в его тазовую кость, поворачивает и протыкает кишечник. Три года в медицинской школе не проходят даром.

Все еще сжимая воротник моего пальто, Бобби опускается на колени. Я размахиваюсь и бью кулаком изо всех сил, целясь в челюсть. Он поднимает руку, но все же мне удастся достать до его головы, отбросив его назад. Все странно замедлилось. Бобби пытается встать, но я делаю шаг вперед и бью его под подбородок неуклюжим, но эффективным ударом, заставляющим его упасть назад.

Секунду я смотрю на него, скорчившегося на земле. Потом, словно краб, торопливо бегу по двору. Как только я договариваюсь с ногами, они делают свое дело. Это, может, и выглядит некрасиво, но я никогда не был Роджером Баннистером.<sup>[7]</sup>

Полицейские с собакой обследуют набережную. Один видит, как я приближаюсь, и отступает на шаг.

Я продолжаю идти. Им приходится держать меня вдвоем. Но и тогда я хочу продолжать движение.

– Где он? – орет Руиз, хватая меня за плечи. – Где Бобби?

Тетя Грейси делала лучший чай с молоком. Она всегда клала лишнюю щепотку заварки в чайник и подливала молока в мою чашку. Я не знаю, где Руиз раздобыл этот сорт, но чай помогает мне вымыть изо рта вкус крови и бензина.

Сидя на переднем сиденье машины группы захвата, я держу чашку обеими руками, тщетно пытаюсь унять их дрожь.

– Вам надо показаться врачам, – говорит Руиз. Из моей нижней губы все еще идет кровь. Я осторожно касаюсь ее языком.

Руиз сдирает целлофан с пачки сигарет и предлагает мне закурить. Я качаю головой.

– Думал, что вы бросили.

– Это вы виноваты. Мы преследовали эту распроклятую нанятую машину почти пятьдесят миль. И нашли в ней детишек по одиннадцать-четырнадцать лет. Еще мы следили за железнодорожными станциями, аэропортами, автобусными вокзалами... Я поднял всех полицейских Северо-Запада на слезку за вами.

– Подождите, вы еще получите от меня счет.

Он смотрит на свою сигарету со смесью восторга и отвращения.

– Ваше признание было сильным ходом. Гиены из прессы рыскали повсюду, разве что не у меня в заднице: задавали вопросы, беседовали с родственниками, раскапывали мусор. Вы не оставили мне выбора.

– Вы нашли «красный обрез»?

– Ага.

– А как насчет других людей из списка?

– Мы еще разыскиваем их.

Он прислоняется к открытой дверце и задумчиво разглядывает меня. Отблеск солнца со стороны канала освещает Пизанскую башню – булавку на его галстуке. Голубые глаза инспектора прикованы, к машине «скорой помощи», припаркованной в сотне футов у фабричной стены.

Из-за боли в груди и горле я чувствую легкое головокружение. Кутаюсь в серое одеяло. Руиз рассказывает мне, как всю ночь проверял имена, фигурировавшие в деле о защите прав ребенка. Он прогнал их через компьютер и выбрал нераскрытые смерти.

Бобби работал в Хетчмире садовником и уволился за несколько недель до гибели Руперта Эрскина. Он и Кэтрин Макбрайд посещали вместе занятия групповой терапии для членовредителей в клинике Вест Киркби в середине девяностых.

– А Соня Даттон? – спрашиваю я.

– Ничего. Морган не подходит под описание наркоторговца, который продал таблетки.

– Он работал в ее бассейне.

– Я это проверю.

– Как он убедил Кэтрин приехать в Лондон?

– Она приехала на собеседование. Вы написали ей письмо.

– Я этого не делал.

– Его написал Бобби. Он украл канцелярские принадлежности из вашего кабинета.

– Как? Когда?

Руиз видит, что я не верю.

– Вы упомянули о слове «Неваспринг», написанном на рубашке Бобби. Это французская компания, занимающаяся доставкой питьевой воды в офисы. Мы проверяем документацию из вашего медицинского центра...

– Он развозил заказы...

– Проходил мимо охраны с бутылкой на плече.

– Это объясняет, как он пробирался в офис, когда опаздывал на приемы.

На том конце пустыря, возле разрушенного забора, виден Бобби, лежащий на носилках. Санитар держит капельницу у него над головой.

– Он поправится? – спрашиваю я.

– Вы не избавили налогоплательщиков от оплаты судебного разбирательства, если вас это интересует.

– Нет, не это.

– Вам ведь его не жалко?

Я качаю головой. Может быть, однажды – через много лет – я вспомню Бобби и увижу пострадавшего ребенка, который вырос в

дефективного взрослого. Но сейчас, после того, что он сделал с Элизой и остальными, я счастлив, что почти убил подонка.

Руиз следит, как двое детективов забираются на заднее сиденье машины «скорой помощи» и садятся по обе стороны от Бобби.

– Вы мне сказали, что убийца Кэтрин должен быть старше... более умудренным.

– Я так думал.

– И вы сказали, что мотив был сексуальным.

– Я сказал, что ее боль возбуждала его, но мотив был неясен. Одним из мотивов могла быть месть. Знаете, это странно, но, даже когда я уверился, что преступник – Бобби, я все еще не мог представить себе, что он смотрит, как она себя режет. Это слишком изощренная форма садизма. Но с другой стороны, он исследовал все эти жизни – и мою жизнь. Он был словно деталь пейзажа, которую мы не замечаем, сконцентрировавшись на переднем плане.

– Вы заметили его раньше других.

– Я натолкнулся на него в темноте.

«Скорая помощь» отъезжает. Из камышей взлетают птицы. Они кружат на фоне бледного неба. Скелеты деревьев тянутся вверх, словно хотят сорвать птиц с вышины.

Руиз подвозит меня до больницы. Он хочет быть там, когда Бобби привезут из операционной. Мы едем по Сент-Панкрас-вей и поворачиваем к отделению «скорой помощи». Мои ноги почти отказали, когда адреналин ушел из крови. Я пытаюсь выйти из машины. Руиз распорядится достать кресло и везет меня в знакомую приемную общественной больницы с белыми ставнями.

Как всегда, инспектор начинает невпопад, называя дежурную медицинскую сестру «дорогушей» и заявляя ей, что надо «пересмотреть приоритеты». Она вымещает свое раздражение на мне, засовывая пальцы под мои несчастные ребра с ненужным остервенением. Я чувствую, что вот-вот отдам концы.

У молодого врача, которая зашивает мне губу, осветленные волосы, старомодная стрижка и ожерелье из осколков ракушек. Она, видимо, вернулась из какой-то теплой страны, где провела отпуск, так как кожа у нее на носу покраснела и шелушится.

Руиз наверху следит за Бобби. Даже вооруженный охранник у дверей операционной и общий наркоз, под действием которого

находится преступник, не успокаивают инспектора. Может, таким образом он пытается извиниться за то, что не поверил мне раньше. Но я в этом сомневаюсь.

Лежа на кушетке, я пытаюсь держать голову ровно, пока иголка скользит в мою губу и нить стягивает кожу. Ножницы отхватывают конец, и врач отступает на шаг, любуясь рукодельем.

– А мама говорила мне, что я так и не научусь шить.

– Как смотрится?

– Надо было дожидаться пластического хирурга, но я все сделала хорошо. У вас будет маленький шрам вот здесь. – Она показывает на ямочку под нижней губой. – Думаю, он подойдет к вашему уху. – Она выбрасывает резиновые перчатки в корзину. – Надо сделать рентген. Я пошлю вас наверх. Вас отвезти или сможете пройти сами?

– Дойду.

Она показывает мне, где лифт, и велит идти, держась зеленых указателей, к рентгенологу на пятом этаже. Через полчаса Руиз приходит ко мне в приемную. Я жду, чтобы рентгенолог подтвердил то, что я уже знаю, посмотрев на снимки: две трещины в ребрах, но внутреннего кровотечения нет.

– Когда вы сможете дать показания?

– Когда меня перевяжут.

– Я могу подождать до завтра. Давайте я подвезу вас домой.

Горечь заглушает боль. Где мой дом? У меня не было времени обдумать, где я проведу эту ночь... и следующую тоже. Чувствуя мое затруднение, Руиз бормочет:

– Почему бы вам не поехать и не выслушать ее? Вы же должны уметь такие вещи, – и тут же добавляет: – У меня дома все равно совершенно нет места.

Внизу он продолжает отдавать распоряжения до тех пор, пока моя грудь не оказывается перевязана, а желудок не забит обезболивающими и противовоспалительными. Я плыву по коридору за Руизом к его машине.

– Одна вещь меня удивляет, – говорю я, пока мы едем на север к Кэмдену. – Бобби мог бы меня убить. Он приставил нож мне к горлу, но не решился. Словно не мог пересечь какую-то черту.

– Вы сказали, что он не смог убить свою мать.

– Это другое дело. Он боялся ее. Но других он убивал без колебаний.

– Ну, больше ему не придется переживать из-за Бриджет. Она умерла сегодня в восемь утра.

– Вот как. Значит, у него никого не осталось.

– Не совсем. Мы нашли его сводного брата. Я оставил ему сообщение, что Бобби в больнице.

Беспокойство накрывает меня, словно прилив.

– Где вы его нашли?

– Он работает сантехником в северном Лондоне. Дэвид Джон Морган.

Руиз орет в рацию. Он хочет, чтобы к дому послали машину. Я тоже кричу: пытаюсь дозвониться до Джулианы по мобильному, но линия занята. Мы всего в пяти минутах пути, но пробки ужасны. Грузовик выехал на красный свет на перекрестке, заблокировав Кэмден-роуд.

Руиз выезжает на тротуар, и прохожие бросаются врассыпную. Он высовывается из окна: «Придурок! Идиот! Вперед, вперед! Идите же, черт вас дер!»

Это происходит уже давно. Он был в моем доме – в моих стенах! Я вижу, как он стоит в моем подвале и смеется надо мной. Я помню его глаза, когда он смотрел, как полицейские копаются в саду, ленивую наглость и полуулыбку.

Теперь все становится на свои места. Белый фургон преследовал меня в Ливерпуле – это был фургон водопроводчика. Со стен сняли магнитные таблички, и он стал неузнаваемым. Отпечатки пальцев на угнанной машине, сбившей Бойда, были оставлены не Бобби. А торговец наркотиками, который дал Соне отраву, соответствовал описанию Ди Джея, Дэвида – одного человека.

На лодке Бобби постучал по палубе, прежде чем открыть люк. Лодка принадлежала не ему. Мастерская была полна инструментов и саноборудования. Дневники и заметки писал Дэвид. Бобби поджег лодку, чтобы уничтожить доказательства.

Я не могу сидеть здесь и ждать. Дом менее чем в четверти мили. Руиз просит меня подождать, но я уже вышел из машины и бегу по улице, ныряя между прохожими, матерями с детьми, нянями с

колясками. Движение плотное в обе стороны, насколько хватает взгляда. Я снова набираю номер на мобильном. Линия все еще занята.

Их должно было быть двое. Как один мог это сделать? Бобби был слишком узнаваем. Он выделялся из толпы. Ди Джей обладал волей и способностью контролировать людей. Он не сомневался.

Когда дошло до дела, Бобби не смог убить меня. Он не мог пойти на этот шаг, потому что никогда прежде этого не делал. Бобби мог строить планы, но исполнителем был Ди Джей. Он был старше, опытней, безжалостней.

Меня тошнит в мусорную корзину, и я продолжаю бежать: мимо местного винного магазина, пункта приема ставок, пиццерии, дисконтного универмага, ломбарда, пекарни и паба «Лоскут и Бочонок». Они проплывают слишком медленно. Ноги отказывают мне.

Я огибаю последний угол и прямо перед собой вижу дом. Полицейских машин нет. У входа стоит белый фургон, задняя дверь открыта. На полу лежат какие-то мешки...

Я мчусь через калитку и взлетаю по ступенькам. Трубка снята с рычага.

Я пытаюсь позвать Чарли, но выдавливаю из себя лишь стон. Она сидит в гостиной в джинсах и свитере. Ко лбу приклеена желтая бумажка. Как новорожденный щенок, она бросается ко мне, прижимаясь лбом к груди. Я почти теряю сознание от боли.

– Мы играли в игру «Кто я?», – объясняет она. – Ди Джей должен был угадать, что он Гомер Симпсон. А что он выбрал для меня?

Она поднимает лицо. Бумажка смялась и скрутилась, но я узнаю аккуратный, мелкий почерк.

*Ты мертва.*

Мне хватает воздуха, чтобы сказать:

– Где мама?

Поспешность в моем голосе пугает ее. Она отступает на шаг и видит пятна крови у меня на рубашке и блеск пота на лице. Нижняя губа распухла, на шее запеклась кровь.

– Она внизу, в подвале. Ди Джей попросил меня подождать здесь.

– Где он?

– Он сказал, что вернется через минутку, сто лет назад.

Я толкаю ее к двери.

– Беги, Чарли!

– Почему?

– Беги! Сейчас же! Беги же!

Дверь в подвал закрыта, в щели засунуты мокрые бумажные полотенца. В замке нет ключа. Я поворачиваю ручку и медленно открываю дверь.

В воздухе клубится пыль – признак утечки газа. Я не могу одновременно кричать и задерживать дыхание. На середине лестницы я останавливаюсь, чтобы глаза привыкли к темноте. Джулиана лежит на полу возле нового котла. Она лежит на боку, правая рука под головой, левая вытянута, словно указывает на что-то. Темная челка упала на один глаз.

Скорчившись возле нее, я просовываю руку ей под спину и тащу к выходу. Боль в груди невыносима. Перед моими глазами танцуют белые пятна, как злые насекомые. Я еще не вдохнул. Но скоро придется. Я поднимаюсь на ступеньку, втягиваю Джулиану и сажусь после каждого усилия. Одна ступенька, две ступеньки, три ступеньки...

Я слышу, как у меня за спиной кашляет Чарли. Она хватается меня за воротник и пытается помочь, совершая рывок одновременно с моим.

Четыре ступеньки, пять ступенек...

Мы на кухне. Я отпускаю Джулиану, и она падает, ударяясь головой о пол. Извинюсь позже. Перекинув ее через плечо, я реву от боли и иду через холл. Чарли бежит впереди.

Где взрыватель? Таймер, термостат, центральное отопление, холодильник, огни безопасности?

– Беги же, Чарли! Беги!

Когда это стемнело на улице? Полицейские машины освещают ее мигающими огнями. На этот раз я не останавливаюсь. Я выкрикиваю одно слово, снова и снова. Пересекаю дорогу, огибаю машины и добираюсь до дальнего конца улицы, прежде чем колени подгибаются и Джулиана падает на грязную траву. Я опускаюсь рядом с ней.

Глаза Джулианы открыты. Взрыв начинается маленькой вспышкой в ее карих радужках. Через секунду нас накрывают звук и ударная волна. Чарли отбрасывает назад. Я пытаюсь их прикрыть. Нет никаких оранжевых шаров, как обычно бывает в кино, просто облако дыма и пыли. Искры льются с неба, и я чувствую тепло огня, от которого высыхает пот на шее.

Почерневший фургон лежит, перевернутый, посреди улицы. На деревьях повисли куски кровли и ленты труб. Камень и дерево устилают дорогу.

Чарли садится и смотрит на разорение. Записка все еще приклеена к ее лбу, она почернела по краям, но надпись различима. Я притягиваю дочь к груди и крепко обнимаю. Одновременно я снимаю с ее лба бумажку и мну ее в кулаке.

## Эпилог

В ночных кошмарах, вызванных недавними событиями, я все время бегу: спасаюсь от чудовищ, бешеных собак и форвардов-неандертальцев, но теперь они кажутся более реальными. Джек объясняет это побочным эффектом левадофы – моего нового лекарства.

За последние два месяца доза уменьшилась в два раза. Он говорит, что, видимо, я меньше подвергаюсь стрессу. Вот ведь шут! Каждый день он звонит мне и предлагает поиграть в теннис. Я отказываюсь, и он рассказывает мне анекдоты.

– Какая разница между женщиной на девятом месяце беременности и разворотом «Плейбоя»?

– Не знаю.

– Никакой, если ее муж знает, что ему надо.

Это еще самый приличный из них, и я решаюсь рассказать его Джулиане. Она смеется, но не так громко, как я.

Джек предоставил нам свою квартиру, где мы и живем, решая, отстроить ли нам старый дом или купить новый. Так Джек пробует вымолить прощение, но он не прощен. Какое-то время назад он переехал к новой подруге, Келли, которая надеется стать следующей миссис Джек Оуэнс. Ей потребуются гарпун и цепь из огнеупорной стали, чтобы подвести его к алтарю.

Джулиана выкинула все хитрые приспособления Джека и просроченные замороженные продукты из холодильника. Потом пошла и купила новые простыни и полотенца.

Ее утренняя тошнота, слава богу, прошла, и тело с каждым днем становится больше (все, кроме мочевого пузыря). Она убеждена, что у нас будет мальчик, потому что только мужчина может доставлять столько неприятностей. Она всегда смотрит на меня, когда это говорит. Потом смеется, но не так громко, как я.

Я знаю, что она внимательно наблюдает за мной. Мы наблюдаем друг за другом. Возможно, она отыскивает признаки болезни или же не доверяет мне. Вчера мы поссорились – впервые с тех пор, как все

уладили в тот раз. Мы собираемся в Уэльс на неделю. И она жалуется, что я всегда откладываю сборы до последней минуты.

– Я никогда ничего не забываю.

– Не в этом дело.

– А в чем?

– Ты должен делать это раньше. От этого меньше волнений.

– Для кого?

– Для тебя.

– Но, по-моему, волнуюсь не я.

После того как я пять месяцев ходил вокруг нее на задних лапках, благодарный за прощение, я решил вывести ее на чистую воду. И спросил:

– Почему женщины влюбляются в мужчин, а потом пытаются переделать их?

– Потому что мужчины нуждаются в помощи, – ответила она так, как будто это общеизвестная истина.

– Но если я стану тем, кем ты хочешь меня видеть, я уже не буду собой.

Она закатила глаза и ничего не сказала, но с тех пор стала менее колючей. Сегодня утром она подошла, села ко мне на колени, обхватила руками за шею и поцеловала с такой страстью, которая обычно умирает в браке. Чарли сказала: «Ух ты!» и опустила глаза.

– Что случилось?

– Это, ребята, французский поцелуй.

– А что ты знаешь о французских поцелуях?

– Это когда друг друга слюнявят.

Я погладил живот Джулианы и прошептал:

– Я хочу, чтобы наши дети никогда не выросли.

Мы с архитектором договорились встретиться около воронки в земле. Единственная вещь, которая осталась на месте, – это лестница, ведущая теперь в никуда. Сила взрыва вытолкнула бетонный пол кухни через крышу и отбросила котел во двор через две улицы. Ударная волна выбила почти все окна в квартале, а три дома пришлось снести.

Чарли говорит, что видела кого-то в окне второго этажа как раз перед взрывом. Любой находившийся там должен был полностью

испариться, как утверждают эксперты, и это может объяснить тот факт, что они не нашли ни ногтя, ни частицы кожи, ни зуба. Но я снова и снова спрашиваю себя: зачем Ди Джею было оставаться поблизости, после того как он открыл газ и установил на котле таймер? У него была масса времени выбраться, если, конечно, он не планировал «финального акта» в полном смысле слова.

Чарли не понимает, что это он подстроил взрыв дома, собираясь нас убить. Недавно она спросила меня, попал ли он, по моему мнению, на небеса. Мне очень хотелось сказать: «Я надеюсь, что он хотя бы умер».

Его банковские счета остаются нетронутыми уже два месяца; никто его не видел. Нет сведений о том, что он пытался покинуть страну, наняться на работу, снять комнату, купить машину или обналичить чек.

Руиз собрал факты из его прошлого. Ди Джей родился в Блэкуэле. Его мать, швея-мотористка, вышла за Ленни в конце шестидесятых. Она погибла в автокатастрофе, когда Ди Джею было семь лет. Бабушка и дедушка (ее родители) воспитывали его, пока Ленни не женился снова. Потом он попал во власть Бриджет.

Я подозреваю, что он пережил все то же, что и Бобби, хотя каждый ребенок по-своему реагирует на насилие и садизм. Ленни был самым важным человеком для каждого из них, и его смерть осталась в их сердцах.

Ди Джей получил профессиональное образование в Ливерпуле и стал водопроводчиком. Он устроился в местную контору, где люди вспоминают его скорее с опаской, нежели с симпатией. Однажды ночью в баре он ударил женщину по лицу разбитой бутылкой за то, что она не засмеялась его анекдоту.

В конце восьмидесятых он исчез и спустя какое-то время объявился в Таиланде в качестве владельца бара и борделя. Двое подростков, пытавшихся вывезти килограмм героина из Бангкока, сказали полиции, что встретили своего поставщика в баре у Ди Джея; однако он скрылся из страны раньше, чем полицейские успели заинтересоваться его деятельностью.

Он вынырнул в Австралии, на стройках восточного побережья. В Мельбурне сдружился с англиканским священником и стал

управляющим приюта для бездомных. Казалось, что он устроился в жизни. Никаких избиений, пинков под ребра и сломанных носов.

Внешность обманчива. В настоящее время полиция Виктории расследует исчезновения шестерых человек из хостеля, имевшие место за четыре года. Многие чеки этих людей обналичивались вплоть до середины позапрошлого года, когда Ди Джей снова появился в Англии.

Я не знаю, как он разыскал Бобби, но вряд ли это было сложно. Учитывая их разницу в возрасте, когда Ди Джей покинул дом, они были почти незнакомы. И все же у них обнаружили общие стремления.

Мечты Бобби о мести оставались только мечтами, но у Ди Джея хватило опыта и жестокости, чтобы претворить их в реальность. Один был архитектором, второй строителем. Бобби обладал творческим мышлением, у Ди Джея имелись инструменты. В результате мы получили психопатов с далеко идущими замыслами.

Кэтрин, вероятно, была замучена и убита в лодке. Бобби так долго наблюдал за мной, что знал, где именно закопать ее тело. Он также знал, что через десять дней я приеду на кладбище. Один из братьев позвонил в полицию из автомата у ворот. А лопата, оставленная у могилы Грейси, придавала всему мрачный оттенок с катастрофическими последствиями, став важной уликой против меня.

Недели шли, и многочисленные детали вставали на свои места. Бобби узнал о наших проблемах с водопроводом от моей матери. Она известна любовью досаждать людям рассказами о своих детях и внуках. Она даже показала ему альбомы и строительные планы, которые мы представили в городской совет для переделки.

Ди Джей рассовал рекламные листовки по ящикам на нашей улице. Каждое небольшое поручение давало ему дополнительную рекомендацию и убеждало Джулиану нанять его. Как только он оказался в доме, действовать стало легче, хотя он чуть не попался, когда Джулиана однажды застала его в моем кабинете. Тогда-то он и выдумал историю о том, что вспугнул взломщика и гнался за ним. На самом деле он пришел в кабинет, чтобы проверить, на месте ли мои документы.

Бобби предстанет перед судом в конце следующего месяца. Он еще не сделал заявления, но ожидают, что он будет признан

невиновным. Дело, хотя и яркое, основано на косвенных уликах. Ничто явно не указывает на его связь ни с одним из убийств.

Руиз говорит, что после суда все кончится, но он ошибается. Это дело никогда не закроют. Много лет назад люди пытались его прекратить, и посмотрите, что произошло. Если мы не будем обращать внимания на наши ошибки, мы обречены повторять их. Не переставай думать о белом медведе.

События перед Рождеством уже превратились в сюрреалистический кошмар. Мы редко говорим о них, но я знаю по опыту, что однажды они всплывут. Иногда поздно ночью я слышу хлопанье автомобильной дверцы или тяжелые шаги по дорожке, и меня охватывает тревога. Я испытываю печаль, подавленность и тревогу. Я легко прихожу в волнение. Представляю себе, что люди смотрят на меня от дверей и из окон машин. И не могу спокойно видеть белый фургон, не рассмотрев лицо водителя.

Это все обычные реакции на шок и психологическую травму. Может, и хорошо, что я это знаю, но я предпочел бы прекратить себя анализировать.

Конечно, я все еще болен. Теперь я часть эксперимента, проводимого научно-исследовательским центром. Меня впутал в него Фенвик. Раз в месяц я подъезжаю к больнице, прикрепляю карточку к карману рубашки и пролистываю «Сельскую жизнь» в ожидании своей очереди.

Старший лаборант встречает меня бодрым вопросом:

– Как вы сегодня себя чувствуете?

– Ну, раз уж вы спрашиваете, у меня болезнь Паркинсона.

Он устало улыбается, делает мне укол и проводит несколько тестов на координацию с использованием видеокамеры, чтобы измерить силу и частоту моей дрожи.

Я знаю, что мое состояние будет ухудшаться. Но черт побери! Я счастливчик. У многих людей болезнь Паркинсона. Однако далеко не у всех из них есть красавица-жена, любящая дочь и долгожданный ребенок в перспективе.

## **Примечания**

**1**

Пер. Н. Полипова.

**2**

От *англ.* grave's end – конец могилы.

Нарицательное обозначение неисправимого оптимиста, восходящее к одноименной книге (1913) Э. Портер, заглавная героиня которой – девочка-сирота, старающаяся не потерять веселости.

**4**

Опра Уинфри, – известнейшая американская тележурналистка, ведущая ток-шоу.

В оригинале – игра слов: *англ.* «loafers» означает и мягкие кожаные туфли наподобие мокасин, и «бродяги», «попрошайки», «бездельники».

Пер. А. Зверева.

7

Британский легкоатлет, который установил в мае 1954 г. мировой рекорд скорости, пробежав милю менее чем за 4 минуты.